

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Совет молодых ученых ИДВ РАН

Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии

Доклады, представленные
на IV международной
конференции
молодых востоковедов
в Институте Дальнего
Востока РАН
(Москва, 17 – 18 ноября 2016 года)

Москва
ИДВ РАН
2017

УДК 327(5-012)(082)
ББК 66.4(5)я4
А87

*Утверждено к печати
Ученым советом ИДВ РАН*

Редакционная коллегия:

к.э.н. Л.В. Захарова (отв. редактор), к.и.н. К.В. Асмолов,
н.с. А.Ч. Мокрецкий, А.Л. Поленова

А87   Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии : Доклады, представленные на IV международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН (Москва, 17—18 ноября 2016 года) / Совет молодых ученых ИДВ РАН. — М. : ИДВ РАН, 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-8381-0321-5

В сборнике материалов IV международной научной конференции молодых востоковедов, состоявшейся в Институте Дальнего Востока РАН в ноябре 2016 года, представлены доклады по различным аспектам взаимодействия и сотрудничества стран Восточной Азии в рамках современной архитектуры безопасности. Часть статей посвящена актуальным проблемам политического и экономического развития России, Китая, Японии, Южной и Северной Кореи. Отдельное освещение получили некоторые вопросы исторического, культурного и социального наследия дальневосточных соседей России.

Ключевые слова: Восточная Азия, Россия, Китай, Корея, Япония, безопасность, сотрудничество.

Мнение авторов докладов может не совпадать с позицией редакции.

УДК 327(5-012)(082)
ББК 66.4(5)я4

ISBN 978-5-8381-0321-5

© Коллектив авторов, 2017
© ИДВ РАН, 2017

Содержание

ПОЛИТИКА

<i>Киреева А.А.</i> Разворот России на Восток: основные тенденции и проблемы	7
<i>Мокрецкий А. Ч.</i> О китайской самобытной дипломатии крупного государства	17
<i>Грузинов И.И.</i> Внешнеполитическая составляющая концепции «китайской мечты»	25
<i>Волошина А.В.</i> Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях на современном этапе . . .	33
<i>Цвык А.В.</i> Эволюция стратегического партнерства Китая и Германии	41
<i>Нежданов В.Л.</i> Российско-китайское сотрудничество в Арктике: текущая работа и перспектива	46
<i>Милеев Д.А.</i> Роль Японии в выстраивании архитектуры безопасности в Восточной Азии	55
<i>Нелидов В.В.</i> Китайский фактор как движущая сила военной политики Японии в начале XXI века	63
<i>Добринская О.А.</i> Сближение Японии и НАТО: значение для Восточной Азии	72
<i>Малашевская М.Н.</i> Исследование пограничных конфликтов в Евразии по материалам японского журнала Eurasia Border Review	81
<i>Харитонов Д.В.</i> Укрепление российско-японских отношений как основной вектор российской дальневосточной политики	90

<i>Волощак В.И.</i> Освещение проблемы пересмотра 9-й статьи Конституции Японии в средствах массовой информации Республики Корея	98
<i>Дьячков И.В.</i> Внешняя политика КНДР: специфические черты	106

ЭКОНОМИКА

<i>Симонова А.И.</i> Китайский опыт в политике планирования рождаемости: результаты и последствия	114
<i>Заклязьминская Е.О., Чэнь Сяо.</i> Туристическая отрасль КНР на современном этапе	123
<i>Глотова М.П.</i> Развитие экогородов как часть инновационной политики КНР	132
<i>Чубаров И.Г.</i> Реформа прописки в рамках курса «новой урбанизации» в КНР	140
<i>Кулинцев Ю.В.</i> Международные особенности реализации инициативы «Один пояс, один путь» на примере провинции Шэньси	147
<i>Эм П.П.</i> Урбанизация в КНДР: попытка критического анализа	155
<i>Захарова Л.В.</i> Развитие туризма в КНДР: современное состояние и перспективы	163
<i>Синякова А.Ф.</i> Южная Корея: говорим «экология», подразумеваем «экономика»	170
<i>Лешакова Н.П.</i> «Креативная экономика» как новый источник роста экономики Республики Корея	177
<i>Самсонова В.Г.</i> Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество: новые перспективы и противоречия	187
<i>Игнатов А.А.</i> Сотрудничество России и Южной Кореи в энергетике в условиях экономических санкций	198
<i>Платонова В.Д.</i> Стратегии южнокорейских компаний по выходу на российский рынок	207

<i>Матвеева Н.И.</i> Опыт экономического развития и модернизации экономики Республики Корея: пример для России?	213
<i>Полхова Е.В.</i> Институциональные особенности современного торгово-экономического сотрудничества России и Японии	222
<i>Файншмидт Р.И.</i> Перспективы развития и расширения зоны свободной торговли Вьетнам—ЕАЭС до формата АСЕАН—ЕАЭС	228
<i>Щенкова Т.А.</i> Энергетическая безопасность в Северо-Восточной Азии	237

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

<i>Ковлеков К.И.</i> Субкультура «отаку»: японский опыт противостояния культурной экспансии	242
<i>Беспровзванная Я.М.</i> Отражение российско-японских отношений в гравюре укиё-э середины XIX века	250
<i>Ставров И.В.</i> Изучение образа России в Китае (на примере работ Ли Суйяня)	259
<i>Скосырев В.А.</i> Российско-китайские отношения в глазах китайских политических обозревателей и блогеров	264
<i>Семёнов А.А.</i> Политические изменения в КНР и взаимодействие государства с НПО	272
<i>Санин К.А.</i> Великий чайный путь как часть инициативы «Экономического пояса Шёлкового пути»	279

ИСТОРИЯ

<i>Садаков Д.А.</i> Американское лидерство и процесс раскола Кореи (1945—1948 гг.)	286
<i>Лобов Р.Н.</i> Внешнеполитический курс Республики Корея в отношении Японии в 1950-е годы	295

<i>Халиков Н.Ф.</i> Вооруженные силы Республики Корея в зарубежных вооруженных конфликтах и миротворческих миссиях ООН	303
<i>Лю Лицю.</i> Китаист А.В. Рудаков (1871—1949): по страницам автобиографии	310
<i>Яковкин Е.В.</i> Российские эмигранты в полицейских структурах Маньчжу-Ди-Го: 1932—1945 гг.	317
<i>Харитонова А.М.</i> Политика КНР по отношению к странам Индокитая в 1950-е — 1960-е годы	323
Список авторов	331
Abstracts	335

Киреева Анна Андреевна,

к.полит.н., старший преподаватель кафедры востоковедения,

заместитель декана Факультета политологии

МГИМО (У) МИД России

РАЗВОРОТ РОССИИ НА ВОСТОК: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ*

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления, тенденции и вызовы, которые стоят перед политикой России на восточноазиатском направлении. Разворот России на Восток начался в 2000-е гг. и значительно активизировался в связи с кризисом вокруг Украины в 2014 г. и ухудшением отношений с западными странами. Одной из ключевых задач остается сохранение баланса на восточноазиатском направлении: в отношениях с Китаем с одной стороны и другими странами Восточной Азии — с другой. Несмотря на в целом негативную тенденцию снижения торгового оборота и инвестиций, существуют и позитивные изменения, связанные с продвижением новых проектов экономического сотрудничества с Китаем, Японией, Южной Кореей и странами АСЕАН, которые способны стать основой качественно новых отношений в будущем.

Ключевые слова: Россия, Восточная Азия, Китай, Япония, Республика Корея, КНДР, АСЕАН.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России» № 16-03-00602.

Восточная Азия является одним из стратегически приоритетных направлений внешней политики России, что обусловлено смещением центра мирового экономического роста и мировой политики в Азию. Для России регион Восточной Азии представляется особенно важным в контексте диверсификации ее внешней политики и развития регионов Сибири и Дальнего Востока. Не менее значимыми целями также являются активное участие в процессах региональной экономической интеграции и деятельности региональных организаций, а также создание в регионе «всеобъемлющей, открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах»¹. Стратегической целью внешней политики России на протяжении всей ее эволюции является стремление к восстановлению и сохранению статуса великой державы, что во многом связано с восстановлением ее позиций в Восточной Азии как самостоятельного центра силы в регионе². Позиции России в регионе значительно ухудшились в 1990-е гг., но произошло их постепенное восстановление в 2000-е гг. в результате активизации внешней политики в Восточной Азии, с которой связывается начало разворота на Восток³.

В качестве основных направлений восточноазиатской политики России можно назвать стратегическое партнерство с КНР при диверсификации отношений с другими странами региона — прежде всего, Японией, РК, странами АСЕАН, Индией, а также Тайванем и КНДР. Основой отношений с КНР является схожесть взглядов по поводу устройства мирового порядка, оппозиция по отношению к односторонним действиям при уважении суверенитета, стремление к формированию многополярного порядка, потенциал переплетения экономик Сибири и Дальнего Востока и Северо-Востока Китая, энергетическое сотрудничество. Россия стала партнером по диалогу с АСЕАН в 1996 г. и членом всех региональных организаций: Регионального форума АСЕАН (АРФ) в 1994 г., АТЭС в 1998 г., Форума Азия — Европа (АСЕМ) в 2010 г., Восточноазиатского саммита (ВАС) в 2011 г., а в 2012 г. провела саммит АТЭС во Владивостоке, что обозначило ее стремление зарекомендовать себя как неотъемлемого участника региональных процессов. Заинтересованность стран Восточной Азии в России была связана с ее потенциальной ролью в

качестве «балансира» в регионе в условиях изменения баланса сил и усиления стратегического соперничества между США и КНР и «честного посредника» в урегулировании региональных конфликтов (прежде всего, на Корейском полуострове)⁴.

В числе основных экономических достижений следует назвать планомерное увеличение объема товарооборота (более чем в 10 раз по сравнению с 2000 г.) и инвестиционного сотрудничества со всеми странами Восточной Азии, строительство и ввод в эксплуатацию нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО) в 2010 г., участие Японии в энергетических проектах Сахалин-1 и Сахалин-2 и строительстве заводов по переработке СПГ на Дальнем Востоке и др. Единственным проектом, который мог бы выйти на реализацию на трехсторонней основе с участием обоих государств Корейского полуострова, стал проект по реконструкции железнодорожного участка от ст. Хасан (Россия) до порта Раджин (КНДР) и строительство в порту Раджин грузового терминала для организации транзитных перевозок с выходом на Транссибирскую магистраль. Проект был введен в эксплуатацию в 2014 г. (экспорт российских грузов, прежде всего, угля через порт Раджин в Южную Корею и КНР)⁵, но в 2016 г. Республика Корея приостановила свое участие в нем в связи с обострением ситуации на Корейском полуострове. Значимым событием стало введение безвизового режима между Россией и Республикой Корея в 2014 г.

В то же время, следует отметить, что позиции России в расстановке сил в Восточной Азии значительно слабее, чем у других ключевых игроков. Россия не представлена в процессах экономической интеграции, практически не участвует в цепочках добавленной стоимости, ее доля в товарообороте стран региона составляет 0—3 %⁶.

Активизация поворота России на Восток произошла после событий вокруг Украины и воссоединения Крыма с Россией как результат осложнения отношений с Западом и введения антироссийских санкций в 2014 г. В российской элите начались дискуссии по поводу того, может ли участие в экономическом сотрудничестве и интеграционных проектах в Евразии, Центральной и Восточной Азии потенциально заменить европейское и американское («западное») направление российской внешней политики⁷. Крайне важным

для России также являются перспективы участия азиатских инвесторов в новых инструментах по развитию Дальнего Востока — территориях опережающего развития (ТОР) и свободном порту Владивосток, законы о создании которых вступили в силу в 2015 г.

Реакция стран Восточной Азии по поводу кризиса вокруг Украины значительно различалась: часть стран-союзников США ввели разного рода санкции против России в связи с ситуацией вокруг Крыма (Япония, Австралия и Новая Зеландия). Другие государства не стали вводить санкции, но стали заметно затруднены новые проекты и сделки (например, с РК). Китай и Индия, связанные с Россией отношениями стратегического партнерства, заняли нейтральную позицию и осудили санкции. Позиция Китая, который не поддерживает ни одну из сторон в конфликте между США и Россией и избегает конфронтации, может быть охарактеризована как позиция «стратегической неопределенности», при которой он может извлекать выгоды из сотрудничества с обеими сторонами. Для России четко обозначились новые вызовы в Восточной Азии как результат ухудшения отношений с США и политики США на «ребалансировку в Азию» (в особенности при участии в региональных организациях).

Активизация разворота России на Восток, таким образом, произошла в условиях ухудшений ситуации в сфере безопасности в Восточной Азии, напряженных отношениях с Западом и кризисных тенденций в российской экономике, во многом связанных со снижением цен на энергетические ресурсы (основная статья экспорта России в страны Восточной Азии). Товарооборот России со странами Восточной Азии в 2014 г. остался примерно на уровне 2013 г., но в 2015 г. произошло резкое снижение товарооборота примерно на 30 % и падение инвестиций (например, на 20 % со стороны КНР), что отражает общий тренд во внешней торговле. Основные параметры снижения торговых отношений следующие: Россия—КНР: 2014 г. — 88 млрд долл., 2015 г. — 63,5 млрд долл.; Россия—Япония: 2014 г. — 30,7 млрд долл., 2015 г. — 21,3 млрд долл.; Россия—Республика Корея: 2014 г. — 27,3 млрд долл., 2015 г. — 18 млрд долл.; Россия—АСЕАН: 2014 г. — 21,5 млрд долл., 2015 г. — 13,7 млрд долл.; Россия—КНДР: 2014 г. — 92,8 млн долл., 2015 г. — 84 млн долл.; Россия—Тайвань: 2014 г. — 5,5 млрд долл., 2015 г. — 3,9 млрд долл.;

Россия—Индия: 2014 г. — 9,5 млрд долл., 2015 г. — 7,8 млрд долл. В январе—октябре 2016 г. произошло или сохранение товарооборота на уровне 2015 г. с рядом азиатских партнеров (КНР, Тайвань) или дальнейшее снижение объемов торговли (Япония — на 27 %, РК — 17 %, Индия — 5 %)⁸.

Отношения с Китаем стали ключевым направлением поворота России на Восток, т. к. сотрудничество именно с этой страной воспринимается как основная возможность смягчения удара для российской экономики в результате введения антироссийских санкций и сокращения товарооборота и инвестиций с западными странами. В 2014 г. было заключено второе крупнейшее энергетическое соглашение с этой страной по поводу строительства газопровода «Сила Сибири» (сделка в 400 млрд долл. на 30 лет, мощность до 38 млрд куб. м в год). Помимо этого, ведутся переговоры по поводу газопровода «Сила Сибири-2» («Алтай») (мощностью до 30 млрд куб. м в год), хотя их перспективы пока не определены. Был объявлен ряд совместных проектов, например, по сотрудничеству в сфере гражданской авиации (строительство широкофюзеляжного пассажирского самолета), в инновационной сфере. Была достигнута договоренность по поводу перехода на взаимные расчеты в национальных валютах и подписано своп-соглашение. В мае 2015 г. было подписано совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. В качестве пилотного проекта рассматривается строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали (ВСМ) Москва-Казань с участием КНР, под который в 2016 г. был получен китайский кредит в 400 млрд руб. В 2015 г. Фонд Шелкового пути приобрел 9,9 % акций «Ямал—СПГ», а также выдал предприятию кредит на 700 млн евро. Помимо этого, произошла активизация стагнировавшего в 2000-е гг. военно-технического сотрудничества: в 2016 г. было подписано два значимых контракта на поставку новейших образцов российской военной техники: 24 самолетов СУ-35 и двух комплектов зенитной ракетной системы С-400 «Триумф». В апреле 2016 г. было объявлено о создании Российско-китайского фонда агропромышленного развития на Дальнем Востоке.

Важной целью в повороте на Восток является сбалансировать отношения с Китаем отношениями с другими странами Восточной Азии, и в этой связи особую значимость представляет взаимодействие с Японией, Республикой Корея и странами АСЕАН.

В 2016 г. произошли позитивные изменения в отношениях России и Японии. В мае 2016 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ во время визита в г. Сочи провозгласил «новый подход» к территориальной проблеме, «свободный от идей прошлого», и предложил план экономического сотрудничества между странами из восьми пунктов. Он предполагает развитие отношений в сфере высоких технологий, городской инфраструктуры, здравоохранения, промышленности, энергетики на уровне малого и среднего бизнеса, гуманитарных обменов. В сентябре 2016 г. во время визита на второй Восточный экономический форум во Владивостоке С.Абэ предложил совместно развивать Дальний Восток и Владивосток и посещать ВЭФ ежегодно, что призвано придать стимул экономическому сотрудничеству двух стран. Было заключено соглашение между Агентством Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта и Японским банком международного сотрудничества (JBIC) о создании российско-японской платформы для продвижения ТОР и привлечения японских инвесторов в ТОР. Во время визита президента РФ В.В. Путина в Японию в декабре 2016 г. были достигнуты важные договоренности по поводу ведения совместной хозяйственной деятельности на Курильских островах, облегчения визового режима и подписаны 64 соглашения об экономическом сотрудничестве стоимостью 2,54 млрд долл. Также Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) и Японским банком международного сотрудничества (JBIC) было объявлено о создании российско-японского инвестиционного фонда (с капиталом 1 млрд долл.). Хотя прорывных соглашений по территориальной проблеме достигнуто не было, по всей видимости, японская сторона стала отходить от принципа увязки территориальной проблемы и экономического сотрудничества. Новые направления сотрудничества касаются не только энергетики, но и более значимых сфер — инновационного сотрудничества, городской инфраструктуры, здравоохранения, агропромышленности, фармацевтики и т. д. Реализация проектов по

экономическому сотрудничеству способна придать новый импульс отношениям двух стран и сбалансировать восточноазиатское направление внешней политики России⁹.

Несмотря на тенденцию по сокращению экономического сотрудничества с Республикой Корея, в 2016 г. были достигнуты некоторые позитивные результаты. Во время посещения ВЭФ в сентябре 2016 г. президент РК Пак Кын Хе и В.В. Путин подписали 24 меморандума о взаимопонимании в сфере торговли и инвестиций, которые являются базой для проектов на Дальнем Востоке суммой 395 млн долл. Стороны обозначили перспективы создания ЗСТ ЕАЭС—РК¹⁰. Рассматриваются южнокорейские инвестиции в ТОРы на Дальнем Востоке и обсуждаются совместные проекты, например, проект по строительству нового завода Hyundai Engineering and Construction в Находке по производству удобрений.

Отношения России со странами АСЕАН также показывают и некоторые позитивные изменения, несмотря на общую тенденцию сокращения товарооборота. В мае 2015 г. было заключено соглашение о зоне свободной торговли ЕАЭС—Вьетнам, которое является первым подобным соглашением для России и стран Восточной Азии и рассматривается как пилотный проект для заключения подобных соглашений, в перспективе ЗСТ ЕАЭС—АСЕАН. В мае 2016 г. прошел третий саммит Россия—АСЕАН в Сочи, на котором был принят комплексный план действий по развитию сотрудничества на 2016—2020 годы, а также дорожная карта с 57 проектами «по реализации совместных технологических и инновационных альянсов»¹¹. Началась проработка заключения ЗСТ с Сингапуром, Камбоджой, Таиландом, Индонезией, а также было объявлено о реализации новых проектов, например, о строительстве нефтеперерабатывающего завода в Индонезии, инвестициях Таиланда в агропромышленность в РФ, Сингапура и Брунея — в инновационную сферу, о проработке проектов в ТОРах на Дальнем Востоке и т. д.

В региональном разрезе также следует отметить несколько важных событий. Во-первых, вступление России в Азиатский банк инфраструктурных инвестиций в июне 2015 г. как одной из стран-основательниц. Во-вторых, в декабре 2015 г. в послании Федеральному собранию РФ В.В. Путин предложил новый формат экономической

интеграции в формате ЕАЭС—ШОС—АСЕАН, предполагающий защиту инвестиций, гармонизацию законодательства и новые формы экономического сотрудничества. В-третьих, диалог Шангри-Ла в 2016 г. продемонстрировал заинтересованность стран региона в российском опыте борьбы с терроризмом и исламским экстремизмом.

В то же время, поворот России на Восток после 2014 г. сталкивается с рядом существенных вызовов. Некоторые эксперты заявляют о том, что в реальности никакого поворота на Восток не происходит, а другие связывают его исключительно с поворотом к Китаю. Сохраняется ориентированность бизнеса на взаимодействие с Западом, и в повороте на Восток участвуют лишь отдельные российские компании¹². Можно отметить изначально завышенные ожидания и последующее разочарование российского бизнеса, который выяснил, что заключение контрактов даже с китайскими партнерами является не столь многообещающим, и они будут преследовать исключительно свои интересы, а также столкнулся со значительными трудностями в привлечении финансовых средств и получении кредитования у азиатских банков в условиях ухудшения экономической ситуации. Помимо этого, плохое состояние инфраструктуры в России, в особенности на Дальнем Востоке, является значительным препятствием для привлечения ПИИ¹³. Одним из самых значительных вызовов является сохранение баланса в восточноазиатской политике России в отношениях с Китаем с одной стороны и другими странами региона с другой, что порождает риск асимметричных отношений и сведения поворота на Восток к повороту исключительно к Китаю. Конфронтация с западными странами значительно ослабила российские позиции в отношениях с Китаем, и в то же время предопределила необходимость заключения с ним крупных экономических и энергетических соглашений¹⁴.

Помимо этого, следует упомянуть сохраняющуюся проблему несбалансированной структуры товарооборота, при которой происходит обмен сырья на готовую продукцию с высокой добавленной стоимостью, и, хотя позитивные тенденции по развитию сотрудничества в других сферах, помимо энергетики, были намечены, говорить о ее преодолении пока преждевременно. До сих пор остаются неясными формы сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, а также сохраняется

ощущение непроработанности дальнейшей интеграционной повестки: будет ли Россия идти по пути заключения ЗСТ ЕАЭС—КНР, ЕАЭС—РК, экономического соглашения Россия—КНР, ЗСТ ЕАЭС—АСЕАН или ЗСТ ЕАЭС с отдельными членами данной группировки или экономической интеграции в формате ЕАЭС—ШОС—АСЕАН?

В заключение следует отметить, что преодоление выше обозначенных вызовов способно придать значительный импульс модернизации России и развитию Сибири и Дальнего Востока. С большой долей вероятности, по мере восстановления российской экономики спад в экономических отношениях будет преодолен, а новые формы сотрудничества смогут придать динамику расширению взаимодействия России со странами Восточной Азии на качественно иной основе.

Примечания

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 10.12.2016).

² *Rangsimaporn P.* Russia as an Aspiring Great Power in East Asia: Perceptions and Policies from Yeltsin to Putin. — Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. P. 156.

³ Подробнее см.: *Киреева А.А.* Отношения России со странами Восточной Азии: новые вызовы и возможности // Вестник МГИМО. 2014. № 3(36). С. 9—19.

⁴ *Rangsimaporn P.* Op. cit. P. 109.

⁵ *Захарова Л.В.* Экономические отношения России и КНДР в XXI в. // Азия и Африка сегодня. 2015. № 5. С. 19.

⁶ «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под общ. ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 314.

⁷ *Koldunova E.* Russia as a Euro-Pacific power: Dilemmas of Russian foreign policy decision-making // International Organizations. 2015. Vol. 29(3). P. 384.

⁸ Федеральная таможенная служба. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_%20content&view=article&id=13858&Itemid=2095 (дата обращения: 10.12.2016).

⁹ *Стрельцов Д.В.* По восходящей. Итоги саммита В. Путина и С. Абэ // РСМД. 19.12.2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8504#top-content (дата обращения 19.12.2016).

¹⁰ Восточный экономический форум. URL: <https://forumvostok.ru/> (дата обращения: 20.11.2016).

¹¹ Россия и АСЕАН: главные тезисы двухдневного диалога // ТАСС. URL: <http://tass.ru/sammit-rossiya-asean> (дата обращения: 20.11.2016).

¹² *Koldunova E.* Op. cit. P. 387—390.

¹³ *Габуев А.* Поворот в никуда: итоги азиатской политики России в 2015 году // Московский центр Карнеги. 29.12.2015. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=62369> (дата обращения: 22.11.2015).

¹⁴ *Воскресенский А.Д.* Российско-китайские отношения в контексте азиатского вектора российской дипломатии (1990—2015) // Сравнительная политика. 2015. № 1 (18). С. 52.

*Мокрецкий Александр Чеславович,
научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН*

О КИТАЙСКОЙ САМОБЫТНОЙ ДИПЛОМАТИИ КРУПНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Дипломатия является важным инструментом проведения комплексной политики и стратегии любого государства на мировой арене. Китайская дипломатия не является исключением. На протяжении шестидесяти семи лет существования государства китайская дипломатия идет своим самобытным путем, творчески используя успешно апробированные методы иностранных государств, собственные идеи и культурные традиции.

Ключевые слова: Китай, самобытная дипломатия крупного государства, новый политико-экономический порядок.

Дипломатия является важным инструментом проведения комплексной политики и стратегии любого государства на мировой арене. Китайская дипломатия не является исключением. Она представляет собой сочетание идей марксизма с китайскими традициями, основывается на научных выводах о внутренней и внешней обстановке. Китайская дипломатия служит возрождению нации и строительству нового политико-экономического миропорядка¹. Для осуществления первой цели она придерживается принципа независимости и самостоятельности, добивается создания благоприятной международной среды для развития страны. В качестве второй цели, руководствуясь пятью принципами мирного сосуществования, со-

действуя перестройке международной системы в суверенном, демократичном, правовом и справедливом направлении, строит цивилизованный и гармоничный новый политико-экономический международный порядок.

Таким образом, в рамках данного исследования остановимся на двух важных аспектах, упомянутых выше: возрождению нации через активное создание благоприятной внешней среды и строительство нового политико-экономического мирового порядка как ценностный ориентир китайской дипломатии.

Переход от «периферии» к «центру»: от «пассивного присутствия» к «активному участию»

Современный мир претерпевает глубокие исторические изменения. В этих новых условиях Пекин не желает оставаться в стороне, напротив, намерен использовать шансы от основных трендов глобального развития. Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркивает, что «Китай обязан иметь собственную самобытную дипломатию крупного государства»² с очевидными китайскими особенностями, стилем и размахом.

Суть китайской самобытной дипломатии заключается в иероглифах «самобытность» («тэсэ»), т. е. идти путем могущественного государства, отличного от традиционных крупных стран. Министр иностранных дел КНР Ван И выделяет четыре особенности этой самобытности:

1. Решительно придерживаться руководства КПК и китайского самобытного социализма.

2. Отстаивать независимый и самостоятельный мирный дипломатический курс, пять принципов мирного сосуществования и традиции невмешательства во внутренние дела других государств.

3. Придерживаться правды, отстаивать справедливость и нести равноправие.

4. Выполнять важную обязанность служения внутреннему развитию, реформам и открытости³.

В последние годы отчетливо наблюдается переход китайской дипломатии от «пассивного присутствия» к более активным действиям как на региональном, так и на глобальном уровнях.

Китайские комментаторы из газеты «Хуаньцю шибао» отмечают, что меняется положение КНР в системе координат мира. Оглядываясь на 38-летний исторический процесс, смена координат Китая на мировой арене неразрывно связана с проведением политики реформ и открытости. Произошла перемена: если раньше Китай «вступал» («*цзинь*») в мир, то сейчас «приближается» («*цзинь*») к его центру. За изменением одного иероглифа стоит не только смещение географических координат, но и отражение китайской мощи, роли, ответственности и глубоких перемен общественного мнения. Здесь же авторы статьи «От “вхождения” к “приближению”»: новые координаты Китая на мировой арене» приводят сравнительные статистические данные по некоторым важным экономическим показателям за 1978 г. (с момента проведения политики реформ и открытости) и 2015 г.⁴

Изменения основных экономических параметров КНР с начала проведения политики реформ и открытости (в юанях и долларах)

	1978 г.	2015 г.
ВВП	364,5 млрд ю	67,7 трлн ю
Рейтинг в мире	10	2
Среднедушевой ВВП	190 долл.	Около 7880 долл.
Рейтинг в мире	Нижние строчки	Средние и высшие строчки (вполне благоприятный)
Общий объем экспорта и импорта товаров	20,6 млрд долл.	3958,644 млрд долл.
Рейтинг в мире	29	1
Вклад в рост мировой экономики	Около 2,3 %	Свыше 25 %
Рейтинг в мире	4	1
Золотовалютные резервы	167 млн долл.	3,33 трлн долл.
Рейтинг в мире	38	1

Пять принципов мирного сосуществования (взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование) стали краеугольным камнем в китайской дипломатии XX в. В XXI столетии появляется их новая формулировка. Сами принципы не изменились. Версия 2.0 рассматривается под углом распространения международных норм незападными странами в процессе их непрерывного принятия и расширения, то есть активное участие в нормотворчестве западных государств. Таким образом, открывается «окно» для наблюдения за действиями западных стран.

Подчеркивается, что предложенные КНР пять принципов мирного сосуществования не навязываются другим государствам с помощью силы, они не воспитывают людей под так называемыми доминирующими «цивилизационными» стандартами. Напротив, в процессе равноправных отношений, особенно с периферийными государствами, столкнувшимися с общими проблемами и имеющими совместную историю, предлагается различными каналами — установлением дипломатических отношений, проведением мировых форумов, через международные организации и оказание внешней помощи, постепенно вступая во все большее количество международных договоров и принимая участие в международных конференциях, осуществлять распространение китайских принципов внешней политики, перенося их со стран с совпадающей идеологией на государства с различной идеологией⁵.

Миропорядок как ценностный ориентир китайской дипломатии

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), «Один пояс, один путь», международные отношения нового типа и другие современные инициативы Пекина становятся воплощением концепции Китая о международном порядке («гоци чжисюй гуань») в XXI в. Данную концепцию можно охарактеризовать двумя словами — последовательная метаморфоза. При этом последовательность

отражается в терминологии и принципах (как правда — неправда, справедливость — несправедливость), а метаморфоза — на причинно-следственном уровне. Вместе с тем, очевидную направленность имеет экономический порядок и его приоритет над политическим. Это происходит потому, что долгое время экономический фактор влиял на и в какой-то степени определял отношение Китая к внешнему миру.

По мнению сотрудника Института мировой экономики Шанхайской академии общественных наук Сунь Ижэня, стратегия «поиска силы влияния» («сюньцзю инсянли») играет более важную роль в современном миропорядке, чем «защита независимости (или автономности)» («вэйху цзычжусин») в прошлом. Здесь мы можем наблюдать перемену, имеющую глубокое значение. Причина, как полагает китайская сторона, заключается в том, что социально-экономическое развитие Китая вступило в ключевой период необходимых трансформаций, а также в значительных изъянах международного экономического порядка и его структуры управления. Хотя прошлую стратегию «защиты независимости» нельзя назвать неудачной, наступило новое время, и, следовательно, изменились условия, в результате чего эффективность стратегии начала все больше ограничиваться. В действительности, те узкие места в развитии, с которыми сталкивается современный Китай, имеют внешний источник. Другими словами, очевидна зависимость экономики КНР от слабостей внешнего мира. Два последних фактора — зависимость от слабости мира и узкие места в развитии — наглядно объясняют, почему Пекину следует искать еще больше международной силы влияния: Китай сможет найти пространство для устойчивого развития на следующем этапе, только если сможет сформировать отношения «диффузной взаимности» («косаньсин хухуэй» или diffuse reciprocity — термин Роберта О. Кеохейна — не требующий строго равнозначного обмена ценностями и др. между акторами) с другими развивающимися государствами⁶.

Кроме того, инициатива «Пояс и путь» воспринимается руководством в Пекине как международный общественный продукт («гоцзи гунгун чаньпин») или, используя другой перевод, общественное бла-

го, как «китайский проект» и «китайская мудрость», которые могут внести значительный вклад в дело мира и развития.

Профессор Народного университета КНР, главный научный сотрудник Финансового института Чунъян Ван Ивэй объясняет китайскую мега-инициативу «Один пояс, один путь» за одну минуту. По его мнению, термин «взаимодополняемость» (*«хулянь хутун»* или *mutual connectivity*) четко объясняет китайскую идею⁷. Первая часть термина «взаимный» означает отказ или замену вертикальных связей горизонтальными. На примере африканского континента Ван Ивэй утверждает, что подобные горизонтальные отношения исправляют проблемы колониальной системы. Говоря о связанности, он отмечает, что инфраструктурное строительство (*пять составляющих*: порты, районы, железнодорожные магистрали, дороги и торговля) становится двигателем внутреннего развития, образует пояс экономического развития, осуществляет индустриализацию и аграрную модернизацию, поднимает уровень жизни и процветания населения.

В ответ на нападки скептиков-антиглобалистов, профессор Ван Ивэй считает, что мега-инициатива «Пояса и пути» «спасает» глобализацию. Прибегая к пяти составляющим взаимосвязанности — политическому курсу, инфраструктуре, торговле, капиталам и народной дипломатии, вспоминая три планирования — планирование внутриконтинентальных и приморских районов, планирование внутренней и внешней политики и перебалансировку политико-экономического развития, можно прийти к общему наибольшему делителю развития. Одним словом, «Пояс и путь» поможет сформировать открытую, инклюзивную, сбалансированную и «повсеместно милостивую» региональную структуру экономического развития, а также стать глобализации более инклюзивной и продемонстрировать мировую ответственность Китая⁸.

* * *

Китайская самобытная дипломатия крупного государства становится важным инструментом в руках политического истеблишмента, ее называют «почетной миссией, возложенной историей на современное поколение»⁹.

На протяжении шестидесяти семи лет существования государства китайская дипломатия идет своим самобытным путем, творчески используя успешно апробированные методы иностранных государств, собственные идеи и культурные традиции. Если раньше, как замечает ведущий китайский эксперт в области международных отношений Ян Цзэмянь, Китай использовал мирную обстановку для собственного развития, то сейчас он больше осуществляет активное создание внутренней и внешней среды мирного развития¹⁰.

В общем, не нужно закрывать глаза на инициативы и процессы, исходящие из Пекина, потому что амбиции Китая будут постепенно возрастать и проецироваться на весь мир. Если относиться к КНР как к противнику, будет выше вероятность того, что она таким и станет. В заключение хотелось бы отметить многогранность и сложность изучаемой проблемы. Схематически описаны некоторые поверхностные грани данного монолита (континента, космоса); безусловно, научное исследование и анализ в этом направлении требует тщательного и кропотливого продолжения.

Примечания

¹ Су Чанхэ. Цун вайцзяо кань Чжунго даолу : [Китайский путь под углом дипломатии] // Чжунго вайцзяо. 2015. № 1. С. 7.

² Агентство Синьхуа. 29.11.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-11/29/c_1113457723.htm (дата обращения: 04.12.2016).

³ Ван И. Пандянь 2014: Чжунго вайцзяо фэншоу чжинянь : [Итоги 2014: урожайный год китайской дипломатии] // Чжунго вайцзяо. 2015. № 4. С. 3—7.

⁴ Цун «цзинь» дао «цзинь»: Чжунго цзай шицзе утайдэ синь цзобяо : [От «вхождения» к «приближению»: новые координаты Китая на мировой арене] // Хуанью шибао, 06.10.2016. URL: <http://world.huanqiu.com/article/2016-10/9516145.html> (дата обращения: 04.12.2016).

⁵ Юань Чжэньцин, Сун Сяоцин. Лицзе хэпин гунчу усян юаньцзэдэ чуаньбо — гоцзи гуйфань косаньдэ шицзяо : [Понимать распространение пяти принципов мирного сосуществования — под углом распространения международных норм] // Чжунго вайцзяо. № 4. 2016. С. 3—11.

⁶ Сунь Ижань. Ятоухан, «И дай и лу» юй Чжунгодэ гоцзи чжисюй гуань : [АБИИ, «Один пояс, один путь» и китайская концепция о международном порядке] // Чжунго вайцзяо. № 4. 2016. С. 12—30.

⁷ Ван Ивэй: и фэнь чжун жухэ цзянцин «идай и лу» : [Ван Ивэй: как за 1 минуту объяснить «Один пояс, один путь»] // Хуаньцю шибао. 24.10.2016. URL: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2016-10/9589245.html> (дата обращения: 04.12.2016).

⁸ Там же.

⁹ Ван И. Пандянь 2014: Чжунго вайцзяо фэншоу чжинянь. С. 7.

¹⁰ Ян Цзэмянь. Бу дуань пусе Чжунго тэсэ даго вайцзяо синь пяньчжан : [Непрерывно заполнять новые главы китайской самобытной дипломатии крупного государства] // Жэньминь жибао. 14.04.2016.

*Грузинов Иван Ильич,
аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПЦИИ «КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ»

Аннотация. Сейчас Китайская Народная Республика (КНР) управляется при помощи социально-политического курса под названием «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации». Вопрос характера внешней политики КНР при пятом поколении руководителей остается дискуссионным: с одной стороны, очевидно проведение так называемой политики «мягкой силы», с другой — заметны тенденции и к проявлению «жесткой силы». С 2012 г. КНР в сравнении с предыдущими периодами расходует куда больше ресурсов на утверждение собственной позиции в мире. Следствием этого стало то, что Китай начинает заявлять о себе как о региональном гегемоне.

В докладе предпринята попытка осветить основные направления внешней политики, реализуемой пятым поколением руководителей КНР под лозунгом «китайская мечта».

Ключевые слова: КНР, «китайская мечта», внешняя политика, мягкая сила, жесткая сила, один пояс и один путь

Официальный социально-политический курс, которым сейчас следует Китайская Народная Республика (КНР), называется «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации», или, в более краткой и распространенной формулировке, «китайская мечта». Впервые этот термин был озвучен в конце 2012 г. Си Цзиньпином,

лидером т.н. пятого поколения руководителей, и уже в ноябре 2013 г. был дан старт процессу проведения реформ в Китае, связанных с новой концепцией.

Вопрос характера внешней политики КНР при пятом поколении руководителей остается дискуссионным: с одной стороны, очевидно проведение т.н. политики «мягкой силы», с другой — заметны тенденции и к проявлению «жесткой силы». В определенной мере неясна и степень возможного проникновения и влияния концепции на отношения с другими государствами: еще недавно китайские политики утверждали, что «“китайская мечта” и (лучшие) мечтания всех народов мира взаимно соприкасаются для взаимного выигрыша и сотрудничества, а также для общемирового развития»¹. Из заявлений такого рода выводилось положение о том, что «китайская мечта» должна послужить делу развития не просто других стран и народов, но всего человечества, и нужна всем людям. Однако сейчас подобная полемика снята с повестки дня, и, по всей видимости, на главную роль во внешнеполитическом аспекте выдвинута не собственно «китайская мечта», а отдельные её компоненты или связанные проекты.

Вне зависимости от будущего «китайской мечты» как управленческого принципа, на этапе формирования внешнеполитического компонента концепции утверждались следующие принципы: «китайская мечта» имеет направленность на «мирное возвышение», «мирное развитие», оборонительную внешнюю политику, отказ от участия в гонке вооружений. К этому можно добавить, что осуществление «китайской мечты», согласно официальным заявлениям, должно принести счастье не только китайцам, но и народам всех стран². Для реализации внешнеполитического аспекта «китайской мечты» предполагается «развивать <...> в международных отношениях дух равноправия, взаимодоверия, всеобъемлемости и взаимозаимствования, сотрудничества и совместного выигрыша»³. Тезисы строения внешней политики КНР, помимо недостаточно подробного упоминания в речи на 1-й сессии ВСНП в марте 2013 г., были объяснены в другом выступлении Си Цзиньпина: по его словам, пережитые китайским народом иностранная агрессия и внутренние конфликты показали важность мирной обстановки для развития государства⁴.

КНР в последние годы расходует больше ресурсов на утверждение собственной позиции в мире. Здесь уместно указать не только на достаточно очевидные тенденции вроде сильно активизировавшегося распространения продукции китайских предприятий и примеры инвестирования средств китайских предпринимателей в западные компании. Также продолжается работа по созданию во всем мире институтов Конфуция, которые занимаются популяризацией китайского языка и культуры, проводятся различные конференции. Стоит отметить и проведение специфических «массовых движений», когда дипломаты и проправительственные ученые выступают с различными заявлениями и сообщениями в западных СМИ, разъясняя правительственный курс. Одно из наиболее заметных таких мероприятий имело место в январе 2014 г., когда более сорока известных дипломатических служащих подали жалобы в СМИ по всему миру в связи с посещением премьер-министром Японии Синдзо Абэ храма Ясукуни. Контекст ситуации говорит о том, что в рамках этой кампании в определенной степени были задействованы националистические настроения. Однако, согласно официальным заявлениям руководителей КНР, концепция «китайской мечты» лишена всякого националистического подтекста, отрицает всякую ксенофобию⁵. Впрочем, эти позиции тоже могут показаться спорными: идея о возрождении нации достаточно четко указывает на то, что национальность (в более широком смысле, нежели этническая принадлежность) для «китайской мечты» стоит далеко не на последнем месте. Относительно новым веянием в китайских международных отношениях вообще и в концепции «мягкой силы» в частности стала популяризация (или, вернее, изменение роли и места) Пэн Лиюань, супруги главы КНР и КПК. Она неоднократно проявляла активность в китайской внешней политике, что может быть проиллюстрировано фокусированием внимания американских СМИ не только на встречах Си Цзиньпина и Барака Обамы, но и на контактах их жен.

Несмотря на активное применение «мягкой силы», сложно не заметить, что после вступления Си Цзиньпина в должность сильно увеличилась роль НОАК. Согласно последним реформам и заявлениям, КНР явно нацелена на создание боеспособной армии. В начале 2015 г. Си Цзиньпин встречался с представителями различных

родов войск на конференции, посвященной вопросам внешней политики, где уделил внимание вопросам «новой позиции военной дипломатии в системе государственной дипломатии и поступательно-му укреплению общих положений стратегии безопасности»⁶. При этом в начале 2013 г. Си Цзиньпин говорил, что КНР будет «решительно идти по пути мирного развития, но категорически не станет отказываться от наших законных прав и интересов и не будет жертвовать коренными интересами государства <...> ни у кого не может быть ни малейшей надежды на то, что мы вкусим горькие плоды ущемления суверенитета, безопасности и интересов развития государства»⁷. Указанные тенденции, во-первых, являются индикаторами неудовлетворенности Китаем своей нынешней ролью в системе международных отношений, и, во-вторых, могут быть сигналом о готовности Поднебесной «защищать свои коренные интересы» — или при помощи «жесткой силы» устанавливать контроль над спорными территориями⁸.

Такая направленность на «защиту коренных интересов страны» была явно продемонстрирована в ряде инцидентов в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях на фоне неутрачиваемых конфликтов из-за островов Дяоюйдао (Сэнкаку), Спратли и прочих.

После прихода к власти Си Цзиньпина внешняя политика Пекина претерпела значительные изменения: она стала более напористой. Тогда же Китай начал печатать новые карты своей территории, где острова Южно-Китайского моря были четко маркированы как территория КНР. Несколько миллионов квадратных километров акватории, которые большинством стран региона признавались нейтральными, Китай обозначил как неотъемлемую часть своей территории. Это означало не только суверенитет Китая над нефтяным шельфом Южно-Китайского моря, но и контроль над всеми коммуникациями между всеми странами региона. Этот суверенитет над Южно-Китайским морем, который уже окрестили «девятью пунктирами» по числу пунктирных линий китайских морских границ, не только привяжет все страны АСЕАН к Китаю, но и станет преградой, парализующей международную активность Японии, Индии и США.

Обострение отношений вокруг спорных территорий произошло в начале 2014 г., когда пограничники КНР впервые за долгое время

применили силу в отношении филиппинских рыбаков в водах, которые Пекин считает своими (более-менее активно претензии на острова и архипелаги в Южно-Китайском море КНР предъявляла и ранее, в том числе в середине XX в.⁹). Тогда же в зоне конфликта находились авианосец «Ляонин» и два эсминца, которые, согласно официальной формулировке, выполняли научно-исследовательскую миссию. Затем власти КНР отправили к спорным островам промышленный транспорт и начали проведение исследовательских работ, связанных с размещением на спорных территориях китайской буровой платформы.

Эти территориальные претензии были связаны с, пожалуй, важнейшим внешнеполитическим и экономическим проектом концепции «китайской мечты»: возрождение идеи Шелкового пути, которая разделяется на два субпроекта — Экономическая зона Великого шелкового пути (ЭЗВШП) и Морской шелковый путь XXI века (МШП); оба они упоминаются под названием «один пояс, один путь».

Впервые идея «возрождения» Шелкового пути прозвучала в сентябре 2013 г., когда Си Цзиньпин предложил объединить усилия и создать экономическую зону, способствуя постепенному формированию крупномасштабного регионального сотрудничества¹⁰. Новый экономический коридор вдоль протяжения «старого» Шелкового пути, согласно озвученным планам, являлся скорее группой идей и инициатив, а не комплексом поставленных задач. Этим объясняется то, что у нового Шелкового пути нет четких географических рамок, в том числе отправных и конечных пунктов — таким образом, в него могут быть включены многие территории: в совокупности предполагалось объединить в зоне «экономического соразвития» около двух десятков государств, и сейчас количество заинтересованных сторон продолжает увеличиваться.

Через месяц после выдвижения идеи создания Экономической зоны Великого шелкового пути Си Цзиньпин предложил еще одну стратегическую концепцию — концепцию Морского шелкового пути XXI века, которая также является «возрождением» древнего проекта. О важности МШП (возможно, уместно сказать о преобладающей важности) говорят и цифры: торговля КНР со странами Центральной Азии достигла примерно 40 млрд долл., а со странами

АСЕАН, где действует зона свободной торговли и, собственно, и пролегал МШП, ежегодный объем торговли превысил 400 млрд долл.¹¹ Весьма активное подчинение зоны МШП интересам Китая и её охрана Поднебесной, иллюстрацией чему являются действия войск КНР в Южно-Китайском море, описанные выше, говорит о том, что Китай на самом деле стремится контролировать территории, через которые планируется вести транспортировку грузов. И, вероятно, в ближайшее время более активные действия со стороны КНР можно будет наблюдать и в нестабильных странах Центральной Азии. Впрочем, по мнению некоторых исследователей, Китай уже сейчас пытается усилить своё влияние в даже относительно или полностью стабильных регионах через использование «мягкой силы»¹². Примером тому может послужить вывод, который сделан на основании данных о миграции городского ханьского населения во Внутреннюю Монголию, — дальнейшая экспансия может распространиться и на Монголию внешнюю, на данный момент обладающую собственной государственностью. При этом не стоит забывать, что чуть более века назад и «внешние» земли Монголии были подчинены Цинской империи, а поэтому такого рода присоединение территорий (при этом юридический аспект уже не столь важен) будет со стороны выглядеть восстановлением «исторической справедливости» и «возрождением».

КНР также активно создает инфраструктуру, в том числе и транспортную, в прочих странах региона. Такая политика является некоторым «переосмыслением» уже практиковавшегося в 50—60-е гг. XX в. подхода по переносу границ во время строительства каких бы то ни было объектов в периферийных районах¹³. Важна роль Китая в развитии Афганистана и прочих стран, где прокладываются и дороги, и трубопроводы и куда также двигаются людские потоки. Вероятнее всего, это явления одного и того же порядка: КНР пытается упрочить своё влияние как в сопредельных государствах, так и в некоторых государствах других регионов, например, в Африке, сделать их в определенной степени зависимыми в экономическом отношении. Подобные инфраструктурные проекты были декларированы как элемент концепции ЭВШП еще в 2013 г., когда Си Цзиньпин призвал создать единую дорожную сеть (среди прочих

пунктов программы действий также обозначено политическое, дипломатическое и экономическое сотрудничество)¹⁴. На этом фоне закономерно выглядит включение России в концепцию ЭЗВШП и увеличение влияния Китая на страны бывшего СССР.

Важность и своевременность развития идея ЭЗВШП и МШП вполне очевидна: эта общая концепция позволит Китаю при большем контроле со своей стороны более выгодно продавать свои товары и контролировать товарооборот в регионе, ведь сейчас основные торговые пути, по которым в КНР поставляются в том числе энергоносители, пролегают как раз недалеко от южных границ Поднебесной.

Всё это вкупе дает Китаю уникальные возможности для утверждения себя в роли как минимум регионального лидера. Впрочем, сейчас конкуренцию КНР составляет и будет составлять Индия. Периодически усиливающиеся давление в пограничных зонах между двумя государствами и своеобразное «перетягивание» стран региона на позиции собственных союзников, вероятно, будет продолжаться еще долгое время, что станет дополнительным внешним вызовом для КНР.

Еще одним вероятным внешнеполитическим аспектом концепции «китайской мечты», далеко не последним по значению, является идея о возрождении Китая с географической точки зрения. Под этим подразумевается объединение (воссоединение) КНР и Тайваня. Конечно, многочисленные вопросы, связанные с этим проектом, остаются дискуссионными. На данный момент, согласно официальным сообщениям, Си Цзиньпин придерживается политики «одна страна — два строя» в вопросах объединения (и, соответственно, возрождения) Китая; однако тут же подчеркивается, что сама идея объединения страны относится уже к концепции «китайской мечты» и реализуется под этой эгидой. Такой синтез и своеобразная «передача» концептов в состав новой управленческой идеи объясняется как традиционной формой идеологического развития страны, так и тем, что Китай использует все возможные формы влияния для того, чтобы на легальных основаниях выйти за пределы существующих на данный момент фактических границ и в потенциале вернуть свои прежние владения.

Примечания

¹ Подборка рассуждений Си Цзиньпина об осуществлении китайской мечты о великом возрождении китайской нации. Сост. кабинетом ЦК КПК по изуч. док-тов. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2013. С. 3, 35.

² Там же. С. 212—213.

³ Китайская мечта и мир / под ред.: Хуан Хуагуна и Луань Цзяньчжана. Пекин: Изд-во лит-ры на ин. языках, 2014. С. X.

⁴ Кузнецов Д.В. Концепция «китайской мечты» и национальное возрождение Китая // Совр. Китай в условиях трансформации / отв. ред. Д.В. Кузнецов, Д.В. Буяров. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 212—213.

⁵ Ломанов А.В. «Мечта о великом возрождении» и политика руководства Китая // Китай на пути к возрождению. К 80-летию М.Л. Титаренко. М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 22—24.

⁶ Внешнеполитическая стратегия концепции Си Цзиньпина «китайская мечта» // Наньфэнчуан. URL: <http://www.nfcmag.com/article/5367.html?toPc=1> (дата обращения: 29.12.2015).

⁷ Цит. по: Тавровский Ю.В. Си Цзиньпин: По ступеням китайской мечты. М.: ЭКСМО, 2015. С. 161.

⁸ Манукян Ж. Си Цзиньпин заявил, что Китай создаст «армию, способную побеждать» // РИА новости URL: <https://ria.ru/world/20160701/1455568468.html> (дата обращения: 22.09.2016).

⁹ Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы. М.: ИДВ АН СССР, 1986. С. 116.

¹⁰ Лукин А.В. Идея «экономического пояса шелкового пути» и евразийская интеграция. С. 225; Ли Юнцюань: Идея создания экономической зоны Шелкового пути // Жэньминьван. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8401343.html> (дата обращения: 12.12.2015).

¹¹ Тавровский Ю.В. Шелковый путь возвращается на карту мира // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/courier/2014-09-01/9_silkroad.html (дата обращения: 02.05.2015).

¹² Каплан Р. Месть географии. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. С. 214—215.

¹³ Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР. С. 113—118.

¹⁴ Лукин А.В. Идея «экономического пояса шелкового пути» и евразийская интеграция. С. 237.

*Волошина Анна Валерьевна,
младший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН*

ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС В КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Изменение баланса сил между Китаем и США после 2008 г., провозглашение и реализация Соединенными Штатами стратегии «возвращения в Азию», а также объявление Китаем цели построения междержавных отношений нового типа с США ставят задачу осмысления места «тайваньского вопроса» в современных китайско-американских отношениях.

Автор утверждает, что несмотря на ощутимое смягчение межбереговых противоречий во времена администрации Ма Инцзю и снижение вероятности того, что тайваньский вопрос станет причиной конфликта между Китаем и Америкой, исторические разногласия между Пекином и Вашингтоном по поводу Тайваня так и не были разрешены. Победа на тайваньских президентских выборах кандидата ДПП Цай Инвэнь может стать новым вызовом для Китая и США.

Ключевые слова: Китай, политика США, «возвращение в Азию», «тайваньский вопрос», Северо-Восточная Азия, коренные интересы, продажи оружия, новая администрация

Более шести десятилетий проблема вокруг суверенного статуса Тайваня оказывает огромное влияние на состояние и динамику развития китайско-американских отношений, внося в них постоянный

элемент напряженности. Как утверждал в 2003 г. один из ведущих американских экспертов по азиатскому региону Алан Ромберг, это «единственная проблема в современном мире, которая могла бы реально привести к войне между [этими] двумя крупными державами»¹.

Изменение баланса сил между Китаем и США после 2008 г., провозглашение и реализация Америкой стратегии «возвращения в Азию», а также объявление Китаем цели построения межгосударственных отношений нового типа с США ставят перед китайским руководством задачу осмысления места «тайваньского вопроса» в современной американской политике и поиска путей эффективного управления этой проблемой.

Приход к власти на Тайване в 2008 г. президента Ма Инцзю, заявившего о стремлении наладить отношения с Китаем, привел к бурной активизации сотрудничества между берегами Тайваньского пролива. Провозглашенный новым тайваньским президентом принцип «нет объединению, нет независимости, нет использованию силы»² и готовность запустить переговорный процесс с материком на базе «консенсуса 1992 года» — достигнутой неправительственными организациями КНР и Тайваня договоренности о соблюдении принципа «одного Китая» при различных интерпретациях его каждой из сторон — снижали риск возгорания вооруженного конфликта в зоне Тайваньского пролива, и, следовательно, исчезала видимая необходимость постоянной вовлеченности Америки в дела этого района. В американских политических и научных кругах развернулась дискуссия по поводу того, какую роль будет играть Тайвань в политике администрации президента Б. Обамы с учетом изменившейся атмосферы в межбереговых связях и растущей значимости китайско-американского сотрудничества. В основном дебаты велись между приверженцами двух точек зрения: сторонниками сохранения Тайваня в качестве важного элемента американской стратегии в Восточной Азии и сторонниками «отказа» от острова.

Логика сторонников «отказа» от Тайваня (Уильям «Билл» Оуэнс, Збигнев Бжезинский, Брюс Джилли, Чарльз Глейзер, Джон Миршаймер и другие) заключается в том, что баланс сил между КНР и США все больше смещается в сторону Китая, увеличивающего свою военную и экономическую мощь, поэтому Соединенные Шта-

ты должны сократить или скорректировать свои обязательства перед Тайванем в сфере безопасности. Эксперты подчеркивают, что время в тайваньском вопросе играет на руку Китаю, ведя к объединению на условиях материка, а возможные издержки и риски конфликта в Тайваньском проливе для США растут: из-за развития военных технологий и наращивания военной мощи Китая Тайвань уже не является стратегически выгодным объектом для ведения боевых действий, так как находится в зоне досягаемости для ударов ракетных комплексов Китая. Устранив препятствие для развития двусторонних отношений в виде тайваньской проблемы, КНР и США могут укрепить двустороннее сотрудничество в решении крупных региональных и глобальных проблем.

Сторонники сохранения обязательств Америки по отношению к Тайваню (Джеймс Холмс, Тоси Ёсихара, Даниэль Блюменталь, Рэндалл Шрайвер, Бонни С. Глейзер, Дуглас Паал, Ричард Буш и т. д.) подчеркивают важную роль Тайваня как естественного препятствия для проецирования Китаем военной мощи в западную часть Тихого океана. По логике экспертов, присоединение Тайваня будет знаменовать прорыв Китая через «первую цепь островов» и приобретение КНР крайне выгодной стратегической позиции для проведения операций в Восточно-Китайском, Южно-Китайском морях, что может бросить, в итоге, вызов контролю США над Тихим океаном. Эта группа считает, что разногласия между двумя странами носят структурный характер, являясь противоречиями, которые появляются между существующим гегемоном и восходящей великой державой. Отказ Америки от Тайваня, по их мнению, не только поколеблет уверенность союзников США в данных им обязательствах и ослабит систему альянсов Америки, но и может подтолкнуть Пекин к принятию дальнейших, более агрессивных шагов.

Позитивный настрой научного сообщества КНР, посчитавшего, что эти дискуссии являлись свидетельством того, что изменение в соотношении сил между США и Китаем после 2008 г. заставило Вашингтон пересматривать свою политику по отношению к Пекину, сменился с началом реализации Соединенными Штатами стратегии «возвращения в Азию» и последовавшей продажей оружия Тайваню в 2010 г. более реалистичной позицией. Китайские исследователи

стали заявлять, что не следует «вводить себя в заблуждение» идеями, не являющимися американским политическим мейнстримом — вместо этого нужно ориентироваться на официальную американскую линию: так, конгресс США и дипломатические чиновники неоднократно подтверждали, что Америка не собирается отказываться от своих гарантий Тайваню³. Китайский исследователь Чжу Чжунбо считает, что реализация Америкой стратегии «возвращения в Азию» обусловлена целью поддержания ее глобальной гегемонии, и элементом этой стратегии является сдерживание Китая. Поэтому в перспективе отказ США от своего влияния на Тайвань маловероятен и политика США в отношении Тайваня сохранит свой общий курс с учетом каких-либо небольших корректировок⁴.

Практическая реализация американского курса в последние годы, направленная на поддержание статус-кво в тайваньском вопросе, подтвердила эти заключения. Америка продолжила оказывать поддержку Тайваню: еще в ходе первого государственного визита в КНР в ноябре 2009 г. президент США Б. Обама публично подтвердил сохранение приверженности Соединенных Штатов Закону об отношениях с Тайванем — документу, призывающему США поддерживать «способность оказать сопротивление какому бы то ни было использованию силы или других форм принуждения, которые бы поставили под угрозу безопасность или социальную или экономическую систему народа Тайваня» и «предоставлять Тайваню оружие оборонительного характера»⁵. В то же время Америка предпочла избегать резких движений в отношении острова, реализуя аспекты своей стратегии «возвращения в Азию» через своих основных союзников. По мнению китайских исследователей, в немалой степени такое положение дел стало возможно благодаря успеху китайской дипломатии, обозначившей для США «красную линию» по вопросам, касающимся Тайваня. В ответ на продажу Америкой оружия Тайбэю в 2010 г. Китай приостановил китайско-американское военное сотрудничество с января по октябрь 2010 г., а также отказал в визитах высокопоставленным лицам США. Действительно, следующие американские продажи оружия Тайваню носили нерегулярный характер (производились в 2011, 2015 г. на суммы 5,9 млрд долл. и 1,83 млрд долл. соответственно) и, хотя встречались Китаем с неиз-

менной критикой, не нарушали «красной линии» Пекина относительно того, чтобы в пакете продаж не фигурировали истребители «F-16C/D» и дизель-электрические подводные лодки. Китайские исследователи отмечают, что перед продажей оружия в 2011 г. Соединенные Штаты провели предварительные консультации с китайской стороной. По информации некоторых экспертов, ведущееся обсуждение доходило вплоть до конкретного списка поставляемых вооружений⁶. Эти факты свидетельствовали о корректировке американской позиции по поводу «шести гарантий» Тайбэю (1982 г.), включающих заверение в том, что США не будут проводить предварительных консультаций с КНР относительно продаж оружия Тайваню. Эти «ослабления» привели к тому, что в апреле 2014 г. на заседании подкомитета сената США на вопрос, по-прежнему ли администрация Б. Обамы сохраняет приверженность всем «шести гарантиям», помощник госсекретаря США по делам Восточной Азии и Тихого океана Дэниел Рассел не смог дать четкого и однозначного ответа, ограничившись расплывчатым заявлением о том, что «шесть гарантий продолжают играть важную роль в нашем подходе [к тайваньскому вопросу]»⁷.

Общая нацеленность Америки на сохранение стабильных отношений в районе пролива была отмечена китайской стороной. В сентябре 2013 г. министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что «тайваньский вопрос находится в контролируемом состоянии»⁸. Исследователи Китайского института международных проблем в докладе 2015 г. также отметили, что при условии сохранения стратегической сдержанности Китаем и США тайваньский вопрос будет оставаться в числе «управляемых» разногласий между ними⁹.

Приход к власти на Тайване новой администрации во главе с лидером ДПП Цай Инвэнь в результате президентских выборов 2016 г. вновь актуализировал вопрос о том, как будут складываться отношения в рамках «треугольника» Китай—США—Тайвань. Доктрина ДПП заявляет о фактической независимости Тайваня, и, исходя из этой позиции, Цай Инвэнь до сих пор не признала «консенсус 1992 года». В своем инаугурационном обращении президент использовала двусмысленные формулировки, что позволило избежать кризиса в межбереговых отношениях, но не удовлетворило Пекин, ко-

торый потребовал четко озвучить признание принципа «одного Китая»¹⁰. Продолжающаяся до сих пор неопределенность поколебала политическую основу взаимодействия между берегами Тайваньского пролива и привела к застою в работе механизма консультаций и переговоров между Канцелярией Госсовета КНР по делам Тайваня и тайваньским Советом по делам материковой части, Ассоциацией по развитию связей между берегами Тайваньского пролива и Фондом обменов через Тайваньский пролив. Пекин не собирается отказываться от своей принципиальной позиции: условием для начала конструктивных переговоров и дальнейшего развития отношений с Тайванем является отказ администрации Цай Инвэнь от поддержки независимости и принятие «консенсуса 1992 года». Китай видит тревожные признаки в участившихся интервью Цай Инвэнь японским и американским газетам с заявлениями о том, что Тайвань является «независимым и суверенным государством», считая, что она стремится добиться большей поддержки от Токио и Вашингтона, а также в активизации дипломатии Тайваня на японском и южноазиатском направлениях (политика «Движения на юг», предполагающая экономическое сближение со странами АСЕАН). В этой ситуации чувствительность Китая по поводу того, какую позицию займут США и какие шаги они будут предпринимать по отношению к Тайваню, лишь возрастает.

Приветствуя назначение тайваньского президента, США со своей стороны с осторожностью подходят к появившейся напряжённости в межбереговых отношениях. Америка не может просто отстраниться от ситуации в Тайваньском проливе, так как её союзники и партнеры, вероятно, воспримут этот уход как знак того, что гарантии безопасности США больше не заслуживают доверия. Более того, широкая поддержка острову обеспечивается крупным тайваньским кокусом в конгрессе США: в мае 2016 г. палата представителей приняла резолюцию, гласившую, что Закон об отношениях с Тайванем и «шесть гарантий» остаются «краеугольным камнем» американо-тайваньских отношений, и призвавшую президента США и Госдепартамент к «публичному, активному и последовательному» подтверждению приверженности «шести гарантиям». Уже 6 июля 2016 г. это решение было единогласно одобрено сенатом США. Таким образом,

Америка продолжает сохранять свою приверженность обязательствам перед Тайванем, в том числе военного характера. Однако, как отмечает Ричард Буш, один из ведущих американских экспертов по Тайваню, исходя из опыта периода Чэнь Шуйбяня, США не могут позволить себе безоговорочно поддерживать все действия Цай Инвэнь и будут выступать против каких-либо поступков, носящих, по их мнению, провокационный характер. Исследователь считает, что Америке, возможно, вновь придется вернуться к практиковавшейся ранее политике сдерживания до тех пор, пока межбереговые отношения не вернутся в более устойчивое состояние¹¹. Представляется, что оптимальным вариантом развития событий для Вашингтона являлось бы поддержание стабильности в отношениях между Пекином и Тайбэем и одновременное сохранение Тайваня в сфере своего стратегического влияния, что создавало бы менее благоприятную среду для Китая и добавляло «kozyрей» позиции США.

Что же касается более отдаленной перспективы, то, как указывают китайские исследователи, нерешенность тайваньской проблемы неизбежно приведет к новым трениям между Пекином и Вашингтоном. Увеличение мощи Китая при сохранении американской способности влиять на Тайвань с целью сдерживания КНР станет серьезным препятствием на пути развития китайско-американских отношений нового типа и потребует от сторон достижения какого-либо соглашения.

Примечания

¹ *Romberg A.* Rein in at the Brink of the Precipice: American Policy toward Taiwan and U.S.-PRC Relations. Washington, D.C.: Stimson Center, 2003. P. 14.

² *Goldstein S. M.* China and Taiwan. Cambridge: Polity Press, 2015. P. 119.

³ *Ху Линвэй.* «Я-тай синь гэцзю ся дэ Тайхай цзюйши» сюэшу яньтаохуэй цзуншу : [Итоги симпозиума «Ситуация в Тайваньском проливе в условиях новой обстановки в АТР»] // «Тайвань яньцзю» [Исследования Тайваня]. 2013. № 2. С. 80.

⁴ *Чжу Чжунбо.* Шэ тай вайцзюо линюй дэ жогань цяньянь вэньти юй сыкао : [Несколько актуальных вопросов и соображений о дипломатии по отношению к

Тайваню] // «Гоцзи чжэнчжи яньцзю» : [«Исследования международной политики»]. 2014. № 6. С. 53—75.

⁵ Taiwan Relations Act 1979. URL: <http://www.ait.org.tw/en/taiwan-relations-act.html> (дата обращения: 15.09.2016).

⁶ *Чжу Чжунбо*. Указ. соч. С. 59—60.

⁷ US Senator Rubio seeks answers on the 'six assurances'. 05-04-2014. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2014/04/05/2003587314/1> (дата обращения: 08.10.2016).

⁸ Ван И хуэйю Кэли тань тайвань вэньти: цзай кэ кун дэ чжуантай чжи нэй : [Ван И встречается с Керри для обсуждения тайваньского вопроса: он находится в контролируемом состоянии]. 21-09-2013. URL: <http://news.takungpao.com/taiwan/shizheng/2013-09/1915753.html> (дата обращения: 07.10.2016).

⁹ *Лю Фэйтао, Тэн Цзяньцзюнь, Шэнь Ямэй, Цуй Лэй, Ду Лань*. Чжун-мэй фэньци гуань кун дэ лилунь юй шицзянь — и чжэнчжи, цзинци, аньцюань вэй ши цзяо : [Теория и практика сдерживания и контроля китайско-американских разногласий — с точки зрения политики, экономики, безопасности]. Пекин: Чжунго гоцзи вэньти яньцзю юань, 2015. С. 48.

¹⁰ *Bush R.* Tsai's inauguration in Taiwan: It could have been worse. The Brookings, 23-05-2016. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/order-from-chaos/posts/2016/05/23-tsai-ing-wen-inauguration-taiwan-bush> (дата обращения: 23.09.2016).

¹¹ *Bush R.* Taiwan's January 2016 Elections and Their Implications for Relations with China and the United States. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 2015. 23 p.

*Цвык Анатолий Владимирович,
к.и.н., преподаватель кафедры теории и истории
международных отношений РУДН*

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА КИТАЯ И ГЕРМАНИИ

Аннотация. В статье рассматривается процесс эволюции партнерских отношений между КНР и ФРГ. По мнению автора, решение о повышении китайско-германских отношений от «партнерских отношений с глобальной ответственностью» до «всеветорного стратегического партнерства» имеет не только экономическое, но и политическое и стратегическое значение. Автор приходит к выводу, что эксклюзивная формулировка «всеветорного стратегического партнерства» между КНР и ФРГ позволяет говорить об «особом» характере отношений между ними.

Ключевые слова: КНР, ФРГ, внешняя политика Китая, стратегическое партнерство, китайско-германские отношения.

По мнению известного российского востоковеда В.Я. Портякова, с начала 1990-х годов одним из важнейших направлений обновления внешнеполитического инструментария Китая стало создание и дальнейшее активное использование механизма системы партнерских отношений с различными государствами и объединениями стран, что представляется нам одной из особенностей китайской дипломатии начала XXI в. Прежде всего, с середины 1990-х годов Китай стал устанавливать партнерские отношения с соседними госу-

дарствами, в том числе с Россией, Индией, Пакистаном, Японией и другими странами¹.

Однако впоследствии данная тенденция перестала иметь характер региональной, заметно расширился географический охват сети «партнерских отношений». В настоящее время Китай имеет партнерские отношения с несколькими десятками стран и государственными объединениями буквально во всех частях света.

Следует отметить, что формулировки партнерских отношений во внешней политике КНР в последнее десятилетие эволюционировали, и в настоящее время заметно различаются в зависимости от страны. Так, с Российской Федерацией были установлены «отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия», с США — в 1997 году были объявлены «отношения конструктивного стратегического партнерства», эволюционировавшие в «отношения держав нового типа», с Пакистаном — «всепогодное стратегическое партнерство» и т. д.

Исключением не стали и европейские страны, среди которых выделяется Германия — один из политических и экономических лидеров Европейского союза. Развитие отношений с ФРГ, прежде всего в торгово-экономической сфере, является одним из приоритетных направлений европейского вектора внешней политики КНР. Большие экономические возможности Китая и Германии, влияние их экономических интересов на внешнюю политику, обоюдная заинтересованность стран в развитии двустороннего стратегического партнерства и наращивание влияния КНР и ФРГ в наиболее значимых геополитических регионах — Европе и АТР — повышает значимость отношений между Пекином и Берлином. Многие европейские эксперты отмечают «особый» характер стратегического партнерства между Китаем и Германией, который обусловлен инклюзивным наполнением китайско-германского стратегического партнерства и охватывает широкий круг направлений двустороннего сотрудничества. По нашему мнению, определенный научный интерес вызывает и формулировка «партнерских отношений», которая выделяется среди «стратегических партнерств» Китая и европейских стран.

Важным шагом в развитии китайско-германских отношений стал визит премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в ФРГ в мае 2004 г.

Во время визита стороны объявили об установлении «партнерских отношений с глобальной ответственностью в рамках всестороннего стратегического партнерства КНР и ЕС». Именно с 2004 г. Китай и Германия стали обозначать двусторонние отношения как «стратегическое партнерство».

Остановимся на значении формулировки стратегического партнерства КНР и ФРГ 2004 г. По нашему мнению, в 2004 г., когда к власти в КНР пришли руководители 4-го поколения, а Председателем КНР стал Ху Цзиньтао, который только начинал строить свою внешнюю политику, отношения с Германией были не так тесны и глубоки. Вследствие этого обе стороны использовали формулу отношений с Европейским союзом, то есть конкретным признаком построения партнерских отношений с ФРГ стала общая формула отношений с ЕС. По мнению российского востоковеда А.В. Семенова, добавление 具有全球责任 (с глобальной ответственностью) — это отклик на требования мирового сообщества и США от Китая стать ответственной глобальной державой в связи с ростом реальной мощи, а не ограничиваться региональными делами. Как отмечает В.Я. Портяков, в Китае вследствие этого возникла целая теория «ответственности Китая как глобальной державы»². Почему фактически «глобальное» требование возникло в формуле двусторонних отношений? По нашему мнению, таким образом было выражено стремление в будущем быть глобально ответственными государствами — как со стороны Китая, так и со стороны Германии (недаром Германия сначала не поддержала войну США против Ирака, но потом уже шла в фарватере внешней политики США и НАТО в Афганистане; участвовала в борьбе с сомалийскими пиратами т. д., то есть демонстрировала свою ответственность не только в Европе, но и в других уголках мира, тем самым взяв на себя определенные расходы). Так и Китай, после 2004 года стал больше участвовать в международных делах вдали от своих берегов. Тем самым оба государства демонстрировали свои намерения идти в ногу со временем в соответствии с тенденцией глобализации.

Формулировка стратегического партнерства КНР и ФРГ оставалась неизменной вплоть до марта 2014 года, когда во время визита Си Цзиньпина в ФРГ руководителями Китая и Германии было при-

нято решение об установлении «отношений всевекторного стратегического партнерства» (全方位战略伙伴关系). Данная формулировка стратегического партнерства вызвала активное обсуждение германских политиков и исследователей, так как ни с одним европейским государством у КНР не было именно «всевекторного» (全方位) стратегического партнерства³. С другими крупными европейскими государствами (Франция, Великобритания, Испания) у КНР установлены отношения «всестороннего» (全面) стратегического партнерства. На первый взгляд, в понятиях «всевекторный» и «всесторонний» нет серьезных различий. Однако, по нашему мнению, следует внести ясность в лингвистическое толкование формулировки китайско-германского стратегического партнерства, дополнив тем самым тезис об «особости» стратегического партнерства КНР и ФРГ.

Во-первых, понятия «всевекторный» (全方位) и «всесторонний» цюаньмянь, по мнению китайцев, в европейских языках, в общем, означают одно и то же. В китайском же языке «всевекторный» (全方位) — понятие трехмерное 立体, образное. По мнению А.В. Семенова, «всевекторный» (全方位) — понятие более объемное, более образное, чем «всесторонний» (全面). Оно, естественно, выделяет Германию из ряда других стран ЕС, с которыми Китай выстраивает «отношения всестороннего стратегического партнерства» (全面战略伙伴关系). Оба признака конкретны, и 全 имеет значение — весь, все; 方位 = 方向与位置, то есть это понятие содержит в себе две составляющие: «направление» и «местоположение (некое пространство)». В специальных терминах 方位 переводят как «азимут». Если к нему добавить 全, то получится все азимуты, все направления, все векторы.

Во-вторых, если сравнивать стороны и направления, то в количественном измерении направлений получается больше. Достаточно вспомнить чэньюй «四面八方», «со всех сторон, со всех направлений», т. е. с четырех сторон, с восемью направлений.

Исходя из вышеизложенного, 全方位 можно интерпретировать как всевекторный, охватывающий все направления. Данная формулировка отношений стратегического партнерства выделяет Германию среди всех европейских стран. Более того, именно понятие «всевекторный» (全方位), а не «всесторонний» (全面) по смыслу следует переводить как «всеобъемлющий».

---

* * *

На основании вышеизложенного сделаем следующие выводы.

1. Дипломатия «партнерских отношений» успешно используется Китаем как эффективный инструмент реализации внешней политики не только на региональном, но и на глобальном уровне.

2. Китаем установлены «партнерские отношения», а затем и «стратегические партнерства» со многими европейскими странами, в том числе и с Германией.

3. В первоначальной формулировке «стратегического партнерства» КНР и ФРГ 2004 г. использованы рамки «стратегического партнерства» Китая и Европейского союза. В ней Китай и Германия также подтверждают свое стремление быть глобально ответственными государствами.

4. В 2014 г. было объявлено об установлении «отношений всевекторного стратегического партнерства» КНР и ФРГ. Формулировка «всевекторного стратегического партнерства» выделяется среди китайско-европейских отношений.

5. По нашему мнению, следует различать формулировки «всестороннего стратегического партнерства» Китая и, например, ряда европейских стран, и «китайско-германского всевекторного стратегического партнерства», прежде всего с точки лингвистического толкования этих понятий при переводе с китайского языка.

Примечания

¹ *Портяков В.Я.* Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР // Общество и государство в Китае. 2011. № 41-1. С. 204—208.

² *Портяков В.Я.* Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 12.

³ *Цвык А.В.* Стратегическое партнерство КНР и ФРГ в 2004—2015 гг.: политические аспекты // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 2. С. 42—49.

*Нежданов Владимир Львович,
магистрант Тюменского государственного
университета*

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АРКТИКЕ: ТЕКУЩАЯ РАБОТА И ПЕРСПЕКТИВА

Аннотация. На современном этапе Арктика является перспективным регионом не только для внутреннего развития стран «Арктической восьмерки», но и для международного сотрудничества. Особый интерес среди всех «неарктических» стран в регионе представляет Китай, который позиционирует себя как «околоарктическую» страну и рассматривает Арктику как международное достояние. Следует заметить, что российская часть Арктики является наиболее развитой частью всего региона, что дает России дополнительные возможности для привлечения инвестиций и развития международного сотрудничества. Вместе с этим российская Арктика может сыграть значительную роль в российском «повороте на Восток». При этом основной проблемой взаимодействия является развитое сотрудничество между правительствами, но фактическое отсутствие сотрудничества между малым и средним бизнесом двух стран в регионе.

Ключевые слова: КНР, Россия, Арктика, Арктический совет, инвестиции, поворот на Восток, североведение.

На современном этапе Арктика является одной из немногих сфер деятельности дипломатов и политиков всего мира, которая привлекает внимание не конфликтным потенциалом, но потенциа-

лом сотрудничества и возможных взаимных выгод среди стран «Полярной восьмерки», а также присоединившихся к ним пяти азиатских стран в рамках работы Арктического совета. Данная работа посвящена обзору российско-китайского сотрудничества в регионе, обозначения проблем и перспектив дальнейшего развития и взаимодействия двух стран.

Прежде чем обратиться к китайской деятельности в российской Арктике, необходимо прийти к консенсусу по вопросу границ арктического региона. Обращаясь к знаниям географического курса можно отметить, что Арктический регион имеет границу, проходящую по 60 параллели северной широты. При этом стоит обратить внимание, что исследователи часто используют 62 параллель северной широты в качестве обозначения границы региона¹. Учитывая, что 1 градус широты принято равнять 110 километрам, то разница в площади при приведении двух границ становится весьма значительной. В рамках данной работы будет рассмотрена концепция границы Арктического региона, предложенная профессором Европейского университета Санкт-Петербурга Н. Вахтиным на летней школе ТюмГУ-ЕУСПб по Североведению. Поскольку исторически транспортные и логистические коридоры Арктики были соединены с южными рубежами российской Сибири, а также управление данными территориями производилось из более южных центров, то к российской Арктике по факту приходится причислять территории Европейской России севернее 62 градуса северной широты, а также всю Сибирь и Дальний Восток ввиду логистической связанности. Отсюда выходит, что говоря о российской Арктике с позиции международного сотрудничества и развития, мы не имеем права не уделять внимания южным сибирским рубежам России, несмотря на их неарктическое положение².

Другой оговоркой является факт неарктического положения Китая. Более того, в выступлениях официальных лиц КНР неоднократно подчеркивалось, что Китай считает важным интернационализацию Арктики как достояния всего человечества³. Из этих выступлений выходит, что арктические страны при определении границ своего арктического шельфа должны исходить из «интересов международного сообщества», а также уважения Конвенции ООН по мор-

скому праву 1982 г. Однако у Китая не существует четко выработанной стратегии по Арктике, при том, что символический шаг включения КНР в арктический дискурс был сделан в 2013 г., когда в Кируне (Швеция) было принято решение наделить КНР статусом постоянного наблюдателя в Арктическом совете⁴.

Вхождение Китая в арктический дискурс сопровождалось определенным развитием правовой базы. Необходимо отметить, что Китай, как страна географически не относящаяся к Арктическому поясу, опирается на международные договоры и конвенции ООН, применимые к Арктике⁵. Так, с 1925 г. Китай является членом Договора о Шпицбергене, разделяет международные конвенции касательно климата, применяет к Арктике Конвенцию ООН по морскому праву от 1982 г. Таким образом, можно сделать вывод, что в своей арктической политике Китай рассматривает регион не с точки зрения его «закрытого» состояния, принадлежности 8 арктическим государствам, а с точки зрения международной площадки, где действуют общие для всех правила. Особенным моментом китайской правовой позиции является требование свободного прохода судов через проливы в северные моря и Северный Ледовитый океан, равносильно остальным мировым проливам⁶.

Что же касается институциональных основ китайского взаимодействия в Арктике, то стоит сказать об отсутствии централизованного управления китайскими арктическими проектами. Можно выделить до 13 элементов в китайской системе управления арктической политикой, среди которых особое место занимают Госсовет КНР, а также китайский МИД. Вместе с этим особым элементом этой системы является Государственное океанографическое управление Китая, основанное в 1964 г. специально для развития арктических исследований страны. Вместе с этим, начиная с 1990-х годов, Китай принимает активное участие в арктических международных структурах. Китай является членом таких организаций как: Международный Арктический научный комитет, Северный форум, Научный совет по исследованию Северного Ледовитого океана, Тихоокеанская арктическая группа (с 2005 г. — страна вице-председатель), Форум арктических научных операторов. При этом особое место для Китая занимает Арктический совет. С 2013 г. Китай является наблю-

дателем в этой организации и считает её наиболее авторитетной площадкой по взаимодействию в Арктике на современном этапе⁷.

Взаимодействие Китая и России в Арктике на данный момент опирается не только на стремление китайской стороны наладить отношения по данному региону. Россия имеет собственную теоретическую концепцию по взаимодействию в Арктическом регионе с заинтересованными неарктическими государствами. Данная концепция была предложена Российским советом по международным делам в 2012 г. и с тех пор не была изменена. Россия считает, что «неприкосновенным для всех прибрежных государств является уважение их суверенных прав и юрисдикции в арктических акваториях и на шельфе». В данном абзаце российские эксперты ссылаются на Конвенцию ООН по морскому праву, а именно на ст. 76⁸. Однако, учитывая стремления последних лет по изучению континентального шельфа в океане и установку государственного флага России на дне океана на Северном полюсе, можно предположить, что уже на данном базовом этапе сверки позиций России и Китая могут появиться определенные противоречия в интерпретации положений Конвенции 1982 г. Вместе с этим в российской концепции указано, что взаимодействие с неарктическими акторами в Арктике не перспектива, но сложившаяся реальность⁹. При этом данный пункт дополняется позицией об отсутствии монополии на Арктику со стороны любого актора международных отношений. В завершение российской концепции отмечается, что Россия считает важным условием активизацию диалога с заинтересованными неарктическими государствами¹⁰. Таким образом, можно сказать, что Россия полностью открыта к диалогу по взаимодействию в Арктике, однако тем не менее необходима глубокая экспертиза действий, поскольку корень противоречий может находиться в разной интерпретации положений международного права.

Что же касается развития двусторонних отношений России и КНР в Арктике, то здесь на бесспорную заинтересованность дальнейшего экономического развития Арктики со стороны российского правительства ложится комплексная заинтересованность Китая. Интересы Китая в Арктике можно разделить на три составляющие: добыча и покупка полезных ископаемых, использование морских

путей, а также научные исследования¹¹. Следует заметить, что в данной триаде научные исследования стоит рассматривать как легитимацию китайской экономической активности на Севере. При этом, согласно докладу Сюй Гуанмяо, Арктика не является абсолютным приоритетом внешней политики КНР, что априорно может означать затяжной и медленный процесс как переговоров, так и реализации китайских проектов в данном регионе¹². Арктическая политика, тем не менее, является составной частью внешней политики КНР. Её основные компоненты: мирное развитие, взаимное уважение, укрепление взаимопонимания и доверия, сотрудничество¹³.

К 2016 г. Россия и Китай накопили большой потенциал экономического взаимодействия в российской Арктике. В 2013 г. в ходе визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву «Роснефть» и CNPC договорились о совместных исследованиях месторождений, вместе с этим «Газпром» и CNPC договорились о совместной геологоразведке в Арктике. В этом же году В.В. Путин и Си Цзиньпин подписали договор о покупке CNPC 20 % акций компании «Ямал СПГ»¹⁴.

В декабре 2015 года российская компания «Новатэк» совместно с китайским Фондом шелкового пути пришли к решению об инвестировании (кредитовании) компании «Ямал СПГ» на срок до 15 лет. В январе 2016 г. было ратифицировано соглашение между правительствами РФ и КНР о реализации проекта «Ямал СПГ». Данное соглашение подразумевает инвестирование Фондом шелкового пути более 2 млрд долл. США в экономику России¹⁵.

Вместе с этим китайские инвесторы проявляли интерес к взаимодействию в строительстве Архангельского морского торгового порта, железной дороги Белое море — Коми — Урал. В 2015 г. в рамках официального визита В.В. Путина в Китай было подписано соглашение о строительстве железнодорожной магистрали от Соликамска до Сыктывкара и Архангельска¹⁶.

Не менее важным элементом российско-китайского сотрудничества является развитие совместных исследований представителей научно-исследовательских сообществ двух стран. В 2012 г. в Циндао (Шаньдун, КНР) состоялся первый Китайско-Российский форум по арктическому сотрудничеству, который был инициирован Океанологическим университетом при финансовой поддержке Государст-

венного управления по делам Арктики и Антарктики КНР. Ответным шагом можно считать проведенный в 2015 г. в СПбГУ международный семинар «Арктическая политика в XXI веке», в котором приняли участие представители китайских университетов и исследовательских центров по изучению Арктики¹⁷. Вместе с этим в октябре 201 г. в Москве была проведена важная конференция, приуроченная к 20-летию Арктического совета. Проводимая Российским советом по международным делам конференция объединила не только западных и российских экспертов, но и экспертов из Китая, подняв вопрос о роли КНР в международном сотрудничестве в Арктике, Арктическом поясе Шелкового пути, участия КНР в управлении Арктикой, сотрудничестве РФ и КНР в регионе, научных экспедициях КНР в Арктику, а также другие вопросы сотрудничества¹⁸.

Помимо простого желания налаживать контакты в экономической, политической и культурной сфере в Арктике между КНР и РФ, Арктический регион может рассматриваться как неотъемлемая часть российской политики «поворота на Восток», начавшейся после саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г. Российская Арктика является наиболее развитой и урбанизированной частью Севера среди всех 8 арктических стран¹⁹. По этой причине можно отметить, что развитие любого качества проектов в российской Арктике в большей степени насыщено как инфраструктурой (даже при учете необходимости модернизации и развития «советского наследства»), так и трудовыми ресурсами, постоянно проживающими на Севере, по сравнению с другими государствами. Добыча нефти и газа, инфраструктурные проекты, Северный морской путь, развитие портов, — все это возможности для взаимодействия КНР и РФ, а также для экономического роста российских регионов. Стоит заметить символическое событие, а именно тот факт, что в 2013 г. китайский контейнерный корабль впервые прошел по Северному морскому пути, став первым в истории контейнерным кораблем, прошедшим этот путь. При этом в 2014 г. по СМП не прошло ни одного китайского корабля, что дает нам тревожный сигнал²⁰.

При ответе на вопрос: «Зачем Китаю нужна Арктика?», — эксперты зачастую расходятся в ответах, предлагая разное видение и разные прогнозы по дальнейшему развитию ситуации. Однако оста-

ется очевидным, что именно растущая осведомленность мирового сообщества о громадных ресурсах Арктики (в регионе сосредоточено 13 % неразведанных мировых запасов нефти и 30 % запасов природного газа), готовность развивать рыбную ловлю, а в перспективе глобального потепления и сельское хозяйство, развитие навигации по СМП и инфраструктуры региона заставляет страны Азии и в частности Китай смотреть в сторону Севера²¹.

Отношения Китая и России в Арктическом регионе на сегодняшний день нельзя назвать идеальными. Как видно из примеров, экономическое взаимодействие России и Китая выстраивается на договоренностях, подписанных на высшем уровне, что сигнализирует государственную заинтересованность сотрудничества, но не интерес бизнеса и гражданских обществ. Вместе с этим, в числе примеров отсутствуют ссылки на существование совместных предприятий, торговые отношения, взаимодействие малого и среднего бизнеса двух стран. Что же касается научного и исследовательского сотрудничества, то и в этом аспекте взаимоотношению России и Китая нельзя дать наивысшую оценку. Малое количество совместных конференций и школ, отсутствие во многих российских университетах специализации «североведение» с обменными программами с исследовательскими институтами Китая не позволяет прийти к широкому обмену опытом и достижениями, что лишний раз приводит к отсутствию актуальной информации или неверным прогнозам. Российско-китайское сотрудничество в Арктике на сегодняшний день имеет огромный потенциал, реализация которого является приоритетным направлением развития Севера. Однако развить данный потенциал возможно лишь при комплексной работе как правительств двух стран, так и гражданских обществ, исследовательских объединений, университетов и предпринимателей.

Примечания

¹ *Вахтин Н.Б.* Лекция о «Североведении» в рамках летней антропологической школы Европейского Университета в Санкт-Петербурге и Тюменского государственного университета // личный конспект автора (дата проведения лекции — 19 сентября 2016).

² Там же.

³ *Макаров И.А.* (отв. редактор). Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России. М.: Международные отношения, 2016. С. 448.

⁴ *Махмутов Т.А., Иванов И.С.* и др. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы // Доклад № 26/2016. Российский совет по международным делам. М., 2016. С. 56.

⁵ *Сюй Гуанмяо.* Интересы и политика Китая в Арктике: история, правовые основы и реализация // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 2. 2016. С. 52—62.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ *Загорский А.В., Иванов И.С.* Арктика. Предложения к дорожной карте международного сотрудничества. М.: Спецкнига, 2012. С. 40.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Махмутов Т.А., Иванов И.С.* и др. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы // Доклад № 26/2016. Российский совет по международным делам. М., 2016. С. 56.

¹² *Сюй Гуанмяо.* Интересы и политика Китая в Арктике: история, правовые основы и реализация // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 2. 2016. С. 52—62.

¹³ *Tang Guoqiang.* Arctic Issues and China's Stance // China Institute of International Studies, 4 March 2013. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2013-03/04/content_5772842.htm (дата обращения: 24.10.2016).

¹⁴ *Махмутов Т.А., Иванов И.С.* и др. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы // Доклад № 26/2016. Российский совет по международным делам. М., 2016. С. 56.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Пленарные сессии конференции «Международное сотрудничество в Арктике: новые вызовы и векторы развития» // Российский совет по международным делам (дата обращения: 24.10.2016).

¹⁹ *Вахтин Н.Б.* Лекция о «Североведении» в рамках летней антропологической школы Европейского Университета в Санкт-Петербурге и Тюменского го-

сударственного университета // личный конспект автора (дата проведения лекции — 19 сентября 2016).

²⁰ *Макаров И.А.* (отв. редактор). Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России. М.: Международные отношения, 2016. С. 448.

²¹ *Махмутов Т., Филиппова Л.* Зачем Азии Арктика? // Российский совет по международным делам. 11.10.2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8222#top-content (дата обращения: 24.10.2016).

*Милеев Дмитрий Александрович,
научный сотрудник Центра исследования общих проблем
современного Востока, Институт Востоковедения РАН*

РОЛЬ ЯПОНИИ В ВЫСТРАИВАНИИ АРХИТЕКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. Крах биполярной системы вызвал значительную трансформацию политического и стратегического баланса мировых держав, в частности, оказал влияние на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Япония стремится играть более активную роль в политике и безопасности в Восточной Азии, соседние страны демонстрируют разную реакцию на это. Япония увеличивает военные расходы и показывает готовность взять на себя более активную роль в вопросах международной безопасности в Восточной Азии. Несколько стран Восточной Азии в настоящее время рассматривают Японию в качестве важного стратегического противовеса Китаю. Современная политика безопасности Японии покоится на трех столпах: укрепление всеобъемлющего союза с США; наращивание собственного оборонного потенциала; формирование военных и политических связей с потенциальными партнерами для «сдерживания» Китая. В данном докладе предпринята попытка провести анализ будущей роли Японии в Восточной Азии и перспектив обеспечения безопасности в регионе.

Ключевые слова: Япония, современная политика безопасности, японо-американский союз, Китай, Ф-35.

В последние годы активизировалась деятельность ведущих акторов международных отношений в регионе АТР. Насущной задачей, стоящей перед международным сообществом, явилось выстраива-

ние работоспособной, эффективной и стабильной архитектуры безопасности в Восточной Азии. Однако решение этой задачи сталкивается с конкурентной борьбой за лидерство в регионе между США и КНР, ведущейся с нарастающим напряжением и сопровождающейся растущей гонкой морских вооружений. Эта борьба влияет на союзников Вашингтона в регионе, которые оказываются перед необходимостью участвовать в коллективных действиях в рамках американской стратегии сдерживания Пекина, но при этом они заинтересованы в сохранении и развитии тесных контактов с КНР в экономической сфере.

В белой книге министерства обороны Японии так оценивается сложившаяся ситуация: «Проблема обеспечения безопасности и существование дестабилизирующих факторов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, включая зону вокруг Японии, становится все более серьезной. Наметилась тенденция к увеличению и продлению так называемой ситуаций “серых зон”, то есть ни чистое мирное время, ни инцидент, возникающий из-за территории, суверенитета и морских экономических интересов. Кроме того, наблюдается заметная тенденция среди соседних стран, направленная на модернизацию и усиление военного потенциала и активизацию военной деятельности»¹.

С окончанием Холодной войны КНР изменила приоритеты в развитии военной мощи. Начавшийся процесс нормализации отношений с СССР, получивший дополнительный импульс, после развала Советского союза и последовавшего активного развития российско-китайских отношений позволил перераспределить средства оборонного бюджета с поддержания масштабных сухопутных сил вдоль границы с бывшим СССР на развитие ВМС Китая. Опираясь на успешно растущую экономику, КНР смогла выделить достаточные финансовые ресурсы на преодоление технологического разрыва в военно-морской сфере как в качественном, так и в количественном измерении относительно соседних государств, и постепенно стала приближаться к ограничению возможностей ВМС США в ближайших к Китаю акваториях. КНР стала располагать новыми возможностями по реализации стратегии ограничения доступа к территориям, также вследствие закупок современных систем воору-

жений в РФ, прежде всего ЗРС ПВО большой дальности и истребителей ОКБ Сухой с последующим воспроизводством аналогов силами собственного ВПК. Амбициозная программа развития ВМС КНР, включающая создание серии авианосцев, нацелена на придание возможности проекции силы в отдаленных регионах мира. Проекты создания баллистических противокорабельных ракет в случае успеха будут серьезной угрозой для АУГ США. Тем не менее, уже сейчас, не реализовав до конца планы по перевооружению и модернизации, Китай перешел к активной политике в вопросах взаимоотношений с соседними государствами. Важнейшим примером проявления новой китайской стратегии стали попытки изменить статус-кво в Восточно-китайском и Южно-китайском морях. Особенно напряженно складывается ситуация в районе рифов архипелага Спратли и других вод в Южно-Китайском море, где идет строительство Китаем военной инфраструктуры аэродромов, портов и других объектов, размещение вооружений, что приводит к стремительному сдвигу регионального военного баланса сил. Японию беспокоят неоднократные вторжения в японские воды вокруг Сэнкаку и другие воды и строительство морских сооружений Китаем рядом с Японией и срединной линией в Восточно-Китайском море.

Вице-адмирал Хидэаки Канэда считает, что Япония может прочно утвердиться в качестве морского государства, способного выдерживать давление КНР, если будет заниматься «укреплением самозащиты, углублением японо-американского альянса, расширением регионального сотрудничества для закрепления статуса морской державы»².

Надо отметить, что данный подход отвечает взглядам правящей элиты Японии, которая в последние годы предпринимает шаги по повышению военно-дипломатического потенциала страны.

Япония последовательно усиливает наращивание военной мощи, что находит выражение в увеличении военного бюджета с 2012 фин. года (общий объем вырос с 4,65 трлн иен до 4,86 трлн иен в 2016 фин. году, а в 2017 фин. году — планируется 4,97 трлн иен).³

Важной программой повышения потенциала и модернизации военно-воздушной компоненты Сил самообороны Японии стало решение правительства в декабре 2011 г. о приобретении у США 42 тактических истребителей пятого поколения с использованием тех-

нологий малозаметности F-35A. Первые четыре F-35A для Японии по данному соглашению полностью изготавливаются Lockheed Martin в США, а остальные 38 — должны быть начиная с 2018 г. собраны японской корпорацией Mitsubishi Heavy Industries на специально создаваемом для этого предприятии в Нагоя. Изготовление самолета подразумевает широкую международную кооперацию, и американская сторона привлекла японскую промышленность к активному участию в субподрядных работах.

23 сентября 2016 г. состоялась передача Силам самообороны Японии первого построенного для них истребителя F-35A Lightning II.⁴ В церемонии принял участие представитель министра обороны Японии Кэндзи Вакамия, который отметил, что «малозаметный F-35 является самой продвинутой воздушной системой с передовыми возможностями многофункционального истребителя. ... из-за его совершенства он имеет огромное значение для обороны Японии. ...Учитывая, что правительство Соединенных Штатов определило Японию в качестве региональной опоры в Азиатско-Тихоокеанском регионе, принятие на вооружение Японии истребителей F-35 является прекрасным примером укрепления японо-американского альянса». Командующий Военно-воздушными Силами самообороны Японии генерал Ёсиюки Сугияма охарактеризовал значение поступления нового типа истребителя на вооружение следующим образом: «...он обещает внести огромный вклад не только в интересах нашей национальной безопасности, но и региональной стабильности»⁵. За столь помпезными фразами скрывается тот ироничный факт, что США отказались в начале 2000-х гг. продать своему ближайшему азиатскому союзнику более совершенный истребитель F-22 из-за желания остаться эксклюзивным пользователем столь продвинутого авиационного комплекса. В качестве компенсации Японии предложили более дешевый и менее совершенный F-35. Проблема только в том, что в итоге разработка и запуск в серию затянулись, что повлекло и значительное увеличение цены. Приобретение истребителей F-35A в 2017 фин. г. ограничено 6 единицами при стоимости в: 94,6 млрд иен, плюс еще 42,3 млрд иен выделено отдельно для других связанных с этим расходов (наземное вспомогательное оборудование и т. д.).

Задержка в производстве привела к тому, что обучение летного состава японских F-35A будет начато в США только в ноябре 2016 г. Медленные темпы поступления истребителей становятся важными, потому что КНР уже приступила к испытанию своих малозаметных истребителей, что может привести к нивелированию наметившегося качественного превосходства японских ВВС.

Японским командованием принято решение: новую временную эскадрилью, вооруженную F-35A, разместить на авиабазе Мисава, что, как представляется, является реакцией на возросшую военную активность вооруженных сил РФ в регионе. Для расширения оперативной мобильности сил авиации японское правительство приняло решение о приобретении новых самолетов дозаправки (КС-46а).

В целях усиления противовоздушной обороны эсминцев предусмотрена разработка новой дальнобойной ракеты класса корабль-воздух, на что в 2017 г. будет отпущено 9,0 млрд иен.

Для усиления потенциала создающейся системы ПРО в 2017 г. запланировано обновление возможностей эсминцев, оснащенных системой «Иджис» (программа стоимостью 12,1 млрд иен).

Япония и США продолжают развитие сотрудничества по развертыванию на оснащенных системой «Иджис» эсминцах передовой ракеты-перехватчика SM-3 блок ПА, в частности, предусмотрено приобретение ракет SM-3 блок ПА на 14,7 млрд иен⁶.

Для укрепления противовоздушной обороны японских сил в наземной компоненте запланировано приобретение одного комплекта ракет ПВО Тип-03 средней дальности стоимостью 17,7 млрд иен. В следующем году предусмотрено внедрение передовых ракет-перехватчиков PAC -3 MSE стоимостью 105,6 млрд иен. Япония стремится расширить возможности реагирования против баллистических ракет, осуществляя дальнейшую модификацию системы Patriot для установки и эксплуатации ракет PAC -3 MSE и обновление версии модификации комплекса (98,7 млрд иен)⁷.

Однако перечисленные меры по усилению военного потенциала Японии не могут полностью решить проблему обеспечения безопасности и сохранения стабильности в регионе. Выход из данного положения должен заключаться в развитии многостороннего сотрудничества и применении принципа неделимой безопасности.

Отражением усилий Токио по расширению международного сотрудничества и выстраивания структур безопасности в мире стало выделение впервые в оборонном бюджете финансирования на развитие для стабилизации обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На новые инициативы для всеобъемлющего и эффективного укрепления потенциала помощи для стран-членов АСЕАН выделено 380 млн иен⁸. Комплексное и эффективное укрепление потенциала стран АСЕАН предполагается за счет развития людских ресурсов и оказания технической помощи при использовании внешних ресурсов. Предусмотрено выделение средств на проведение исследований для определения потребностей стран-получателей по программам наращивания морского потенциала в областях безопасности и кибербезопасности.

Будут реализованы программы по повышению потенциалов отдельных государств в Юго-Восточной Азии: Восточный Тимор, Камбоджа, Вьетнам, Индонезия, Мьянма, Филиппины, Таиланд, Лаос; Восточная Азия: Монголия; Центральной Азии: Казахстан, Узбекистан; Океания: Папуа Новая Гвинея.

С 22 по 24 августа 2016 г. в Индонезии Япония принимала участие в «Тихоокеанском партнерстве». «Тихоокеанское партнерство» — это инициатива, организованная США и направленная на укрепление сотрудничества между странами-участницами и повышение международных мер реагирования в случае стихийных бедствий на основе взаимодействия с правительственными, военными, международными организациями и неправительственными организациями в каждой стране. Военно-морские суда (в основном из ВМС США) посещают страны Азиатско-Тихоокеанского региона и оказывают медицинскую помощь, участвуют в культурных обменах. В этом году ССО Японии принимали участие в мероприятиях в рамках Тихоокеанского партнерства в Восточном Тиморе, Вьетнаме, Палау и Индонезии.⁹

В будущем году министерство обороны планирует приглашение в Японию инженеров и чиновников из Азиатско-Тихоокеанского региона и сотрудников иностранных аналитических центров в целях повышения понимания и изучения японских технологий. Национальный институт оборонных исследований начинает запуск иссле-

довательского обмена с колледжем национальной обороны Филиппин и центрально-азиатских стран (Казахстанский Институт стратегических исследований и др.)¹⁰.

Япония активно участвует в военных учениях в регионе АТР. Например, ВМС ССО Японии приняли участие в 2016 г. в многонациональных совместных учениях «Какаду», организованных ВМС Австралии. 19 стран, в том числе Япония, участвовали в учениях, которые проходили в акватории и воздушном пространстве внутри и вокруг Дарвина (Австралия) с целью улучшения своих тактических боевых навыков и повышения взаимопонимания и доверия с другими странами-участницами. Они проводили различные тренинги, учебные стрельбы и тактические маневры. От Японии участвовали эсминец Фуюдзуки и патрульный самолет Р-3С¹¹. Однако подобного рода учения скорее свидетельствуют о стремлении сплотиться с другими участниками перед лицом мощи КНР и пойти по конфронтационному пути сдерживания Пекина, нежели о стремлении привнести стабильность.

Япония с тревогой следит за усилением стратегических позиций КНР в Юго-Восточной Азии, развитием партнерских отношений с Россией и ростом китайского влияния на страны ШОС. Яркой иллюстрацией этой тенденции стали международные учения «Морское взаимодействие-2016» и антитеррористические учения стран-участниц ШОС «Мирная миссия-2016».

Традиционно внешняя политика Японии строится на краеугольном базисе — безусловной ценности японо-американского союза, но в последнее время от Токио требуется усиление его военно-политического потенциала и окончательное превращение страны в «нормальное государство».

Вероятность возникновения вооруженного конфликта в регионе с вовлечением в него США и КНР далека от нуля. Достаточно перечислить основные угрозы безопасности: ситуация в Южно-Китайском море, проблема определения будущего позиционирования Тайваня, противостояние на Корейском полуострове, территориальные споры. Япония заинтересована в устранении военной угрозы. Прежде всего, судьба СВА будет решаться в рамках треугольников: Россия—КНР—Япония, США—КНР—Япония. В этом случае нор-

мализация и развитие российско-японских отношений на долгосрочной основе может послужить той отправной точкой, от которой станет реальным построение структуры региональной безопасности и в которой будут учтены и сбалансированы интересы всех ведущих акторов. Официальному Токио необходимо определиться с формой, объемом и ролью, которую может играть Япония в выстраивании новой системы безопасности. Основой обновленной системы безопасности должна стать совокупность многосторонних партнерств, что потребует выработки мер доверия к основным игрокам, демонстрации готовности к диалогу с соседями по региону.

Примечания

¹ URL: http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/pdf/2016/DOJ2016_1-1-1_web.pdf/ (дата обращения: 05.11.2016).

² URL: http://www2.jiia.or.jp/en_commentary/201607/13-1.html/ (дата обращения: 05.11.2016).

³ URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/pdf/281025.pdf/ (дата обращения: 05.11.2016).

⁴ URL: http://www.mod.go.jp/asdf/news/release/2016/0815_1/ (дата обращения: 05.11.2016).

⁵ URL: <http://www.lockheedmartin.com/us/news/press-releases/2016/september/lockheed-martin-and-japan-celebrate-roll-out-of-japan-air-self-defense-force-first-f-35a.html/> (дата обращения: 05.11.2016).

⁶ URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/pdf/281025.pdf/ (дата обращения: 05.11.2016).

⁷ URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/pdf/281025.pdf/ (дата обращения: 05.11.2016).

⁸ URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/pdf/281025.pdf/ (дата обращения: 05.11.2016).

⁹ URL: <http://www.mod.go.jp/e/jdf/no81/activities.html#article02/> (дата обращения: 05.11.2016).

¹⁰ URL: http://www.mod.go.jp/e/d_budget/pdf/281025.pdf/ (дата обращения: 05.11.2016).

¹¹ URL: <http://www.mod.go.jp/e/jdf/no81/topics.html/> (дата обращения: 05.11.2016).

*Нелидов Владимир Владимирович,
преподаватель кафедры востоковедения МГИМО(у) МИД России,
аспирант МГИМО(у) МИД России*

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА

Аннотация. Трансформация военной политики Японии в начале ХХІ века во многом диктуется необходимостью парировать новые угрозы, стоящие перед страной в современном мире. Анализ программных документов военной политики Японии показывает, что среди этих угроз существенное место занимает проблема Китая. Она выражается как в наличии территориальных претензий КНР к Японии и другим своим соседям, так и в росте военной мощи НОАК. Именно на «сдерживание Китая» и укрепление обороны юго-западных рубежей Японии, уязвимых в случае потенциального конфликта с КНР, нацелены многие из шагов, предпринимаемых Токио в области военной политики. Хотя эти шаги имеют реактивный и оборонительный характер, они способны косвенно оказать влияние на безопасность Азиатско-Тихоокеанского региона в целом и Российской Федерации в частности.

Ключевые слова: Япония, военная политика, национальная безопасность, Силы самообороны Японии, КНР.

Военная политика Японии претерпела значительные изменения за два с половиной десятилетия, прошедшие со времени крушения биполярной системы. Еще в 1992 г. был принят Закон о международном миротворческом сотрудничестве, позволивший отправку

Сил самообороны за рубеж для участия в небоевых миротворческих операциях, одобренных ООН. Следующий шаг был сделан в 2000-х годах, когда японские вооруженные силы были использованы для оказания тыловой поддержки западным союзникам во время операции в Афганистане, послевоенного восстановления Ирака, а также для борьбы с пиратством в Аденском заливе. В настоящее время, после принятия новых Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области обороны в апреле 2015 г. и пакета «законов о безопасности» в сентябре 2015 г., речь идет о том, что возможности применения Сил самообороны за пределами Японии будут расширены еще больше.

Но для того, чтобы понять, куда идет военная политика Японии, недостаточно только лишь перечислить предпринятые в этой области шаги, будь то принятие новых программных и нормативных документов, участие Сил самообороны в зарубежных операциях или наращивание их боевого потенциала. Для прогнозирования будущей траектории курса Токио в области национальной безопасности надо понимать его внутреннюю мотивацию. Если допустить, что военная политика Японии рациональна и последовательна, то она должна преследовать определенные цели и, в частности, быть ориентированной на защиту от региональных и глобальных угроз.

Один из очевидных способов определения того, в чем, по мнению японских правящих кругов, состоят эти угрозы, заключается в том, чтобы обратиться к программным документам в области национальной безопасности. И если мы проследим их эволюцию за последние годы, то увидим, что два региональных фактора наиболее явно проявляют себя в качестве источника беспокойства для японских стратегов.

Первый из этих факторов — ракетно-ядерная программа КНДР, широко признаваемая в качестве одной из основных, если не основной проблемой с точки зрения безопасности в Северо-Восточной Азии¹.

Второй фактор, в долгосрочной перспективе, возможно, даже более значимый, чем северокорейский вопрос — это проблема Китая. Она включает в себя несколько элементов. С одной стороны, имеют место конкретные территориальные споры, которые пред-

ставляют потенциальную угрозу безопасности Японии. Прежде всего, это длящийся уже несколько десятилетий спор между Японией и Китаем за острова Сэнкаку/Дяоюйдао. Претензии на эти территории КНР и Тайвань стали выдвигать еще с 1970-х гг., но тогда конфликт удалось заморозить благодаря «формуле Дэн Сяопина», предложившего оставить спор будущим поколениям². Однако политика «согласованного тупика» не могла работать бесконечно, тем более, что запасы углеводородов, имеющиеся в окрестностях этих островов, были нужны как китайской, так и японской стороне. В 2010-х гг. спор вокруг островов периодически становился причиной серьезных кризисов в отношениях Японии и КНР. Регулярными стали вторжения китайских военных судов в японские территориальные воды³, а в ноябре 2013 г. КНР в одностороннем порядке объявила о создании в Восточно-Китайском море опознавательной зоны противовоздушной обороны.

В качестве потенциальной угрозы своей безопасности Токио воспринимает и территориальный спор между Китаем и его соседями из Юго-Восточной Азии за акватории Южно-Китайского моря, приобретший особую остроту после того, как в 2014 г. Китай начал масштабные работы по созданию в спорных акваториях искусственных островов и сооружению на них оборонительной инфраструктуры.

Наконец, Япония настороженно смотрит на рост военной мощи Китая в целом. В «Белой книге» Министерства обороны Японии за 2015 г. особо подчеркивается, что на протяжении двух десятилетий годовой рост расходов КНР на оборону почти постоянно превышает 10 %, и, таким образом, в номинальном выражении военный бюджет Китая вырос в 41 раз с 1988 фин. г. и почти в 3,6 раза с 2005 фин. г.⁴ О том, с какой настороженностью японские политические элиты воспринимают подъем Китая, свидетельствует тот факт, что первоначальный вариант «Белой книги» за 2015 г. был отвергнут комитетом ЛДПЯ по оборонной политике из-за излишне «мягкого» освещения в нем именно китайской проблематики⁵.

Можно сказать, что оба этих аспекта — территориальные споры и настороженность относительно укрепления военной мощи КНР в целом — взаимно усиливают друг друга, создавая напряженность в японо-китайских отношениях и подталкивая Японию к дальнейшим

шагам в области укрепления собственного оборонного потенциала и развития стратегического сотрудничества с США.

Посмотрим, какую роль Китай занимал в программных документах японской военной политики последних лет. В «Руководящих принципах программы национальной обороны» на период с 1996 фин. г. Китай не упоминался вовсе. В аналогичном документе на период с 2005 фин. г. пассаж, посвященный КНР, был достаточно кратким и нейтральным: «[...] Китай, обладающий большим влиянием на безопасность региона, проводит модернизацию своих ракетно-ядерных, военно-морских и военно-воздушных сил, а также планирует расширение деятельности в мировом океане, и необходимо впредь уделять этому внимание». В «Руководящих принципах...» на период с 2011 фин. г. уже указывается, что рост военной мощи Китая и его возможностей проецирования силы, расширение присутствия китайских ВМС в прилегающих к Китаю районах мирового океана, а также «недостаток прозрачности» в области военного строительства КНР «стали причиной беспокойства для региона и международного сообщества». Наконец, «Руководящие принципы...» на период с 2014 фин. г. содержат куда более развернутые и гораздо более критичные по отношению к политике Китая формулировки. В них утверждается, что «Китай принимает меры для укрепления асимметричного военного потенциала, который может быть использован, чтобы блокировать развертывание военных сил других государств в окружающих Китай районах океана». Отмечается, что «Китай быстро наращивает присутствие в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях», что при этом он предпринимает попытки изменения статус-кво при помощи угрозы применения силы. Критикуются провозглашение Китаем в 2013 г. опознавательной зоны противовоздушной обороны в Восточно-Китайском море и регулярные вторжения в японские территориальные воды и воздушное пространство. Все это, как утверждают авторы «Руководящих принципов», вызывает серьезную озабоченность Японии, стран региона и международного сообщества в целом⁶.

Как мы видим, с точки зрения программных документов военной политики Японии Китай рассматривается как потенциальная угроза далеко не только в контексте территориального спора вокруг

островов Сэнкаку/Дяюйдао. Само по себе укрепление военной мощи Китая, расширение его присутствия в мировом океане и изменение баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе воспринимаются как проблемы, требующие адекватного ответа.

Каким же образом тот вызов безопасности Японии, который воплощает в себе Китай, отразился в конкретных шагах японской стороны в области военной политики? Можно выделить два ключевых направления усилий Токио на этом направлении. С одной стороны, Япония наращивает военное сотрудничество с США и с региональными государствами, являющимися частью американоцентричной системы безопасности в АТР. Здесь, прежде всего, следует упомянуть развитие взаимодействия в оборонной сфере со странами Юго-Восточной Азии, что имеет своей целью «сдерживание» территориальных притязаний Китая в Южно-Китайском море. С другой стороны, Япония укрепляет собственную обороноспособность и боевой потенциал Сил самообороны, и именно эти меры далее будут рассмотрены более подробно.

Защита территории самой Японии от военной угрозы со стороны Китая выражается, прежде всего, в повышении внимания к обороне «удаленных островов». Чтобы оценить, как с течением времени менялось отношение к этой проблеме, снова обратимся к сравнению программных документов разных лет.

«Руководящие принципы программы национальной обороны» на период с 1996 фин. г. не упоминают об этом. В «Руководящих принципах...» на период с 2005 фин. г. эта проблема затрагивается в следующем пассаже: «Будет поддерживаться эффективный военный потенциал, делающий возможными оперативную транспортировку и развертывание войск, а также быстрое реагирование на вторжение на удаленные острова». В аналогичном документе на период с 2011 г. данный пункт получает дальнейшее развитие: «В ответ на вторжение на удаленные острова будут быстро развернуты мобильные подразделения, которые совместно с постоянно размещенными там подразделениями остановят и вытеснят вторгнувшиеся силы. При этом в пространстве вокруг этих островов будет обеспечиваться противовоздушная оборона, включая защиту от крылатых ракет, а также будет прочно удерживаться превосходство в воздухе и на море, и будет

обеспечиваться безопасностью морских транспортных путей». И далее: «Что касается защиты островов, на которых Силы обороны не базируются на постоянной основе, то наряду с созданием там минимально необходимых гарнизонов, будут развиваться возможности для создания опорных пунктов для действий войск, а также для обеспечения перемещения, транспортировки и эффективного применения сил [...]». Вполне обоснованным представляется предположение, что появление упоминания о необходимости завоевания господства в воздухе и на море, а также защиты от удара крылатыми ракетами — прямое следствие осознания возросшей мощи вооруженных сил КНР. Наконец, в действующих сейчас «Руководящих принципах национальной обороны» на период с 2014 фин. г. появляется упоминание о необходимости отражения удара не только крылатыми, но и баллистическими ракетами, что, как представляется, иллюстрирует возросшие возможности Японии в области систем ПРО. Кроме того, там говорится о том, что вторжение следует «по возможности останавливать на море», то есть не дожидаясь высадки вражеских войск на японскую территорию, а также ставится цель создания морских десантных сил.

Планы по укреплению обороны удаленных островов уже реализуются на практике. Японские Силы самообороны создают новые гарнизоны на удаленных островах вблизи юго-западных морских рубежей страны. Примером может послужить открытие в конце марта 2016 г. новой оснащенной средствами раннего обнаружения и радиоперехвата базы на острове Ёнагуни, находящемся всего в 110 км к востоку от Тайваня и в 150 км к югу от спорных островов Сэнкаку/Дяоюйдао. До этого самым западным опорным пунктом Сил самообороны был радар на острове Миякодзима, находящемся более чем в 200 км к востоку от Ёнагуни, и для наблюдения за ситуацией в обширных акваториях, лежащих в непосредственной близости к спорным районам Восточно-Китайского моря, японской стороне приходилось полагаться на патрульные суда и самолеты ВМС Сил самообороны, а также суда Береговой охраны, что не позволяло осуществлять круглосуточный контроль.

Японская сторона планирует развивать сеть военных баз, прикрывающих юго-западное направление, и в дальнейшем. Согласно

опубликованным планам, ожидается, что к концу 2018 г. новые военные объекты будут размещены на входящих в префектуру Окинава островах Амами и Миякодзима, а в более поздние сроки — на острове Исигаки. При этом новые базы не только будут выполнять функции наблюдения, но и должны быть оснащены противокорабельными и противовоздушными ракетными комплексами⁷.

Существуют планы разработки новых систем вооружения для укрепления обороны «удаленных островов». Так, в августе 2016 г. в прессе появились сообщения, что Япония собирается создать новый мобильный комплекс противокорабельных ракет с дальностью около 300 км (в полтора раз больше, чем у стоящих сейчас на вооружении Сил самообороны противокорабельных ракет Тип-12), который мог бы быть размещен на Миякодзима и других островах на юго-западе Японии⁸.

Естественно, что все эти шаги вызывают жесткую реакцию властей КНР, обвиняющих Японию в милитаризации региона и называющих «лицемерной» позицию японской стороны, которая критикует рост военного потенциала Китая, при этом наращивая собственную военную мощь⁹.

Другое направление укрепления военного потенциала Японии для противостояния угрозе со стороны КНР выражается в создании морских десантных сил, которые могли бы отбивать захваченные противником острова. С 2012 г. началась подготовка подразделений, из которых к концу 2016 фин. г. должны быть созданы морские десантные силы Сухопутных войск Сил самообороны. Численность этих сил, создаваемых по образцу Корпуса морской пехоты США, должна составить порядка 3000 военнослужащих, и базироваться они будут в городе Сасэбо, на западе острова Кюсю¹⁰.

Формирование японской версии морской пехоты происходит в тесном взаимодействии с американскими союзниками. Совместные тренировки военнослужащих Сухопутных войск Сил самообороны и Корпуса морской пехоты США стартовали еще в начале 2007 г. В июне же 2013 г. японские военнослужащие впервые приняли участие в проводимых ежегодно крупномасштабных учениях «Dawn Blitz», в ходе которых силы ВМС и КМП США отрабатывают высадку с моря. При этом, хотя сами учения проводились у берегов Кали-

форнии, реакция КНР, опять-таки, была резко негативной: китайская сторона даже потребовала не проводить ту часть учений, в ходе которой японские и американские силы отрабатывали взятие под контроль удаленного острова, но эти требования были проигнорированы¹¹.

Итак, растущие опасения относительно угрозы со стороны Китая (прежде всего, в контексте территориального спора вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао) ведут к качественным изменениям в военной политике Японии, и, в частности, к тому, что Япония наращивает потенциал, который может использоваться во время конфликтов за удаленные острова. Как и в случае с другими направлениями оборонной политики Японии, важную роль здесь играет взаимодействие с американскими партнерами.

При этом, с одной стороны, представляется, что действия Токио в этой сфере, в общем и целом, соразмерны ставящимся в программных документах целям. Нет очевидных оснований говорить о том, что это лишь прикрытие для неких далеко идущих агрессивных планов. С другой стороны, меры по укреплению военного потенциала Сил самообороны наталкиваются на жесткую реакцию со стороны Китая, на «сдерживание» которого они, собственно, и направлены, а потому могут стать фактором, подстегивающим региональную гонку вооружений. Именно таков механизм, посредством которого, казалось бы, оборонительная военная политика Японии может оказывать негативное влияние на японо-китайские отношения, на безопасность Азиатско-Тихоокеанского региона в целом и, как следствие, на безопасность Российской Федерации. А потому дальнейшие шаги Токио в области военной политики заслуживают самого пристального внимания российского экспертного и научного сообщества.

Примечания

¹ Дьячков И.В. Северокорейские ядерные кризисы и структура безопасности в СВА // Корейский полуостров: накануне перемен. Материалы XVI научной конференции корееведов России и стран СНГ / отв. ред. А.З. Жебин. М., 2012. С. 32.

² Стрельцов Д.В. Японо-китайский конфликт в Восточно-Китайском море и новая политика Японии в области безопасности // Тихоокеанское обозрение 2012—2013 / ред. Н.П. Малетин, О.В. Новакова, В.В. Сумский. М., 2014. С. 78—79.

³ Там же. С. 83.

⁴ Бо:эй хакусё 2015. URL: http://www.mod.go.jp/j/publication/wp/wp2015/w2015_00.html (дата обращения: 26.10.2016).

⁵ Alarmist defense white paper. 26.07.2015. URL: <http://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/07/26/editorials/alarmist-defense-white-paper/> (дата обращения: 26.10.2016).

⁶ Бо:эй тайко: то бо:эйрёку сэйби. URL: <http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/index.html> (дата обращения: 27.10.2016).

⁷ Ёнагуни сима дэ рикудзи бутай га нимму кайси, хигасисинакай де тю:гоку о канси. 28.03.2016. URL: <http://jp.reuters.com/article/okinawa-idJPKCN0WU0BF?sp=true> (дата обращения: 27.10.2016).

⁸ Deterring China: Japan to Develop New Anti-Ship Missile for Defense of Senkakus. 15.08.2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/08/deterring-china-japan-to-develop-new-anti-ship-missile-for-defense-of-senkakus/> (дата обращения: 27.10.2016).

⁹ China says Japan base shows its hypocrisy on South China Sea. 31.03.2016. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2016/03/31/national/politics-diplomacy/china-says-japan-base-shows-hypocrisy-south-china-sea/#.Vv1O0qSLSUm> (дата обращения: 27.10.2016).

¹⁰ Japan Builds Amphibious Force Modeled on U.S. Marines. URL: <http://www.wsj.com/articles/japan-builds-amphibious-force-modeled-on-us-marines-1405597172> (дата обращения: 27.10.2016).

¹¹ Dawn Blitz grabs China's attention. 10.06.2013. URL: <http://archive.marinecorpstimes.com/article/20130610/NEWS08/306100017/Dawn-Blitz-grabs-China-s-attention> (дата обращения: 27.10.2016).

Добринская Ольга Алексеевна,

к.и.н., старший преподаватель

Дипломатической Академии МИД России,

научный сотрудник Института Востоковедения РАН

СБЛИЖЕНИЕ ЯПОНИИ И НАТО: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. Сближение Японии и НАТО является результатом расширения сферы интересов альянса, а также более активной глобальной дипломатии и оборонной политики, проводимой С.Абэ. Контакты между Японией и НАТО, начавшиеся в 1990-е гг., постепенно переходят в стадию систематического взаимодействия, включающего как политическое, так и практическое сотрудничество. Сближение Японии и НАТО направлено на широкое глобальное сотрудничество, однако региональное взаимодействие носит ограниченный характер. Вовлечение альянса в азиатские дела, с одной стороны, может усилить напряженность в регионе, с другой стороны, оно способно стать фактором, содействующим укреплению доверия в Восточной Азии.

Ключевые слова: НАТО, Восточная Азия, С. Абэ, Афганистан, японо-американский союз.

В отношениях Японии и НАТО в последние годы наблюдается тенденция к установлению более тесного взаимодействия. Политический диалог, установившийся между сторонами в 1990-е годы, переходит в стадию практического сотрудничества на постоянной основе. Способствует сближению внешнеполитический курс нынеш-

него премьер-министра С. Абэ, давнего сторонника расширения японского участия в обеспечении международной безопасности и налаживанию партнерских связей с Североатлантическим альянсом.

Расширение зоны ответственности НАТО после холодной войны, постепенная глобализация интересов альянса привела к установлению новых связей со странами, не являющимися членами НАТО, но проявляющими интерес к сотрудничеству. Для Японии налаживание контактов с НАТО было частью общего курса на сближение с Европой (в 1991 г. Япония подписала Совместную декларацию с ЕС, установила партнерские связи с ОБСЕ, получила статус наблюдателя в Совете Европы). В 1990 г. состоялась первая конференция по безопасности между Японией и НАТО, а с 1993 г. был запущен механизм регулярных консультаций на высоком уровне по линии МИД. Значительный вклад Япония внесла в дело постконфликтной реконструкции Балкан. С середины 1990-х Япония начала оказывать помощь в восстановлении бывшей Югославии, став третьим после ЕС и США донором средств на нужды балканских стран. После военной операции в Косово, которую Токио не поддержал, хотя и выразил «понимание», Япония направила наблюдателей на выборы, а также инструкторов для подготовки местной полиции¹.

Новый импульс дальнейшему сближению придали события 11 сентября 2001 г. Операция в Афганистане, ставшая первой военной кампанией НАТО за пределами географической зоны ответственности альянса, высветила необходимость привлечения военных и финансовых ресурсов извне. Стремление обеспечить не только политическую, но и материальную поддержку операций за пределами европейского континента побудило НАТО к укреплению связей со странами, не участвующими в формальных программах партнерства. Для обозначения подобного формата связей в 2004 г. был введен оборот термин «контактные страны» (позже появился термин «другие партнеры на земном шаре») — государства, не участвующие в механизмах формального партнерства, но разделяющие стратегические интересы и базовые ценности альянса и проявляющие желание взаимодействовать. Принятие в 2010 г. новой стратегии развития, одной из ключевых задач которой стало осуществление «безопасно-

сти на основе сотрудничества», закрепило курс альянса на сближение с «другими партнерами на земном шаре». В свете грядущего вывода войск из Афганистана НАТО поставила целью закрепить опыт привлечения дружественных стран к обеспечению своих глобальных операций и заложить основу для дальнейшего подобного взаимодействия.

Мощной движущей силой сближения НАТО с другими партнерами является внешнеполитический курс США, стремящихся придать организации всеохватный характер. Американцы предложили концепцию «глобальной НАТО»², однако она не получила безусловной поддержки, поскольку, по мнению некоторых ключевых членов, организации следовало бы сохранить европейский формат. Американский разворот в сторону Азии вызвал опасения в том, что США переключат внимание на АТР в ущерб отношениям с Европой, однако Вашингтон дал понять союзникам, что этот разворот не будет означать снижение внимания к европейским делам. По словам бывшего министра обороны Л. Панетты, «Европе не следует опасаться нашего перебалансирования в Азию, Европе следует присоединиться к этому процессу»³.

Ряд стран Азиатско-Тихоокеанского региона, имеющих тесные отношения с США, приняли участие в антитеррористической операции в Афганистане. В 2005 г. Генеральный секретарь НАТО впервые отправился в турне по АТР, где посетил Австралию, Новую Зеландию и Японию, а в 2013 г. впервые посетил Южную Корею. С этими государствами у НАТО подписаны Программы индивидуального партнерства и сотрудничества⁴. Таким образом, новые отношения с Японией логично вписываются в контекст изменившегося подхода НАТО к странам АТР.

Новый Натовский подход нашел положительный отклик в Японии, чему способствовало постепенное повышение внимания к вопросам глобальной безопасности, выход на первый план международной деятельности сил самообороны. Принятие в 1992 г. Закона о содействии международному миру открыло дорогу для участия Японии в операциях ООН по поддержанию мира (ОПМ), хотя оно и носит ограниченный характер. Японские военные совместно с силами НАТО обеспечивали порядок в миротворческих операциях ООН в

Камбодже, на Голанских высотах, в Гаити, Южном Судане. По оценкам С.Абэ, в различных международных операциях было задействовано около 50 тыс. японских военнослужащих⁵.

Участие Японии в операциях в Афганистане и Ираке, хотя и в ограниченном формате, обозначило новые направления взаимодействия в сфере урегулирования конфликтов. Силы самообороны осуществляли снабженческую поддержку коалиции в Индийском океане в операции «Несокрушимая свобода». Несмотря на то, что Япония не направила силы самообороны в состав Международных сил содействия безопасности (МССБ), она внесла существенный вклад в проведение афганской кампании. Токио курировал деятельность по разоружению и возвращению в мирную жизнь боевиков Движения Талибан, оказывал поддержку в финансовом обеспечении и учебной подготовке афганской полиции, осуществлял проекты в сфере безопасности человека в сотрудничестве с натовскими Группами Восстановления Провинций (ГВП). Япония не только стала одним из ведущих доноров восстановления Афганистана, но и взяла на себя роль координатора международной помощи. Во время осуществления миссии по восстановлению Ирака в 2004—2006 гг. силы самообороны работали вместе с натовскими контингентами (британским и голландским).

Взаимодействие вооруженных сил Японии и НАТО не ограничивается помощью в постконфликтном урегулировании. Силы самообороны совместно с войсками НАТО участвовали в ликвидации последствий землетрясения в Пакистане в 2005 г. С марта 2009 г. японские эсминцы в сотрудничестве с НАТО осуществляют миссию по борьбе с пиратством в районе Аденского залива.

Стороны имеют общие интересы в сфере разоружения. Япония входит в «ядро» государств — основателей Инициативы по борьбе с распространением ОМУ (ИБОР), ее наблюдатели неоднократно присутствовали на учениях НАТО в рамках ИБОР. Токио оказывает финансовую поддержку проектов натовских целевых фондов по уничтожению боеприпасов в Афганистане, Таджикистане, Азербайджане, Грузии.

Политическое взаимодействие вышло на новый уровень после того, как в 2006 г. министр иностранных дел Т. Асо посетил Северо-

атлантический совет, где заявил о готовности Японии развивать практическое сотрудничество, в частности, выразил заинтересованность в военных обменах. Представители Управления национальной обороны присутствовали в качестве наблюдателей на учениях НАТО, с 2006 г. был дан старт программе учебных стажировок японских военных в Оборонном колледже НАТО⁶. Через год С. Абэ стал первым главой японского государства, выступившим в Североатлантическом совете. Премьер-министр заверил европейских партнеров в готовности Японии участвовать в международном сотрудничестве по обеспечению мира. Оно рассматривалось как элемент укрепления японо-американского взаимодействия, а в 2007 г. было упомянуто в Общих стратегических целях Японии и США. Сближение с НАТО соответствовало проводимой С. Абэ «дипломатии ценностей», курсу на усиление международной составляющей сил самообороны. При этом Япония не была готова усилить свое присутствие в Афганистане, на чем настаивали Вашингтон и Брюссель (речь шла о направлении в Афганистан гражданских вертолетов для оказания помощи в восстановлении⁷), обозначив свою зону ответственности невоенным участием в укреплении безопасности. С 2007 г. Япония начала сотрудничать с ГВП НАТО по проектам в сфере безопасности человека.

Сближение с НАТО естественным образом вписывается в нынешний политический курс С. Абэ, в основе которого лежат активный пацифизм, предполагающий расширение участия в поддержке мира и безопасности, а также «дипломатия, охватывающая весь земной шар». В Стратегии национальной безопасности Японии от 2013 г. подтвержден курс на укрепление отношений с Европой, включая сотрудничество с Евросоюзом, НАТО и ОБСЕ.

Сотрудничество вышло на новый уровень с подписанием в 2013 г. Политической декларации, зафиксировавшей общность интересов и определившей стратегические направления сотрудничества. В мае 2014 г. премьер-министр посетил Брюссель, где была принята Индивидуальная программа партнерства и сотрудничества, конкретизирующая дальнейшие шаги. Выступая в Североатлантическом совете, С. Абэ назвал Японию естественным и надежным партнером НАТО⁸.

Обозначенные в программе сотрудничества сферы включают как уже существующие направления, такие как обеспечение безопасности на море, гуманитарное содействие, ликвидация последствий стихийных бедствий, борьба с терроризмом и разоружение, комплексное урегулирование конфликтов, так и относительно новые области, такие как защита от кибер-угроз, научно-техническое сотрудничество.

Широкая повестка дня позволяет наладить достаточно плотное военное взаимодействие на постоянной основе, сосредоточиться на политически нейтральных областях, которые не станут раздражителем в отношениях одной из сторон с третьими странами. Такие области как гуманитарное содействие и ликвидация последствий стихийных бедствий помогают выстраивать положительный глобальный образ НАТО, а также подкрепляют миролюбивый имидж сил самообороны. В мае 2014 г. специальная группа подготовила доклад с предложениями в сфере гуманитарного содействия и борьбы со стихийными бедствиями. Это направление является перспективной сферой японо-американского сотрудничества, особенно в свете планов по созданию в Японии логистического хаба по борьбе с последствиями стихийных бедствий.⁹

Обеспечение безопасности морских коммуникаций имеет прямое отношение к национальным интересам Японии и способствует снижению ее уязвимости как морской торговой державы. Стороны уже несколько лет взаимодействуют в Аденском заливе, в Джибути открыта единственная японская зарубежная база. В сентябре 2014 г. прошли первые в истории совместные учения Японии и НАТО по борьбе с пиратством.

Принятие законодательства по обеспечению мира и безопасности расширяет горизонты участия Японии в урегулировании международных конфликтов, открывает дорогу для осуществления вспомогательных функций по обеспечению зарубежных военных операций. Смягчение запретов на экспорт вооружений позволяет полноценно участвовать в многосторонних проектах по созданию вооружений совместно с НАТО.

Перспективы развития сотрудничества Японии и НАТО обусловлены взаимовыгодным характером этих отношений. Для Токио

это сотрудничество является способом укрепления японо-американского союза. Партнерство с НАТО призвано усилить дипломатические позиции Токио в мире, в том числе заручиться поддержкой альянса по волнующим его вопросам безопасности Восточной Азии. Сближение с мощнейшей военной организацией будет способствовать укреплению оборонного потенциала Японии, развитию ее военно-политического комплекса. За счет повышения уровня практического взаимодействия, улучшения оперативной совместимости с НАТО будут заложены прочные основы для участия в многостороннем планировании. Расширение военных обменов, совместные учения, научно-техническое взаимодействие направлены на сближение стандартов деятельности вооруженных сил Японии и НАТО.

Интерес НАТО к партнерству с Японией обусловлен ее статусом главного азиатского союзника США, высокоразвитой научно-технической страны, а также ее мощным финансовым потенциалом. Наличие хорошо подготовленных сил самообороны, способных выполнять миссии по обеспечению безопасности на море, бороться с последствиями стихийных бедствий, а также играть вспомогательную роль в военных операциях, является весомым фактором, определяющим перспективы долгосрочного сотрудничества.

Сближение Японии и НАТО имеет глобальную направленность, однако их региональное взаимодействие носит ограниченный характер. Стремление Токио поддерживать конструктивный диалог с Москвой служит сдерживающим фактором на пути безоговорочной поддержки действий НАТО в Европе. Вовлечение НАТО в дела АТР носит сугубо политический характер и не предполагает какой-либо роли в обеспечении безопасности. Представители альянса подчеркивают, что на НАТО напрямую не влияют проблемы, с которыми сталкиваются Япония и другие страны Восточной Азии в отношении Китая и его военной активности в спорных водах¹⁰.

Повышение внимания НАТО к азиатским делам в результате установления новых отношений со странами АТР и сближение с Японией могут повлиять на безопасность Восточной Азии, хотя это влияние достаточно скромное. Расширение зоны интересов военно-политического союза с участием США не может не вызывать настороженность со стороны Китая. В этом же ключе можно рассмат-

ривать политическую поддержку НАТО позиции Японии в отношении Китая и КНДР. С одной стороны, это придает больший вес ее шагам, направленным на сдерживание Китая и Северной Кореи, с другой стороны, может способствовать дестабилизации региона, если будет воспринято как молчаливое согласие на проведение Японией более жесткой линии в отношении Пекина.

НАТО заинтересована в налаживании доверительных отношений с Китаем, поэтому любое нагнетание ситуации в Восточной Азии, в том числе противостояние Японии и Китая в Восточно-Китайском море, противоречит ее целям проведения сбалансированной азиатской политики. Для стран Европы, не связанных, в отличие от США, союзническими обязательствами с Японией, но имеющих сильную экономическую заинтересованность в поддержании хороших отношений с Китаем, важно сохранить равновесие в отношениях с крупными азиатскими странами, а, следовательно, способствовать налаживанию японо-китайского диалога и становлению механизмов снижения рисков. С этой точки зрения оптимальным вариантом является сотрудничество в сфере таких нетрадиционных вызовов безопасности, как борьба со стихийными бедствиями, борьба с пиратством, поскольку оно будет способствовать налаживанию многостороннего взаимодействия в сфере безопасности, в том числе за счет вовлечения Китая, результатом чего может стать повышение доверия в регионе.

* * *

Сотрудничество со странами АТР стало естественным продолжением деятельности альянса. Партнерство Японии и НАТО отражает глобализацию интересов этой организации, а также стремление японского руководства к укреплению военно-политической роли своей страны в мире. Сближение НАТО и Японии можно рассматривать как часть процесса формирования более тесных связей между европейскими и азиатско-тихоокеанскими союзниками США. Это позволит добиться большей эффективности взаимодействия между американскими союзниками в различных уголках мира при осуществлении Вашингтоном военных операций.

Примечания

¹ *Frattolio O.* Diplomacy in Japan-EU relations: from the Cold war to the post-bipolar era. P. 62.

² Подробней см.: *Далдер И., Джеймс М. Голдгейгер.* Глобальная НАТО // Россия в глобальной политике. 2006. № 5.

³ Panetta calls for more agile NATO with wider strategic focus. Reuters. 18.01.2013 (дата обращения: 18.11.2016).

⁴ В июне 2012 г. — с Новой Зеландией, в сентябре 2012 г. — с Южной Кореей, в феврале 2013 г. — с Австралией, в апреле 2013 г. — с Японией.

⁵ Japan and NATO as «Natural Partners». Speech by Prime Minister Abe. May 6, 2014 / Prime minister's office. URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201405/nato.html (дата обращения: 18.11.2016).

⁶ *Masaki H.* Japanese PM sets out on a new-year mission // Asia times online. 09.01.2007. URL: <http://www.atimes.com/atimes/Japan/IA09Dh02.html> (дата обращения: 17.11.2016).

⁷ NATO chief seeks civilians to rebuild Afghanistan. The Japan times. 15.12.2007 (дата обращения: 10.11.2016).

⁸ Japan and NATO as «Natural Partners». Speech by Prime Minister Abe. May 6, 2014. Prime minister's office. URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201405/nato.html (дата обращения: 17.11.2016).

⁹ Joint statement of the U.S.-Japan security consultative committee. 21.06.2011. U.S. Department of State. URL: www.state.gov/r/pa/prs/2011/06/166597.html (дата обращения: 18.11.2016).

¹⁰ Benefits of closer Japan-NATO cooperation. Interview with A.Vershbow. The Tokyo foundation. 28.09.2015. URL: www.tokyofoundation.org (дата обращения: 18.11.2016).

*Малашевская Мария Николаевна,
преподаватель, ассистент кафедры теории общественного развития
стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский
государственный университет*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОГРАНИЧНЫХ КОНФЛИКТОВ В ЕВРАЗИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ЯПОНСКОГО ЖУРНАЛА EURASIA BORDER REVIEW

Аннотация. Доклад представляет собой обзор исследований, касающихся развития моделей сотрудничества и противостояния в пограничных зонах стран «Большой Евразии», которые представлены на страницах журнала «Eurasia Border Review», издающегося с 2010 г. Центром славянско-евразийских исследований Университета Хоккайдо. В докладе выделены основные тематики, затронутые в «Eurasia Border Review»: нарастание противоречий в Южной Азии, пограничные трения России с соседними государствами от Северной Европы до Восточной Азии, китайская тематика.

Ключевые слова: Большая Евразия, пограничные исследования, Япония и КНР, российско-японские отношения.

«Евразийские исследования» представляют собой относительно молодую отрасль знаний в японской науке, начало разработки которой относится к середине 1990-х гг. Изучение «Большой Евразии» японскими исследователями началось еще в конце 1990-х гг., что было связано с формулированием «евразийской дипломатии» кабинетом Хасимото Рютаро в 1997 г. и поворотом в сторону развития

интенсивных связей между Японией и государствами «Большой Евразии»¹. Детальное изучение данной тематики проводится одним из старейших центров славистики в Японии — Центром славянско-евразийских исследований в Саппоро (Хоккайдо), в котором с 2010 г. издается научный журнал «Eurasia Border Review». К публикациям в журнале привлекаются иностранные и японские ученые; журнал издается на японском и английском языках. Одним из редакторов журнала является Ивасита Акихиро — известный в Японии и России специалист по российско-японским отношениям, который в последние годы сместил фокус своих научных интересов в сторону изучения территориальных разногласий Японии с соседними государствами.

Целью создания журнала является изучение вопросов, связанных с пограничным взаимодействием в Азии и на постсоветском пространстве². Мотивом создания журнала стало то обстоятельство, что в начале XXI в. пограничные разногласия приобрели для Японии особенную актуальность, поэтому редакция журнала считает изучение опыта Индии, Китая и России в данной области ценным с точки зрения интересов и «real politic» Японии.

Южная Азия

Пограничным разногласиям между странами Южной Азии: Индия, Пакистан, Афганистан — уделяется пристальное внимание. Обращают на себя внимание статьи следующих авторов, затрагивающих данную тематику: профессора Кашмирского Университета М.А. Коу, афганского ученого А.Дж. Ливала, профессора Университета им. Джавахарлала Неру Хаппимун Якоба, профессора Хиросимского университета Ёсида Осаму.

М.А. Коу считает пограничные трения между Индией и ее соседями «принципиальным фактором непредсказуемости развития ситуации в Южной Азии»³. В качестве одного из «противоядий» нестабильности в регионе, он предлагает развитие транспортных коридоров, проходящих по путям «Великого шелкового пути» и соединяющих Индию, Пакистан, Афганистан, государства Центральной

Азии, Китай. Они призваны обеспечить безопасность в регионе, сблизить «трех недружественных соседей» и способствовать более глубокой экономической интеграции между странами Южной и Центральной Азии⁴.

А.Дж. Ливал отмечает особую роль в пограничных трениях местных племен (особенно пуштунов). Он обращает внимание на то, что военные методы не могут стать решением накопившихся в регионе проблем, и местные правительства и главный глобальный игрок — США — должны играть более весомую роль в обеспечении местных племен социальными благами (медицина, образование и пр.)⁵.

Профессор Хаппимун Якоб предлагает осмыслить положение в Южной Азии с позиций «новой геополитики», в рамках которой учитываются не только пограничные столкновения, но и динамика локальных политических и социальных изменений с учетом более глобальных системных и не-системных вызовов⁶. Автор вывел оригинальный тезис о роли терроризма в регионе, который он рассматривает как фактор, объединяющий местные сообщества, заставивший пакистанское руководство после 11 сентября 2001 г. пересмотреть свой курс в отношении Индии⁷. В качестве средства для преодоления пограничных противоречий между странами, Хаппимун Якоб предполагает размытие жестких пограничных линий и интенсификацию трансграничного социального и культурного обмена.

Ёсида Осаму считает, что в ближайшем будущем Индия и КНР, имеющие пограничные разногласия, будут стремиться поддерживать мир и стабильность на спорных территориях. Однако, с другой стороны, как две великие азиатские державы, они будут конкурировать за лидерство в Азии, что приведет к обострению их территориальных противоречий⁸.

Китайская проблематика

Пограничным вопросам, связанным с КНР, посвящен специальный летний номер журнала за 2012 г. под названием «Границы Китая после революции. 1940—1960-е гг.», а также две статьи профессора Университета Оберлин в Токио Сато Коити, опубликован-

ные в 2012—2013 гг. В специальном номере журнала отмечены все известные территориальные конфликты Китая с соседними государствами на севере, западе и юге. Особенное внимание уделено советско-китайским пограничным разногласиям в 1950—1960-х гг., а также китайско-индийской пограничной войне 1962 г. Патетика номера сведена к пристальному изучению истории возникновения пограничных трений между КНР и ее соседями.

Статьи Сато Коити затрагивают восточное направление, т. е. освещают современное положение дел в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Его основной тезис заключается в том, что КНР является основным агрессором в регионе, предъявляющим территориальные требования соседним государствам, вольно интерпретируя международное морское законодательство. Автор подчеркивает, что КНР трактует свои границы исходя из того, что в морском пространстве она проходит по средней линии или относит островные территории к континентальному шельфу, что привело к возникновению напряженности с Японией, Вьетнамом⁹. Сато Коити, отталкиваясь от 74 статьи морской конвенции ООН, подвергает критике то, что КНР продолжает линию своей границы, относя острова в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях к континентальному шельфу. Главным тезисом статей становится доказательство неправомочности территориальных притязаний КНР к соседям с точки зрения международного права, и ставит главой целью не теоретическое осмысление ситуации, а в конечном итоге апологию японского права на острова Сэнкаку.

Российская проблематика

Видное место занимают статьи о ситуации в России. В качестве основных можно выделить следующие темы: развитие Приморья и китайский фактор, Россия и страны Центральной Азии, Россия и европейские соседи — Финляндия, Украина. Японских ученых привлекают вопросы исторического характера, а иностранных — скорее политологические и социологические аспекты отношений России и соседей.

Вопросы, связанные с северо-западными границами России затронуты в статьях финской исследовательницы Марии Лахтенмааки и эстонской исследовательницы Марджит Саарэ. В статье М. Лахтенмааки говорится о проблеме проведения границы между Россией и Финляндией в 1910—1920-е гг. на Карельском перешейке. Автор отмечает особенную роль Терийоке (соврем. Зеленогорск), который рассматривается в качестве окна в западный мир, важнейшую культурную границу между славянским миром и западным миром¹⁰. Она настаивает на термине «этническая граница» именно в районе нынешнего Зеленогорска, и выдвигает тезис о насильственной русификации региона в первой трети XX в. В статье М. Саарэ рассмотрено современное состояние пограничного взаимодействия между эстонским и российским населением в районе Чудского озера. Автор говорит об интенсивных коммерческих и социальных связях между жителями пограничья и выдвигает идею о позитивном фундаменте для развития двухсторонних отношений (туризм, торговля, сотрудничество на уровне муниципалитетов, образование, окружающая среда). Она подчеркивает, что зона исследуемого ей пограничья является слабо развитой в хозяйственно-экономическом плане как с российской, так и с эстонской стороны, что роднит обе страны. В статье детально разобран опыт проекта «EUBORDERREGIONS» (2011—2015 гг.), который направлен на улучшение положения на границе России и Эстонии в качестве программы укрепления экономической ситуации в граничащих с Евросоюзом странах¹¹. Данная статья отличается тем, что в ней на передний план выведен вопрос развития модели сотрудничества между Россией и Эстонией, а не изучение острых вопросов.

Журнал не обошел стороной проблему российско-украинских противоречий. В осеннем номере за 2015 г. помещена статья польского политолога Марека Менкишака, в которой разногласия России и Украины относительно Крыма трактуются в качестве иллюстрации того подхода, который Россия применяет в отношении своих границ. Этот эксперт рассмотрел исторические аспекты развития российско-украинских пограничных вопросов, начиная с XVII в. Особенное внимание уделено ситуации, сложившейся в 2012—2014 гг. Статья пронизана антироссийской патетикой, поэтому

оценки автора сводятся к критике в отношении действий Москвы на Украине. Он подчеркнул, что был «создан опасный прецедент, подрывающий мирный порядок в Европе и, если смотреть шире, в Северной Евразии»¹². Хотя украинская тема может рассматриваться в русле «Border Studies», надо отметить, что ей отведено довольно скромное место, в то время, как вопросы российско-китайского пограничья рассмотрены намного основательнее.

Профессор Университета Сан-Диего, специалист по миграции на постсоветском пространстве М. Алексеев достаточно пессимистично рассматривает положение на российско-китайской границе. В статье «Пограничное размежевание, кросс-границная миграция, межэтническая ненависть на русском Дальнем Востоке» говорится в основном о российско-китайских отношениях и их болевых точках (например, вопрос о-ва Даманский), о негативных этнических стереотипах в отношении китайцев среди российского населения. В заключении автор подводит читателя к тому, что враждебное отношение к китайским мигрантам в Приморском крае обусловлено большим потоком переселенцев, которые воспринимаются местным населением в качестве захватчиков («соседи-захватчики»)¹³. В других номерах журнала размещены статьи русскоязычных авторов, в том числе М. Алексеева, которые указывают на китайскую угрозу в пограничной зоне. В данном случае, на передний план выводится наиболее негативные аспекты российско-китайских отношений, что, видимо, продиктовано политикой журнала.

В качестве программной можно рассматривать статью главного редактора Ивасита Акихиро, выполненную совместно с исследователем Сато Каору. В исследовании говорится о состоянии российско-китайских пограничных переговоров и демаркации российско-китайской границы в 1990—2000-е гг. В фокусе статьи находится не дипломатический процесс, а изменение статуса островов, которые в соответствии с двухсторонними соглашениями передавались Россией Китаю. Авторы особенно тщательно исследовали прецедент, связанный с островами Тарабарский и Большой Уссурийский, который в 2004—2005 гг. был разделен на две части — русскую и китайскую. Ивасита и Сато рассматривают это соглашение в качестве возможности для русских и китайцев создать прочный альянс.

Однако авторы подчеркивают, что стороны могут загнать себя в ловушку совместного владения островами, влекущего конфликтные ситуации¹⁴. Эта статья, очевидно, призвана проанализировать опыт российско-китайских переговоров с целью изучения и возможного применения подобной схемы на ниве российско-японских «территориальных переговоров».

Обращает на себя внимание сахалинская проблематика — статьи японских историков Накаяма Тайсё и Аmano Наоки. Накаяма Тайсё изучал положение корейцев на Сахалине¹⁵. Автор, проводя анкетирование и опросы среди местного населения, пришел к выводу, что сахалинские корейцы в период японской колонизации (до 1945 г.), несмотря на наличие японского гражданства, в действительности представляли из себя этническое меньшинство и «недонарод»¹⁶. Однако после занятия Сахалина советской армией, как утверждает автор, местные корейцы не получили равных прав с русскими. Аmano Наоки в своей работе провел детальный анализ положения ссыльных преступников и расположенной на Сахалине каторги в период 1850—1905-х гг.¹⁷ Автор полагает, что Сахалин для Российской Империи являлся «Входом в Азию», однако его основной функцией были поставки ресурсов в метрополию (уголь). По гипотезе Аmano Наоки, Сахалин воспринимался до 1905 г. как ссыльная территория, и, несмотря на серьезные изменения в экономике острова, этот факт не смог сломить сложившегося в России негативного стереотипа о нем.

Из интересных и злободневных работ хотелось бы отметить исследование профессора Ониси Фудзиро из Университета Нихон об арктической зоне. Автор выдвинул любопытный тезис об «арктическом региональном порядке», основываясь на концепции «регионального порядка», предложенного маститым английским исследователем международных отношений Хедли Буллом. Он видит арктический регион уникальным, поскольку в нем не функционируют государственные институты в классическом понимании, а само географическое положение Арктики заставляет страны, имеющие арктические границы, следовать строгим правилам сосуществования. Что показательно, автор подчеркнул, что странам «Арктического клуба» приходится искать компромиссные формы взаимодействия¹⁸.

* * *

Настоящий обзор дает возможность проанализировать тенденции развития «Border Studies» в Японии. Авторы издания стремятся достичь поставленной цели и охватить весь спектр пограничных вопросов, модели пограничного взаимодействия в странах «Большой Евразии».

Автор настоящего доклада изначально планировал изучить пограничные конфликты стран, входящих в мегарегион, однако по ходу исследования обнаружили интересные материалы, свидетельствующие о попытке поиска парадигмы сотрудничества в тех зонах, где традиционно существовали разногласия. В целом, материалы журнала свидетельствуют как о практическом интересе для японской политики в регионе, так и о стремлении теоретически осмыслить принципиально новое мегарегиональное пространство от Японии и Индии до Финляндии и Эстонии.

Примечания

¹ Address by Prime Minister Ryutaro Hashimoto to the Japan Association of Corporate Executives. 24.07.1997. URL: <http://japan.kantei.go.jp/0731douyukai.html> (дата обращения: 30.10.2016).

² The Eurasia Border Review. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/index4.html> (дата обращения: 30.10.2016).

³ Kaw M.A. Border Politics in South Asia: A Case Study of India, Pakistan and Afghanistan // Eurasia Border Review. 2010. Vol. 1. № 1. P. 50—51.

⁴ Ibid. P. 56—57.

⁵ Liwal A.G. Areas between Afghanistan and Pakistan and the Present Turmoil // Eurasia Border Review. 2010. Vol. 1. № 1. P. 83—84.

⁶ Happyton Jacob. Contours of the Contemporary Kashmir Conflict: Geopolitics, Soft Borders and India-Pakistan Relations // Eurasia Border Review. 2011. Vol. 2. № 1. P. 18.

⁷ Ibid. P. 22—23.

⁸ 吉田修. インドの対中関係と国境問題 // 『境界研究』. 2010/ № 1. P. 69—70.

⁹ Sato Koichi. China's Territorial Claims at Sea: The East China and South China Sea // Eurasia Border Review. 2012. Vol. 3. № 1. P. 21.

¹⁰ *Lähteenmäki M.* The Making of a Barrier between Two Worlds: Finnicization on the Finno-Russian Border in the 1910s-20s // *Eurasia Border Review*. 2012. Vol. 3. № 1. P. 40.

¹¹ *Säre M.* Non-state Actors and Local Interest Groups in the Estonian-Russian Border Region, Transboundary Lake Peipsi Area // *Eurasia Border Review*. 2013. Vol. 4. № 1. P. 99—101.

¹² *Menkiszak M.* Borders in Flux: Ukraine as a Case Study of Russia's Approach to its Borders // *Eurasia Border Review*. 2015. Vol. 6. № 1. P. 84.

¹³ *Alexseev M.* Border Demarcation, Cross-Border Migration, and Interethnic Hostility in the Russian Far East // *Border Review*. 2012. Vol. 3. № . 2. P. 19.

¹⁴ 岩下明 裕, 伊藤薫. 中ロ国境交渉の今 — ヘイシャーズ島から考える // 『境界研究』. 2012. № 3. P. 146.

¹⁵ 中山大将. サハリン韓人の下からの共生の模索 — 禰太・サハリン・韓国を生きた禰太移住韓人第二世代を中心に — // 『境界研究』. 2015. № 5. P. 1—27.

¹⁶ *Ibid.* P. 24.

¹⁷ 天野尚樹. サハリン流刑植民地のイメージと実態 // 『境界研究』. 2010. № 1. P. 113—144.

¹⁸ *Ohnishi Fujio.* The Struggle for Arctic Regional Order: Developments and Prospects of Arctic Politics // *Eurasia Border Review*. 2014. Vol. 5. № 2. P. 88.

*Харитонова Дарья Викторовна,
аспирант Московского государственного
областного университета, научный сотрудник
Отдела евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ*

УКРЕПЛЕНИЕ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАК ОСНОВНОЙ ВЕКТОР РОССИЙСКОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. За последний год российско-японское политическое и экономическое сотрудничество показало свое развитие, даже в условиях сохранения направленных против РФ финансово-экономических санкций и нерешенности так называемой проблемы «северных» территорий. Для Москвы приоритетным направлением развития двусторонних отношений является вовлечение Токио в освоение российского Дальнего Востока. В частности, крайне желательно не только остановить отток населения из этого региона, но и сделать его экономически благополучным на основе развития территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток. Только приход в этот регион Японии позволит добиться баланса в нем внешнеполитических игроков. Первым шагом в этом направлении должна стать реализация восьми направлений по тридцати проектам, согласованных между лидерами наших стран вначале в Сочи, а затем во Владивостоке во время Второго экономического форума.

Ключевые слова: Япония, Россия, «северные» территории, Дальний Восток, ТОР, экономические проекты.

В 2016 г. наблюдалась высокая динамика развития российско-японских отношений, что дает надежду в будущем на укрепление их позитивного тренда. Но так было не всегда. В прошлом два соседа часто воспринимали друг друга враждебно, что влияло на массовое сознание населения и политической элиты «Страны восходящего солнца». В связи с этим принципиально важное для Японии значение имеет вопрос о принадлежности «северных» территорий. Эксперт К. Иокибэ отмечает, что японское правительство может проявить некоторую гибкость при определении последовательности возвращения спорных территорий, но оно не может согласиться на возвращение только двух вместо четырех островов¹. В свою очередь президент России В.В. Путин перед началом Восточного экономического форума (ВЭФ) в сентябре 2016 г. заявил агентству Bloomberg, что «Россия не торгует территориями». Тем не менее, под руководством премьер-министра Японии С. Абэ и президента России В. Путина в среднесрочной перспективе возможны некоторые положительные сдвиги по вопросу совместного развития не только «спорных» территорий, но и Дальнего Востока России (ДВР).

Политические аспекты российско-японских отношений

Россия рассматривает Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) как стратегический с точки зрения развития экономических и политических связей. По мнению эксперта Ц. Акаха баланс сил в Восточной Азии существенно изменился в результате относительного уменьшения влияния в регионе США, впечатляющего подъема в течение последних 20 лет Китая и стагнации экономики Японии². В таких условиях эксперт Д. Стрельцов считает, что России очень важно уделять особое внимание формированию стратегий внешней политики по отношению к государствам АТР и нахождению соответствующего баланса между ними. Отметим, что центральную роль в стратегии внешней политики РФ отводится формированию диверсифицированных устойчивых отношений Москвы и Токио, во избежание тотальной зависимости и монополизации рынка российского Дальнего Востока от Китая³.

По мнению экспертов, России необходимы хорошие отношения с Японией как одной из ключевых стран Северо-Восточной Азии (СВА) для углубления экономической и политической интеграции в АТР⁴. Следовательно, стратегия внешней политики России на восточном направлении должна обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие ДВР при участии ведущих стран АТР. Помимо экономической составляющей в интенсификации российско-японских контактов Токио придает приоритетное значение неблагоприятным для него геополитическим условиям в контексте сложных отношений между Москвой и Вашингтоном⁵.

Так, в ноябре 2016 г. на островах Итуруп и Кунашир размещены береговые ракетные комплексы «Бал» и «Бастион». Учитывая активизацию российско-японских отношений на высшем уровне, в настоящее время вопрос о военном решении территориальных претензий Японии к России на повестке дня не стоит. Тем не менее, на Южных Курилах (о-вах Итуруп и Кунашир) располагается гарнизон 18-й пулеметно-артиллерийской дивизии с численностью до 3,5 тыс. военнослужащих.

Некоторые эксперты находят ответ на территориальные претензии Японии в формуле «два+альфа», согласно которой Россия передаст Японии контроль над островами Хамобаи и Шикотан, как это предусмотрено Совместной декларацией от 19 октября 1956 г. При этом под «альфой» понимается создание совместной экономической зоны на островах Кунашир и Итуруп со специальным, приемлемым для обеих сторон правовым статусом. Япония рассчитывает на уступки со стороны России, которая заинтересована в развитии двусторонних экономических отношений. Но для решения территориальной проблемы необходима не только политическая воля наших лидеров, но и поддержка со стороны собственного населения⁶.

Тезис о необходимости возврата «северных территорий» обеспечивает электоральную поддержку японским политическим партиям. В связи с этим наблюдается высокая активность групп давления (лоббистов), которые не заинтересованы в урегулировании с Россией территориального спора. Таким образом, территориальный спор с Россией является внутренним ресурсом политического капитала

японских политиков, а не серьезной проблемой международного характера. Поэтому прогресс в урегулировании такого территориального спора возможен лишь в будущем, когда проблема «северных территорий» потеряет нынешнюю роль во внутренней политике Японии.

Согласно некоторым японским источникам, на сочинской встрече в мае 2016 г. премьер-министр С. Абэ предложил президенту России В.В. Путину несколько вариантов политического урегулирования проблемы «северных территорий». На официальном уровне это опровергается, но заявляется о желательности подписания с Россией соглашения, расширяющего возможность безвизовых поездок на Южные Курилы для собственных граждан. Как считается, это станет шагом к ведению в будущем совместной экономической деятельности на Южных Курилах.

Российско-японские экономические отношения и развитие ДВР

Япония может стать одним из ключевых партнеров России в развитии ее дальневосточных регионов. Так, на встрече в Сочи в мае 2016 г. С. Абэ предложил президенту России В.В. Путину восемь областей для инвестиций: энергетика, транспорт, сельское хозяйство, технологии, здравоохранение, городская инфраструктура, культура, малый и средний бизнес. Общая сумма японских инвестиций по плану из восьми пунктов С. Абэ в развитие Дальнего Востока России оценивается в 10 млрд долл. Российская сторона представила японским инвесторам 29 проектов общим объёмом 16 млрд долл⁷.

На ВЭФ в 2016 г. одной из самых значительных была японская делегация. С ней были заключены соглашения по 20 проектам на общую сумму 82,86 млрд руб. (примерно 1,3 млрд долл.). В ходе форума японской делегацией была поддержана инициатива президента России В.В. Путина о создании энергомоста Сахалин-Хоккайдо и «Азиатской суперсети», которая объединит Россию, Японию, Республику Корея и Китай. Отметим, что на о. Сахалин в октябре 2016 г. началась установка генераторов для обеспечения электро-

энергией Японии, а также прорабатывается проект газопровода о. Сахалин-Токио⁸.

Следует заметить, что после аварии на АЭС «Фукусима-1» Япония стала ограничивать использование атомной энергии, поэтому она заинтересована в диверсификации источников поставок углеводородного сырья. Токио необходимо обеспечить энергетическую безопасность страны, и значительный поток японских инвестиций попадает в совместную нефтегазовую компанию «Сахалин Энерджи». В качестве примера участия Японии можно отметить проекты «Сахалин-1» и «Сахалин-2» с долей Японии 30 % и 22,5 % соответственно (75 % сжиженного природного газа поставляется в Японию). Отметим, что товарооборот между о. Сахалин и Японией в 2015 г. составил 6 млрд долл., что составляет почти 30 % от общего торгового оборота между Москвой и Токио. Одновременно расширяются как поставки СПГ в Японию, так и возможности участия компаний и банков этой страны в возведении второй очереди проекта «Ямал СПГ». Инвестиции Японского банка по международному сотрудничеству (JBIC) в проект «Ямал СПГ» составляют 200 млн евро. Интерес японских инвесторов также проявлен к строительству завода по сжижению природного газа «Арктик СПГ-2».

В качестве наиболее эффективного механизма реализации внутренней стратегии России на Дальнем Востоке стало создание территорий опережающего социально-экономического развития (ТОР), где необходимым условием работы ТОР является создание соответствующей инфраструктуры и транспортных коридоров. Примером японского участия в ТОР «Хабаровск»⁹ является компания «JGC Corporation», которая построила тепличный комплекс с использованием передовых аграрных японских технологий. На ВЭФ в 2016 г. компания «JGC Corporation» заявила о желании участвовать в тендере на строительство крупного газоперерабатывающего завода на р. Амур¹⁰. Вторым проектом в ТОР «Хабаровск» стала «зеленая фабрика» по производству салатов, пряных трав и другой зелени по технологиям компании «Mirai»¹¹. Помимо этого, был открыт небольшой завод хлебобулочных изделий «Белхлеб» в ТОР «Белогорск».

В 2016 г. японская компания «Mirai» стала рассматривать вопрос о строительстве на Сахалине мини-завода по сжижению природного

газа. Следовательно, интерес японских компаний в сфере сельского хозяйства менее значителен и в большей степени он ориентирован на поставку энергоносителей из разных субъектов ДВР. Компания «Marubeni» прорабатывает ряд проектов на Дальнем Востоке от угледобычи с российской компанией «Колмар» до строительства зерновых терминалов и увеличению поставок сельхозпродукции в Японию. У компании также имеется интерес к природным ресурсам Южной Якутии, поэтому в 2016 г. Минвостокразвитие приступает к созданию ТОР «Южная Якутия»¹².

Помимо этого, между министерством сельского хозяйства Японии и Минвостокразвития прорабатываются 18 направлений взаимодействия для подписания соответствующих соглашений в ходе предстоящего визита российского президента в Японию 15–16 декабря 2016 г. В частности, с японской стороны выносятся инициативы о создании агропромышленной платформы для привлечения инвестиций в сельскохозяйственный сектор экономики Дальнего Востока. Российская сторона инициировала создание совместного фонда в сфере морских ресурсов, который может стать ядром данной платформы. Отметим, что Россия и Япония в октябре 2016 г. договорились о создании рабочей группы по экономическому сотрудничеству, а также был создан Совместный инвестиционный фонд на 100 млрд иен между JVIC и Российским фондом прямых инвестиций. По-видимому, в дальнейшем инвестиционная активность японской стороны будет сталкиваться с политическими проблемами принадлежности «северных территорий». Но уже сейчас, как отмечает эксперт А. Габуев, Япония лидирует по количеству знаковых проектов в экономику России.

Заключение

Несмотря на высокую политическую активность японские бизнесмены больше присматриваются к инвестиционным проектам на Дальнем Востоке России и не спешат вкладывать серьезные финансовые средства, учитывая, как они полагают, непредсказуемую политику Правительства РФ и бюрократические проволочки со сторо-

ны российских властей. Однако, по мнению президента «Sasakawa Peace Foundation» И. Тонака, самое важное в отношениях между нашими странами — это не бизнес, а политика. Дело в том, что в «Стране восходящего солнца» нет влиятельных кругов, которые были бы заинтересованы в сохранении хороших отношений с Россией. При этом стоит учитывать, что японский бизнес надеется на помощь со стороны С. Абэ, но не прислушивается к просьбам премьер-министра. Взаимодействие между Москвой и Токио в 2016 г. осуществляется на очень высоком уровне. В связи с этим план премьер-министра Японии С. Абэ служит неким сигналом по дифференциации политики и экономики в российско-японских отношениях, где кадровые назначения в японском правительстве говорят о потенциале двустороннего сотрудничества. Для Токио крайне важным остается обеспечение энергетической безопасности, а для Москвы — экономическое развитие Дальнего Востока.

В настоящее время в Японии обсуждается новая позиция, которая предусматривает подписание мирного договора с Россией на условиях передачи Токио острова Шикотан и прилегающей необитаемой гряды Хабомаи. А после подписания мирного соглашения продолжаются переговоры по поводу более крупных островов Кунашир и Итуруп с учетом того, что Япония согласится, чтобы в тексте мирного договора была подчеркнута «передача», а не «возвращение» островов, на чем настаивает японская сторона. Полагаю, что в ходе предстоящих переговоров лидеров России и Японии в декабре 2016 г. в префектуре Ямагути возможен некоторый прогресс на переговорах по территориальной проблеме. Однако трудно сказать о заключении в ближайшее время мирного договора, так как российской стороне необходимо взвесить ещё раз все риски и просчитать последствия подписания данного соглашения.

Тем не менее, японо-российские отношения направлены в будущее. И вполне вероятно, что по итогам визита российского президента в Японию будет подписано соглашение о возможности либерализации визового режима между Россией и Японией. Это станет первым шагом не только для ведения в будущем совместной экономической деятельности на спорных островах, но и экономического развития с японской помощью российского Дальнего Востока.

Примечания

¹ *Иокибэ К.* Япония и Россия: трактовка истории и территориальная проблема // Проект «Экспертный диалог по проблемам российско-японских отношений». Рабочие материалы. Московский Центр Карнеги. М., 2016. С. 21.

² *Akaha T.* Russia and Japan: From Distant Neighbors to Future Partners / Russia and Japan. Looking together into the future // Vladivostok: FEFU, 2016. P. 11.

³ *Кашин В.* Российский подход к проблемам региональной безопасности в АТР // Проект «Экспертный диалог по проблемам российско-японских отношений». Рабочие материалы. Московский Центр Карнеги. М., 2016. С. 15.

⁴ *Streltsov D.* Russo-Japanese Relations: A Skeptical View / Russia and Japan. Looking together into the future // Vladivostok: FEFU, 2016. P. 28.

⁵ С 2016 г. на о. Матуа (Курильские о-ва) строится новая российская военная база, которая будет иметь стратегическое значение. Будет располагаться аэродром для базирования стратегических бомбардировщиков Ту-22М3, способных нести крылатые ракеты воздушного базирования.

⁶ *Streltsov D.* Russo-Japanese Relations: A Skeptical View / Russia and Japan. Looking together into the future // Vladivostok: FEFU, 2016. P. 28.

⁷ Санкциям назло: что стоит за сближением Москвы и Токио. URL: https://lenta.ru/articles/2016/05/26/economic_relations/ (дата обращения: 26.09.2016).

⁸ Длина газопровода составляет 1500 км, стоимость проекта 700 млрд иен. Пропускная способность 25 млрд куб. м. в год. Прибыль ПАО «Газпром» около 200 млрд иен в год.

⁹ Общий объем инвестиций японской компании «JGC Corporation» в ТЕР «Хабаровск» составляет 2,5 млрд руб.

¹⁰ JGC намерена участвовать в тендере на строительство газоперерабатывающего завода на Амуре. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3586653> (дата обращения: 12.11.2016).

¹¹ *Оратай В.* Накормить себя и отдать Китаю лишнее. URL: <http://expert.ru/expert/2016/35/zachem-razdayut-dalnevostochnye-gektary/> (дата обращения: 11.10.2016).

¹² Галушка: создание ТЕР «Южная Якутия» может начаться в этом году. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3669594> (дата обращения: 12.11.2016).

*Волощак Валентин Игоревич,
магистрант кафедры Тихоокеанской Азии
Дальневосточного федерального университета*

ОСВЕЩЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСМОТРА 9-Й СТАТЬИ КОНСТИТУЦИИ ЯПОНИИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация. В условиях XXI в. перед руководством Японии поднялся вопрос о необходимости пересмотра 9-й статьи, провозглашающей пацифистские принципы японской политики. После прихода к власти Либерально-демократической партии Японии в 2012 г. администрация Синдзо Абэ начала предпринимать активные шаги по реформированию конституции. Подобная инициатива не могла не вызвать общественный резонанс. Дискуссия по конституционной реформе также разразилась и в Республике Корея, обладающей одними из наиболее мощных вооруженных сил в Восточной Азии. Реакция корейского общества требует особого изучения, являясь важным показателем двусторонних отношений государств и политической ситуации в регионе.

Данная работа представляет собой обзор материалов южнокорейских средств массовой информации, связанных с вопросом пересмотра 9-й статьи конституции Японии. С целью выявления общего отношения корейской общественности к военной политике Японии проводится анализ содержания текстов и формулировок, использованных авторами в материалах, подготовленных на английском и корейском языках для изданий «Чунан ильбо»,

«Чосон ильбо», «Тона ильбо», «Хангук ильбо», «Кёнхян синмун», «Хангёре», «Кунмин ильбо» и «The Korea Times».

Ключевые слова: Республика Корея, Япония, СМИ, конституционная реформа, силы самообороны.

Современная военно-политическая обстановка в Восточной Азии до сих пор во многом определяется порядком, заложенным в середине XX в. в рамках Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Большое значение для обеспечения безопасности региона имеет особый статус Японии, отказавшейся от ведения войны как средства решения внешнеполитических проблем. Пацифистские принципы японской политики были сформулированы по итогам Второй мировой войны и закреплены в 9-й статье Конституции Японии, принятой 3 мая 1947 г. Глобальные перемены на рубеже XX—XXI вв. выдвинули перед японским руководством проблему пересмотра 9-й статьи, и в 2012 г., после прихода к власти правительства Либерально-демократической партии во главе с Синдзо Абэ, были начаты активные действия по пересмотру Конституции. Подобная инициатива, касающаяся фундаментальных принципов японской государственности, не могла не вызвать общественный резонанс как в Японии, так и в соседних странах.

Ревизия 9-й статьи Конституции напрямую затрагивает интересы ближайших соседей Японии. Дискуссия о японской конституционной реформе развернулась и в Республике Корея, обладающей одним из наиболее мощных военных потенциалов в Восточной Азии и АТР. Реакция корейской общественности требует особого изучения, являясь важным показателем двусторонних межгосударственных отношений и политической ситуации в регионе. Данная работа представляет собой обзор материалов южнокорейских средств массовой информации, связанных с ревизией 9-й статьи Конституции Японии. С целью выявить отношение корейского общества к военной политике Японии проводится анализ текстов и формулировок, использованных авторами в материалах, подготовленных на английском и корейском языках и опубликованных в массовых общественно-политических газетах «Чунан ильбо», «Чосон ильбо», «Тона ильбо», «Хангук ильбо», «Кёнхян синмун», «Хангёре», «Кунмин ильбо»

и «The Korea Times». Хронологические рамки исследования включают период с 2012 г. по настоящее время.

В материалах одной из крупнейших консервативных газет Южной Кореи «Чосон ильбо» четко прослеживается антиревизионистская линия. В англоязычной службе газеты доминирует отрицательная, но сдержанная оценка попыток пересмотра 9-й статьи, при этом особо выделяется роль С. Абэ — по мнению авторов «Чосон ильбо», именно инициативы Абэ являются движущей силой конституционной реформы. Критику вызвал тот факт, что 9 августа 2015 г. во время посещения торжественной церемонии, посвященной 70-тилетию атомной бомбардировки Нагасаки, С. Абэ не сделал заявление о недопущении создания ядерного оружия в Японии, в отличие от церемонии в Хиросиме неделей ранее. Регулярные посещения С. Абэ «противоречивого» синтоистского храма Ясукуни, обладающего репутацией святыни японского милитаризма, трактуются как показатели его приверженности к политике военного усиления Японии¹. Также, в обсуждении речи С. Абэ на пресс-конференции в мае 2014 г., корейские журналисты сочли необубедительными его заверения в том, что пересмотр 9-й статьи Конституции не станет причиной гонки вооружений в Северо-Восточной Азии². В целом, в англоязычном «Чосон ильбо» утверждается, что большинство японцев выступает против конституционной реформы, но значительная часть общества все-таки поддерживает ее (причиной чего является ведущая роль блока С. Абэ в парламенте). Авторами подчеркнута слабость оппозиции и отсутствие альтернатив курсу премьер-министра. С точки зрения корейского общества, «противоречивая» позиция С. Абэ по изменению Конституции может привести к «крупнейшему сдвигу в политике Японии после формирования Сил самообороны в 1954 г.»³, а также к возвращению Японии в «консервативное, авторитарное прошлое».

В версии «Чосон ильбо» на корейском языке уделяется гораздо большее внимание личности С. Абэ в вопросе пересмотра 9-й статьи Конституции. Утверждается, что премьер-министр поднял тему конституционной поправки с целью повысить собственную популярность, и продвижение этой идеи было центральным пунктом в кампании Абэ на парламентских выборах. Кроме того, в материалах

газеты было отмечено, что Абэ рассматривает действующую конституцию как документ, навязанный «оккупационными силами» в лице США и заявляет, что в силах японцев изменить это⁴. Реакция оппозиции видится корейскими авторами достаточно пассивной, в текстах освещается деятельность номинированной в 2014 г. на получение Нобелевской премии мира японской пацифистской организации «Общество 9-й статьи», выступающей против ревизии Конституции, однако эффективность подобных инициатив оценивается как достаточно низкая. Общая точка зрения, представленная в «Чосон ильбо» заключается в том, что Конституция может являться неактуальной в современной обстановке в мире и требовать определенных изменений, однако 9-я статья не относится к числу вещей, нуждающихся в пересмотре⁵. Главной движущей силой реформ является лично С. Абэ, а для корейцев, не забывающих о «женщинах комфорта» и вторжении Японии в Китай, сегодня особенно важно обратить внимание на обстановку в современной Японии.

Другое консервативное издание «Тона ильбо» также придерживается критической точки зрения на конституционную реформу и дает достаточно сдержанные и близкие к нейтральным оценки. Утверждение новой редакции школьного учебника по истории, по мнению корейских журналистов, произошло под значительным влиянием кабинета С. Абэ, ранее инициировавшего снижение избирательного возраста до 18 лет. Таким образом, введение нового учебника, содержащего новую интерпретацию 9-й статьи Конституции и противоречивое описание проблемы «женщин комфорта», оценивается как популяризация идей С. Абэ и создание для него электората в будущем. В «Тона ильбо» поднимается тема посещения премьер-министром храма Ясукуни, которая также истолковывается как публичная демонстрация приверженности милитаристским идеям. Авторы находят символическим тот факт, что учебный истребитель Сил самообороны Японии, в кабине которого был сфотографирован Абэ, имеет бортовой номер 731, ассоциируя это с группой японских военных преступников 1930—1940-х гг., известной как «отряд 731»⁶. В целом, «Тона ильбо» достаточно нейтрально реагирует на ситуацию в Японии, отмечая, что японское руководство прак-

тически не испытывает влияния со стороны США, которые считают ревизию Конституции «внутренним делом Японии».

В правоконсервативной газете «Чунан ильбо» даются двойкие оценки относительно конституционной реформы. В англоязычном сегменте газеты превалирует негативная реакция на инициативы С. Абэ. Упоминается, что его дедом был премьер-министр Японии в 1957—1960-х гг. Нобускэ Киси, называемый журналистами военным преступником класса «А», а сам С. Абэ принял его в качестве образца для подражания, став «консерватором, националистом и ревизионистом». 9-я статья Конституции для премьер-министра называется «костью в горле», мешающей вернуть Японию в «милитаристское прошлое». Было отмечено, что Япония испытывает сильное давление со стороны США, чьим приоритетом является укрепление позиций Японии в качестве участника системы безопасности региона Восточной Азии⁷. Авторы называют движение по пересмотру 9-й статьи «началом шторма», а правительство С. Абэ — «глухим к возгласам общества против войны».

Точка зрения журналистов «Чунан ильбо» на корейском языке противоположна идеям, выраженным в других газетах консервативного блока. В материалах приветствуется военное усиление Японии в связи с угрозой со стороны КНДР (что также вызывает положительное отношение к установлению американской системы ПРО ТНААД на территории Республики Корея и закрытию промышленной зоны Кэсон), и приоритетом должно стать формирование военного альянса США—Япония—Республика Корея. Более того, к числу потенциальных противников относят и КНР, что вызывает необходимость в сильном союзнике в лице Японии. Авторами упоминается также инцидент с казнью двух граждан Японии террористами Исламского государства в январе 2015 г. в качестве веской причины для С. Абэ усилить военное влияние и прилагать усилия к обеспечению безопасности государства. Журналисты заявляют, что Конституция написана под влиянием США, и японскому обществу необходимо сделать собственный выбор, которым должен стать пересмотр 9-й статьи, «поворотный момент истории».

В газете умеренного толка «Хангук ильбо» отражены разные точки зрения, преимущественно критичные по отношению к ревизии

Конституции. Высказывание Абэ о том, что Конституция Японии разработана оккупационными силами, было подвергнуто сомнению — 9-я статья является сознательным выбором японцев. В материалах также приводились цитаты оппозиционных политиков, критикующие деятельность правящей партии — к примеру, руководитель Демократической партии Японии Кацуя Окада заявил, что «каждый голос, отданный ЛДПЯ, делает Японию страной, способной вести войну»⁸. Помимо этого, был освещен исторический визит президента США Б. Обамы в Хиросиму в мае 2015 г. и приведены слова министра иностранных дел КНР Ван И по этому поводу: «необходимо чтить память жертв Хиросимы, но нельзя забывать трагедию в Нанкине». В целом оценка пересмотра Конституции в «Хангук ильбо» является скорее нейтральной, но журналисты предостерегают правительство Японии от этого шага, поскольку это вызовет ухудшение отношений с Китаем.

В статьях «The Korea Times» прежде всего освещается зарубежная реакция на пересмотр 9-й статьи. Авторы отмечают укрепление партнерских отношений Японии и США в последние годы, а также присоединение Сил самообороны Японии в 2015 г. к числу участников Всемирных игр военнослужащих, что невозможно было сделать ранее из-за особого статуса японской армии. Дается скептическая оценка потенциальному созданию вооруженных сил Японии: «это означает лишь, что государство сможет совершить глупость, подобную вторжению СССР в Афганистан или США в Ирак»⁹.

Другая центристская газета «Кунмин ильбо» подвергает сдержанной критике конституционную реформу. В газете выдвигается тезис о том, что, несмотря на проблемные аспекты отношений Японии и Южной Кореи, необходимо развивать дружеские связи между двумя государствами, так как Япония обретает все больший вес на международной арене. Пересмотр 9-й статьи, согласно авторам «Кунмин ильбо», не является однозначно негативной мерой, но возлагает на Японию большую ответственность за ситуацию в регионе.

В статьях либеральной газеты «Кёнхян синмун» доминирует взвешенный подход к оценке реформы. Утверждается, что конечная цель принятия поправки — это сближение с США и создание военного альянса. В интервью газете директор факультета международ-

ных исследований университета Ёнсе Сон Ёль в 2013 г. сказал, что пересмотр 9-й статьи не вызовет смены политической обстановки в Северо-Восточной Азии, а наращивание военного потенциала Японии будет достаточно сильно зависеть от экономических факторов¹⁰. Тем не менее, журналисты также критикуют консервативные шаги корейского правительства в политике по отношению к КНДР, отмечая, что усиление влияния США и Японии в регионе вызовет ответную реакцию Китая.

Другая либеральная газета «Хангёре» придерживается критических взглядов на ревизию 9-й статьи. Помимо освещения антияпонских акций протеста у храма Ясукуни и старого здания посольства Японии в Сеуле, в «Хангёре» утверждается: «Япония готовит армию, прикрываясь словом “мир”, и создает ядерное оружие, называя себя единственным государством, пострадавшим от атомной бомбардировки». Авторы заявляют, что большинство японцев выступают против пересмотра 9-й статьи, а японское правительство «заполняет разрыв между реальностью и законом», трактуя Конституцию с милитаристских позиций¹¹.

Таким образом, большая часть общественно-политических газет Республики Корея выступает против пересмотра 9-й статьи Конституции Японии и изменения пацифистских принципов японской политики. Консервативные издания критикуют ревизию Конституции, считая Японию потенциальным агрессором и ссылаясь на исторический опыт отношений двух государств. Часть консервативных СМИ выступает в пользу ревизии, придерживаясь прагматичного подхода — главной угрозой для Республики Корея является КНДР, что обуславливает необходимость в сильном союзнике в лице Японии и дальнейшем укреплении сотрудничества с США. Критика пересмотра 9-й статьи либеральными газетами заключается прежде всего в том, что данная инициатива вызовет усиление политической напряженности в регионе и ответную реакцию КНДР, проблемные вопросы отношений Японии и Южной Кореи при этом отходят на второй план. Также в либеральных изданиях выражается нейтральное отношение к потенциальному военному усилению Японии, а приоритетным курсом южнокорейского правительства представляется лавирование между крупными политическими игроками регио-

на. Газеты умеренного толка в основном придерживаются нейтральной оценки, близкой к негативной и сходной с идеями либеральных газет в своей аргументации.

Примечания

¹ Abe Renews Pledge of Nuclear Weapons Free Japan. Chosun Ilbo. 10.08.2015. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2015/08/10/2015081000659.html (дата обращения 10.11. 2016).

² Abe Takes 1st Step in Allowing Japan to Go to War Again. Chosun Ilbo. 16.05.2014. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2014/05/16/2014051600722.html (дата обращения: 12.11. 2016).

³ Thousands Denounce Japanese PM Abe's Security Shift. Chosun Ilbo. 02.07.2014. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2014/07/02/2014070200718.html (дата обращения: 10.11. 2016).

⁴ *Ким Сухе*. Кимджонгыни Абэе «Иксмэн»: [Ким Чонын — человек «Икс» для Синдзо Абэ]. Чосон ильбо, 05.02.2016. URL: http://premium.chosun.com/site/data/html_dir/2016/02/05/2016020500369.html (дата обращения: 13.11.2016).

⁵ *Ким Сухе*. Кеджон кухве пёгын номосон Абэ... : [Абэ прячется за стеной Национального Собраниа]. Чосон ильбо. 12.07.2016. URL: http://srchdb1.chosun.com/pdf/i_service/pdf_ReadBody.jsp?Y=2016&M=07&D=12&ID=2016071200093 (дата обращения: 13.11.2016).

⁶ Column, novel on nuclear bombings. Dong-a Ilbo, 30.05.2013. URL: <http://english.donga.com/List/3/all/26/406341/1> (дата обращения: 23.11. 2016).

⁷ Back to the future. The Dong-a Ilbo, 10.10.2015. URL: <http://koreajoongangdaily.joins.com/news/article/article.aspx?aid=3010201> (дата обращения: 10.11. 2016).

⁸ *Пак Соквон*. Сонгоённёнъ 18сэро натчхуоттджиман... : [Избирательный возраст понижен до 18 лет — необычная явка]. Хангук ильбо. 10.07.2016. URL: <https://hankookilbo.com/v/8cfd930ac09545779f97cd5f481d8d22> (дата обращения: 13.11.2016).

⁹ Plate, Tom. Japan's past-like present, future. The Korea Times. 25.09.2015. URL: http://koreatimes.co.kr/www/news/opinion/2015/09/137_187584.html (дата обращения: 03.12.2016).

¹⁰ Хасимото Абэ: [Хасимото Абэ]. Кёнъхьян синмун. 30.05.2013. URL: http://news.khan.co.kr/kh_news/khan_art_view.html?code=990308&artid=201305302115295 (дата обращения: 13.11.2016).

¹¹ *Со Кёнсик*. Ккамакви : [Ворон]. Хангерё. 01.09.2016. URL: <http://www.hani.co.kr/arti/opinion/column/759531.html> (дата обращения: 14.11.2016).

Дьячков Илья Владимирович,

*к.и.н., доцент кафедры японского, корейского, индонезийского
и монгольского языков, МГИМО (у) МИД России*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНДР: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Аннотация. Несмотря на внутренние и внешние трудности, КНДР удаётся не только выживать, но и оказывать существенное влияние на международную обстановку в Северо-Восточной Азии. В этом важную роль играет внешнеполитическая стратегия Пхеньяна, умение балансировать между центрами силы и манипулировать острыми международными вопросами. В данном докладе рассмотрены сложности изучения политики КНДР, специфика процесса принятия внешнеполитических решений, роль ядерного вопроса в северокорейской дипломатии в последние десятилетия и в будущем, а также отношения Северной Кореи с её основными внешнеполитическими партнёрами и оппонентами.

Ключевые слова: Северная Корея, КНДР, Северо-Восточная Азия, внешнеполитический процесс, внешняя политика, ядерная проблема Корейского полуострова.

Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) занимает особое место в мировой и региональной политической жизни. Это сравнительно небольшое государство с исключительно своеобразным политическим и общественным строем, сильно отклонившимся от исторического народно-демократического «образца». Несмотря на сложные для неё внешние и внутренние условия, а так-

же трудность поддержания стабильности режима в течение десятилетий, КНДР смогла не только сохраниться на карте, но и стать одним из ключевых игроков в Северо-Восточной Азии — если не по мощи, то по способности влиять на повестку дня. Не последнюю роль в этом сыграло умелое балансирование между региональными центрами силы и манипулирование острыми международными проблемами, в частности — путём создания ажиотажа вокруг своей ракетно-ядерной программы.

Влияние общественно-политического устройства

Внешнеполитическая «кухня» любой страны обычно закрыта от наблюдателей, однако **объём имеющейся для анализа информации в северокорейском случае особенно мал** в силу общей закрытости КНДР, малодоступности содержательных источников, неочевидности внутривнутриполитического положения сил и несовпадения реальной и формальной структуры власти. Ход принятия внешнеполитических решений зачастую приходится угадывать по косвенным признакам или восстанавливать лишь ретроспективно по публичным акциям.

Инструмент, к которому нередко прибегают западные и южнокорейские специалисты — анализ официальных фотографий и состава различных комитетов (в духе «кремлинологии» времён «холодной войны») с целью вычисления влиятельных фигур и, следовательно, центров принятия внешнеполитических решений — тоже крайне ненадёжен¹. При должной добросовестности автору удаётся составить хронологию движения кадров в рамках структуры власти, но такой подход без подкрепления другими методами анализа, помимо прочих недостатков, не позволяет сделать содержательные выводы.

Несмотря на ограниченность информации о Северной Корее, принципиально неверно считать страну «чёрным ящиком», а тайны её внешней политики — заведомо непостижимыми. Самым полезным источником сведений и о стране, и о намерениях её руководства для экспертов и политиков является, как ни банально, посещение КНДР и непосредственное общение с северокорейскими коллегами. Ценность подобных простых наблюдений легко недо-

оценить. Ряд государств лишают себя и своих специалистов такой возможности из политических соображений, но таким образом накладывают лишь себя: без верного анализа невозможно принятие верных решений, соответствующих собственным интересам, и вторичные источники могут заменить первичные лишь частично².

В северокорейских условиях ведущую роль во всех государственных вопросах, в том числе внешнеполитических, играет лидер страны. Структура власти замкнута на фигуру вождя, и каждый новый руководитель модифицировал аппарат, вновь налаживая систему сдержек и противовесов. Тем не менее, неверно полагать, что в северокорейском истеблишменте возможны альтернативные независимые центры силы: есть только лидер и фигуры, чьё мнение может быть в определённой степени влиятельно (как правило, в той степени, в которой они пользуются доверием высшего руководителя). **Иерархия власти в КНДР существует не как пирамида, в которой каждый из уровней обладает самостоятельностью в рамках имеющихся полномочий, а как система, отправляющая информацию снизу вверх и решения сверху вниз.** Разумеется, реальность не столь механистична, и верхние уровни полагаются на экспертные знания нижестоящих, что допускает их ограниченную самостоятельность и «влиятельность».

Существенной особенностью северокорейской системы организации власти является отсутствие в элите групп, имеющих принципиально разнонаправленные представления о должном политическом курсе. Во-первых, элиты понимают, что любые разногласия или любое изменение статус-кво способны обрушить всю политическую систему, что обернётся потерей не только поста, но и — потенциально — жизни для всего северокорейского руководства. Во-вторых, режим не будет легитимен и станет крайне нестабилен без потомка Ким Ирсена (Ким Ильсона) в качестве вождя, поэтому роль лидера остаётся ключевой, а его смещение «изнутри» фактически невозможным. В-третьих, потенциальная оппозиция, в первую очередь — «группы влияния», опирающиеся на внешние силы, были ликвидированы ещё в ходе чисток в 1950—1960-е гг.³ Недавно северокорейское руководство вновь подтвердило решимость обеспечивать свою внешнеполитическую самостоятельность репрессивным путём, устранив Чан Сонтхэка, считавшегося вторым по влиятельности лицом

в государстве. Предполагается, что одним из оснований для этой чистки стало сближение чиновника с Китаем; это косвенно подтверждается охлаждением северокорейско-китайских отношений вскоре после его казни.

Роль ядерного вопроса

Ядерный вопрос стал центральным для внешней политики КНДР с начала 1990-х гг., когда изменившиеся глобальные и региональные условия подтолкнули Пхеньян к поиску альтернативных ответов на стоящие перед ним вызовы в области военной и экономической безопасности. Ядерная программа оставалась одним из основных инструментов Северной Кореи на международной арене в течение последовавших десятилетий, что было обусловлено рядом причин⁴.

Во-первых, стране, несмотря на сопряженные с развитием ядерной программы технические трудности и политические ограничения, удалось добиться существенных успехов в развитии ядерной сферы: эти разработки ещё не имели военного приложения (и трудно сказать, есть ли оно у них сегодня), но для дипломатической игры подходили как нельзя лучше. Во-вторых, северокорейские ядерные исследования с начала 1990-х гг. стабильно привлекали за стол переговоров державы региона (в первую очередь, США, чьё внимание особенно важно для Пхеньяна), где КНДР удавалось выторговывать для себя политические и экономические выгоды (или хотя бы обещание их). В-третьих, северокорейское руководство, скорее всего, полагает ядерные технологии самым легкодоступным для страны «асимметричным ответом» как на экономические успехи Южной Кореи, так и на военную мощь США и их союзников в регионе. Иными словами, **Пхеньян хочет, чтобы с ним общались на равных и боялись применить в его отношении силу. Ядерные разработки предоставляются ему в этом смысле идеальным инструментом.** Превращение в ядерную державу (а таковой страна уже называет себя в конституции ещё с 2012 г.⁵), призвано поставить КНДР в один ряд с другими региональными игроками, сократить реальный и мораль-

ный отрыв от них, заставить и давних оппонентов, и традиционных партнёров считаться с мнением Пхеньяна.

Сегодня, возможно, внешнеполитический фактор как ключевой мотив развития ядерной программы уступил место внутривнутриполитическому и чисто военному, хотя, безусловно, не исчез. Северокорейское руководство, ориентируясь в первую очередь на «внутреннюю аудиторию», прилагает немало усилий и для реального развития сферы высоких технологий, и для поддержания соответствующего такой ориентации имиджа: ядерные и ракетные успехи играют здесь немалую роль. Это примечательно ещё и потому, что и в официальной пропаганде, и в глазах населения испытываемый КНДР в последние годы экономический подъём сопряжён с развитием ядерной сферы, что выражено в лозунге «*пёнджин носон*» («линия [на развитие] плечом к плечу»)⁶.

Отношения с ключевыми государствами региона

Основное место во внешней политике КНДР занимают США и страны региона Северо-Восточной Азии. Условно всех их можно разделить на две группы: традиционных партнёров (Китай и Россия) и оппонентов (США, Республика Корея, Япония). Существенными особенностями внешнеполитического курса Пхеньяна является то, что он, во-первых, не стремится к излишнему сближению со своими партнёрами, больше ценя свободу рук, возможность балансировать между ними и играть на их противоречиях, а во-вторых, несмотря на остроту риторики в отношении США и Японии, последовательно стремится к нормализации отношений с ними для обеспечения своих интересов.

Такая двойственность особенно ярко проявляется в случае Вашингтона, который воспринимается северокорейцами как единственный «достойный собеседник» по ряду ключевых региональных вопросов, включая ядерный. Это нередко становилось причиной провала попыток Сеула включить ядерную проблему в межкорейскую повестку дня. Здесь можно упомянуть не только односторонние санкции нынешней администрации президента Пак Кынхе, на-

правленные на достижение этой цели, но и, например, идею «большой сделки» президента Ли Мёнбака.

Отношения Пхеньяна с Сеулом сейчас весьма напряжённые, что является результатом малопродуктивных действий обеих сторон. Судя по всему, руководство КНДР не видит возможности существенно улучшить межкорейский климат, пока у власти на Юге стоят консерваторы. К сожалению, на настоящий момент почти все межкорейские каналы связи разорваны, а совместные проекты — включая «переживший» не одно обострение индустриальный комплекс в Кэсоне — закрыты.

Помимо очевидного символизма и политического значения, межкорейские проекты были выгодны для Пхеньяна, и Северная Корея настроена на их возобновление и продолжение. Об этом говорит и то, что в последние годы КНДР пыталась привлечь иностранных инвесторов (преимущественно китайских) для оживления оставленной южнокорейцами инфраструктуры, посылая Югу недвусмысленный сигнал.

Китай остаётся основным донором и — по крайней мере, формально — единственным военно-политическим союзником КНДР. Тем не менее, сейчас китайско-северокорейские отношения переживают сложный период. Особенно примечательна в их контексте резолюция Совбеза ООН № 2270, принятая после проведённого КНДР в январе 2016 г. четвёртого ядерного испытания. Документ, в составлении которого китайская делегация принимала самое деятельное участие, вводит крайне жёсткие санкции, существенно ограничивающие внешнеэкономическую деятельность Пхеньяна. Резолюция отразила раздражение Пекина дерзкими международными акциями КНДР. Возможно также, что среди мотивов Китая было и недовольство внутривнутриполитическими перестановками в Пхеньяне — в частности, «вычисткой» Чан Сонтхэка и его группировки, предположительно, настроенной на более тесное взаимодействие с КНР. Документ выполнил двойную функцию: во-первых, устранил из Северной Кореи всех конкурентов китайского бизнеса, во-вторых, предоставил Китаю очередной инструмент давления на КНДР. По словам наблюдателей, несмотря на декларируемую приверженность Китая санкциям, реальный объём экономического сотрудничества с

Северной Кореей не сократился и даже, возможно, несколько вырос. Тем не менее, теперь Пхеньян отрезан от остальных рынков и инвесторов и больше зависит от доброй воли Пекина.

Хотя критике Японии выделяется важное место в исторических и политических материалах, издаваемых Северной Кореей, Пхеньян не проводит активную японскую политику. Безусловно, постепенная ремилитаризация Японии последних десятилетий⁷ беспокоит КНДР, однако Пхеньян в японском внешнеполитическом дискурсе занимает большее место, нежели Токио в северокорейском. Развитию отношений двух стран мешают, в частности, неконструктивная позиция Японии по ядерному урегулированию и проблема похищенных.

Россия сегодня не обладает влиянием на Пхеньян, сравнимым с советской эпохой (хотя и тогда оно было весьма ограниченным). После существенного охлаждения отношений в 1990-е гг. связи удалось восстановить и укрепить в первое десятилетие XXI в. Подход КНДР к отношениям с Москвой сегодня — сугубо прагматический. В последнее время ухудшение отношений с Китаем, а также экономические интересы подталкивали Пхеньян к развитию сотрудничества с российским бизнесом. Наместились инвестиционные проекты в области добычи минеральных ресурсов, в 2013—2014 гг. были модернизированы железнодорожная ветка Хасан-Раджин и терминал раджинского порта. Реализация этих начинаний стала невозможной с принятием резолюции СБ ООН № 2270, лишь раджинский проект был выведен за рамки документа.

* * *

Не следует ожидать существенных трансформаций внешнеполитического курса КНДР в ближайшие годы. Перемены невозможны без изменения расстановки сил в регионе и существенного роста потенциала самой страны. Несмотря на то что Пхеньян сейчас ведёт себя весьма дерзко по отношению к Китаю, не следует ожидать, что его целью является разрыв отношений. Такой исход противоречил бы и интересам Пекина, об этом говорит и поддержание экономического взаимодействия несмотря на санкции и разногласия. Нормализация отношений с США и Японией останется долгосрочной це-

лью для КНДР, хотя её достижимость будет зависеть в первую очередь от того, кто будет стоять у власти в Вашингтоне и Токио.

В межкорейских отношениях Северную Корею, как представляется, устроил бы возврат к парадигме взаимодействия времён политики «солнечного тепла» начала 2000-х гг. Наметившийся экономический подъём в самой КНДР способствует росту интереса Пхеньяна к проектам с участием зарубежных инвестиций: Сеул мог бы этим воспользоваться с политической выгодой для себя. Тем не менее, межкорейские отношения сейчас переживают не лучшие времена, и, к сожалению, нельзя исключать новый виток напряженности.

Примечания

¹ Типичным примером такого подхода является исследование Кена Гаузе «Северокорейский картонный домик». *Gause, Ken E. North Korean House of Cards. Leadership Dynamics under Kim Jong-un / Ken E. Gause. Washington: Committee for Human Rights in North Korea, 2015. 345 p.*

² Возможны и другие варианты информационного «самовредительства». Так, после объединения Германии почти никто из восточногерманских специалистов по Северной Корее, среди которых были весьма опытные эксперты, не был привлечён к работе в МИД ФРГ хотя бы в качестве консультанта. Берлину пришлось растить новых специалистов и накапливать знания о Северной Корее фактически с нуля.

³ *Денисов В.И.* Особенности внешнеполитического процесса в КНДР // *Внешиполитический процесс в странах Востока.* М.: Аспект Пресс, 2011. С. 295.

⁴ Подробнее об истории и роли ядерной программы КНДР во внешней политике страны см.: *Дьячков И.В.* «Немирный атом» Северо-Восточной Азии: корейский узел: монография. М.: МГИМО-Университет, 2016. 239 с.

⁵ Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 2012.

⁶ Эта «новая» концепция проводится по канве одноимённой кампании параллельного военного (не ядерного) и экономического строительства, начатой в 1962 г., когда КНДР не добилась военной помощи от СССР на безвозмездной основе.

⁷ *Нелидов В.В.* Полвека японо-американскому договору безопасности: некоторые итоги и перспективы // *Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты.* М.: Восточная литература, 2009. С. 89.

*Симонова Анастасия Игоревна,
магистрант кафедры сравнительной политологии
факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова*

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ В ПОЛИТИКЕ ПЛАНИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. Сегодня вопрос рождаемости является одним из самых острых в Китае. Ввиду демографического бума, потрясшего Китай в 1960—1970-е гг., правительством КНР была разработана и проведена в жизнь политика ограничения рождаемости, известная как «одна семья-один ребенок». В современных условиях эта демографическая политика перестала отвечать запросам китайского общества, что привело к ее постепенному сворачиванию. В октябре 2015 г. в Пекине прошел 5-й пленум ЦК КПК 18-го созыва. По решению пленума, в Китае было разрешено иметь двух детей. Эта политика со временем будет еще изменяться, так как правительство Китая еще работает над созданием эффективной для Китая политики рождаемости, которая сможет не допустить перенаселения Китая и сгладит сегодняшний гендерный дисбаланс, а также повысит удельный вес трудоспособного населения в Китае. В данном докладе предпринята попытка провести анализ ситуации, связанной с рождаемостью в КНР и сделать прогноз о будущем состоянии рождаемости в Китае.

Ключевые слова: Китай, рождаемость, семья, дети, демографическая политика.

Сегодня вопрос рождаемости является одним из самых острых в Китае. Ввиду демографического бума, потрясшего Китай в 1960—1970-е гг., правительством КНР была разработана и проведена в жизнь политика ограничения рождаемости, известная как «одна семья-один ребенок». В современных условиях эта демографическая политика перестала отвечать запросам китайского общества, что привело к ее постепенному свертыванию. В октябре 2015 г. в Пекине прошел 5-й пленум ЦК КПК 18-го созыва. По решению пленума в Китае было разрешено иметь двух детей.

В Китае существовали такие понятия, касающиеся рождения детей, как «много детей-много богатства», «продолжение рода из поколения в поколение». До 60-х гг. XX в. рождаемость была высокой. В 1970-х гг. Китай начал проводить политику ограничения рождаемости. Проводилась она под такими лозунгами как «Один ребенок — это жизнь в благополучии; два ребенка — жизнь в постоянных трудностях; три ребенка — жизнь в постоянном ужасе», «еще один ребенок — это еще одна могила» и даже «лучше выращивать много свиней, чем выращивать много детей»¹. Такая политика проводилась в связи с перенаселением страны. Только жители некоторых деревень и национальных меньшинств имели право на второго ребенка. А на тибетцев ограничение по рождаемости не распространялось вообще. Данная политика помогла взять под контроль прирост населения в стране, но стали возникать разные проблемы, такие как, например, старение населения. Кроме того, в любой китайской семье мечтают о наследнике. Поэтому роженицы, еще до рождения ребенка, пытаются разными путями узнать пол ребенка, хотя, в Китае это официально запрещено. Многие семейные пары, если узнают, что будет девочка, предпочитают делать аборт, несмотря на срок беременности. Также был очень высок процент убийства новорожденных девочек, их просто топили, все хотели ребенка — мальчика. В связи с этим, в Китае произошел демографический бум, сильно увеличилось количество мужчин по отношению к количеству женщин до уровня 120—130 на 100.

Рождение второго ребенка до недавнего времени было запрещено. Если семья все же рожала второго ребенка и новоиспеченные родители были обеспечены, то платили штраф государству. Штраф

рассчитывался по очень сложной форме: где живут люди, из какой они провинции, какой уровень их дохода. После рождения ребенка в момент официальной регистрации новорожденного выплачивался штраф. Если через какое-то время в женской консультации понимали, что беременная женщина не может заплатить штраф за второго ребенка, то собиралась комиссия из провинциального департамента по контролю за рождаемостью. В 1980-е и 1990-е гг. в Китае была распространена политика совершения насильственного аборта, но, в 2001 г. при поддержке национальной комиссии запретили совершение абортов, если уже есть 5 месяцев беременности. Если женщина собиралась рожать второго ребенка, то должна была платить штраф. В случае невыплаты штрафа ребенок оставался без документов и социальных гарантий.

Следует отметить, что кроме принудительных абортов, китайские граждане подвергались также и принудительной стерилизации. Так, профессор Кей Энн Джонсон в своей работе «Wanting a Daughter, Needing a Son» пишет о том, что в некоторых сельских районах китайские женщины, родившие больше положенного по количеству детей, подвергались принудительной стерилизации². Несмотря на существующий запрет, во многих отдаленных уголках страны, принудительные аборты все еще совершаются.

К 2000 г. по данным статистики незарегистрированных людей, которые родились в своих семьях вторыми или даже третьими детьми, в стране было примерно 30 млн человек. «На основании сорок первой статьи «Закона о народонаселении и плановой рождаемости граждан», нарушивший этот Закон “должен уплатить социальные расходы на содержание”». Эта статья так же предусматривает, что если установленная сумма социальных расходов на содержание не уплачивается в срок, то, начиная с установленной даты по уплате денег, согласно соответствующим государственным постановлениям, взимается налог за неустойку; если и тогда не уплачены деньги, то административные ведомства плановой рождаемости, установившие дату уплаты денег, должны согласно закону заявить в народный суд о насильственных мерах»³.

Китайцы по-разному пытались обойти данный закон. Кто-то рождал детей за границей, кто-то записывал детей на имена одиноких

родственников, а другие пытались уговорить врача записать детей как двойняшек. Происходит к тому же миграция трудоспособного населения из деревни в город, что составляет примерно 20 млн человек в год. Такие люди становятся неподотчетными, они живут в городах без документов. И, если такие люди формально живут в одном месте, а работают в другом, то государство никак не может проконтролировать количество детей у них. Это очень распространенная ситуация. Подобная система порождает развитие черного рынка школ для неподотчетных детей, только в Пекине было закрыто 20 таких школ. Возможностей обойти китайское законодательство много, поэтому официальной китайской статистике полностью доверять нельзя.

В деревенских семьях в Китае ребенок рассматривается как помощник. Если в деревенской семье первой родилась девочка, то можно пробовать рожать второго ребенка. Девочка вырастает и уходит из семьи, а мальчик-сын остается и становится помощником родителям. Кроме того, по конфуцианским представлениям табличкам с именами предков могут поклоняться только мальчики. Что касается городского среднего класса, то у некоторых из них уменьшилось желание иметь детей. Они хотят жить только для себя. В Китае это примерно 10—20 % городского населения.

Недавно правительство Китая признало, что политика ограничения рождаемости нуждается в серьезной корректировке. Так какие же изменения произошли за данное время в плановом деторождении? За двадцать пять лет, то есть всего за одно поколение, Китаю удалось полностью изменить систему воспроизводства населения (для сравнения: у развитых стран на это уходили десятилетия и даже века). Вместо общества с высокой рождаемостью и достаточно низкой смертностью Китай стал обществом с низкой рождаемостью и смертностью, что позволяет ему идти в ногу со временем. В среднем, благодаря политике рождаемости, за тридцать лет Китаю удалось замедлить прирост населения примерно на 400 млн человек.

В настоящее время политика планирования рождаемости проходит новый этап. К примеру, еще в 1987 г. в некоторых южных городах в экспериментальном порядке проводили в жизнь политику рождения второго ребенка в семье. А после принятия «Закона о наро-

донаселении и плановой рождаемости» в 2001 г. уже с 2006 г. политика планирования рождаемости начала приносить свои плоды. Среди них — несомненное повышение уровня жизни населения, некоторое улучшение полового равновесия и, кроме того, улучшение жизни стареющего населения. В связи с этим, как нам думается, в 2013 г. и было принято «Постановление ЦК КПК по некоторым важным вопросам о всестороннем углублении реформ», по которому родители, один из которых является единственным ребенком в семье, могут иметь двоих детей. Новая политика китайских властей улучшит баланс населения страны. При этом, как считают эксперты, резкого скачка рождаемости не ожидается.

Очень важно осветить важнейшие перемены китайского законодательства в отношении планового деторождения за 2013—2015 гг.

Как известно, политика под названием «одна семья — один ребенок» начала проводиться с 1978 г., чтобы уменьшить огромную численность населения страны. Еще тогда власти официально заявили, что этот политический курс будет актуален приблизительно тридцать лет. Рост населения, действительно, сократился. Так, если в 1990—2000-х гг. он составлял 1,07 %, то с 2000-го по 2010-й г. — 0,57 %⁴. В результате проведения этой политики стало ясно, что Китай становится «стареющей страной», и, если не предпринимать никаких мер, то к 2050 г. доля пожилого населения составит почти четверть от населения Китая. Население Китая в 2013 г. — 1,357 млрд человек. К этому добавлялась проблема содержания пожилых людей. Повзрослевший так называемый «один ребенок на семью» должен был бы в одиночку содержать всех своих многочисленных пожилых родственников. Кроме того, существовала еще и третья, одна из самых опасных проблем — это недостаток рабочей силы в будущем.

В связи с возникновением всех вышеописанных проблем, начиная с 2013 г. руководство страны начало постепенно отходить от реализации политики «одна семья — один ребенок». В ноябре 2013 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва было принято решение «одна семья — два ребенка», разрешалось иметь второго ребенка тем семьям, где хотя бы один из родителей был единственным ребенком в семье. На наш взгляд, такая мера уже тогда была рассчитана не на небольшую долю населения, а на основную его часть, т. к. за тридцать с

лишним лет реализации политики «одна семья — один ребенок» таких семей в 2013 г. было большинство.

В октябре 2015 г. власти Китая приняли решение пойти еще дальше в этом вопросе, разрешив всем китайским семьям иметь двух детей. Вот как прокомментировал эти важнейшие социальные изменения в области семейных отношений в Китае профессор Института социального развития и общественной политики при шанхайском университете Фудань Жэнь Юань: «Политика плановой рождаемости, введенная в 80-е годы прошлого века, была, по сути, административной политикой принудительного вмешательства, регулирующей деторождение. Она была временной, носила экстренный характер, ее целью было противодействие чрезмерному росту населения в 60—70-х гг., который не соответствовал тогдашнему уровню производства. Сегодня государственная политика рождаемости требует корректировки с учетом современных реалий страны, особенно после того как смягчилось противоречие между темпами роста населения и темпами экономического роста»⁵.

Таким образом, получается, что новая политика в отношении рождаемости — жизненно важная необходимость для сегодняшнего Китая, который, хотя и решил острейший социальный вопрос 70-х гг. XX в. о перенаселении страны, и, как следствие, облегчил невообразимую для того времени человеческую нагрузку на экономику страны, существенно улучшил экономические показатели, увеличил конкурентоспособность и международный престиж страны, однако, неизбежно столкнулся с новой проблемой, уже XXI в. — как снижение количества работоспособного населения и процента молодого населения, так и сокращение общей численности китайского населения в мире. И сегодня китайские лидеры пытаются решить уже эту проблему.

Сегодня КНР стремится к тому, чтобы вместе с увеличением доли молодого трудоспособного населения улучшить свой человеческий капитал, повысить уровень профессиональной подготовки молодежи и, вместе с тем, сделать так, чтобы большинство современной молодежи, а не только небольшая ее горстка, обладало высоким уровнем профессиональной подготовки. В связи с данной важной оговоркой можно попытаться сделать коренной, по своей сути, вы-

вод о том, что в планы властей Китая вовсе не входит полный отказ от проводимой ранее политики «одна семья — один ребенок». Автору представляются вполне возможными попытки китайского правительства балансировать между проводимой ранее политикой деторождения и разрешением китайским семьям иметь двух детей. На данном этапе пока еще достаточно сложно делать прогнозы относительно того, будет ли такое балансирование в области политики деторождения иметь тот эффект, о котором мечтают китайцы или нет. Ясно пока только одно: китайцы хотят увеличить удельный вес молодежи, разрешить существующую ныне и чрезвычайно актуальную для современного Китая проблему гендерного дисбаланса населения, улучшить показатели своего человеческого капитала, и, вместе с тем, вновь не допустить неконтролируемого потока рождаемости, чтобы избежать чрезмерного давления на экономику страны и наоборот, содействовать ее экономическому процветанию и демографической стабильности.

Для мотивации молодых семей на рождение второго ребенка, государству стоит уделить особое внимание устранению тех факторов, которые могут значительно помешать реализации естественно-го для китайцев желания иметь еще одного ребенка, а именно высокая экономическая себестоимость содержания ребенка, а тем более двух, нехватка времени по уходу за ребенком дошкольного возраста. Кроме того, сегодня не только китайское правительство стремится к повышению качества человеческих ресурсов Китая, но и большинство китайских семей (особенно из городской среды) стремятся дать своим детям так называемую «путевку в жизнь», предоставив им возможность получить качественное образование. Иногда это может быть и получение высшего образования за пределами страны.

С целью воодушевить население Китая на рождение второго ребенка китайские власти всерьез задумались над созданием новых лозунгов и активно призывают граждан делиться своими идеями по этому вопросу. На одном из китайских сайтов, например, был предложен такой вариант лозунга: «два ребенка — поощряем; один ребенок — штрафуем; без детей — арестовываем»⁶. Встречаются и менее радикальные предложения. Например, «больше детей — лучше

жизнь», «лучшее наследство для ребенка — его братья и сестры» и т. д.⁷

Многие дети школьного возраста, если уместно так сказать, недовольны политикой «двух детей в семье». По утверждению одного из китайских мальчиков он «часто просыпается среди ночи от звука плача, ему также следует отдавать свои любимые игрушки брату. Он ненавидит своего брата, но не хочет быть ему врагом»⁸. Как мы можем наблюдать, это является массовой проблемой в современном Китае. Например, в Циндао китайские школьники даже создали «Коалицию против братьев и сестер». Ведь «раньше мы были маленькими императорами дома, а сейчас превратились просто в боссов»⁹. Некоторые из них, пытаясь отговорить матерей от рождения второго ребенка, используют самые нестандартные методы, вплоть до того, что сообщают маме о нестерпимой боли во время процедуры кесарева сечения.

Все эти факторы откладывают или вовсе отменяют возможность китайской семьи воспользоваться своим, теперь уже, законным правом на рождение второго ребенка. Так что мы с полной уверенностью можем сказать, что сегодня, именно в рамках политики рождаемости китайские власти столкнулись с новой для себя проблемой, проблемой стимулирования желания потребности и реализации у китайских супружеских пар иметь второго ребенка. И ключ к решению этой проблемы они вынуждены будут тщательно искать. В противном случае, весь выверенный до мельчайших деталей курс политики рождаемости может быть провален.

Примечания

¹ Русскоязычная версия неофициального китайского сайта о Китае. URL: <http://ru.gbtimes.com/fokus/novye-lozungi-dlya-dvuh-detey-v-kitayskoy-seme> (дата обращения: 14.09.2015).

² *Kay N. Johnson*. Wanting a Daughter, Needing a Son. URL: <http://kampretnehb.ro.com/wanting-a-daughter-needing-a-son-abandonment-adoption-and-orphanage-care-in-china.html> (дата обращения: 18.10.2015).

³ *Тянь Сюеюань, Чжоу Липин*. Народонаселение Китая. Межконтинентальное издательство Китая. Май 2004. С. 114.

⁴ Независимое общественно-политическое сетевое издание. URL: <https://meduza.io/feature/2015/10/29/odnoy-semie-bolshe-odnogo-rebenka> (дата обращения: 01.03.2016).

⁵ Ежемесячный журнал «Китай». Дек. 2015. С. 17.

⁶ Русскоязычная версия неофициального китайского сайта о Китае. URL: <http://ru.gbtimes.com/fokus/novye-lozungi-dlya-dvuh-detey-v-kitayskoj-semb> (дата обращения: 01.03.2016) .

⁷ Там же.

⁸ Русскоязычный информационный сервер агентства Синьхуа. URL: news.xinhuanet.com/politics/2016-01/20/c_1117835308.htm (дата обращения: 01.03.2016).

⁹ Там же.

*Заклязьминская Екатерина Олеговна,
аспирант ИДВ РАН
Чэнь Сяо,
аспирант ИДВ РАН*

ТУРИСТИЧЕСКАЯ ОТРАСЛЬ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Развитие туристического сектора КНР началось с развертывания политики реформ и открытости в 1978 г., и за 38 лет становления туризма Китай достиг впечатляющих успехов: в развитии внутреннего, въездного и выездного рынков по многим показателям Китай занимает лидирующее место в мире.

В данном докладе предпринята попытка дать комплексный анализ туристической отрасли КНР, сделаны выводы о значении туристического сектора КНР для народного хозяйства, рассмотрены векторы дальнейшего развития отрасли.

Ключевые слова: туристическая отрасль КНР, въездной туризм, выездной туризм, внутренний туризм, тринадцатый пятилетний план.

Фактически развитие туристического сектора КНР началось с развертывания политики реформ и открытости в 1978 году и за 38 лет становления туризма Китай достиг впечатляющих успехов: в развитии внутреннего, въездного и выездного рынков по многим показателям Китай занимает лидирующее место в мире.

Въездной туризм

В декабре 1978 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва были обозначены основные векторы работы по осуществлению социалистической модернизации, туристическая отрасль вступила на новый этап развития. Развитие туризма началось с речи Дэн Сяопина 6 января 1979 г. (через 19 дней после 3-го съезда ЦК КПК 11-го созыва, который ознаменовал начало политики реформ и открытости) о том, что «в делах туризма можно сделать больше, чем кажется на первый взгляд, необходимо серьезно им заниматься, причем быстрыми темпами». Кроме того, он акцентировал внимание на том, что «заниматься туризмом необходимо с формирования сети отелей, решаться следует быстро, вначале можно попробовать воспользоваться деньгами хуацяо, иностранным капиталом, впоследствии развиваться с опорой на собственные силы»¹.

В рассматриваемый период началось зарождение въездного туризма. С 1979 до 1980 г. туристские прибытия по количеству посетителей выросли с 1,529 млн до 3,5 млн. Китай обладал положительным ростом туристских прибытий и в дальнейшем, кроме четырех кризисных периодов: 1989 года (инцидент на площади Тяньаньмэнь), 2003 г. (вспышка атипичной пневмонии), 2008—2009 гг. (мировой экономический кризис) и 2013—2014 гг. В 2015 г. положительный рост восстановился, но он заметно отстал от прогноза Китайской Академии туризма (рост составил 2,3 % вместо прогнозируемых 4 %² при среднемировом показателе 4,4 %), доходы от туризма выросли на 9,8 % в местной валюте (среднемировой показатель составил 4,4 % в местной валюте), составив 114,1 млрд долл.³

С 2006 г. Китай является четвертой страной мира по количеству принятых туристов после Франции, США и Испании. С 2015 г. доходы в иностранной валюте от туризма в КНР являются вторыми по совокупному объему в мире после США. Туризм дает около 80 % всех железнодорожных и авиаперевозок КНР. В 2015 г. Китай посетило 133,82 млн человек⁴, из которых на туристов из Сянган, Аомэня и Тайваня пришлось 80,58 % общего количества въехавших на территорию КНР туристов (107,83 млн человек), рост к прошлому году составил 5,58 %, непосредственно на иностранных туристов

пришлось 19,42 % (25,985 млн человек). Около 84 % иностранного въездного туристического потока КНР составляют следующие страны: Южная Корея, Япония, Вьетнам, США, РФ, Малайзия, Монголия, Филиппины, Сингапур, Индия, Канада, Таиланд, Австралия, Германия, Англия, Индонезия, Франция и Италия.

Среди пяти самых популярных провинций для туристов можно выделить провинцию Гуандун, которая более чем в пять раз опережает второе по популярности направление ГЦП Шанхай, далее идут ГЦП Пекин, пров. Чжэцзян и пров. Фуцзянь. Сянган и Аомэнь в китайском статистическом учете туристских прибытий и убытий считаются иностранными дестинациями из-за осуществления политики «одна страна — две системы» (*и го — лян чжи*), поэтому, вероятно, пров. Гуандун является провинцией-лидером въездного туризма, так как пограничные переходы Чжухай—Аомэнь и Шэньчжэнь—Сянган проходят именно по ее территории.

Внутренний туризм

Внутренний туристический рынок на начальном этапе сдерживался государством, поскольку ставился упор на получение дефицитной иностранной валюты, а неразвитая туристическая инфраструктура была не в состоянии обслуживать и иностранных, и местных туристов. Но в дальнейшем развитие внутреннего туризма невозможно было более сдерживать, поэтому в 1993 г. внутренний туризм получил признание от государства с выходом документа «Предложения по развитию внутреннего туризма» («*Гуаньюй фачжань гонэй люю дэ шэцзянь*») и на современном этапе Китай является лидером по количеству туристов в пределах страны. В 2015 г. количество туристов в пределах страны выросло в 20 раз по сравнению с 1984 г., составив около 4 млрд человек. Внутренний туризм по количеству туристов растет в среднем ежегодно на 10,2 %. Доходы от туризма по сравнению с 1984 г. выросли в 427,5 раз, составив 34200 млрд юаней в 2015 г. Ежегодный рост доходов от внутреннего туризма составил 22,4 %⁵. В 1978 г. в Китае было лишь 3 туристических агентства, в 2013 г. это число выросло до 26 054⁶. Гостиничное

хозяйство также росло стремительными темпами: в 1978 г. в КНР было лишь 150 отелей, в 2014 г. их число выросло до 11 190.

Китай обладает огромным потенциалом для дальнейшего развития въездного и внутреннего туризма: КНР занимает второе место в мире по количеству объектов под охраной ЮНЕСКО после Италии, кроме того существует эффективная внутренняя система оценки достопримечательностей ААААА. Внутренняя система оценки достопримечательностей, созданная ГУТ (Государственное Управление по туризму) КНР, в первоначальном виде имела 4 ступени: (от худшего к лучшему) А, АА, ААА, АААА и получило свое распространение в 2001 г. В 2007 г. была добавлена еще одна шкала оценки, наивысшая: ААААА. По состоянию на декабрь 2015 г. насчитывается 212 объектов ААААА и 671 объект АААА. Эти объекты пользуются повышенной популярностью среди туристов. Основные критерии, по которым присуждают категории:

- транспортная доступность;
- экскурсионная программа (100 % гидов должны владеть государственным языком путунхуа);
- чистота;
- безопасность;
- информационное сообщение;
- количество туристов, которое может одновременно посещать объект;
- возможности совершения покупок;
- управление объектом;
- качество окружающей среды;
- уровень удовлетворенности клиентов.

Проводится аттестация по всем вышеперечисленным пунктам, которые делятся на три основные подгруппы:

1. Качество обслуживания и качество окружающей среды (максимально возможно набрать 1000 баллов. Для получения наивысшей оценки ААААА необходимо набрать не менее 950 баллов).

2. Качество достопримечательности (максимально возможно набрать 100 баллов. Для получения наивысшей оценки ААААА необходимо набрать не менее 90 баллов),

3. Оценка мнений туристов (максимально можно набрать 100 баллов, для получения высшей оценки ААААА необходимо набрать не менее 90 баллов).

Только те объекты, которые по каждому пункту набрали необходимый балл, смогут получить статус объекта ААААА. До 2015 г. объекты получали пожизненный статус, после 2015 г. статус мог быть утерян за несоответствие. К 2016 г. уже 3 объекта потеряли статус ААААА.

По распределению объектов ААААА можно выделить провинции-лидеры, с количеством объектов более 10: наибольшим количеством объектов ААААА обладает пров. Цзянсу (20 объектов ААААА по состоянию на 2015 г.), на втором месте пров. Чжэцзян (14 объектов), третье место делят пров. Хэнань и пров. Гуандун (по 11 объектов), а четвертое — пров. Сычуань и пров. Хубэй (по 10 объектов).

Выездной туризм

Выездной туризм начал свое становление позже внутреннего и въездного: иностранные поездки были разрешены только в 1984 г., вначале только за счет принимающей стороны и только с целью посещения родственников в первые официальные туристические направления (ОТН) — Португальскую колонию Аомэнь и Английскую колонию Сянган. Только в 1997 году были разрешены поездки с другими целями и за свой счет. Непосредственно после создания системы ОТН выездной туризм КНР рос скромными темпами, в среднем на 6,6 % в год между 1995 и 1999 гг., но следующие 7 лет рост значительно ускорился, среднегодовые значения уже составили 26 % между 1999 и 2005 гг.

Так как Сянган и Аомэнь были открыты первыми для выездного туризма в 1983 г., то обычно именно на них приходятся первые поездки китайцев за границу⁷. В 2014 г. на Сянган и Аомэнь приходилось 28 % выездного группового турпотока. В целом на страны, которые ранее всего получили статус официальных туристических направлений (ОТН) (преимущественно, азиатские страны, в которых проживает значительная доля китайского населения), включая

Сянган и Аомэнь, приходится 75 % выездного группового турпотока страны. На начало 2016 г. Китай подписал соглашения о присвоении статуса официальных туристических направлений (ОТН) с 151 страной.

С 2013 г. Китай является лидером по количеству выезжающих за пределы страны туристов. В условиях формирования законодательной базы оплачиваемых отпусков для граждан (начало реформ было положено в 2007—2008 гг.) и активной пропаганды необходимости туризма для граждан эти показатели будут продолжать расти. Начиная с 2004 г. Китай демонстрирует двухзначный рост по количеству расходов за рубежом на туризм, создавая 13 % всех мировых доходов от туризма. С 2012 г. Китай является лидером по расходам на выездной туризм. По данным ВТООН в 2015 г. туристические траты граждан КНР за рубежом составили 292,2 млрд долл., составив 23,2 % мировых туристических трат, оставив далеко позади США, Германию и Соединенное королевство⁸. В 1984 г. китайцы в среднем путешествовали за границу 0,2 раза на человека, в 2015 г. этот показатель вырос в 15 раз до 3 раз на человека. В 2015 г. было осуществлено 120 млн поездок за границу, то есть при грубом подсчете 8,7 % населения КНР путешествовало за границу, при среднем 14,7 % мировом показателе по данным ВТООН.

Результаты 12 пятилетнего плана

В 2009 году в документе Госсовета «Некоторые предложения по стимулированию реформ и развитию туристической отрасли» (*«Гуаньюй цуцзинь лююе гайгэ фачжэнь дэ жогань ицзянь»*) туристическая отрасль первый раз была названа опорной стратегической отраслью народного хозяйства. По результатам 12-й пятилетки рынок туристических услуг занял около 4,5 % ВВП. В настоящее время 10,19 % работающих граждан занято в туризме (78 730 тыс. человек по состоянию на конец 2014 г.⁹), 10 % своего дохода граждане КНР вкладывают в путешествия, и 12 % от совокупной прибыли от сферы услуг составляет туризм (удельный вес от добавленной стоимости сервиса в ВВП за 2015 г. составил 50,5 % согласно докладу о работе правительства, с которым выступил Ли Кэцян 5 марта 2016 г.).

Согласно данным, предоставленным ВЭФ (Всемирным Экономическим Форумом) в ежегодном докладе о конкурентоспособности туризма, среди 148 стран в 2009 г. КНР занимала 47 место, в 2015 г. переместилась на 17. Значение Китая как движущей силы международного туризма невозможно недооценивать, его роль на международной арене растет: на протяжении 2016—2018 гг. Китай провел и проведет два крупнейших международных события: в 2016 году Китай принял Всемирную конференцию по туризму в целях развития¹⁰, где основной темой было обсуждение вклада туризма в задачи устойчивого развития. Обсуждались такие преимущества туризма, как возможность создавать рабочие места, популяризировать местную культуру, решать задачи устойчивого производства и потребления, способствовать задачам охраны природных ресурсов. На конференции прошло две сессии, темами которых стали — туризм как средство сокращения бедности и туризм в борьбе за мир. Проведение первой конференции по туризму в целях развития было инициировано ГУТ КНР, и, поскольку сельский туризм показал себя как эффективный инструмент в борьбе с бедностью, то нужно в программе социально-экономического развития страны на тринадцатый пятилетний план ставится задача при помощи развития туризма в сельские районы вытащить из-за черты бедности 55,75 млн человек¹¹. Туризм воспринимается одним из основных инструментов реализации поставленных целей, поскольку за двенадцатый пятилетний план 10 % преодолевшего бедность населения КНР увеличило свои доходы за счет туризма¹².

Задачи 13 пятилетнего плана

Государственная программа на 13-ю пятилетку выделяет следующие роли туризма в социально-экономическом развитии страны на период с 2016 по 2020 гг.:

- туризм как новый драйвер роста национальной экономики;
- туризм как новый импульс для развития национальной экономики, основанной на инновациях;
- туристическая отрасль как регулятор скоординированного развития экономики и общества;

- туристическая отрасль как важнейший гарант повышения уровня и качества жизни народа;
- туризм как важнейший путь укрепления культурного уровня населения;
- туризм как катализатор реализации инициатив по улучшению качества окружающей среды.

По прогнозам ГУТ КНР в тринадцатой пятилетке туризм будет расти в среднем на 14 % ежегодно как по количеству туристов в пределах страны, по количеству выездных туристов, так и по объему выручки. К 2020 г. общие затраты населения на туризм возрастут с 3,25 трлн юаней до 5,5 трлн юаней. Среднее количество путешествий с 3 раз в 2015 г. возрастет до 5 раз в год к 2020 г. По прогнозам 12 млн человек населения КНР смогут освободиться от бедности за счет развития туризма, доля туризма в ВВП КНР к 2020 г. превысит 10 %. Китай сможет инвестировать в туризм ежегодно 300 млн юаней, вкладывая в туристические продукты мирового уровня. По прогнозам в 13-ю пятилетку маршрут «Одного пояса, одного пути» (*у дай — и лу*) примет около 150 млн человек и получит 200 млрд долл.¹³

Если поставленные планы будут достигнуты, то к концу 13-го пятилетнего плана по масштабам, качеству и эффективности Китай сможет догнать ключевых мировых игроков. В целом развитие туристической отрасли в КНР увеличивает престиж Китая на мировой арене, улучшает уровень жизни населения.

Примечания

¹ Xiao H. The discourse of power: Deng Xiaoping and tourism development in China. *Tourism Management*, 27 (2006). С. 811.

² Синяя книга по экономике туризма КНР (но.8). Пекин: Бэйцзин люю чубаньшэ, 2016. С. 105.

³ UNWTO Tourism Highlights, 2016 Edition. С. 6. URL: <http://mkt.unwto.org/publication/unwto-tourism-highlights-2016-edition> (дата обращения: 04.12.2016).

⁴ Совокупное количество и ночующих, и ненаочующих туристов.

⁵ Отчет о развитии туризма в КНР в 2016 году : [Чжунго лююй фачжань баогао 2016, 中国旅游发展报告 2016]. URL: <http://finance.stnn.cc/ly/2016/0520/317536.shtml> (дата обращения: 03.12.2016).

⁶ Чжунго тунцзи нянь цянь. Статистический ежегодник КНР 2015. С диском. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2015. Табл. 17—9.

⁷ Effect of Approved Destination Status on Mainland Chinese Travel Abroad, Shawn Arita, Sumner La Croix and Christopher Edmonds, *Asian Economic Journal*, 2014. Vol. 28. No. 3. С. 221.

⁸ UNWTO Tourism Highlights, 2016 Edition. URL: <http://mkt.unwto.org/publication/unwto-tourism-highlights-2016-edition> (дата обращения: 04.12.2016).

⁹ Чжунго тунцзи нянь цянь. Статистический ежегодник КНР 2015. С диском. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 2015.

¹⁰ ЮНВТО и Китай организуют первую Всемирную конференцию по туризму в целях развития. 1.3.2016 URL: <http://media.unwto.org/ru/press-release/2016-02-25/yunvto-i-kitai-organizuyut-pervuyu-vsemirnuyu-konferentsiyu-po-turizmu-v-ts> (дата обращения: 01.12.2016).

¹¹ Два всекитайских съезда 2016 (2016 Цюань го лян хуэй, 2016 全国两会). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2016. С. 27.

¹² Отчет о развитии туризма в КНР в 2016 году (Чжунго лююй фачжань баогао 2016, 中国旅游发展报告 2016). URL: <http://finance.stnn.cc/ly/2016/0520/317536.shtml> (дата обращения: 27.11.2016).

¹³ Туристическая отрасль становится локомотивом экономического роста (Лю ю э чэн цзинцзи цзэнчжан линпаочже, 旅游业成经济增长领跑者). URL: http://www.cnta.com/xxfb/jdxwnew2/201510/t20151026_750053.shtml (дата обращения: 10.11.2016).

Глотова Мария Павловна,

Младший научный сотрудник ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова

РАЗВИТИЕ ЭКОГОРОДОВ КАК ЧАСТЬ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КНР

Аннотация. Экологическая обстановка в Китае вынуждает китайское руководство предпринимать шаги по снижению негативного воздействия на окружающую среду. Поскольку очевидно, что существующими методами ситуацию решить невозможно, упор делается на инновации, которые с марта 2016 г. стали рассматриваться в качестве ключевого драйвера социально-экономического развития страны. Руководство КНР предпринимает меры по развитию экогородов, но при этом пока упор делается на отдельные проекты и их технологическую составляющую, а не на комплексное внедрение инноваций в городскую среду, что представляется более востребованным.

В данном докладе представлен анализ существующей политики китайского руководства в области экологических инноваций с выявлением ее специфических особенностей и ключевых проблем.

Ключевые слова: Китай, экономика, экология, инновации, устойчивое развитие.

Экологическая ситуация в Китае является достаточно напряженной уже долгое время, она обусловлена упором на уголь как наиболее дешевый вид топлива. По объему вырабатываемого из угля электричества КНР более чем в 2 раза опережает США, таким образом вырабатывается около 75 % электричества в Китае в целом. Оче-

видны последствия такого подхода: на Китай приходится 28 % выбросов углекислого газа в мире. При этом по данным Международного энергетического агентства, в 2013 г. на Китай приходился 21 % от глобального потребления энергии, причем по количеству импортируемой нефти КНР идет на втором месте после США, по количеству импорта угля — на первом месте в мире¹.

В опубликованном в марте 2016 г. 13-м пятилетнем плане развития КНР на первом месте обозначена «стратегия развития с драйвером в виде инноваций», поскольку очевидно, что за счет существующих методов дальнейший рост экономики Китая с необходимыми темпами в долгосрочной перспективе невозможен. Данный план ориентируется на «новую норму» экономики — с годовым ростом ВВП около 6,5 %, и предполагает ряд мер по технико-технологической модернизации производственной отрасли, в том числе, экономию и рациональное использование энергетических, водных и других ресурсов².

Создание и развитие эко-городов отвечает как целям по защите окружающей среды, так и задачам в области энергосбережения и развития инновационных технологий. Различного рода программы и проекты в данном направлении начали формироваться еще в конце 1980-х гг., когда наблюдался и общемировой подъем интереса к проблематике устойчивого развития городов. Китай стал одной из первых стран, которые разработали и внедрили собственную стратегию устойчивого развития.

На данный момент «эко-город» в Китае определяется как такой тип города, который способен обеспечить гармоничное проживание людей в согласии с природой наравне с устойчивым развитием и высокой производительностью. Среди ключевых характеристик данной модели — низкие энергопотребление, уровень загрязнения в целом и выбросов CO₂ в частности. Эко-города «осуществляют всестороннюю координацию общества, ресурсов и окружающей среды»³, выступают «переосмыслением традиционной индустриализации и промышленного города», причем экологическая составляющая города включает в себя как отношения человека с природой, так и отношения между человеком и обществом и человеком с окружающей средой⁴.

Китайские экологи попытались заимствовать европейское понимание эко-городов, которое включает в себя социальную, экологическую и экономическую составляющие и адаптировать ее для Китая, однако четкого понимания самого термина до сих пор нет. Власти КНР подчеркивают, что развитие эко-городов является комплексным проектом, однако на практике основной акцент приходится на развитии эко-туризма в качестве одной из ключевых составляющих реализации данной модели.

В государственных программах КНР основной упор делается не на эко-города, а на города с низким уровнем выбросов углерода, причем данные концепции тесно переплетаются и в ряде случаев рассматриваются в качестве синонимичных или тесно дополняющих друг друга («эко-город с низким уровнем выбросов углерода»). Проекты разных типов городов предлагаются различными министерствами, а потому часто пересекаются между собой. Все проекты реализуются в контексте предусмотренных пятилетними планами развития показателей снижения выбросов углеродов, которые выдвигаются Государственной комиссией по реформам и развитию.

В 2003 г. Министерство защиты окружающей среды КНР разработало программу по созданию эко-городов, эко-округов и эко-районов по всей стране. В 2007 г. Администрация по защите окружающей среды КНР предложила список индикаторов, на которые необходимо опираться при создании эко-городов, эко-округов и эко-провинций. В этом же году была выдвинута идея эко-модернизации и эко-цивилизации, которые были поставлены в ряд с другими государственными целями на 17-м съезде Коммунистической партии Китая⁵.

Начиная с 12-го пятилетнего плана развития, Китай стал рассматривать сокращение выбросов парниковых газов в контексте промышленной модернизации страны, в качестве необходимого условия экономического развития в будущем. Данный тренд закрепился и нашел свое отражение в 13-м пятилетнем плане развития, а также частично в программе «Сделано в Китае 2025», где также освещаются вопросы энергосбережения, экономии ресурсов и т. д.

К экологической политике подключилось также Министерство транспорта КНР, которое инициировало проекты по созданию низ-

коуглеродных транспортных систем в 10 городах, упор при этом делался на городской пассажирский транспорт. Затем проекты были распространены еще на 16 городов и стали включать в себя внедрение низкоуглеродного транспорта, создание необходимой инфраструктуры, оптимизацию работы транспортной системы⁶.

В 2011 г. Министерство присвоило звание эко-городов 38 городам по всей стране, включая города федерального значения: Шанхай, Пекин, Тяньцзинь. Согласно статистике Китайского общества по исследованию городов, к 2011 г. в Китае насчитывалось 230 городов на уровне округов и выше, которые выступили с предложениями дальнейшего развития в качестве эко-городов, причем их количество составило 80 % от общего числа всех городов такого уровня.⁷

Стоит отметить, что в КНР проекты эко-городов чаще всего реализуются не за счет внедрения инноваций в городскую среду (как это характерно для европейских стран), а путем строительства отдельных городов практически с нуля. В таких крупных городах как Пекин и Шанхай «зеленые» инновации затронули, главным образом, городской транспорт, но не загрязненность воздуха в целом. При этом, для Китая характерно принятие экстренных мер по улучшению качества воздуха перед крупными международными событиями, например, Олимпийскими играми в Пекине в 2008 году, ЭКСПО в Шанхае в 2010, и прошедшим в 2016 году саммитом Группы 20 в Ханчжоу. В первых двух случаях также проводился перенос крупных предприятий за черту города, вводились ограничения по количеству транспорта и т. д. Тем не менее, комплексные и постоянные меры по улучшению качества воздуха в городах до сих пор реализуются лишь частично.

Поскольку автомобили выступают одним из ключевых источников загрязнения воздуха в городах, то инновациям в сфере транспорта уделяется особое внимание. Так, в Шанхае активно внедряются «умные» решения в отношении автотранспорта, в частности «умные» ID—карты для водителей общественного транспорта и такси, причем их внедрение было связано с ростом рынка нелегальных такси в Шанхае, ухудшавших транспортную ситуацию в целом. Была внедрена «умная» система сбора информации о передвижениях автобусов, которая также позволяет контролировать расход топлива⁸.

Кроме того, существует ряд проектов отдельных эко-городов, которые реализуются за счет международного сотрудничества. В первую очередь, это Тяньцзинско-сингапурский эко-город, который располагается в 45 км к востоку от г. Тяньцзин. Данный проект идет в тесной связи с двусторонним сотрудничеством между двумя государствами, поэтому он рассматривается как способ укрепления связей. Тяньцзинский эко-город планируется как «умный город»: в нем будет создана «умная» система электроснабжения, которая будет контролировать производство и потребление энергии, а также интегрированная система контроля, система сбора информации об электроэнергии, информационная и коммуникационная системы. Для достижения этой цели телекоммуникации, интернет и информационные сервисы будут связаны в одну сеть, причем это позволит полностью контролировать подачу электричества от альтернативных источников⁹.

Данный проект, ставший одним из первых проектов такого типа и масштаба, рассматривается не только в качестве модели устойчивого развития, но и как государственная платформа по исследованиям и разработкам, инновациям и продвижению экологических технологий, государственная база по современным высоким технологиям в сфере экологии и в качестве среды для международной кооперации по эко-развитию.

Второй международный проект — эко-город Дунтань в Шанхае — реализуется при сотрудничестве Великобритании и КНР. Совместное финансирование и осуществление проекта осуществляют Agur — базирующаяся в Лондоне транснациональная инжиниринговая и проектная компания, а также Шанхайская компания по промышленным инвестициям, при сотрудничестве с государственными структурами, университетами Китая и Британии. Кроме того, в проекте участвуют Sustainable Development Capital LLP (Лондон), выступающая в качестве инвестора, консалтинговая компания Monitor Group, банковская корпорация HSBC и ряд компаний, занимающиеся консалтингом в сфере недвижимости¹⁰.

Третий проект — приморский эко-город Цаофэйдянь в провинции Хэбэй строился совместными усилиями инфраструктурной шведской компании SWECO и Института городского планирования

и дизайна Университета Цинхуа. Компания SWECO планировала Цаофэйдянь в качестве экологически нейтрального города, который на 95 % будет обеспечиваться за счет возобновляемых источников энергии. Также, компания запланировала строительство Центра устойчивого развития, который будет предлагать рыночные решения шведских компаний в данной сфере¹¹.

На примере трех проектов прослеживается, что КНР стремится работать с компаниями их тех стран, которые достигли успехов в городском планировании, в частности его экологической составляющей. При этом стоит отметить, что данные проекты реализуются достаточно изолированно, то есть предполагают строительство городов или отдельных частей городов «с нуля»: таким образом, проблема распространения «зеленых» технологий и переноса отдельных практик для их применения в других городах Китая остается открытой.

Одной из особенностей эко-городов в Китае является специфика их позиционирования: они рассматриваются в качестве крупных международных проектов, которые способны оказать глобальное влияние. При строительстве эко-городов китайское руководство заявляет о создании глобальных, международных и космополитических сообществ, которые будут представлять собой пример «зеленого» городского строительства, в том числе для городов за пределами Китая.

Например, эко-город Цаофэйдянь характеризуется как «первый информационный» город в Китае, который станет городом будущего. Проекты эко-городов в Китае являются, прежде всего, футуристическими концептами, которые подчеркивают не только процесс модернизации Китая, но и заявку на его главенствующую роль в будущем. К проектам привлекаются зарубежные архитекторы; к ним предъявляются требования по созданию максимально футуристических зданий¹².

В качестве одной из специфических особенностей строительства эко-городов в Китае можно также выделить особый упор на технологическую составляющую. Так, при планировании эко-города на острове Дунтан, Шанхайская инвестиционная корпорация, ответственная за финансирование проекта, среди причин запуска данного проекта указала необходимость использования новых технологий

для сохранения эко-системы острова, а также создания удобной для жизни городской среды, создание индустриальных кластеров и центров НИОКР. Данные приоритеты демонстрируют, что в Китае укоренилось представление о том, что эко-города и устойчивые экологические системы можно создать исключительно за счет внедрения технологических решений и устойчивого экономического развития.

В государственной программе КНР по борьбе с климатическими изменениями особо подчеркивается, что стимулирование научных исследований и технологического развития являются ключевыми областями в рамках борьбы с климатическими изменениями. В рамках данного направления предусматривается как развитие собственных исследований и разработок в области альтернативной энергетики, экологических инноваций, технологий по снижению выбросов парниковых газов, так и стимулирование международного сотрудничества, причем направленного на привлечение зарубежных инвестиций в сферу китайских исследований и разработок по борьбе с климатическими изменениями.

Упор на технологическую составляющую как решение существующих социально-экономических проблем можно рассматривать в качестве ключевой проблемы не только развития городов, но и развития инноваций в КНР в целом. Такой подход не позволяет выработать комплексные решения, зачастую допуская неэффективные, но при этом масштабные проекты, которые выгодно смотрятся с точки зрения политического имиджа, но, как в случае эко-городов, не решают существующих проблем.

Примечания

¹ Key World Energy Statistics 2016. // International Energy Agency. URL: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/KeyWorld_Statistics_2015.pdf (дата обращения: 09.12.16).

² 十三五规划纲要 (全文) / Xinhuanet: URL: http://sh.xinhuanet.com/2016-03/18/c_135200400.htm (дата обращения: 09.12.16).

³ 那鲲鹏 — 中国生态城市发展路径研究 // 城市发展研究卷 (Urban Development Studies). 2013. Vol. 20. No. 7. P. 57—62. URL: <http://www.xueshu.com/csfzyj/201307/14622010.html> (дата обращения: 09.12.16).

⁴ *Huang Guang-yu*. Evolution of Eco-city in China // *Urban Environment & Urban Ecology*. 2001. Vol. 14. No. 3. P. 6—8. URL: http://caod.oriprobe.com/articles/16482464/Evolution_of_Eco_city_in_China.htm (дата обращения: 09.12.16).

⁵ *Chien Shiuh-Shen*. Chinese eco-cities: A perspective of land-speculation-oriented local entrepreneurialism. // *China Information*. 2013. Vol. 27. No. 2. P. 173—196. URL: <http://cin.sagepub.com/content/27/2/173.short> (дата обращения: 09.12.16).

⁶ *China's Policies and Actions for Addressing Climate Change 2012/* China.org. 21.11.2012. URL: <http://www.ccchina.gov.cn/WebSite/CCChina/UpFile/File1324.pdf> (дата обращения: 09.12.16).

⁷ *Nan Zhou, Gang He, Williams Ch.* China's Development of Low-Carbon Eco-Cities and Associated Indicator Systems/ *China Energy Group*. URL: https://china.lbl.gov/sites/all/files/china_eco-cities_indicator_systems.pdf (дата обращения: 09.12.16).

⁸ *Shanghai Manual — A Guide for Sustainable Urban Development in the 21st Century/*United Nations, November 2011. URL: http://www.un.org/esa/dsd/susdevto pics/sdt_pdfs/shanghaimanual/Introduction.pdf (дата обращения: 09.12.16).

⁹ *Newman P., Matan A.* *Green Urbanism in Asia: The Emerging Green Tigers*. Hackensack, New Jersey: World Scientific Publishing Company, 2013. P. 88—89.

¹⁰ *Chang I-Chun C., Sheppard E.* China's Eco-Cities as Variegated Urban Sustainability: Dongtan Eco-City and Chongming Eco-Island // *Journal of Urban Technology*, 2013. Vol. 20. No. 1. P. 57—75. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/10630732.2012.735104>

¹¹ The new Caofeidian eco-city will be climate-neutral/*Environmental Expert*, 22.11.2010. URL: <https://www.environmental-expert.com/articles/the-new-caofeidian-eco-city-will-be-climate-neutral-211174> (дата обращения: 09.12.16).

¹² *Joss S., Molella A.P.* The Eco-City as Urban Technology: Perspectives on Caofeidian International Eco-City (China) // *Journal of Urban Technology*, 2013. Vol. 20. No. 1. P. 115—137. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/10630732.2012.735411>

Чубаров Илья Георгиевич,

к.геогр.н., старший научный сотрудник ИДВ РАН

РЕФОРМА ПРОПИСКИ В РАМКАХ КУРСА «НОВОЙ УРБАНИЗАЦИИ» В КНР*

Аннотация. Одной из ключевых составляющих курса «новой урбанизации», идущего в КНР с 2014 г., является реформа прописки. Наряду с другими мерами, она направлена на облегчение переезда крестьян в города, увеличение численности и качества городского населения. Основные цели — это стимуляция внутреннего спроса, создание более современной социальной структуры и ликвидация дисбалансов между уровнем развития городов разной людности и разных регионов страны. В рамках этого курса фактически отменены существовавшие с середины 1950-х гг. различия между сельской и городской пропиской. Благодаря введенному в 2016 г. «виду на жительство» (цзюй чжу чжэн) постоянно проживающие мигранты могут получить доступ к базовому социальному обеспечению и государственным услугам. Однако курс на облегчение переезда не затрагивает крупнейшие перенаселенные мегаполисы Китая. В Пекине правительство разработало экспериментальную балльную систему оценки потенциальных кандидатов на получение прописки в зависимости от их рабочего стажа, уровня образования, возраста и других факторов. Эти временные правила будут действовать в 2017—2019 гг. и, в зависимости от показанных ре-

---

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект 16-35-0050716).

зультатов, будут продлены на постоянной основе. Правительство препятствует дальнейшему росту крупнейших городов и стимулирует развитие средних и малых населенных пунктов.

Ключевые слова: Китай, прописка, реформы, хукоу, урбанизация, Пекин.

Стремительный рост городов в Китае привел к накоплению значительного числа проблем, которые на определенном этапе стали препятствовать дальнейшему повышению качества жизни населения страны. В свете объективной необходимости смены вектора развития народного хозяйства (ухода от экспортной модели развития)¹, балансировки уровня жизни восточных и западных регионов² и выравнивания диспропорций между сельским и городским населением, в КНР назрела потребность в выработке новой комплексной стратегии по вопросам, связанным с развитием городов и городского хозяйства³. В марте 2014 г. китайским правительством был принят «Национальный план урбанизации нового типа», рассчитанный на период до 2020 г.⁴

Одной из наиболее острых социальных проблем Китая является положение сельских мигрантов в городах, а именно, отсутствие у них доступа к местной (городской) системе социальной защиты и базовых государственных услуг⁵. На протяжении долгого времени спецификой страны являлось шедшее с 1950-х годов разделение горожан (жителей, проживающих в определенном городе на постоянной основе и имеющих стабильный доход и место работы) на две неравноценные группы по признаку наличия или отсутствия городской прописки⁶. Первая группа — это жители с городской пропиской, их число, по данным на 2014 г., составляет 37 % населения страны, т. е. около 500 млн в абсолютных цифрах. Вторая группа — это «горожане без городской прописки», бывшие сельские мигранты. При уровне урбанизации более 55 % разрыв между реальным и зарегистрированным населением городов составляет более 15 % всего населения, или более 200 млн человек. Иными словами, более четверти всех горожан в Китае не имеет прописки по месту жительства. Отсутствие у постоянно проживающих в городах мигрантов и членов их семей доступа к базовым социальным услугам, таким как образова-

ние, здравоохранение и жилищные льготы, не позволяет им полноценно интегрироваться в городское сообщество.

Китайское правительство хочет довести долю горожан с пропиской в общем числе жителей городов до 75 % к 2020 г., для чего городскую прописку получают около 100 млн давно и постоянно проживающих в городе мигрантов⁷. Основным механизмом реализации этого курса является снятие ограничений по доступу «приезжих» к социальным услугам, что должно существенно повысить привлекательность жизни в городах, особенно небольших.

Стремительная урбанизация в Китае привела также к нарастающему межрегиональному неравенству. Несмотря на неоднократно подтверждавшийся на самом высоком уровне (например, Закон КНР о городском планировании 1990 г.) стратегический курс на «ограничение размеров больших городов, достаточное развитие средних городов и активное развитие малых городов», в реальности объективные выгоды от концентрации производства и эффекта масштаба оказались сильнее административных установок. Как результат, в 1980—2015 гг. доля горожан, проживающих в городах с населением свыше 5 млн выросла с 5,9 % до 20,4 %, а проживающих в городах с населением менее 1 млн упала с 76,4 % до 56,8 %⁸. В принятом «Плане» китайское правительство делает новую попытку переломить эту тенденцию и переместить центр тяжести на развитие малых и средних городов. Достичь этого предполагается с помощью строгих ограничений на получение прописки в городах с населением свыше 5 млн жителей.

Конкретным механизмом снятия существующих ограничений является внедрение нового юридического статуса «вид на жительство». «Вид на жительство» (*цзюй чжу чжэн*) был введен на территории всей страны с 1 января 2016 г.⁹. Согласно опубликованным правилам, условием для получения вида на жительство является проживание на новом месте более 6 месяцев. Проживание должно быть полностью легальным — в собственном (либо законно арендованном) жилье и с официальным трудоустройством. Вид на жительство действует на протяжении 1 года и в этот период дает его обладателю право доступа к базовым социальным льготам и местной системе социальной защиты. К базовым социальным льготам относятся право

на получение обязательного образования, биржа труда, здравоохранение, правовая поддержка. К базовым социальным услугам относятся оформление загранпаспорта, смена и переоформление идентификационной карты гражданина, регистрация транспортного средства, получения водительского удостоверения и др. Местным правительствам в ходе разработки бюджета вменяется в обязанность закладывать эти траты в расходную часть заранее.

Тот же документ вводит новые правила получения постоянной прописки. Их особенностью является дифференциация в зависимости от размера населенного пункта. Для посёлков и городов размером до 500 тыс. чел. требуется лишь фактическое проживание в его центральной части. Кандидаты для получения прописки в городах от 500 тыс. до 1 млн жителей должны иметь жилье и работу, а также 1—3 года выплачивать взносы в местный государственный фонд социального страхования. В более крупных городах от 1 до 5 млн в случае необходимости порог может быть установлен на 5 годах, а также введена балльная система (ограничивающая общее число получателей прописки в зависимости от комплекса показателей). Города свыше 5 млн обязаны установить балльную систему и регулировать число получателей прописки в зависимости от возможностей местной социальной системы.

Для привлечения человеческого капитала в небольшие населенные пункты, проигрывающие по привлекательности жизни мегаполисам, отменены ограничения по получению прописки для выпускников вузов, профтехучилищ и зарубежных учебных заведений (это правило действует для всех городов ниже столицы провинции). Для улучшения доступа мигрантов к социальным услугам в течение 2016 г. практически по всей стране было отменено разделение на «сельскохозяйственную» и «городскую» прописку — теперь значение играет лишь то, совпадает она с местом проживания или не совпадает¹⁰.

Одновременно с практически полной отменой ограничений на переезд в любые города, правительство идёт на достаточно жесткие меры в отношении разросшихся мегаполисов. Поставлена задача не допустить дальнейшего роста городов «первой линии», в первую очередь двух крупнейших в стране — Шанхай и Пекин. В тестовом

режиме пробные правила получения прописки будут на 3 года (2017—2019) введены в Пекине¹¹. Обязательными условиями участия кандидатов в конкурсе являются наличие вида на жительство, возраст ниже пенсионного, не менее 7 лет подряд выплаты социальных отчислений в городской фонд и отсутствие уголовной судимости. При наличии этих условий кандидат получает баллы по следующим правилам:

1. Стабильное легальное место работы — 3 балла за год.

2. Легальное место проживания — 1 балл в год за собственное, 0,5 балла в год за съемное. Учитывается не более лет проживания, чем число лет выплаты соц. отчислений.

3. Уровень образования: «ПТУ» — 10,5, бакалавр — 15, магистр — 26, кандидат наук — 37. Баллы не суммируются. Годы учебы не учитываются при расчете пп. 1 и 2.

4. Переезд из 6 центральных округов Пекина в другие — 2 балла за год, но не более 6. Переезд и переход на работу в другой округ — 4 балла за год, но не более 12.

5. Государственная премия 12 баллов, городская — 6 баллов. Не суммируются. Внедрение инноваций в бизнес-инкубаторах, 2—3 балла за год, не более 6—9 баллов.

6. Уплаченный подоходный налог от 100 тыс. юаней, налог с личных предприятия от 200 тыс. в год — 6 баллов. Неуплата налогов — вычет 12 баллов.

7. Младше 45 лет — 20 баллов.

8. Почетные звания: отличник труда (уровень провинции и выше), гражданские награды государственного или городского уровня, титул почетный горожанин — 20 баллов, не суммируются.

9. Административные аресты — вычет 30 баллов за каждый раз (с момента введения правил в действие).

Отдельно оговаривается, что вместе с заявителем могут получить прописку только его несовершеннолетние дети, но не другие члены семьи. Предоставление заведомо поддельных подтверждающих документов карается лишением права на повторное участие в конкурсе в течение следующих 5 лет (аналогично для организации, сфальсифицировавшей документ). Целью введения данных правил является поддержание численности города на уровне 23 млн жителей и сокра-

шение числа жителей центральных районов на 15 % от показателя 2014 г.

Таким образом, одной из ключевых составляющих курса «новой урбанизации», идущего в КНР с 2014 г., является реформа прописки. Наряду с другими мерами, она направлена на облегчение переезда крестьян в города, увеличение численности и качества городского населения. Основные цели — это стимуляция внутреннего спроса, создание более современной социальной структуры и ликвидация дисбалансов между уровнем развития городов разной людности и разных регионов страны. В рамках этого курса фактически отменены существовавшие с середины 1950-х гг. различия между сельской и городской пропиской. Благодаря введенному в 2016 г. «виду на жительство» (цзюй чжу чжэн) постоянно проживающие мигранты могут получить доступ к базовому социальному обеспечению и государственным услугам. Однако курс на облегчение переезда не затрагивает крупнейшие перенаселенные мегаполисы Китая. В Пекине правительство разработало экспериментальную балльную систему оценки потенциальных кандидатов на получение прописки в зависимости от их рабочего стажа, уровня образования, возраста и других факторов. Эти временные правила будут действовать в 2017—2019 гг. и, в зависимости от показанных результатов, будут продлены на постоянной основе. Правительство препятствует дальнейшему росту крупнейших городов и стимулирует развитие средних и малых населенных пунктов.

Примечания

¹ *Портяков В.Я.* Трансформация модели экономического роста в Китайской Народной Республике: современные тенденции и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4. С. 55—68.

² *Самбурова Е.Н.* Региональные диспропорции современного развития экономики Китая // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2014. № 4. С. 49—55.

³ *Баженова Е.С.* Урбанизация в Китае: движущая сила новой модели экономического развития / 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва: горизонты реформ. В 2-х ч. Ч. 1. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 58—68.

⁴ Гоцзя синьсин чэнчжэньхуа гуйхуа (2014—2020 нянь) (цюань вэнь) : [Национальный план урбанизации нового типа (2014—2020 гг.) (полный текст)]. Синьхуа. 16.03.2014. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2014-03/16/content_2640075.htm (дата обращения: 14.11.2016).

⁵ Чубаров И.Г. «Урбанизация нового типа» — новый этап развития городской системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 23—30.

⁶ Баженова Е.С. 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. М.: ИД «ФОРУМ», 2010.

⁷ Гоуюань баньгунтин гуаньюй иньфа туйдун 1 и фэй хуцзи жэнькоу цзай чэнши лоху фанань дэ тунчжи : [Документ № 72 «Уведомление Канцелярии Госсовета КНР о принятии проекта по получению городской прописки 100 млн жителей без прописки»]. 30.09.2016.

⁸ World Urbanization Prospects: The 2014 Revision. United Nations. New York, 2014.

⁹ Цзюйчжучжэн цзаньсин тяоле : [Временное положение о виде на жительство]. Принят Госсоветом КНР 21.10.2015, вступил в действие с 01.01.2016.

¹⁰ Цюньго 31 шэнфэнь цюаньмянь цюйсяо нунье хукоу : [31 провинция отменила сельскую прописку]. Тайсин Жибао. 23.09.2016. Полоса 5.

¹¹ Бэйцзин ши цифэнь лоху гуаньли баньфа (шисин) : [Положение об осуществлении балльной системы для получения прописки г. Пекина (пробные)] // Документ № 39 Канцелярии народного правительства. Пекин. Синьхуа. 11.08.2016.

*Кулинцев Юрий Викторович,
аспирант ИДВ РАН*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ШЭНЬСИ

Аннотация. В статье представлен краткий обзор политических, экономических и культурно-гуманитарных особенностей реализации инициативы «Один пояс, один путь» в китайской провинции Шэньси. Автор раскрывает приоритетные направления и показывает новые возможности информационно-коммуникационного, анимационного и выставочно-логистического секторов экономики региона, которые могут быть расширены и реализованы в рамках международного сотрудничества.

Ключевые слова: один пояс, один путь; международное сотрудничество; Китай; Шэньси; ЭПШП.

Провинция Шэньси получила мировую известность благодаря своей исторической роли, которую она играла на протяжении 1100 лет, являясь императорской столицей 11 династий китайской цивилизации. Выгодное географическое положение позволило ей развивать свою экономику на основе торговли и стать начальной точкой древнего Шелкового пути, соединяя Китай со странами Запада. В настоящее время региональные власти китайских провинций активно выдвигают стратегические планы для участия в строительстве «Одного пояса, одного пути». Среди северо-западных провинций одно из ведущих мест в реализации инициативы принадлежит про-

винции Шэньси. Региональное правительство позиционирует свою провинцию как новый отправной пункт Экономического пояса Шелкового пути, придерживаясь идеи всесторонней открытости континентальной части Китая.

В 2013 г. после известных выступлений лидера КНР Си Цзиньпина в столицах Казахстана и Индонезии термин Шелковый путь наполнился новым экономическим содержанием, а провинция Шэньси вновь получила шанс превратиться в экономический хаб в рамках евразийской торговой сети.

Административный центр провинции Шэньси — город Сиань, наравне с Чунцином и Чэнду является частью так называемого «Западного треугольника», куда стекаются крупные государственные и частные инфраструктурные инвестиции, образуя новую экономическую зону, и выступает драйвером экономического роста Западного Китая, который позволяет сбалансировать развитие прибрежных регионов и провинций внутри страны. Инвестиции в инфраструктуру, строительство и промышленность направлены на создание экономической базы для развития производств с высокой добавленной стоимостью как для обеспечения потребностей растущего класса городских жителей, так и для укрепления внешних контактов с субъектами международной экономической деятельности в целях стимулирования экспорта.

С учетом геополитических факторов, культурно-исторического наследия и наличия природных ресурсов губернатор провинции Шэньси господин Лю Циньцзянь выделил 5 приоритетных отраслей развития региона¹, которые будут играть важную роль в национальной стратегии «Один пояс, один путь», позволят ускорить экономического рост и найти новые пути для строительства новой инновационно-ориентированной экономики Китая.

По объему добычи нефти и газа провинция Шэньси занимает первое место в стране, а по добыче небогатого угля — третье. Несмотря на это, для поддержания 8%-ных темпов роста регионального ВВП политическое руководство провинции в развитии энергетического и химического секторов экономики сделало ставку на высокотехнологичное производство. Были реализованы несколько новых проектов, которые позволяют провинции Шэньси непрерывно

развивать свою промышленную цепочку предприятий. Второй приоритетной отраслью развития стали телеинформационные технологии, которые в настоящее время вошли в стадию стремительного роста. В одном из проектов этой отрасли при первоначальных инвестициях в 7 млрд долл. в 2012—2013 гг., объем выпуска конечной продукции в 2015 году достиг 17 млрд долл. Третьей приоритетной отраслью является производство гибридных автомобилей (*new-energy automobile industry*) с использованием новых источников энергии². В 2015 г. объем продаж в указанном секторе достиг второго показателя в стране. Четвертым направлением является аэрокосмическая индустрия, также переживающая стремительно развитие за счет создания в Яньлиане (Yanliang) крупнейшей авиационно-индустриальной базы Китая. И наконец, развитие культурно-туристического кластера также стало одним из приоритетов провинции. Интеграция исторического наследия и современных технологий позволяет сделать Сиань привлекательным местом как в национальном, так и в международном масштабе. За последние 5 лет суммарный оборот туристической индустрии в провинции Шэньси превысил 160 млрд долл.

Экономическая политика региональных властей в полной мере отвечает планам и является частью реализации национальной концепции «Один пояс, один путь», направленной на перестройку китайской экономики от модели экспорта дешевых товаров широкого потребления на более сбалансированную экономическую модель роста, в которой внутреннее потребление и высокотехнологичное производство будут играть главную роль. Цели центрального правительства заключаются в поиске новых путей развития, которые позволят избежать таких негативных особенностей индустриализации как загрязнение окружающей среды и создание низкотехнологичных производств, и сразу перейти к развитию передовых секторов экономики — информационных технологий, автомобильной промышленности и аэрокосмической отрасли.

Начиная с середины XX в. и до 2000-х годов провинция Шэньси являлась одним из ведущих поставщиков энергопродуктов на китайский рынок, а также была одной из крупнейших производственных баз военного оборудования для нужд страны. Подобная структура экономики наложила свой отпечаток на развитие инфраструктуры,

производственного сектора и образовательных учреждений, которые были созданы в регионе.

С населением порядка 38 млн человек и уровнем урбанизации около 57 %, Сиань и три другие крупнейшие городские агломерации провинции Шэньси — Сяньян (Xianyang), Вэйнань (Weinan) и Баоцзи (Baoji), обладают мощным человеческим потенциалом. Основная часть жителей провинции проживает в долине Гуаньчжун (Guanchong) вдоль реки Вэй (Wei)³.

В структуре экономики провинции Шэньси традиционно важное место занимала энергетика. С 2001 г. инвестиции местной администрации были главным образом направлены на улучшение инфраструктуры и в ресурсодобывающие отрасли (разработка угольных месторождений, нефти и газа). В 2011 г. их общий размер во всем регионе превысил 50 млрд долл., темпы роста ВВП превышали показатели других регионов.

После запуска концепции «Один пояс, один путь» в 2013 г. особый фокус был сделан на переоснащение мощной индустриальной базы в целях формирования более устойчивой экономической модели развития. Примером может служить привлечение большего количества научно-исследовательских и опытно-конструкторских решений, а также применение новейших технологий в процессе производства.

Если в 2012 г. промышленный сектор занимал 56 % в структуре ВВП провинции, показывая ежегодные темпы роста около 15 %, где ведущее место отводилось добыче угля, то к 2016 г. инвестиции правительства были направлены в целый ряд новых развивающихся и в тоже время стратегических секторов экономики, таких как информационно-коммуникационные технологии, авиация и аэрокосмическая отрасль, разработка материалов с улучшенными свойствами, фармацевтика.

Особый акцент был сделан на развитие сети университетов и институтов. Провинция стала превращаться в крупнейший образовательный центр с более чем 1000 научно-исследовательских организаций, в которых работают более 1 млн человек технического персонала. Согласно статистическим данным, среднее число преподавателей в Сиане в два раза превышает аналогичный показатель для Пекина.

Накопленные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) провинции Шэньси достигли 2,9 млрд долл. в 2012 г. и превысили 3,7 млрд долл. в 2013 г. Однако в следующие несколько лет эта цифра была удвоена за счет привлечения 7 млрд долл. инвестиций от компании Samsung на строительство завода для производства микросхем⁴. Эта инвестиционная сделка является крупнейшей индивидуальной сделкой в информационно-коммуникационном секторе экономики Китая. В рамках проекта были созданы производственные мощности площадью 230 тыс. м² для производства флеш-карт размером 10-нанометров с повышенным объемом данных и высокими скоростными характеристиками. Этот проект расширяет спектр экономического сотрудничества провинции Шэньси и является значительным вкладом в торговый обмен между Китаем и Южной Кореей. Запуск данного проекта позволяет Samsung создать глобальную систему производства полупроводников с тремя основными производственными базами — в Южной Корее, Китае и США.

Как заявляют представители компании Samsung, для данного проекта был выбран Сиань, с одной стороны, благодаря тому, что он находится в географическом центре современного Китая, что позволяет эффективно использовать логистические возможности данного региона, с другой стороны — благодаря превосходной инвестиционной среде и условиям, созданным для развития электронной промышленности. Кроме того, в пользу выбора провинции Шэньси сыграл факт наличия мощной научно-исследовательской базы и высококвалифицированной рабочей силы.

Выпускники местных технических ВУЗов, которые собираются посвятить свою карьеру электронной промышленности, также с большим энтузиазмом приветствуют запуск проекта Samsung, так как он создает рабочие места в одной из мировых ведущих компаний в сфере электроники. В настоящее время уже более 1300 выпускников местных университетов работает в рамках данного проекта, что значительно увеличивает репутацию и экономические показатели южнокорейского гиганта на китайском рынке.

В реализации стратегии «Один пояс, один путь» важная роль отводится экономическим, политическим и культурным обменам и более интенсивному взаимодействию с ближайшими соседями, вклю-

чая страны Центральной Азии, что особенно актуально в контексте складывающихся новых международных отношений.

В рамках указанной инициативы созданы международные платформы, позволяющие зарубежным предпринимателям и экспертам вступать в переговоры с китайскими партнерами. Действуют Евразийский экономический форум (Eurasian Economic Forum), Сианьская национальная выставка электронной коммерции (Xi'an National E-commerce cross-border trade fair), в которых местная администрация не только обеспечивает политическую поддержку, но и закладывает основы для развития провинции как важного международного хаба на западном направлении, который, в свою очередь, должен стать очередным драйвером развития.

В провинции Шэньси новое значение термина Шелковый путь означает создание интерактивного механизма взаимодействия с целью укрепления значимости китайских выставочных проектов и форумов и выведение их на наднациональный уровень. В связи с этим Евразийский экономический форум призван служить целям развития центральных и западных регионов Китая, а также установлению многоуровневых каналов взаимодействия с ближайшими соседями — странами Центральной Азии и Россией. В 2015 г. в ходе 5-го Евразийского экономического форума в Сиане был достигнут национальный консенсус о необходимости развития отношений с Туркменистаном и Узбекистаном, налаживания обменов и взаимодействия между крупнейшими городами. В ходе форума было объявлено о начале обсуждения 7 строительных проектов с общим бюджетом финансирования более 10 млрд долл.⁵

В сфере гуманитарного сотрудничества в Сиане проводятся ставшие уже ежегодными фестивали кино и артфестиваль. В 2016 г. прошел Международный фестиваль искусств Шелкового пути (Silk Road International Arts Festival), в котором в разделе анимационного кино программа фестиваля включала в себя выставку «Неделя Анимации и Культуры», форум анимационной индустрии с конференцией по российской анимации и возможностям сотрудничества, а также подведение итогов премии Синь Гуан — международного конкурса оригинальной анимации. Российская мультипликационная студия Wizart стала единственным иностранным финалистом престижной

премии. Проект студии мультфильм «Снежная королева» был отобран и отмечен из 2639 работ, присланных на конкурс, включая работы крупнейших студий Китая — Mili Pictures и Zhejiang Hengdian⁶.

Отдельной темой анимационного форума стало обсуждение перспектив международного сотрудничества. В 2016 г. были достигнуты договоренности между российской компанией Wizart — автором первого российского проекта, который вышел в широкий кинотеатральный прокат в Китае в августе 2015 г., и китайскими партнерами, которые выступили на форуме с презентацией своих достижений.

На сегодняшний день российская франшиза «Снежная королева» — это сильная кросс-медийная платформа, включающая в себя три полнометражных анимационных фильма, мультсериал, серию игр дополненной реальности, игровые приложения, лицензионную продукцию, а также проект циркового шоу. Ожидается, что достигнутые в ходе форума договоренности должны позволить расширить представления китайских зрителей о зарубежном искусстве, в частности, познакомить китайских партнеров с современной российской анимацией, помочь в поиске новых партнеров и усилении производственной базы.

В сентябре 2016 г. в Сиане прошел уже 3-й ежегодный Международный кинофестиваль стран Шелкового пути (3rd Silk Road International Film Festival). Целью 5-дневного фестиваля является укрепление культурного взаимодействия между странами. На фестивале было представлено около 700 фильмов из 35 стран — Китая, России, Германии, Японии, Южной Кореи и других⁷. Приведенные примеры проектов культурно-гуманитарного сотрудничества показывают важность той роли, которую провинция Шэньси играет в реализации стратегии «Один пояс, один путь».

Начиная с 2014 г., провинция Шэньси стала значительно более активно развивать внутренние и внешние контакты как с субъектами международной экономической деятельности, так и по линии политического взаимодействия. В рамках региональных политических инициатив власти провинции установили дружественные отношения с соответствующими областями стран Центральной Азии, было заключено несколько крупных проектов сотрудничества в сфере инфраструктурного строительства. Кроме того, на регулярной ос-

нове стали успешно реализовываться международные мероприятия в культурно-гуманитарной области.

Проведенный анализ, показывает, что в основе большинства крупных экономических проектов провинции Шэньси лежит политическая составляющая. Наличие выделенных финансовых ресурсов на реализацию инициативы «Один пояс, один путь» позволяет политическому руководству КНР на примере провинции Шэньси оценить эффективность запущенных пилотных проектов. Ожидается, что опыт создания подобных проектов может быть использован при реализации инициативы «Один пояс, один путь» и в других регионах КНР.

Примечания

¹ A Conversation with the Governor of Shaanxi Province // Boao Forum for Asia Annual Conference 2016 Session Summary (No. 46). 24.03.2016. URL: <http://english.boaoforum.org/u/cms/www2/201604/1509545555wg.pdf> (дата обращения: 05.07.2016).

² *LI Qingdong*. Research on the Evaluation of the New Energy Auto Industry Innovation System // Management Science and Engineering. 2011. Vol. 5. No. 4. P. 1—6.

³ По данным General Office of the Shaanxi Province government administration. URL: <http://shaanxi.gov.cn/> (дата обращения: 27.10.2016).

⁴ *Lu Hongyan, Ma Lie*. Samsung opens major factory in city // Chinawatch. June 3, 2014. URL: http://chinawatch.washingtonpost.com/2014/06/samsung_opens_major_factory_in_city/ (дата обращения: 18.09.2016).

⁵ *Xiaoyan Zhou*. Research on Economic Trade Relations between Shaanxi and ASEAN under One Belt One Road Strategy // 4-th International Education, Economics, Social Science, Arts, Sports and Management Engineering Conference (IEESASM 2016). Atlantis Press. 2016. P. 1054—1057.

⁶ СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА добилась успеха на фестивале в Китае. 04.10.2016. URL: <http://cinemaplex.ru/cinema-expo/2016/10/04/snezhnaya-koroleva-festival-v-kitae/> (дата обращения: 29.10.2016).

⁷ The 3rd Silk Road International Film Festival Kicked off in Xi'an // PR News-wire Association. Sep 21, 2016.

Эм Павел Павлович,

к.геогр.н., научный сотрудник Института географии РАН

УРБАНИЗАЦИЯ В КНДР: ПОПЫТКА КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Урбанизация — это закономерный процесс развития городов, повышения их роли в жизни общества. Являясь неотъемлемой чертой индустриализации, урбанизация может играть роль своеобразного индикатора, способного оценить уровень развития экономики той или иной страны.

Шесть из десяти жителей КНДР в соответствии с официальными статистическими данными проживают в городах. Во время поездки по этой стране автор осознал необходимость критического анализа урбанизации, поскольку городская жизнь северных корейцев не является таковой в классическом понимании. В данной работе предпринята попытка выделить особенности изучаемого процесса, а также оценить реальную долю городского населения в КНДР.

Ключевые слова: КНДР, урбанизация, город, городской образ жизни.

Урбанизация — это закономерный процесс развития городов, увеличения их роли и значимости в жизни общества. Поскольку именно города являются «двигателями» прогресса, изучение урбанизации необходимо для адекватной оценки развития экономики.

При попытке изучения КНДР перед исследователями всегда особо остро встает вопрос поиска репрезентативной статистической

информации, поскольку большинство данных искажено, в том числе в силу желания официальных лиц «приукрасить» реальную картину в стране. Относительно высокая степень достоверности данных переписи населения 2008 г.¹ была обеспечена участием в ней сотрудников Фонда ООН в области народонаселения². Представленная информация заслуживает пристального внимания и анализа, поскольку способна пролить свет на КНДР — «белое» пятно на карте социально-экономических исследований.

Изучение темпов роста городского населения позволяет выделить три этапа. На первом этапе (с 1950 по 1970 г.) зафиксированы высокие темпы роста, превышавшие 2 %³, по причине роста городов в послевоенное время на базе их промышленного развития. На втором этапе (с 1970 по 1980 г.) значение темпов роста городского населения стремительно уменьшалось, приближаясь к нулю. На третьем этапе, начавшемся в 1980 г., и, продолжающемся по сей день, темпы роста городского населения варьируют от 0,13 до 0,56 % в год. Данный факт объясняется «закрытием» городов путем введения института обязательной регистрации граждан. Регистрация — это серьезный административный барьер для свободной внутренней миграции населения. Для передвижения между населенными пунктами необходимо иметь специальное разрешение, которое проверяется при въезде и выезде из города, а также при входе в железнодорожные вокзалы.

Количество урбанизированных элементов системы расселения КНДР возросло с 14 в 1950 г. до 27 в 2008 г.⁴ Численность населения Пхеньяна увеличилась с 1950 по 2008 гг. в 5,47 раз⁵. Он удерживает статус безальтернативного центра. Рассмотрим динамику городов КНДР по правилу «ранг-размер», согласно которому численность населения любого города равна отношению размера крупнейшего элемента системы на ранг изучаемого города. Распределение городов по вышеназванному правилу в 1950 г. не отличалось сбалансированностью размеров элементов. Так, численность населения второго города Синыйджу была на 30,2 % меньше ожидаемой, а размер третьего элемента (г. Вонсан), практически идеально соответствовал расчетному значению. Размеры остальных городов превышали «ожидаемые» значения. В 2008 г. размер городов со 2 по 11 ранги, которые

должны быть конкурентами столицы, значительно уступает предсказанным по правилу «ранг-размер». Таким образом, столица должна выполнять центральные функции во всех сферах для большого количества горожан, но предоставляет их только пхеньянцам, поскольку свободное посещение столицы нерезидентами запрещено.

Доля населения, проживающая в крупных городах КНДР, увеличилась с 43 % в 1950 г. до 46,41 % в 2008 г.⁶ Доля населения в больших городах за аналогичный период уменьшилась с 57 % до 22,2 %. Они распределены по всей территории страны: по 3 их них в провинциях Пхёнган-намдо, Хангён-пукто, по 2 в провинциях Пхёнган-пукто и Чагандо. Анализ пространственно-временных особенностей развития урбанизации в провинциях КНДР показал, что приграничные с Республикой Корея провинции являются аутсайдерами, поскольку уровень урбанизации в них минимальный. В них до сих пор не произошел урбанистический переход, то есть большинство граждан проживают в сельской местности. Сегодня Пхеньян — это единственный город-миллионер КНДР, получивший статус города прямого подчинения в сентябре 1946 г. Его размер увеличивался не только благодаря естественному и механическому движению населения, но также и по причине интенсивного административно-территориального реформирования.

Рассматривая транспортную доступность городов, расположенных в северной части Корейского полуострова, необходимо отметить, что автомобильные дороги страны находятся в неудовлетворительном состоянии. Асфальтом покрыты только главные автодороги столицы. При удалении от Пхеньяна качество дорожного покрытия стремительно ухудшается. В уездах большинство автомобильных дорог не имеет даже разбитого твердого покрытия. Важно отметить, что практически все автомобили в КНДР принадлежат государству. Подобное обстоятельство сильно снижает уровень автомобилизации населения. Общественный транспорт развит хорошо в Пхеньяне: здесь есть и метро (пусть и всего 2 линии) и трамвай, и троллейбусы, и автобусы, и такси. По словам местных жителей в Пхеньяне действует три государственные компании, предлагающие услуги такси. Отметим, что степень охвата отдельных районов различными видами общественного транспорта весьма дифференцирована. Провин-

циальные города обеспечены общественным транспортом значительно хуже в силу более старого материального фонда.

Города КНДР не имеют настоящих пригородов. За границами городов располагаются поля. Именно этой причиной обусловлена искусственная задержка развития урбанизации КНДР на второй стадии, согласно концепции стадий урбанизации по Джиббсу, поскольку наступление третьей стадии возможно только при наличии активной развивающейся пригородной зоны⁷.

Исследование коммунального хозяйства городов КНДР может способствовать оценке городской инфраструктуры, а также образа жизни горожан. Рассмотрим уровень обеспеченности и качество основных коммунальных услуг в городах КНДР. Начнем с анализа уровня электрификации городов, поскольку сложно представить жизнь современных горожан без электричества. По оценкам International Energy Agency показатель потребления электроэнергии на душу населения уменьшился с 909 кВт·ч в 1971 г. до 654 кВт·ч в 2012 г.⁸ Для сравнения, аналогичный показатель у южного соседа Республики Корея был выше в 2012 г. в 16 раз, а в Китае — в 6,3 раза! По оценке ЦРУ США только 41 % горожан проживает в электрифицированных жилых помещениях⁹. Автор в ходе поездки по городам КНДР увидел, что электроэнергия подается с перебоями, ее использование лимитировано в силу ее частых отключений. Даже столица ночью погружается практически в полную темноту. Освещенными остаются лишь культовые сооружения, такие как площадь им. Ким Ир Сена, монумент идеи Чучхе и т. д.

Рассмотрим систему водоснабжения. В соответствии с официальными данными только 89,5 % горожан КНДР обеспечены услугами центрального водоснабжения и водоотведения¹⁰. Остальные горожане вынуждены использовать скважины (5,7 %), общественные краны (2,3 %) и т. д. Однако главная проблема в этой сфере заключается в том, что давление в системе не всегда достаточно для нормального снабжения водой. Полученные в ходе бесед данные свидетельствуют о фактах отключений холодного водоснабжения в жилых домах Пхеньяна. Если подобное происходит в столице, то, скорее всего, для провинциальных городов данное явление является привычным.

Центральная отопительная система охватывает только 7,35 % горожан¹¹. Следовательно, подавляющая часть горожан вынуждена проделывать работу для поддержания нормальной температуры в жилых помещениях в холодное время года. Так, 64,3 % горожан обогревают жилище путем сжигания угля и брикета. Только 1,8 % горожан используют электричество для приготовления и разогрева пищи¹². Интересно, что главным источником тепла для кулинарных целей для 27,5 % горожан является древесина, а для 63,4 % — каменный уголь.

Для оценки реального значения доли городских жителей автор предлагает использовать показатель их невовлеченности в бытовую хозяйственную деятельность. Так, 45,4 % горожан КНДР занимается садоводством и выращиванием фруктов, 37 % уходом за домашним скотом и прочей живностью, 31,4 % собирают дрова, а 18,2 % доставляют воду в жилые помещения¹³. Подобные высокие показатели вовлеченности горожан в бытовую деятельность свидетельствует о завышенном показателе доли городского населения. При вычитании количества вовлеченных в вышеназванные сферы деятельности жителей от общего числа горожан получим, что реальная доля городского населения КНДР не превышает 55,5 %. Таким образом, разница между официальной и расчетной долей городского населения составляет 5,4 %. Если полагать, что официальные данные всегда были завышены на примерно аналогичное значение, то урбанистический переход в 50 % страна осуществила в промежутке между 1970 и 1975 гг.

Большая часть (37 %) городских семей КНДР является нуклеарными и состоит из 4 членов¹⁴. Семьи с 3 и 5 членами составляют 20,4 % и 18,8 % соответственно. Около 61,5 % городских семей проживают в двухкомнатных жилых помещениях со средним размером от 50 до 75 кв. метров¹⁵. На втором месте — однокомнатные квартиры (21,8 %) менее 50 квадратных метров, на третьем — трехкомнатные (15,6 %). В больших четырехкомнатных квартирах проживает чуть более 1 % домохозяйств. Количество комнат в квартире, как и ее размер, в целом, коррелирует с размером семьи.

Застройка северокорейских городов преимущественно одноэтажная. Только 21,4 % семей КНДР по официальным данным проживает в жилых помещениях, расположенных в зданиях с более чем

одним этажом¹⁶. В Пхеньяне этот показатель выше и составляет 32,5 %. Однако, даже он очень низок для главного города страны, гипертрофированность функций которого была показана выше. Следовательно, характер застройки Пхеньяна преимущественно одноэтажный. Это подтверждают снимки со спутника, доступные в GoogleMaps. Только центральная часть столицы застроена многоэтажными зданиями. На отдалении от центра многоэтажных зданий намного меньше, либо нет вовсе. Любопытно, что ситуация мало изменилась по сравнению с 1983 г., когда А. Ланьков впервые побывал в Пхеньяне¹⁷. Выделим любопытную особенность застройки северокорейских городов — многоэтажные здания построены вдоль крупных автодорог и выполняют функцию «ширмы», скрывая старые одноэтажные дома. В то же время в Пхеньяне построен современный многоэтажный жилой район на так называемой «Улице будущего». Венцом этой улицы является жилой 53-х этажный небоскреб, сверху напоминающий лепестки цветка. Но он представляет собой единичное исключение среди серой и неприглядной застройки северокорейской столицы, унаследовавшей черты советской архитектуры.

Характер застройки в других городах КНДР — преимущественно одноэтажный. Многоэтажные жилые помещения чаще всего имеют не более 2 этажей. Эти двухэтажные здания также осуществляют функцию «ширмы», скрывая старые одноэтажные дома местного жилого фонда, находящиеся в плохом состоянии. Наглядно оценить и сравнить жилые здания региональных городов КНДР с постройками современного азиатского типа, характерного для развитых и развивающихся стран Восточной Азии, можно в г. Синьиджу, граничащим с китайским Даньдуном. Вид китайских небоскребов за рекой вызывает с одной стороны неподдельное чувство восторга, с другой — осознание сильной отсталости и запущенность застройки региональных городов КНДР. По наблюдениям автора, большая часть жилых домов в них представляет собой здания барачного типа, похожие на хижины.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Реальная доля городского населения КНДР после вычета населения, занимающегося бытовой хозяйственной деятельностью, не

превышает 55,5 %. Если полагать, что официальные данные всегда были завышены на примерно аналогичное значение, то урбанистический переход в 50 % страна осуществила в промежутке между 1970 и 1975 гг.

2. Пхеньян является главным элементом системы расселения и крупнейшим безальтернативным центром КНДР. При этом столица выполняет центральные функции во всех сферах только для пхеньянцев, поскольку свободное посещение столицы нерезидентами запрещено.

3. Города КНДР не имеют пригородов. Именно этой причиной обусловлена искусственная задержка развития урбанизации КНДР на второй стадии по Джиббсу.

4. Провинции, граничащие с Республикой Корея, являются аутсайдерами в развитии урбанизации. Они до сих пор не преодолели 50 % рубеж в доле городского населения.

5. Застройка северокорейских городов преимущественно одноэтажная. Только 21,4 % семей проживает в зданиях с более чем одним этажом, преимущественно двухэтажных. Анализ жилищного фонда показал, что, в целом, количество комнат в квартире, как и ее размер, коррелирует с размером семьи.

Примечания

¹ DPR Korea 2008 Population Census Report. Pyongyang: Central Bureau of Statistics. 2009. 273 p.

² *Engracia L.* «UNFPA's role in the DPRK's 2008 Population Census» (paper presented at the meeting of National Committee on North Korea, United Nations Foundation, Washington, D.C. 2010).

³ World Urbanization Prospects: The Revision of 2010. URL:// <http://esa.un.org/unup/> (дата обращения: 15.01.2016).

⁴ *Dormels, Rainer.* North Korea's Cities: Industrial facilities, internal structures and typification. Seoul: Jimoondang; DPR Korea 2008 Population Census Report. Pyongyang: Central Bureau of Statistics. 2009. 273 p.

⁵ World Urbanization Prospects: The Revision of 2010. URL:// <http://esa.un.org/unup/> (дата обращения: 15.01.2016).

⁶ World Urbanization Prospects: The Revision of 2010. URL:// <http://esa.un.org/unup/> (дата обращения: 15.01.2016); DPR Korea 2008 Population Census Report. Pyongyang: Central Bureau of Statistics. 2009. 273 p.

⁷ Эм П.П. Системы размытых центральных мест Корейского полуострова: дисс. ... канд. геогр. н. 25.00.24. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013.

⁸ Database of Korean Statistical Information Service. URL: <http://kosis.kr/nsieng/view/stat10.do> (дата обращения: 21.04.2016).

⁹ World Factbook, The. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/hk.html> (дата обращения: 15.05.2016).

¹⁰ DPR Korea 2008 Population Census Report. Pyongyang: Central Bureau of Statistics. 2009. P. 252—253.

¹¹ DPR Korea 2008 Population Census Report. Pyongyang: Central Bureau of Statistics. 2009. P. 256.

¹² DPR Korea 2008 Population Census Report. Pyongyang: Central Bureau of Statistics. 2009. P. 262.

¹³ DPR Korea 2008 Population Census Report. Pyongyang: Central Bureau of Statistics. 2009. P. 205—206.

¹⁴ DPR Korea 2008 Population Census Report. Pyongyang: Central Bureau of Statistics. 2009. P. 230.

¹⁵ DPR Korea 2008 Population Census Report. Pyongyang: Central Bureau of Statistics. 2009. P. 238.

¹⁶ DPR Korea 2008 Population Census Report. Pyongyang: Central Bureau of Statistics. 2009. P. 230.

¹⁷ Ланьков А.Н. КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. М.: Восток—Запад, 2005.

*Захарова Людмила Владимировна,
к.э.н., старший научный сотрудник
Центра корейских исследований ИДВ РАН*

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В КНДР: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Несмотря на то что в мировых СМИ Северная Корея чаще всего предстает как закрытая отсталая страна, количество туристов, ежегодно посещающих КНДР, продолжает расти. Также увеличивается число достопримечательностей, рассчитанных на привлечение отдыхающих. В последние годы международный туризм в более крупных масштабах становится одним из направлений для обеспечения притока иностранной валюты и привлечения иностранных инвесторов в страну. Благодаря политике нынешнего руководства происходит частичное открытие КНДР для туристов. Видны результаты в области географической открытости, институциональных реформ и улучшения в сфере инфраструктуры.

В то же время, несмотря на усилия КНДР по диверсификации источников туристов, основную часть продолжают составлять китайцы из северо-восточных провинций, особенно Цзилинь. В условиях ужесточения международного давления и напряженной военно-политической ситуации на Корейском полуострове добиться привлечения иностранных инвестиций и существенного увеличения иностранных туристов вряд ли получится. В связи с этим, альтернативным направлением развития туристического сектора экономики КНДР может стать дальнейшее расширение внутреннего туризма.

Ключевые слова: КНДР, экономика, туризм, Кымгансан, СЭЗ.

Несмотря на то что в мировых СМИ Северная Корея чаще всего предстает как закрытая отсталая страна, количество туристов, ежегодно посещающих КНДР, продолжает расти. Также увеличивается число достопримечательностей, рассчитанных на привлечение отдыхающих. Автор данного доклада ставит перед собой цель осветить основные аспекты функционирования туристической отрасли Северной Кореи, рассмотреть ее основные проблемы и перспективы развития на современном этапе.

В прошлом туристический сектор КНДР не получил существенного развития из-за значительного количества ограничений — как в порядке допуска иностранных туристов и географии их передвижения по стране, так и в наличии развитой инфраструктуры. При этом попытки создавать туристические продукты, нацеленные на иностранных посетителей, все же предпринимались. Самые известные из них — туристической проект Кымгансан и приглашения иностранных туристов на музыкальное гимнастическое шоу «Ариран».

Государственная политика

Курс на привлечение в страну иностранных туристов — часть линии на расширение внешнеэкономических связей и развитие экономики страны, активно проводимой при нынешнем северокорейском лидере Ким Чен Ыне.

После его прихода к власти в Северной Корее был взят курс на создание новых специальных экономических зон, часть из которых имеет туристическую специализацию. По состоянию на середину 2016 года известно о создании в КНДР более 20 СЭЗ. Планы по развитию значительной части из них предполагают либо исключительно туристическую направленность, либо призывают развивать туризм как одну из основных отраслей для инвестиций. Среди них, в частности, такие СЭЗ как Вонсан-Кымгансан (восточное побережье КНДР, пляж и горы Кымган), Онсон (остров напротив китайского города Тумень), Синпхен (между Пхеньяном и Вонсаном), Чонсу (на границе с Китаем), Хэсан (на границе с Китаем, в районе гор Пэктусан), Канрен (пляжи рядом с Хэчжу)¹.

В своей новогодней речи 1 января 2015 г. Ким Чен Ын заявил, что страна должна развивать «многогранные внешнеэкономические связи» и ускорить реализацию «проектов зон экономического развития, включая международную туристическую зону Вонсан-Кымгансан». В условиях ужесточения экономических санкций против КНДР и сокращения возможностей получения иностранной валюты через внешнюю торговлю заинтересованность Пхеньяна в развитии туризма закономерно возрастает.

Korea International Travel Company (КИТС) является главным северо-корейским органом по организации приезда иностранных туристов. Она сотрудничает с рядом зарубежных туристических агентств, наиболее известные из которых — Koryo Tours и Young Pioneer Tours с офисами в Китае. Именно через них в КНДР попадают почти все западные туристы.

Туристическая инфраструктура

По сообщениям ЦТАК, КНДР прилагает существенные усилия для развития туризма в качестве одной из ключевых отраслей². В 2013 г. иностранцам разрешили пользоваться мобильными телефонами и Интернетом на территории Северной Кореи. В КНДР создается новая туристическая инфраструктура, включая отели и развлекательные учреждения. Улучшаются транспортные услуги, в частности, растет число такси в Пхеньяне.

Особое значение руководство КНДР придает развитию туризма в зоне Вонсан-Кымгансан, которая в июне 2014 г. в соответствии с постановлением Верховного народного собрания КНДР была объявлена международной туристической зоной. Она занимает территорию в 430 кв. км и включает в себя такие достопримечательности как горы Кымган, горнолыжный курорт Масик и международный детский лагерь Сондовон. Ранее в горах Кымгансан действовал совместный экономический проект Северной и Южной Кореи по приему туристов с Юга. Однако в 2008 г. он был закрыт по инициативе Республики Корея из-за трагического инцидента с гибелью южнокорейской туристки, зашедшей в запрещенную зону и застреленной

северокорейским военным. С тех пор КНДР несколько раз обращалась к Сеулу с предложениями о возобновлении туристических поездок в Кымгансан, однако сторонам так и не удалось договориться. Горнолыжный курорт Масик был построен с рекордной скоростью в 2013 г. по указанию и под руководством Ким Чен Ына. С тех пор его маркетингом на международном уровне активно занимаются представители КНДР³.

Несмотря на все усилия Пхеньяна, пока что добиться крупных инвестиций из-за рубежа в район Вонсана не удалось. Вложения в улучшение местной инфраструктуры пока осуществляются местными силами. В частности, была построена ГЭС и водоочистительные сооружения⁴.

В 2015 г. в Северной Корее произошли два важных для туристической отрасли события. Во-первых, в Сунанском международном аэропорту в Пхеньяне был построен новый современный пассажирский терминал. Во-вторых, в Северной Корее был открыт второй международный аэропорт — в Вонсане. По свидетельству туристических компаний, работающих в КНДР, в случае увеличения количества международных рейсов в Северную Корею (такая работа уже ведется) возрастет и число посещающих страну туристов⁵.

В последние годы в КНДР интенсивно ведется подготовка кадров для туристической индустрии. В нескольких высших учебных заведениях были открыты факультеты гостиничных услуг, туристической экономики и т. п. Кроме того, появились сообщения о создании в Пхеньяне Института туризма и найме большого количества носителей английского языка в качестве преподавателей для подготовки гидов для иностранных туристов⁶.

Международное сотрудничество

Северокорейские представители активно участвуют в туристических выставках за рубежом и предлагают программы путешествий для иностранных туристических агентств. В 2013 г. Государственное туристическое бюро КНДР торжественно отметило 60-летие своего основания, а Корейская государственная туристическая компания

провела ознакомительную сессию для иностранных дипломатов и туристических агентств с целью привлечения иностранных инвесторов в сферу туризма. В ноябре 2013 г. КНДР участвовала в международной туристической выставке World Travel Market в Лондоне с презентацией собственных туристических пакетов. В январе 2015 г. северные корейцы принимали участие в международной туристической выставке Holiday and Travel Fair в Берне (Швейцария).

Северная Корея ведет переговоры о международном сотрудничестве в области туризма. В частности, с Китаем и Россией уже несколько лет обсуждается идея создания международной туристической зоны в устье реки Туманная на границе трех стран, но пока что существенных успехов на этом направлении достичь не удалось.

Текущие результаты

В 2014 г. количество иностранных туристов в КНДР превысило 100 тыс. человек, причем большая часть из них пришла с Китая, около 5 тыс. на западные страны и около 200 — на Россию⁷.

При Ким Чен Ыне в КНДР постепенно расширяется география мест, открытых для посещения иностранных туристов. Появился целый ряд маршрутов, предоставляющих возможность проехать практически через всю КНДР на поезде. Проводятся и спортивные мероприятия для иностранных туристов, например марафоны, велопробеги и другие⁸. Особую популярность набирает ежегодный пивной фестиваль.

Активно развиваются туры, нацеленные на китайцев. Северная Корея разрешила китайским туристам посещать некоторые приграничные районы без визы, а также на личном автотранспорте. Были запущены новые транспортные линии — авиарейсы между Пхеньяном и китайскими городами. Обычными направлениями для китайских туристов в КНДР, для которых с апреля по ноябрь действуют пакетные туры, являются приграничные зоны, такие как Раджин, Синьиджу, Чильбосан, а также Пхеньян, Мехянсан, Кымгансан и Кэсон.

По южнокорейским оценкам, доходы КНДР от китайских туристов в 2012 г. могли составить от 21,69 до 34,62 млн долл., что превысило доходы Северной Кореи от продажи пакетных туров в Кымган-

сан южным корейцам в 2007 г. Доходы от принятия туристов из западных стран в 2012 г. оценивались в 9 млн долл. Таким образом, всего более 30 млн долл. за год⁹. Это около 40 % от дохода КНДР от рабочих в Кэсонском промышленном комплексе в лучшие годы его функционирования.

Для дальнейшего развития туристической отрасли перед КНДР остро стоит проблема увеличения количества туристов. При этом при новом руководстве появилось осознание возможности предлагать туристические продукты собственным гражданам. В последние годы стала появляться информация о формировании рынка внутреннего туризма в КНДР, образовании в КИТК отдела, отвечающего за поездки северных корейцев по стране, а также появлении специализированных турагентств, организующих групповые туры для граждан КНДР по различным внутренним направлениям¹⁰.

Выводы о перспективах

Среди основных препятствий для развития туристической индустрии в КНДР часто называют устаревший транспорт и отельный фонд, перебои с электроэнергией, ограничения на передвижения для иностранных туристов, внезапные отмены туров и бюрократические проволочки¹¹. В частности, на туристический поток в КНДР в конце 2014 — начале 2015 гг. негативное влияние оказал 4-месячный запрет на въезд туристов в страну. Власти пошли на эти меры, опасаясь занесения в Северную Корею вируса Эбола.

Тем не менее, экзотика социалистической страны, наличие красивой природы (горы и море), невысокий уровень загрязнения окружающей среды, целенаправленная государственная политика по привлечению иностранных туристов — все это может стать благоприятными условиями для развития туризма.

При Ким Чен Ёне международный туризм в более крупных масштабах становится одним из направлений для обеспечения притока иностранной валюты и привлечения иностранных инвесторов. Благодаря политике нынешнего руководства происходит частичное открытие страны для туристов. Видны результаты в области географи-

ческой открытости, институциональных реформ и улучшения в сфере инфраструктуры.

В то же время, несмотря на усилия КНДР по диверсификации источников туристов, основную часть продолжают составлять китайцы из северо-восточных провинций, особенно Цзилинь. В условиях ужесточения международного давления и напряженной военно-политической ситуации на Корейском полуострове добиться привлечения иностранных инвестиций и существенного увеличения иностранных туристов вряд ли получится. В связи с этим, альтернативным направлением развития туристического сектора экономики КНДР может стать дальнейшее расширение внутреннего туризма.

Примечания

¹ *Andray Abrahamian*. The ABCs of North Korea's SEZs. US-Korea Institute at SAIS Report. 2014. P. 14—17 // Внешняя торговля КНДР. 2015. № 4. С. 4—5.

² The Korean Central News Agency, Aug. 28, 2013.

³ КНДР начала кампанию по привлечению иностранцев на горнолыжный курорт. 16.01.2015. URL: <http://www.rg.ru/2015/01/16/masik-site-anons.html> (дата обращения: 05.11.2016).

⁴ North Korea sets up new body for SEZ development. URL: <https://www.nknews.org/2016/09/north-korea-set-up-new-body-for-sez-development/> (дата обращения: 05.11.2016).

⁵ Without more flights, North Korea tourism industry will stagnate. URL: <https://www.nknews.org/2015/12/without-more-flights-north-korea-tourism-industry-will-stagnate/> (дата обращения: 05.11.2016).

⁶ *Yoon In Joo*. Tourism Industry in N. Korea under Kim Jong-un's Leadership: Reviews, Assessment and Prospects. Vantage Point December 2015. P. 38.

⁷ Ibid. P. 39.

⁸ КНДР примет миллионы туристов. URL: <https://rg.ru/2015/07/23/kndr-site.html> (дата обращения: 05.11.2016).

⁹ *Kim Jiyeon*. Tourism-related Cooperation between North Korea and China Today, and Its Implications. Seoul, Korea Institute for International Economic Policy, 2013.

¹⁰ North Korea advertises domestic tour industry. URL: <https://www.nknews.org/2016/08/north-korea-advertises-domestic-tour-industry/> (дата обращения: 05.11.2016).

¹¹ *Yoon In Joo*. Tourism Industry in N. Korea under Kim Jong-un's Leadership: Reviews, Assessment and Prospects. Vantage Point December 2015. P. 42.

*Синякова Анна Филимоновна,
к.э.н., доцент МГИМО(у) МИД России*

ЮЖНАЯ КОРЕЯ: ГОВОРим «ЭКОЛОГИЯ», ПОДРАЗУМЕВАЕМ «ЭКОНОМИКА»*

Аннотация. Пятьдесят лет интенсивного индустриального развития южнокорейской экономики после войны были связаны с «коричневой» моделью экономики, то есть высоким энергопотреблением топливных энергоносителей. В 1990-е годы Корея не поддерживала позже подписанный и ратифицированный ею Киотский протокол, а в 2008 г. назвала своей целью низкоуглеродный экономический рост, после чего в 2015 г. ввела схему торговли парниковыми газами (ETS) и приняла на себя добровольное обязательство сократить выбросы.

В 2008 г. в Республике Корея был принят первый Национальный Энергетический План, рассчитанный на период до 2030 года. Реализация Плана столкнулась с рядом сложностей, что привело к необходимости пересмотра заявленных показателей, и в 2014 г. был принят второй Национальный Энергетический План.

В статье будут проанализированы мотивы и механизмы принятия политических решений для экономического роста с учетом экологического фактора и рассмотрены достигнутые РК результаты.

Ключевые слова: экономический рост, устойчивое развитие, энергетика, Республика Корея.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России» № 16-03-00602.

Основой интенсивного экономического роста Республики Корея на протяжении нескольких десятилетий в послевоенное время стало стремительное развитие сначала легкой промышленности, а затем быстрая индустриализация. Развитие промышленности страны означало большое энергопотребление, увеличение доли высокотехнологичных производств в структуре южнокорейской экономики в 1990-е годы незначительно повлияло на снижение энергоинтенсивности. Постоянный рост энергопотребления отмечался на фоне активного развития металлургической отрасли, судостроения, нефтехимии, автомобильной промышленности, некоторое замедление в энергопотреблении, примерно на 1 % в год, было отмечено с 1997 по 2010 г. Согласно оценкам ОЭСР, выбросы углекислого газа в Южной Корее росли самыми быстрыми темпами среди стран организации темпами на протяжении 1990—2007 гг., к 2007 г. РК занимала девятое место среди стран мира по объемам выбросов CO₂, в 2014 г. — восьмое место¹, что делает понятным сдержанную позицию Южной Кореи по Киотскому протоколу.

Тем не менее, Республика Корея, в которой на протяжении более чем пятидесяти лет доминировала так называемая «коричневая» модель экономики, то есть высокое потребление топливных энергоносителей, в 2008 г. заявляет своей целью низкоуглеродный экономический рост и развитие «зеленой» экономики². В период рекордно высоких цен на нефть Республика Корея, безусловно, не была единственной страной, заявившей о долгосрочных целях снижения объема потребления традиционных углеводородов. Германия, Дания и другие государства ОЭСР опередили ее на этом пути, однако для южнокорейской экономики заявленные цели были очень амбициозны и по масштабам и по срокам их реализации³. Принятому в 2008 г. Национальному энергетическому плану предшествовали принимаемые с 1990-х годов и пересматриваемые каждые два года и каждые пять лет планы по рациональному использованию энергии, по спросу и предложению электроэнергии, природного газа, по развитию атомной энергетики.

В 1973 г. в структуре потребления первичной энергии присутствовали только нефть (60 %) и уголь (40 %) — изначально добываемый в стране, позже импортируемый, строительство атомных реак-

торов с конца 1970-х годов, импорт сжиженного природного газа с 1986 г. позволили Южной Корее диверсифицировать свой энергетический импорт, что улучшило и ситуацию стратегической безопасности, снизив зависимость от традиционных поставщиков энергетического сырья, и позволило ощутить бóльшую стабильность в условиях меняющихся цен на энергоносители. Накануне принятия в 2008 г. Национального энергетического плана до 2030 г. возобновляемые источники энергии покрывали очень малую долю потребностей, не более 2,5 % в потреблении первичной энергии, что является самым низким показателем среди стран ОЭСР, при этом три четверти составляло биотопливо, получаемое после переработки мусора. Только 1 % электроэнергии генерировался за счет возобновляемых источников.

Инициатива экологичного экономического роста принадлежала на тот момент президенту Ли Мёнбаку, был учрежден подотчетный непосредственно президенту Комитет по вопросам «зеленого» роста. С учетом существующей в РК системы принятия политических решений, когда законодательным органом является Национальное собрание — однопалатный парламент, который занимается рассмотрением и принятием законопроектов по вопросам внешней и внутренней политики после их детальной проработки в рамках постоянных и специальных комитетов, очевидно, что прямое подчинение вновь созданного комитета президенту упрощает процесс принятия решений. Кроме того, с 2012 г. вступил в силу Закон о содействии деятельности Национального собрания, согласно которому вынести проект на голосование на пленарном заседании можно лишь с одобрения 3/5 депутатов, что может парализовать процесс принятия решений при обострении противоречий между правящей и оппозиционной партиями.

В то время как в США и Японии было потрачено соответственно 11,6 % и 2 % пакета посткризисного бюджетного стимулирования экономики на инициативы, связанные с «зеленым» ростом, в Южной Корее эта доля составила 80 %⁴. За период 2009—2013 гг. на цели «зеленого» роста было запланировано 2 % южнокорейского ВВП, что сопоставимо с долей военных расходов многих государств. В 2009 г. южнокорейское правительство в добровольном порядке

взяло на себя обязательство по снижению выбросов парниковых газов, и в 2013 г. Корейский экспортно-импортный банк (КЕХИМ) выпустил новый финансовый инструмент — «зеленые», или «экологические» облигации на 500 млн долл.⁵

Не стоит считать подобную политику исключительно заботой об экологии, напротив, скорее, выбранный политический курс является продолжением традиционного для экономической политики Южной Кореи в XX в. направления постоянного эволюционного развития. Представляется, что это попытка доказать, что экономический рост и забота об экологии являются не противоречащими друг другу целями, а дополняющими друг друга задачами, включая коммерциализацию «зеленых» инициатив, экспорт «зеленых» технологий, продуктов и процессов. В поддержку такого подхода также говорит и то, что начатый президентом Ли Мёнбаком курс «зеленого» роста был продолжен президентом Пак Кынхе, пусть и не сразу, а спустя полгода, в которые она, вероятно, стремилась дистанцироваться от скандалов, связанных с финальными месяцами президентского срока своего предшественника. Приверженность идеям экологичной экономики сохранилась: Комитет по вопросам зеленого роста при президенте поменял название, то есть утратил статус президентского, но продолжил свою деятельность, находясь в подчинении премьер-министру, также вместо «зеленого» роста (green growth) стали говорить об устойчивом развитии (sustainable development). Можно вспомнить, что президентский Комитет по вопросам устойчивого развития был учрежден в 2000 г. президентом Ким Дэчжуном для координации действий различных министерств в вопросах, связанных с защитой окружающей среды, позже при администрации Но Мухёна в 2005 г. была разработана Национальная стратегия устойчивого развития.

Изначальными целями долгосрочного Национального энергетического плана было сокращение зависимости от импорта энергоносителей, снижение выбросов парниковых газов и дальнейшее развитие южнокорейской промышленности за счет новой движущей силы роста и эффекта мультипликатора, в том числе в создании новых рабочих мест и новых отраслей знаний. А задачей ставился переход от количественного к качественному росту одновременно со сменой

социально-экономической структуры, зависимой от традиционного углеводородного топлива.

Реализация Плана столкнулась с рядом как непредвиденных, так и вполне предсказуемых сложностей: во-первых, энергоинтенсивность ключевых секторов южнокорейской экономики, которые формируют основную долю ВВП страны, очень высока, в частности, речь идет о сталелитейной и нефтехимической отраслях, то есть значимое снижение потребления энергии возможно лишь за счет радикального изменения структуры экономики Республики Корея. Во-вторых, сравнительно низкие среди стран ОЭСР тарифы на электроэнергию для конечных потребителей, что не является дополнительным (к уже существующим) стимулом для экономии. В-третьих, изначально запланированное значительное увеличение производства энергии за счет АЭС не может быть достигнуто в среднесрочной перспективе, причиной этому стала авария на Фукусиме и последующие протесты местного населения, недовольного планами строительства новых АЭС, ряд коррупционных скандалов, связанных с сертификацией оборудования, а также весьма существенный вопрос утилизации ядерных отходов. В-четвертых, выяснилось, что Южная Корея обладает ограниченным потенциалом в использовании возобновляемых источников энергии, горный ландшафт делает затратной установку оборудования для выработки солнечной и ветровой энергии, морская ветроэнергетика сталкивалась со сложностями по причине рыболовецкого промысла и наличия военных радаров. Кроме того, ветровые электростанции столкнулись со сложностями с подключением к общим сетям для сдачи излишков энергии.

Перечисленные факторы привели к необходимости пересмотра изначальных плановых показателей в сторону понижения, в особенности в доле энергии, которая должна быть выработана на АЭС (с 41 % до 29 %). Правительство было вынуждено пойти на этот шаг, несмотря на влиятельное «ядерное» лобби, одновременно оно пытается восстановить доверие населения к атомной энергетике, отказ от которой не представляется возможным, и мощности которой не могут быть компенсированы за счет возобновляемых источников энергии. Кроме того, южнокорейское правительство ожидало так назы-

ваемую «сланцевую» революцию, которая привела бы к снижению мировых цен на природный газ, но по прошествии времени стало понятно, что имеющиеся технологии добычи сланцевого газа не являются удовлетворительными, а параллельное изменение мировой экономической конъюнктуры привело к резкому снижению цен на углеводородное сырье. Изначальный План был принят в 2008 г., когда цена на нефть выросла с 30 долл. за баррель (2003 г.) до 150 долл. за баррель (2008 г.). За период с 2008 по 2013 г. число предприятий, работающих в сфере ВИЭ, увеличилось вдвое, а занятость, объем продаж оборудования и экспорт увеличились соответственно в 3,6; 6,5 и 5,9 раз⁶.

Второй Национальный энергетический план был принят в 2014 году, и прогнозные показатели в нем были скорректированы с учетом существовавшей экономической конъюнктуры. В 2015 г. Республика Корея ввела схему торговли парниковыми газами (ETS) и приняла на себя добровольное обязательство сократить выбросы.

В заключение можно сделать вывод о том, что несмотря на приход к власти нового президента, а, как это бывало нередко прежде в политической истории Республики Кореи, с каждым новым президентом меняются ключевые задачи, идеи экологичного роста сохранились, что можно объяснить приверженностью Южной Кореи целям постоянного эволюционного экономического развития в ее послевоенной истории.

Примечания

¹ EDGAR Emission Database for Global Atmospheric Research / Joint Research Centre. European Commission. URL: <http://edgar.jrc.ec.europa.eu/overview.php?v=CO2ts1990-2014&sort=des9> (дата обращения: 31.10.2016).

² Подробнее см.: *Синякова А.Ф.* Республика Корея: «зеленые» технологии как новый источник экономического роста // Корея: десятилетие новых возможностей. Доклады, представленные на XV научной конференции корееведов России и стран СНГ. Москва, 24–25 марта 2011 г. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 221–228.

³ Содействие развитию возобновляемых источников энергии: опыт отдельных стран ОЭСР: монография / Р.А. Алиев, Е.Д. Базилева, Е.А. Близнецкая, А.Ф. Синякова; под ред. Р.А. Алиева. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 95.

⁴ *Sarosh Bana*. Market report: South Korea and its renewable energy ambition // Renewable Energy Focus, 27 March 2013. URL: <http://www.renewableenergyfocus.com/view/31482/market-report-south-korea-and-its-renewable-energy-ambition/> (дата обращения: 06.12.2016).

⁵ *John Mathews*. Green bond sets Korea apart as global environmental leader // The Globalist, 3 April 2013. URL: <http://reneweconomy.com.au/korea-as-global-environment-leader-73539/> (дата обращения: 31.10.2016).

⁶ *Ana-Maria Boromisa, Sanja Tišma, Anastasya Raditya Ležaić*. Green Jobs for Sustainable Development. NY, 2016.

*Лешакова Наталья Павловна,
аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова*

«КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА» КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК РОСТА ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация. На пороге 4-й промышленной революции все больше внимания уделяется экономике «знаний» или «креативной экономике». Республика Корея — одна из немногих стран, в которой программа «креативная экономика» принята и реализуется на государственном уровне. За первые три года Республика Корея показала достаточно спорные результаты реализации программы, однако основные экономические показатели говорят о том, что в целом динамика положительная, и РК сделала серьезный задел в этой отрасли на будущее.

В данном докладе даны основные определения и характеристики «креативной экономики», какие отрасли к ней можно отнести, и какие принципы необходимо учитывать. Автор описывает предпосылки перехода страны к «креативной экономике», какие цели и задачи ставит перед собой государство. В докладе представлены основные инструменты реализации данной программы как финансовые, так и инфраструктурные, и законодательные. Особо выделена роль крупных национальных конгломератов в развитии «креативной экономики» и проведен анализ основных экономических показателей РК за последние 3 года.

Ключевые слова: инновационная экономическая политика, креативная экономика, технополисы и инновационные центры, инновационные технологии, крупные национальные конгломераты ТНК.

Для того чтобы рассмотреть насколько успешен опыт Республики Корея на пути создания креативной экономики в стране, в первую очередь необходимо дать определение этому сектору экономики и очертить отрасли промышленности, которые можно отнести к данной сфере. Понятие «креативная экономика», согласно официальному определению, — это сектор экономики, основанный на индивидуальном и коллективном творчестве¹. В основе креативной экономики лежит закон об интеллектуальной собственности, это катализатор, который трансформирует креативную деятельность в креативную отрасль промышленности.

В 1998 году правительством Великобритании достаточно четко было сформулировано определение отраслей, которые можно отнести к сектору креативной экономики. Это те отрасли, которые берут свое начало от индивидуального творчества, мастерства, таланта, и которые имеют потенциал для обогащения и создания новых рабочих мест через накопление и использование интеллектуальной собственности². Важно отметить, что именно особая роль культурного, социального и исторического наследия отличает креативную экономику от других отраслей экономики, так как культурные аспекты в ней так же важны, как и коммерческие. Также важным моментом в процессе развития креативной экономики является создание временных альянсов между крупными конгломератами и индивидуальными предпринимателями, эти альянсы позволяют даже индивидам быть вовлеченными в процессы мировой бизнес-активности. В отчете UNCTAD по креативной экономике был заявлен мировой рост товаров креативной экономики с начала 2000-х годов в среднем на 8,7 % в год.

Опыт Республики Корея важен и интересен, так как это развивающаяся экономика, в которой на государственном уровне реализуется программа по развитию креативной экономики. В связи с этим необходимо рассмотреть основные предпосылки, которые побудили правительство РК в условиях мирового финансового кризиса и снижающихся темпов роста выбрать курс на развитие инновационной экономики. Выбор был обусловлен несколькими основными факторами, а именно, отсутствием природных ресурсов, нарастающей конкуренцией со стороны китайских производителей практиче-

ски во всех промышленных отраслях, а также нарастающей напряженностью в социальной сфере, связанной со снижением доли малого и среднего бизнеса в экономике страны. Эти внутренние и внешние экономические факторы повлияли на решение корейского правительства рассматривать человеческий капитал как основной источник роста корейской экономики.

Правительство инвестирует и активно развивает образование, науку и технологии на благо экономики «знаний». В конце 2012 г. с приходом к власти нового президента Пак Кын Хе была озвучена государственная экономическая программа «Креативная экономика». В основе программы заложено развитие инновационной экономики, а также стимулирование предпринимательства, в основном среднего и мелкого, привлечение финансирования в новые бизнес-проекты, в основном в таких сферах как информационные и коммуникационные технологии. Общие ориентиры внутренней политики были обозначены в инаугурационной речи в феврале 2013 г., в которой были анонсированы меры по поддержке малых и средних предприятий, созданию новых рабочих мест и повышению благосостояния населения³. В экономической программе нового президента Пак Кын Хе приоритет отдан проблемам социально-экономического развития.

Одним из первых шагов по инициализации креативной экономики стало создание Министерства Науки, Телекоммуникаций и Планирования Будущего (Ministry of Science, ICT and Future Planning, далее — MSIP). В июле 2013 г. MSIP выпустило План по реализации креативной экономики, нацеленный на установление и адаптацию новой парадигмы. План описывает три цели, шесть стратегий и 24 задачи. Три основные цели включают:

1) создание новых рабочих мест и рынков посредством развития инноваций (640 000 новых рабочих мест за первые 3 года);

2) становление Республики Корея как мирового лидера в области инноваций, особенно в сфере телекоммуникаций и Интернета вещей (IoT), путем увеличения расходов на НИОКР на 40 % от текущего уровня;

3) создание общества, в котором творческое мышление стоит в приоритете — в противопоставление традиционному консервативному корейскому мышлению.

В рамках реализации Плана были выделены 30 приоритетных и 120 стратегически важных технологий, включающие энергетику, экотехнологии, телекоммуникации и сферы здравоохранения.

Для запуска Плана по реализации «креативной экономики» была тщательно проработана налоговая система, система финансирования, государственной поддержки и гарантий и другие финансовые инструменты (в качестве примера, было предусмотрено введение налоговых льгот для поощрения процессов слияния и поглощения с целью приобретения новых технологий (10 % стоимости технологии вычитаются из корпоративного подоходного налога компании-приобретателя)). В рамках финансирования небольших проектов была создана «краудфандинговая» система, то есть финансовая онлайн платформа для немасштабных инвестиций и запуску новых бизнес проектов. Был учрежден Фонд создания будущего размером в 500 млн вон (200 млн вон для инвестиций в новые проекты, 300 млн вон для процессов слияния и поглощения).

Основным источником государственного финансирования «креативной экономики» с 2013 г. официально является Корейский банк развития (Korea Development Bank, далее — КБР). Для финансирования проектов, связанных с развитием инноваций, КБР совместно с Промышленным банком Кореи (Industrial Bank of Korea, далее — ПБК) образовал Глобальный партнерский фонд размером в 72,3 млрд вон, который будет выступать стратегическим инвестором для других фондов, где будет участвовать зарубежный венчурный капитал⁴. Средства для реализации креативной экономики будут предоставляться не только Корейским банком развития, а также Промышленным банком Кореи, Корейским кредитным фондом и Корейской финансовой корпорацией технологий⁵. Помимо государственного финансирования, в рамках государственной программы развития «креативной экономики» планировалось широко привлекать и другие источники, такие как средства крупных национальных конгломератов (чеболей), с 1970-х годов являющихся государственной опорой в реализации экономической политики.

К 2012 г. в условиях жесткой конкуренции со стороны производителей из Китая и других стран задачей чеболей стала не просто поддержка развития малого бизнеса в стране, но и создание произ-

водственной экосистемы, основанной на Интернете вещей (IoT) и других цифровых инновациях. Передовые производственные процессы в рамках новой экосистемы позволят производить целый ряд новых инновационных продуктов, таких как новые материалы, автономные средства передвижения и робототехника с функционалом здоровья и безопасности и многое другое. Правительство начало проводить добровольную реструктуризацию и модернизацию производственного сектора таких отраслей тяжелой промышленности как судостроение, нефтехимической и сталелитейной промышленности, так как на данный момент эти сектора страдают от избыточного предложения на мировых рынках. По итогам 2015 г. три ведущие судостроительные компании Южной Кореи, которые также являются первой тройкой мира — Hyundai Heavy Industries (HHI), Samsung Heavy Industries (SHI), Daewoo Shipbuilding & Marine Engineering (DSME) понесли рекордные убытки на уровне восьми трлн вон (около 6,7 млрд долл.).

Все большее количество современных корпораций проводят модернизацию производственных процессов с целью наращивания объемов производства при минимальных затратах. Однако, как отмечают специалисты, существует опасность, что вместе с «умными» производствами на смену промышленным рабочим придет не только безработица, но и неравенство, ведь доходы от труда будут сокращаться: по прогнозам экспертов, к 2025 г. в Южной Корее оплата труда сократится на 33 %, в Японии — на 25 %, а в Канаде — на 24 %. Как сказано в докладе Всемирного экономического форума (ВЭФ) «The Future of Jobs», роботизация приведет к сокращению 7 млн рабочих мест, однако она же повлечет за собой создание около 2 млн новых высококвалифицированных рабочих мест. В настоящее время на каждые 10 тыс. работающих в Южной Корее приходится 437 роботов, в других странах показатели варьируются: Китай — 30 роботов, Россия — 10, Япония — 323, Германия — 282, США — 152⁶.

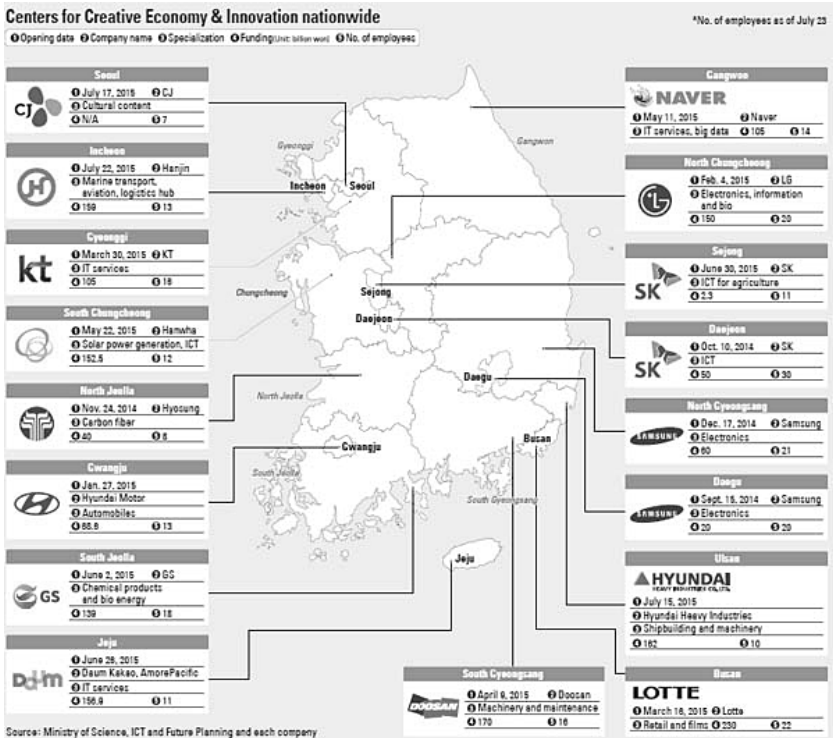
В плане правительства по созданию «креативной экономики» чеболям отводится ведущая роль не только в поддержке финансирования, но и в создании необходимой инфраструктуры. Каждая из чеболь выбирает определенные отрасли промышленности и отвечает за развитие технопарков и региональных инновационных кластеров

в этих отраслях. Корейские чеболи, которые прочно закрепились в первой сотне инновационных компаний в мировых рейтингах, имеют не только опыт управления инновационными центрами, но и опыт успешного запуска инновационных технологий на мировые рынки. Всего для реализации целей правительства было выбрано 10 основных конгломератов, среди которых Samsung Group, Hyundai Group, SK Holdings, Posco, HanWha, LG Group, KEPCO, Lotte Group, S-Oil. Все компании входят в топ-200 мировых компаний по уровню прибыли за 2014 г.⁷

В рамках государственной программы по развитию инноваций планировалось создать 17 специализированных центров, каждый из которых находится в ведении одной из чеболь, которая помогает малым и средним компаниям реализовывать их инновационные идеи и выводить их на рынок. В 2013 г. правительство законодательно оформило развитие инновационных зон, обнародовав Акт о развитии специальных технических зон, которым уточнило деятельность Иннополиса. Согласно Акту, Иннополис позиционируется как специальный институт, призванный на профессиональном уровне заниматься и накапливать опыт коммерциализации технологий. К 2016 г. функционируют все 17 основных инновационных центров страны (рис. 1).

На данный момент с помощью центров креативной экономики уже запущено порядка 2500 новых бизнесов, сумму инвестиционных контрактов к концу 2016 г. оценивают в 1,8 млрд долл. Республика Корея входит в первую пятерку стран по инновационному развитию согласно различным мировым рейтингам. Согласно отчету WIPO (World Intellectual Property Indicators report⁸), ежегодно публикуемому Всемирным Банком, РК входит в первую пятерку стран по развитию инноваций уже несколько лет. В перечне самых инновационных экономик мира, опубликованном в 2016 г. аналитиками Bloomberg, Южная Корея занимает 1 место⁹, набрав 91 балл из 100 возможных.

Республика Корея занимает первое место в мире с показателем 4,48 % по инвестициям в НИОКР по отношению в ВВП. Однако РК сильно отстает от развитых стран по общему объему накопленных инвестиций в НИОКР. Как отмечает министерство, это связано с тем, что развитые страны инвестировали в НИОКР, начиная с 1970-х

Рис. 1. Основные инновационные центры Республики Корея 2016. *Источник:* Seoul Space. URL: <http://seoulspace.co.kr/2016/09/07/center-for-creative-economy-innovation-in-south-korea/>

годов порядка 2 % от ВВП, в то время как РК начала инвестировать в НИОКР лишь в конце 1990-х годов. Таким образом, сумма накопленных инвестиций в НИОКР РК составляет лишь 60,5 млрд долл, в то время как в США эта сумма составляет порядка 400 млрд долл.¹⁰

Все это говорит о положительной динамике развития «креативной экономики», однако если рассматривать основные экономические показатели, то качественного сдвига в темпах роста корейской экономики пока нет. Согласно отчету исследовательского института Hyundai, темпы потенциального роста экономики РК за последние

Рис. 2. Темпы роста мирового ВВП и ВВП Республики Корея. *Источник:* The World Bank, World Development Indicators URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.МКТР.KD.ZG&country=KOR>

10 лет снизились с 3,9 % до 3,2 %. Так, потенциальные темпы роста национального производства снизились до 4,4 % с 5,8 % в 2010 г. Отмечается снижение производительности и темпов прироста высокотехнологичного производства с 6,0 % в 2006 г., до 2,1 % в 2016 г.¹¹

В Республике Корея сохраняется высокий уровень безработицы среди молодых людей до 25 лет: показатель составляет 10,4 % и продолжает расти. Хотя общий уровень безработицы не превышает 3,7 %, существует очень сильная сегментация рынка труда и доступность качественных рабочих мест остается крайне неравномерной среди сотрудников. Растет разрыв в уровне заработной платы среди мужчин и женщин, а также между молодыми рабочими и рабочими среднего возраста¹². Специалисты во многом связывают этот диссонанс с ролью крупных национальных конгломератов (чеболей) в развитии «креативной экономики» РК. Часть аналитиков не разделяют мнение корейского президента относительно функциональности столь широкого привлечения корейских чеболей к процессу развития малого и среднего бизнеса в Корее. Критики утверждают, что столь сильный корпоративный менталитет, который годами создавался корейскими компаниями, и на котором были воспитаны по-

коления рабочих, не способен оказать позитивное воздействие на развитие среднего и малого бизнеса в Корее.

Согласно данным Всемирного Банка, в 2015 году темпы роста ВВП РК сократились до 2,6 %. Несмотря на это, как видно из таблицы, ВВП РК растет быстрее общемирового, что говорит о том, что выбранная экономическая политика имеет положительное влияние на экономическую ситуацию в стране. За короткий срок в стране была создана уникальная структура поддержки «креативной экономики»: специализированные иннополисы и онлайн интернет-платформы для запуска новых высокотехнологичных проектов. Возможно, 3 года не достаточно для того, чтобы делать выводы о правильности выбранной государственной экономической политики. Однако в условиях жесткой региональной и мировой конкуренции, а также отсутствия достаточной ресурсной базы, планомерный переход к «креативной экономике», несомненно, дает Республики Корея конкурентные преимущества в будущем.

Примечания

¹ Академический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1532328> (дата обращения: 02.10.2016).

² British Council Global. URL: <http://www.britishcouncil.ru/programmes/arts/creative-economy> (дата обращения: 15.10.2016).

³ Обзор СМИ Кореи за октябрь 2013 года. URL: http://www.ved.gov.ru/export/countries/kr/kr_ru_relations/kr_news/12050.html (дата обращения: 12.02.2016).

⁴ *Cho Jin-young*. «KDB, IBK to Attract Foreign Venture Investment with Global Partnership Fund», 2014.

⁵ «The Park Geun-hye Administration's Creative Economy Blueprint, 'Creative Economy Action Plan and Measures to Establish a Creative Economic Ecosystem' from 05/06/2013. URL: <http://english.mosf.go.kr/pre/view.do?bcd=N0001&seq=3289> (дата обращения: 05.09.2016).

⁶ Доклад Всемирного экономического форума (ВЭФ) «The Future of Jobs» URL: <http://stockinfofocus.ru/2016/06/08/chetvertaya-promyshlennaya-revolyuciya-roboty-vmesto-lyudej/> (дата обращения: 01.10.2016).

⁷ «Global 500» Article by Fortune URL: <http://fortune.com/global500/> (дата обращения: 14.02.2016).

⁸ WIPO — показатели мировой интеллектуальной собственности — отчет, публикуемый Всемирным Банком. URL: <http://www.wipo.int/ipstats/en/wipi> (дата обращения: 10.09.2016).

⁹ URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-01-19/these-are-the-world-s-most-innovative-economies> (дата обращения: 12.02.2016).

¹⁰ Business Korea Magazine article from 31.03.2016 «Korea Has the Highest R&D Investment-to-GDP Ratio in the World» (дата обращения: 04.04.2016).

¹¹ Журнал Business Korea. 09.08.16. URL: http://www.businesskorea.co.kr/english/news/money/15485-potential-growth-rate-potential-growth-rate-south-korean-economy-fell-past-10-years?utm_source=Business+Korea+Daily+Newsletter+Recipients&utm_campaign=d353fa4e46-SS_NEWSLETTER_EMAIL_CAMPAIGN&utm_medium=email&utm_term=0_c5e919851d-d353fa4e46-221219117 (дата обращения: 01.10.2016).

¹² Сайт ОЭСР, индекс благосостояния. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/korea-ru/> (дата обращения: 02.10.2016).

*Самсонова Виктория Георгиевна,
к.э.н., ведущий научный сотрудник
Центра корейских исследований ИДВ РАН*

РОССИЙСКО-ЮЖНОКОРЕЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Аннотация. 2016 год ознаменовался рядом значимых мероприятий, свидетельствующих об интересе со стороны южнокорейских компаний к инвестиционным проектам на территории России, что подтверждается, в частности, участием Президента РК Пак Кын Хе в сентябре 2016 года на Восточном Экономическом Форуме и проведением в августе 2016 г. 15-ой Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между нашими странами. Однако все чаще звучат голоса о том, что две страны в экономическом плане должны выйти на новый уровень отношений, так называемые отношения стратегических партнеров. Пока многие заявленные совместные проекты в различных отраслях пробуксовывают, деятельность южнокорейского бизнеса на территории нашей страны ограничивается только несколькими крупными ФПГ, мелкий и средний бизнес в Россию идет неохотно, существуют серьезные проблемы и во взаимной торговле (падение показателей которой в 2016 году продолжилось), неохотно идут южнокорейские бизнесмены и на участие в ТОРах, активно продвигаемых российским правительством.

Ключевые слова: РК, инвестиционное сотрудничество, ТОР, санкции, товарооборот.

На наш взгляд, в настоящее время российско-южнокорейское экономическое сотрудничество переживает один из самых противоречивых периодов своего развития за все 26 лет с даты установления дипломатических отношений. С одной стороны обеими странами подчеркивается важность развития экономического партнерства, продолжаются постоянные контакты на высшем уровне, создана и работает разветвленная договорно-правовая база двустороннего взаимодействия: заключено более 50 соглашений по торговле, о гарантиях инвестиций, по рыболовству, по предотвращению двойного налогообложения, о сотрудничестве в военно-технической области, в сфере мирного использования атомной энергии, о культурном обмене и т. д.¹ С другой стороны наблюдается негативная тенденция, выражающаяся в падении показателей товарооборота, снижении интереса со стороны южнокорейских предпринимателей, росте взаимного разочарования ввиду отсутствия практического внедрения многих заявленных инициатив. Более того, одно из самых серьезных противоречий в последнее время — это давление политического аспекта над экономической составляющей нашего партнерства, навязывание идеи о том, что участие южнокорейского капитала в России возможно после достижения понимания по политическим вопросам, например, по урегулированию вопросов, связанных с КНДР. То же самое можно отметить и по поводу санкций, введенных против России в 2014 г. Официально РК не присоединилась к санкциям против России, но они все-таки играют свою роль в двустороннем сотрудничестве, ограничивая участие южнокорейских компаний в тех проектах и экономических сферах, которые попали под действие санкций против России. Например, санкции коснулись партнерства в банковской сфере. Несмотря на существующие между нашими странами договоренности об активизации финансового сотрудничества², в настоящий момент оно стопорится³.

2016 год ознаменовался проведением важных встреч и мероприятий, таких как участие Президента РК Пак Кын Хе в сентябре этого года во втором Восточном Экономическом Форуме (ВЭФ) и проведение в августе 2016 г. 15-й Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между нашими странами⁴. Что касается участия РК в работе второго ВЭФ,

то она была представлена многочисленной делегацией, состоящей из более чем 120 человек⁵. На полях форума состоялась встреча Президента РФ Владимира Путина с Президентом РК Пак Кын Хе, в ходе которой обсуждались текущее состояние и перспективы развития двусторонних отношений. В ходе форума было заключено 24 меморандума о взаимопонимании⁶, в том числе в присутствии двух президентов было подписано шесть документов⁷. На форуме также были заключены двусторонние соглашения между российскими и южнокорейскими компаниями.

Однако, несмотря на огромный позитивный задел, существуют опасения, связанные с дальнейшей реализацией подписанных документов. Ведь за всю историю нашего экономического партнёрства таких соглашений было подписано немало, но значительную их долю составляли меморандумы о намерениях, которые на деле не были реализованы.

На пути развития экономического сотрудничества есть еще немало препятствий, все также весьма неопределенной остается судьба большей части крупномасштабных совместных проектов, планируемых как в двух-, трех-, так и многосторонних форматах. В том числе, это касается такого проекта как «Хасан-Раджин», о прекращении работы в котором РК уведомила Россию 8 марта 2016 г.⁸ И это несмотря на то, что данный проект был исключен из санкционного списка согласно резолюции СБ ООН № 2270, с. 8, п. «29»⁹. При этом российская сторона неоднократно заявляла о своей заинтересованности в расширении экономического партнёрства с РК и продолжении дальнейшей совместной работы по всем направлениям. О возвращении к проектам по развитию транспортной (железнодорожной) инфраструктуры, совместных проектов в области энергетики говорил и Президент РФ В.В. Путин во время второго ВЭФ¹⁰.

Одновременно существует значительный интерес со стороны других стран к участию в российских проектах. В настоящий момент Россия представила Японии около 50 проектов перспективного сотрудничества, включая создание энергомоста по переброске электроэнергии из России в Японию. В свою очередь Японией был предложен пакет экономического взаимодействия по различным направлениям. Что касается транспортной сферы, то для России и Японии

открываются новые перспективы, связанные с проектом продления Транссибирской магистрали до острова Хоккайдо. Конкретно речь идет о соединении мостами или туннелями острова Сахалин с материком через пролив шириной 7 км и последующем строительстве железнодорожного участка на остров Хоккайдо через пролив Лаперуза¹¹.

Что касается инвестиционного сотрудничества, то объем южнокорейских инвестиций все так же скромнен, а деятельность бизнеса РК на территории нашей страны ограничивается только несколькими крупными ФПГ, при этом мелкий и средний бизнес РК в Россию идет неохотно. Что касается торговли, то желаемые показатели в объемах двусторонней торговли так и не были достигнуты. Отметим, что если в 2014 г. двусторонний оборот еще имел положительную динамику и составил 27,3 млрд долл. (прирост 8,5 %), то продолжающийся с 2015 г. негативный тренд в двусторонней торговле привел к почти 34 % падению в прошлом году, а в августе 2016 г. данный показатель упал на 18 % по сравнению с тем же периодом 2015 г. (табл. 1)¹².

Таблица 1. Торговля РФ—РК, млрд долл.

	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	08.2016
Оборот	18,3	10,6	17,7	25,0	24,9	25,2	27,3	18,06	9,79
рост в %	122,0	-42,6	168,0	140,9	-0,2	111,2	108,5	-33,8	-18,1
Экспорт	7,8	5,7	10,4	13,4	13,9	14,9	18,3	13,5	6,61
рост в %	126,3	-27,0	184,0	128,2	104,0	107,3	123,0	-26,1	-26,1
Импорт	10,5	4,9	7,3	11,6	11,0	10,3	9,0	4,56	3,18
рост в %	119,0	-54,1	149,4	159,1	-5,1	-5,9	-12,4	-49,4	5,7
Сальдо	-2,7	-0,8	3,1	1,8	2,9	4,6	9,3	8,94	3,43

Источник: Федеральная таможенная служба. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=22580&Itemid=1976;

URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=24172&Itemid=1976

Выжидательную позицию занимают южнокорейские бизнесмены и по отношению к ТОРАм, активно продвигаемым российским правительством. В настоящее время на Дальнем Востоке создано тринадцать территорий опережающего развития, ведется работа по созданию четырнадцатой дальневосточной территории опережающего развития — ТОР «Южная Якутия»¹³. Несмотря на активную работу российских представителей по продвижению ТОРов, многочисленные встречи, презентации с разъяснением механизма работы, льгот, преимуществ данных территорий, на сегодняшний момент южнокорейские инвесторы занимают осторожную позицию по отношению к ТОРАм.

Что касается инвестиционного сотрудничества, то следует отметить, что южнокорейские инвесторы и до введения санкций не активно вкладывались в реализацию инвестиционных проектов на территории России. Приток прямых инвестиций из РК в экономику России увеличивался лишь до 2009 г., а в 2010 г. отмечался резкий спад. По состоянию на конец 2011 г. накопленный объем инвестиций составлял всего 2,7 млрд долл.¹⁴, и к июню 2016 г. снизился до 2,36 млрд долл.¹⁵ Такие скромные цифры не могут не вызывать озабоченности с российской стороны. Например, замминистра экономического развития России Станислав Воскресенский во время второго ВЭФ отметил, что «20-е место Республики Корея в списке инвесторов в российскую экономику, конечно же, не соответствует потенциалу двустороннего сотрудничества»¹⁶.

Долгие годы в качестве основных причин, сдерживающих приток южнокорейских инвестиций в Россию, назывались сложные таможенные процедуры, высокая бюрократизация бизнес-процессов, недостаточная правовая стабильность, что сопровождается принятием все новых законодательных актов, низкий уровень развития рыночной инфраструктуры, высокая стоимость рабочей силы, а также визовые проблемы. В последние годы ввиду новых реалий и обострения геополитической обстановки к вышеперечисленным пунктам добавились новые, такие как санкционная составляющая, нестабильность курса российской валюты и другие.

Необходимо отметить, что российское правительство продолжает работу по улучшению инвестиционного климата страны. Некото-

рые пункты из негативных барьеров были преодолены, например, решен вопрос об отмене виз для граждан двух стран. 1 января 2014 г. вступило в силу Соглашение о безвизовом пребывании граждан одного государства на территории другого в течение 60 дней для владельцев всех типов загранпаспортов¹⁷. Приветствуется участие иностранных компаний в реализации инвестпроектов на территории России, что соответствует проводимой программе импортозамещения до 2020 г. Также большинство вышеперечисленных пунктов могут быть сняты при участии южнокорейских предприятий в ТОРах, где будет налажена упрощенная система ведения бизнеса с предоставлением различных льгот для инвесторов.

Что касается высокой стоимости рабочей силы, то в настоящий момент из-за девальвации рубля в России заработная плата и себестоимость производства стала ниже не только чем в Европе, но даже в Китае. Причем это утверждение верно и в том случае, если используется иностранное сырье и комплектующие, признаются производители. Средняя месячная зарплата в России, по данным Росстата, составила в июле в долларовом эквиваленте 591 долл., тогда как, например, в Румынии этот показатель составляет 632 долл., а в КНР — она была эквивалентна 775 долл. в месяц по нынешнему курсу доллара к юаню¹⁸.

Несмотря на имеющиеся противоречия, в двустороннем сотрудничестве существуют реальные возможности для его расширения и активизации новых, перспективных проектов.

Например, есть все предпосылки для увеличения присутствия южнокорейских фирм на российском внутреннем рынке, характеризующемся большой емкостью, наличием свободных ниш (в том числе по причине ухода некоторых зарубежных компаний из-за санкций¹⁹), перспективным потребительским спросом и существующей лояльностью к южнокорейскому бренду со стороны российских потребителей. При этом ожидается, что деятельность южнокорейских компаний на территории РФ в режиме санкций продолжится. Дело в том, что на фоне практически повсеместного падения экспорта продукции РК за рубежом и ухудшения показателей деятельности ведущих компаний РК, южнокорейские товары все также пользуются стабильным спросом в России²⁰.

Параллельно активизируются процессы для дальнейшей локализации производства на территории России, что отвечает требованиям проводимой в России программы импортозамещения до 2020 г. В частности, 10 октября 2016 г. состоялось открытие завода по производству резинотехнических и пластмассовых изделий южнокорейской компании ООО «Д.А.Рус» в индустриальном парке «Ворсино». Это предприятие является поставщиком комплектующих деталей для российских заводов бытовой техники, в первую очередь для «Самсунг Электроникс» и «ЭлДжиЭлектроникс Рус». Объем инвестиций составил 1 млрд 250 млн руб. Ежегодно здесь планируют выпускать более 1 млн единиц комплектующих для телевизионной техники и около 1 млн 300 тыс. — для стиральных машин²¹.

Развивается сотрудничество и в сфере логистики. Так, компании ОАО «РЖД» и Самсунг договорились о долгосрочном сотрудничестве в области развития контейнерных перевозок грузов до станции Ворсино (Калужская область) и транзитных перевозок через территорию России в направлении заводов группы Самсунг, расположенных в Восточной Европе. С октября 2015 г. осуществляется комплекс мероприятий по организации перевозки грузов по маршруту Пусан (Республика Корея) — Далянь (Китай) — Забайкальск — Ворсино (Калужская область) с перспективой продления в Европу²². По данным компании Самсунг, новый маршрут предполагает сокращение сроков доставки практически в два раза. В компании отметили, что «после того как груз прибывает во Владивосток с заводов Самсунг, находящихся в РК и Китае, он будет перевозиться по российским железным дорогам в Словакию, Венгрию и Польшу»²³.

Открывает новые возможности для иностранных инвесторов и такой негативный тренд как ослабление курса рубля. Несмотря на то, что с одной стороны, происходит удорожание импортируемых компонентов, с другой, производственные площадки на территории России получили ценовое преимущество перед предприятиями, размещенными в других странах, что расширяет возможности для экспорта продукции. Яркий пример — автосборочные производства, где сейчас российская площадка становится более выгодной, чем

любая другая в Европе, включая Румынию и даже Турцию. Затраты на оплату труда в пересчете на 1 автомобиль составляют 17 000 руб., или около 230 евро²⁴.

Что касается такого южнокорейского инвестпроекта, как завод «Хендэ Мотор Мануфактуринг Рус», то предприятие активно диверсифицирует свои поставки с производственной площадки в России, которая теперь охватывает не только рынки Казахстана, Белоруссии, Азербайджана, Узбекистана, Молдовы, Армении и др., но и Египта, и Ливана, а в конце августа 2016 года завод приступил к поставкам в Грузию и Тунис²⁵.

Новые перспективы открываются и в торговле, например, существуют реальные предпосылки для диверсификации структуры российского экспорта в РК и постепенного уменьшения удельного веса энергоресурсов, в том числе за счет расширения поставок российского продовольствия. Более того, уже в первом полугодии текущего года экспорт продовольствия из России в Республику Корея вырос на 242 %²⁶. Даная цифра может продолжить свой рост при положительном рассмотрении возможности экспорта российского мяса в РК, процесс по которому пока стопорится²⁷.

Одной из перспективных сфер сотрудничества двух стран становится туризм. В настоящее время РК возлагает большие надежды на расширение турпотока из РФ. Отдельное внимание уделяется медицинскому туризму, и не случайно на втором форуме ВЭФ принимали участие Министр здравоохранения РФ В. Скворцова и Министр здравоохранения и благосостояния РК г-н Чон Чжин Еп, который отметил, что более 20 тыс. российских граждан приехали в РК на лечение в 2015 г.²⁸

Параллельно растет российский въездной туризм, объем которого в 2015 году на фоне резкой девальвации рубля показал серьезный рост. По данным Росстата, за девять месяцев число иностранных путешественников в России выросло на 13,4 % — это самый значительный показатель с 2008 г. Также растет интерес со стороны южнокорейских туристов, в частности, по причине падения курса рубля и удешевления стоимости турпоездки. За 2015 г. количество туристов из РК достигло 136 тыс. чел., что практически на 20 % больше по сравнению с 2014 г.²⁹

Что касается такой инициативы как создание зоны свободной торговли между ЕАЭС и Южной Кореей, то, несмотря на возможные преимущества, существует мнение, что создание такой зоны необходимо рассматривать на долгосрочную перспективу, а позитивные последствия после ее введения для двустороннего экономического сотрудничества ограничены. При этом есть опасения, что после введения СЭЗ, льготный режим ввоза товаров будет противоречить планам по расширению инвестиций и дальнейшей локализации производства. В том числе, нельзя не согласиться с мнением известного южнокорейского ученого г-на Ом Гу Хо, о том, что РК уже заключила соглашения о свободной торговле практически со всеми основными рынками. Поэтому предельный эффект от создания свободной экономической зоны с ЕАЭС крайне низок³⁰.

В заключение необходимо отметить, что, по нашему мнению, в российско-южнокорейском экономическом сотрудничестве в краткосрочной перспективе сохранятся проблемы с темпами роста двустороннего взаимодействия в связи с негативной макроэкономической и геополитической ситуацией. Однако, с точки зрения долгосрочных планов, текущая ситуация может дать шанс вывести сотрудничество между нашими странами на качественно новый уровень. На наш взгляд, при активизации своей инвестиционной и торговой деятельности у РК есть реальная возможность занять те ниши, которые оказались свободными в связи с кризисными явлениями в экономике и санкциями и закрепить свои позиции, получив от этого серьезные экономические дивиденды. При этом российская сторона заинтересована в расширении экономического партнёрства с РК и продолжении дальнейшей совместной работы по всем направлениям как в двухстороннем, трехстороннем, так и в многостороннем форматах.

Примечания

¹ URL: http://russian-embassy.org/ru/?page_id=111

² По данным Министерства РФ по развитию Дальнего Востока. URL: <http://www.vtb.ru/group/press/news/releases/57761/>

³ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2921799>

⁴ URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2016/08/25/0200000000AKR20160825112700001.HTML?from=search>

⁵ URL: <https://forumvostok.ru/itogi-raboty-vtorogo-vostochnogo-ekonomicheskogo-foruma-2016/>

⁶ URL: <https://rg.ru/2016/09/04/v-iuzhnoj-koree-podveli-itogi-vstrechi-vladimira-putina-i-pak-kyn-he-na-vef.html>

⁷ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52809>

⁸ URL: <http://tass.ru/ekonomika/2722540>

⁹ URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/058/25/PDF/N1605825.pdf?OpenElement>

¹⁰ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52808>

¹¹ URL: <http://tass.ru/ekonomika/3672367>

¹² URL: http://www.customs.ru/attachments/article/21632/WEB_UTSA_09.xls

¹³ URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4690

¹⁴ URL: <http://www.ruskorinfo.ru/interview/economy/7091/>

¹⁵ URL: http://211.171.208.92/odisas_eng.html?type=04

¹⁶ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3082096>

¹⁷ URL: http://russian-embassy.org/ru/?page_id=113

¹⁸ URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/08/31/606810-devalvatsiya-rublya-otkrivaet-dlya-rossiiskih-proizvoditelei-novie-eksportnie-rinki>

¹⁹ URL: http://ntb.kita.net/intro/weekly_usually_update_view.screen?menuid=ntb010301&seq=419&tab_seq=2&fix_yn=N%D0%92. 러·터키 갈등, 국내기업에 틈새 시장 열려.

²⁰ URL: http://www.shopandmall.ru/news/Samsungu_krizis_ne_pomeha.

²¹ URL: <http://medyn-zarya.ru/news/v-kaluzhskoj-oblasti-otkryli-proizvodstvo-komplektuyushhix-dlya-bytovojskix-tekhniki/>

²² URL: <https://ria.ru/economy/20161018/1479485898.html>

²³ URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20161018000340>

²⁴ URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/08/31/606810-devalvatsiya-rublya-otkrivaet-dlya-rossiiskih-proizvoditelei-novie-eksportnie-rinki>. Указан курс рубля к евро по данным на конец августа 2015 г.

²⁵ URL: http://www.hyundai.ru/news/rossijskij_zavod_kompanii_hyundai_motor_poluchil_premiju_predpriyatija_goda

---

²⁶ URL: <https://rg.ru/2016/09/03/reg-dfo/eksport-rossijskogo-prodovolstviia-v-koreiu-vyros-na-242-procenta.html>

²⁷ Там же. URL: <http://expert.ru/south/2016/10/rossijskoe-myaso-vyidavliwaetsya-na-eksport/>

²⁸ URL: <http://www.newsvl.ru/eef2016/2016/09/02/151134/>

²⁹ URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/torg/tur/tab-tur1-1.htm

³⁰ XV Материалы российско-корейского форума 25 октября 2016 г. в МГИМО. *Ом Гу Хо*. Структурные изменения в геополитике Азии и развитие российского Дальнего Востока. С. 79.

*Игнатов Александр Александрович,
магистрант НИУ ВШЭ*

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ЮЖНОЙ КОРЕИ В ЭНЕРГЕТИКЕ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

Аннотация. В настоящей работе автор рассматривает проблему развития сотрудничества России и Южной Кореи в области энергетики в условиях экономических санкций против чувствительных отраслей российского хозяйства. Автор анализирует текущее состояние российско-корейского сотрудничества в энергетике и его стратегическую основу, а также возникающие форматы сотрудничества двух стран в данной отрасли. Ключевой вывод доклада — существующие и вероятные препятствия для развития сотрудничества России и Южной Кореи в энергетике имеют долгосрочный, стратегический характер, что превалирует над краткосрочными выгодами от развития новых форматов сотрудничества. В дальнейшем можно ожидать снижения степени взаимодействия двух стран в рассматриваемой области.

Ключевые слова: Южная Корея, Россия, энергетика, прогноз.

Согласно общему определению, *санкциями* принято называть односторонние или коллективные действия против страны, которую считают нарушителем международного права. К санкциям можно отнести широкий круг действий, включающих в себя прекращение дипломатических отношений, бойкот спортивных и культурных мероприятий, ограничения на торговлю. В отличие от других рычагов

давления в арсенале государств, санкции не подчиняются какому-либо набору общепринятых правил и не регулируются международным правом.

События на Украине 2014—2015 гг. привели к введению рядом стран санкций, направленных против Российской Федерации и затрагивающих широкий круг вопросов государственного взаимодействия. К настоящему моменту санкции в той или иной мере поддерживает 41 государство мира¹. Помимо широко обсуждаемого в СМИ списка персональных санкций (список российских должностных лиц, предпринимателей и деятелей культуры, въезд и деятельность которых ограничены на территории стран, поддерживающих обозначенный комплекс мер), отдельные страны, в частности, страны ЕС, США и Австралия² ввели ограничения на поставки российским компаниям, работающим в нефтегазовой отрасли, необходимых технологий и оборудования.

В текущих условиях российские нефтяные и газовые компании не могут в полной мере удовлетворить спрос на оборудование за счет продукции отечественных производителей. Наиболее востребованная категория оборудования — буровые установки и их компоненты, спрос на которые в мире составил 73,7 % от всего объема рынка в 2013 г.³, достаточно слабо представлена на внутреннем рынке России в силу ряда причин, среди которых указывается т.н. «щадящий» режим для импортного оборудования, негативно влияющий на развитие собственного российского производства данных наименований продукции машиностроительной отрасли⁴. В подобных условиях российские нефтегазовые компании вынуждены искать альтернативные варианты получения необходимого оборудования.

В сложившейся ситуации целесообразно рассмотреть развитие и поддержание нового формата отношений в энергетике с партнерами России, которые не поддержали санкционные меры. К таковым относится Республика Корея, выступающая в качестве одного из наиболее перспективных направлений деятельности российских нефтегазовых компаний. Южная Корея представляет интерес не только с точки зрения «традиционного» формата сотрудничества (имеется в виду сложившаяся структура товарооборота между странами с упором на импорт энергетического сырья из России), но и относитель-

ного нового формата стратегического партнерства, выстроенного на базе закупок оборудования для бурения и иных работ в рамках деятельности отраслевых компаний России.

Текущее состояние энергетического рынка Республики Корея. Основные поставщики энергоресурсов на рынке

Республика Корея представляет значительный интерес в силу емкости национального энергетического рынка, а также темпов развития экономики в целом, ведущих, в свою очередь, к увеличению потребности в энергоресурсах, которую страна вынуждена удовлетворять практически полностью за счет импортных поставок. Ниже приведены актуальные данные, отражающие уровень потребления южнокорейской экономикой основных видов источников энергии.

Таблица 1⁵

	Природный газ	Нефть	Уголь	Атомная энергия	Гидроэнергия	Альтернативные и возобновляемые источники
2015 г.	43,6 млрд куб. м	2575 тыс. б/д	84,5 млн т н.э.	37,3 млн т н.э.	0,7 млн т н.э.	1,6 млн т н.э.
Прирост по сравнению с предыдущим периодом, %	-8,7	5,3	-0,2	5,3	-24,2	29,1
Доля мирового потребления, %	1,3	2,6	2,2	6,4	0,1	0,4

Российско-корейское сотрудничество в энергетике основано на пересекающихся векторах стратегических планов развития национальных энергетик. Российская сторона заинтересована в диверсификации рынков сбыта продуктов добывающей отрасли, о чем сказано в тексте «Энергетической стратегии России на период до 2030 года». Республика Корея, в свою очередь, нуждается в поддержании

стабильного потока ресурсов для удовлетворения нужд растущей национальной энергетики, о чем указано в «Общем плане по энергетике»⁶. Тем не менее, присутствие российских поставщиков на рынке Южной Кореи носит довольно ограниченный характер и уступает в относительных показателях конкурентам из стран Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона. В таблице ниже указаны доли крупнейших поставщиков основных видов энергетического сырья на рынке Южной Кореи.

Таблица 2

Уголь (2701 — Coal)					
Страна	Австралия	Индонезия	Россия	Канада	США
Доля (%) 2014/2015	40 / 49	29 / 18	12 / 17	10 /	5 / 3
Нефть (2709 — Petroleum oils, crude) ⁷					
Страна	Саудовская Аравия	Кувейт	ОАЭ	Ирак	Россия
Доля (%) 2014/2015	34 / 30	16 / 13	12 / 10	10 / 11	4 / 6
Газ (LNG) ⁸					
Страна	Катар	Индонезия	Оман	Малайзия	Россия
Доля (%) 2014/2015	33 / 37	14 / 11	11 / 19	10 / 11	5 / 8

Ограниченный характер присутствия российских поставщиков на рынке Южной Кореи обусловлен более низкой конкурентоспособностью российского сырья по сравнению с ресурсами, поставляемыми из других стран. Одной из основных причин принято называть недостаточную развитость инфраструктуры регионов России, территориально близких к потребителям в АТР, в том числе, Республике Корея. Свою роль также играет фактор политической нестабильности в регионе вследствие периодических обострений ситуации на Корейском полуострове из-за нерешенного статуса ядерной

проблемы КНДР, что препятствует воплощению ряда инфраструктурных проектов в регионе (соединение Транссибирской ж/д и Транскорейской ж/д, прокладка газопровода из России на юг полуострова).

В долгосрочной перспективе можно ожидать, что из-за расхождения ряда принципиальных позиций по вопросам развития энергетических комплексов России и Южной Кореи, существенных положительных сдвигов в положении российских компаний не произойдет. Исходя из анализа упомянутых базовых документов, можно прийти к заключению, что для Российской Федерации с её богатой ресурсной базой характерно стремление к развитию партнерства в отношении традиционных источников энергии (уголь, нефть, газ), тогда как Республика Корея заявляет о своем намерении существенно увеличить долю энергии, получаемой из альтернативных и возобновляемых источников при постепенном снижении доли традиционного сырья. Данная тенденция заметна уже в настоящий момент при анализе относительных долей источников энергии в энергетическом балансе Южной Кореи.

Новый формат российско-корейского энергетического сотрудничества — технологический обмен

Принимая во внимание описанную выше тенденцию, поддержание нового формата сотрудничества между двумя странами представляется крайне желательным. Как уже упоминалось, данный формат основан на технологическом обмене в области глубоководного шельфового бурения. Введение запрета на продажу данного вида оборудования российским компаниям привело к тому, что южнокорейские поставщики стали фактическими единственными поставщиками в условиях отсутствия конкуренции на российском рынке. Существующие оценки говорят о почти 90%-ной доле южнокорейского оборудования в зарубежных закупках российских компаний⁹. Перспективы для данного формата при стратегическом планировании направлений сотрудничества между двумя странами

уместно рассматривать с применением так называемого SWOT-анализа. Данная методика предполагает выявление «сильных» сторон потенциального формата (strength), «слабых» моментов (weaknesses), а также «возможностей» (opportunities) и «угроз» (threats).

Учитывая тот факт, что в рамках рассматриваемого формата сотрудничества Южная Корея выступает в качестве поставщика, а Россия — реципиента технологий и оборудования, уместно проводить анализ именно со стороны Южной Кореи.

Вопрос, поставленный в рамках SWOT-анализа, можно сформулировать следующим образом: *выгодно ли для Республики Корея поддержание технологического сотрудничества с Россией в условиях экономических санкций?*

Последовательное выявление элементов SWOT-матрицы может дать следующие результаты:

1. *Сильные стороны*

- a. Россия находится в условиях *экономических санкций* и фактически отрезана от других поставщиков бурового оборудования;
- b. Южная Корея *не поддержала введение санкций* против чувствительных секторов российской экономики;
- c. Южная Корея обладает *необходимой технологической базой*;
- d. Российское оборудование для бурения *менее конкурентоспособно* по сравнению с южнокорейским даже на собственном внутреннем рынке.

2. *Слабые стороны*

- a. Южная Корея *связана партнерскими и союзническими обязательствами* со странами, поддерживающими антироссийские санкции;
- b. Россия в состоянии производить *собственное буровое оборудование* и располагает для этого научно-технологической базой;
- c. *Договорные обязательства России в отношении Китая* по поставкам энергосырья превышают объемы в отношении Республики Корея;
- d. Снятие санкций *поставит под вопрос сохранение монополии* южнокорейских компаний;
- e. В настоящий момент поддержание требуемого уровня добычи энергосырья российскими поставщиками *фактически зависит от поставок импортного оборудования*.

3. *Возможности*

а. Южнокорейские компании *могут извлекать из сложившейся ситуации максимальную выгоду* в силу сохраняющихся санкционных ограничений со стороны других стран;

б. Российские поставщики в долгосрочной перспективе смогут поддерживать *необходимый уровень добычи сырья* для выполнения договорных обязательств по поставкам в Южную Корею;

с. Гипотетически, южнокорейские компании могут добиться *расширения собственного участия* в российских проектах в нефтегазовой отрасли.

4. *Угрозы*

а. Учитывая текущую политическую обстановку, продажа российским компаниям оборудования, попавшего под санкции, может *нанести ущерб имиджу* Южной Кореи в глазах западных партнеров, прежде всего, США;

б. США может *оказывать давление на Сеул* с целью присоединения страны к коллективным санкциям;

с. Теоретически российская сторона может пойти на *введение ограничительных мер* в отношении южнокорейских поставщиков, чтобы ограничить их возможности для поддержания фактической монополии на российском рынке;

д. Сворачивание технологического обмена значительно ослабит позиции российских поставщиков, что сделает менее выгодным закупки сырья в России, *что, в итоге, снизит степень диверсифицированности каналов импортных закупок энергоресурсов*;

е. *Санкционные ограничения* на закупки Россией импортного оборудования *могут быть сняты* в кратко- или среднесрочной перспективе.

Итоговая SWOT-матрица для Южной Кореи может быть представлена следующим образом (рис. 1).

По итогам проведенного анализа, можно сделать вывод о достаточно высоком потенциале данного вида сотрудничества, обусловленного сложившейся ситуацией на внутреннем российском рынке и международном положении России. Тем не менее, описанные выгоды Республики Корея от поддержания рассматриваемого формата сотрудничества имеют *краткосрочный, тактический* характер, тогда

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	СЛАБЫЕ СТОРОНЫ
Экономические санкции. Технологическая база РК. РК не поддержала санкции. Конкурентные преимущества корейского оборудования	Партнерские обязательства РК. Партнерские обязательства РФ. Перспективы снятия санкций. Собственная российская научно-техническая база
ВОЗМОЖНОСТИ	УГРОЗЫ
Максимизация выгоды в условиях монополии. Поддержание необходимого уровня добычи сырья. Участие в совместных проектах	Удар по имиджу страны. Политическое давление со стороны США. Ограничительные меры. Снижение степени диверсифицированности каналов поставок. Снятие экономических санкций

Рис. 1

как «слабые» стороны, а также отдельные категории «возможностей» и «угроз» лежат в области *долгосрочного, стратегического* планирования. Немаловажным является вопрос поддержания государственного престижа и добрых отношений с союзниками, для которых рычаги политического давления стоят выше экономических выгод от технологического сотрудничества с Россией. Можно предположить, что в *средне- и долгосрочной* перспективе угрозы и стратегические потери Республики Корея от поддержания данного формата партнерства перевесят краткосрочные экономические выгоды и приведут к его сворачиванию.

В заключение можно сделать предположение о дальнейшем развитии отношений между Россией и Южной Кореей в энергетической сфере. Оба рассмотренных формата сотрудничества — «традиционный», основанный на поставках сырья из России, и относительно недавно закрепившаяся практика технологического обмена в долгосрочной перспективе могут испытать значительные трудности. В ближайшей перспективе можно ожидать сужения технологического сотрудничества между двумя странами, а в долгосрочной — уменьшения доли российских поставщиков на рынке Южной Кореи в силу расхождения векторов стратегического планирования развития энергетических секторов двух стран.

Примечания

¹ Все санкции Запада против России. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-paporama/1055587> (дата обращения: 28.10.2016).

² Australia Implements Expanded Sanctions Against Russia. URL: <http://www.allens.com.au/pubs/ibo/foibo2apr15.htm#Key> (дата обращения: 28.10.2016).

³ Oilfield Equipments Market Analysis By Product (Drilling Equipments, Pumps & Valves, Field Production Machinery) And Segment Forecasts To 2020. URL: <http://www.hexareports.com/report/oilfield-equipments-market-analysis-by-product-drilling-equipments-pumps-amp-valves-field-production-machinery-and-segment-forecasts-to-2020/details> (дата обращения: 28.10.2016).

⁴ Цит. по: *Саева Л.Г.* Рынок нефтегазового машиностроения: анализ и тенденции развития // Актуальные проблемы менеджмента и экономики России и за рубежом. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Новосибирск, 2015.

⁵ BP Statistical Review of World Energy 2016. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf> (дата обращения: 27.10.2016).

⁶ Korea Energy Master Plan. Outlook & Policies to 2035 / Официальный сайт Министерства коммерции, промышленности и энергетики Республики Корея (Ministry of Trade, Industry & Energy). URL: <http://escap.asiapacificenergy.org/policy/sites/default/files/2nd%20Energy%20Master%20Plan.pdf> (дата обращения: 27.10.2016).

⁷ UN Comtrade Database. URL: <http://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 27.10.2016).

⁸ BP Statistical Review of World Energy 2016. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf> (дата обращения: 27.10.2016).

⁹ Badische Zeitung: Без западных технологий России не видать нефти и газа. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2015-09-19/Badische-Zeitung-Bez-zapadnih-tehnologij> (дата обращения: 27.10.2016).

*Платонова Варвара Дмитриевна,
аспирант Центра корейских исследований ИДВ РАН*

СТРАТЕГИИ ЮЖНОКОРЕЙСКИХ КОМПАНИЙ ПО ВЫХОДУ НА РОССИЙСКИЙ РЫНОК

Аннотация. Начиная с 1990-х годов, Республика Корея стремительными темпами открывает филиалы своих крупных компаний за рубежом, экспортируя не только товары широкого потребления и оборудование, но и культуру. Кампании по выходу на российский рынок во многом зависят от современных нужд рынка и спроса на определенные товары. Брендированные южнокорейские товары, известные во всем мире, априори создают комплиментарность другим продуктам из Южной Кореи. С одной стороны, это открывает неожиданные возможности для корейского бизнеса, а с другой — ограничивает его, так как необходимо подтверждать заданный уровень качества другими товарами и услугами. Тотальная ориентация на вывоз всего и вся делает корейцев заложниками своего успеха, что не всегда оправдывается.

Ключевые слова: Республика Корея, стратегия, экспорт, Россия, торговля.

Суть корейской торговой модели

Предполагалось, что первоначальной основой внешних торговых связей будут чисто корейские отрасли, продукция которых имеет спрос за рубежом. Это были отрасли короткого цикла производства. Когда в 1960-е годы южнокорейская экономика стала устойчиво

воспроизводимой, была произведена существенная коррекция экономического курса, государство стало проводить политику индустриализации страны за счет внедрения новых технологий, в том числе иностранных. Для этого была избрана экспортоориентированная модель развития экономики страны. Были осуществлены крупные финансовые займы, которые при жестком контроле со стороны государства были полностью направлены на реализацию утвержденных государством проектов развития: вначале была оказана поддержка предприятиям легкой промышленности, а затем и тяжелой промышленности, в том числе металлургии, машиностроения, включая транспортную индустрию, химическую промышленность, которые впоследствии вывели южнокорейскую экономику на передовые рубежи в мировом хозяйстве.

Эта модель не претерпела сильного изменения за прошедшие полвека, поскольку была создана мощная хозяйственная база, в основе которой лежала относительно невысокая зарплата квалифицированного персонала корпораций, а также умелое использование доступных технологических новинок зарубежных фирм, а также привлечение иностранных специалистов. Эту работу осуществляли главным образом семейные корпорации, известные как чеболи, входящие сейчас в мировую промышленную элиту.

В условиях обостряющейся конкуренции на неемком мировом рынке, возрастают требования к качеству продукции. Поэтому огромное значение имеет инновационный потенциал страны.

Основные экспортные тенденции Республики Корея в РФ в начале 21 века

Что является важнейшим приоритетом в условиях нестабильного мирового рынка, который все чаще принимает самые разнообразные формы кризиса? При этом все большее значение приобретают военно-политические аспекты нестабильности, и в этих условиях сохраняются большая ориентация южнокорейской экономики на США и Японию. Фундаментальной перемены модели не предвидится, но возможны существенные корректировки.

Последнее время в связи с усложнением международных экономических отношений большое значение для Кореи имеют торговые связи с Россией. В последние годы эти отношения можно охарактеризовать как умеренно развивающиеся — по характеру экспорта и его обеспечения. Конечно, кризисные явления в российской экономике 2014—2016 гг. внесли свои коррективы в характер корейско-российской торговли. В первую очередь, это связано с валютно-финансовыми проблемами развития торгового взаимодействия между странами. Но предполагаемая стабилизация российской экономики в ближайшем будущем дает нам основания предполагать дальнейшее развитие коммерческих отношений между странами.

Повышение конкуренции с китайскими товарами на российском рынке привело корейских коммерсантов к идее диверсификации вывоза. В этот круг экспорта могут входить услуги, которые не экспортируются КНР — услуги в области медицины, косметологии, IT-технологий. При этом высокая репутация корейских брендов на российском рынке создает дополнительные возможности для вывоза новых продуктов. Если обратиться к внешнеторговой статистике ФТС России за первое полугодие 2016 г., на первом месте в импорте из РК остаются транспортные средства, которые составляют 58,42 %¹ от общего объема экспорта. К сожалению, экспорт услуг не подлежит декларации, поэтому реальные данные об этих процессах отсутствуют.

Внешнеторговая политика Южной Кореи осуществляется по простой схеме: максимальные продажи продуктов, которые не производятся в РФ. Это является самой простой первичной формой экономических связей. Южная Корея не ищет сложных форм взаимодействия: обмена технологиями и взаимовыгодного научно-технического сотрудничества. Она рассматривает Россию исключительно как рынок сбыта своей продукции.

В настоящее время в экспортных кампаниях участвуют не только представители крупного бизнеса и чеболь-корпораций, но и средний, и малый бизнес. Эта политика осуществляется, прежде всего, при поддержке государственных институтов, работающих за рубежом². А это будет способствовать развитию сотрудничества между предпринимателями Республики Корея и Российской Федерации, что крайне актуально для обоих государств.

Стратегии корейских компаний среднего и малого бизнеса по выходу на рынок России в 21 веке

Брендовые южнокорейские товары, известные во всем мире, а priori создают комплиментарность другим продуктам из Южной Кореи. С одной стороны, это открывает неожиданные возможности для корейского бизнеса, а с другой — ограничивает его, так как необходимо подтверждать заданный уровень качества новыми товарами и услугами.

Товары и услуги, предлагаемые корейскими компаниями, соответствуют «корейскому» качеству на практике, однако у этих продуктов возникают проблема реализации на российском рынке в силу падения покупательной способности рубля. Ослабление российской валюты оказалось неудобным финансовым условием для коммерческих операций. С другой стороны, качество компенсирует затраты, поэтому, чтобы удержаться на российском рынке, необходимо проводить более гибкую ценовую политику.

В то же время условия поставок многих корейских компаний не всегда можно назвать выгодными. Многие компании поставляют на международных условиях торговли FOB — «Free On Board», что подразумевает доставку до порта отгрузки — Пусана, загрузку в контейнер и назначение в выбранный покупателем порт. Далее корейская компания не контролирует процесс поставки после ее отбытия из корейского порта, и все дальнейшие действия проходят под материальной ответственностью покупателя. Чтобы упростить этот процесс, покупатели часто предлагают открыть склады или представительства в России. Это воспринимается корейской стороной с некоторым недоумением, поскольку некоторые представители бизнеса считают, что их российские партнеры отстают по многим направлениям в экономике и коммерции, а эта инициатива им невыгодна.

Одним из стратегических направлений деятельности южнокорейских предпринимателей является стремление к расширению бизнеса за рубежом. Однако в результате этого могут возникнуть организационные трудности, поскольку конечный продукт должен собираться в одной из стран (даже не в Корее). Увеличение издержек в

данном случае снижает конкурентные возможности продукта или услуги.

После Второй Мировой войны и Корейской войны экономическая ситуация в Южной Корее была очень тяжелой. Национальная экономика практически была разрушена войнами. В этих очень тяжелых условиях было необходимо в срочном порядке воссоздать экономический потенциал страны. В условиях отсутствия ресурсов необходимо было найти приемлемую модель дальнейшего развития страны. После окончания Корейской войны США оказали Южной Корее существенную экономическую помощь. Она выражалась в предоставлении займов в 1,5 млрд долл. в виде субсидий³. По большей части эти средства пошли на покупку американских продуктов, необходимых для нормализации жизнедеятельности корейцев. Благодаря этим займам, экономика была восстановлена.

С начала 60-х годов XX в. корейская экономика бурно развивалась. За три десятилетия (с 1962 по 1989 г.) валовый национальный продукт увеличивался в среднем на 8 % в год, поднявшись с 2,3 млрд долл. в 1962 г. до 204 млрд в 1989 г.⁴ Средний годовой доход населения вырос с 87 долл. на человека в 1962 г. до 4830 долл. в 1989 г. Доля промышленного сектора в 1962 г. составляла 14,3 % от ВВП, а в 1987 г. — 30,3 %. Объем торговли товарами народного потребления вырос с 480 млн долл. в 1962 до 127,9 млрд долл. в 1990 г.⁵

В условиях сложной экономической ситуации внутри страны необходимо было выбрать оптимальную модель развития. Оптимизация обычно связана с благоприятным ресурсным потенциалом. Для Южной Кореи было характерно существование стабильного сельского хозяйства, производящего относительно дешевое продовольствие, и сравнительно недорогой рынок труда. Эти обстоятельства подтолкнули страну к созданию рациональной внешней экономической модели. Тотальная ориентация на вывоз всего и вся делает корейцев заложниками своего успеха, что не всегда оправдано. Дело в том, что такая стратегия делает собственный внутренний рынок неустойчивым, а повышение внешней конкуренции на мировом рынке приводит к росту неопределенности самой корейской экономики. В данном случае стратегической целью такой возможной экономической политики становится снижение таких рисков.

Существуют коммуникационные проблемы в развитии коммерческих связей, которые часто связаны с неготовностью вести диалог и умением договариваться. В связи с этим, можно отметить, что здесь сказываются определенные кросс-культурные проблемы взаимоотношений с будущими партнерами.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить сложности в развитии торговых связей с Южной Кореей на данном этапе. Возможны сильные смещения торговой политики в связи с изменениями в политической конъюнктуре: появление новых глав государств, военно-политические осложнения в регионе, попытки втянуть страну в новые торговые союзы. Кризисные явления в мировой экономике стали причиной усложнения коммерческих связей между РК и Россией, поскольку произошло сокращение экономического потенциала России. Несмотря на конкурентоспособность корейских товаров, Россия не в состоянии в полной мере удовлетворить амбиции корейского бизнеса.

Примечания

¹ Ли, Чжэ Ён; Ли, Сун Чол. Стратегии проникновения на российский рынок: опыт компаний Республики Корея / Чжэ Ён Ли, Сун Чол Ли ; Корейский ин-т междунар. экон. политики ; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. Хабаровск: РИОТИП, 2009. С. 71.

² Манкевич А.О. Анализ системы управления в южно-корейской компании Samsung // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 3. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/03/4748> (дата обращения: 22.10.2016).

³ Ereport, информационно-научный портал, посвященный проблемам экономики и торговли, статья «Экономика Республики Корея». URL: <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/skorea.htm>

⁴ Сайт Федеральной Таможенной службы РФ, данные экспортной динамики Республики Корея. URL: <http://www.customs.ru/> (дата обращения: 11.10.2016).

⁵ Син Хён Хвак. Южная Корея: нелегкий путь к процветанию // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 5.

*Матвеева Наталья Игоревна,
Российский Государственный Социальный Университет*

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ПРИМЕР ДЛЯ РОССИИ?

Аннотация. Одной из наиболее обсуждаемых тем внутренней политики России на сегодняшний день является вопрос развития и модернизации экономики. Рассматривается целый ряд стран, чей успешный опыт мог бы быть взят за образец, и едва ли не чаще всего среди таких стран называют Республику Корея. Ее опыт мог бы быть полезен при создании стратегии развития российской экономики.

В данном докладе рассматриваются основные составляющие и особенности модели экономического развития и модернизации Республики Корея и выделяются те из них, которые, на взгляд автора, имеются в России на сегодняшний день или могут быть сформированы и использованы для развития экономики страны.

Ключевые слова: Республика Корея, Россия, экономическое развитие, модернизация, стратегия.

Вопрос о модернизации и развитии российской экономики на сегодняшний день является одним из наиболее актуальных для внутренней политики нашей страны. Его обсуждают президент и министры, депутаты и эксперты; рассматриваются примеры других стран, чей успешный опыт мог бы быть применен в российских реалиях. Среди таких стран называют ФРГ, Японию, Индию, Китай, и едва

ли не чаще всего — Республику Корея, говоря, что ее стратегия экономического развития наиболее подходит для России¹. Как правило, на примере Южной Кореи обосновывают необходимость государственного вмешательства в экономику и контроля частного сектора, однако это не единственные составляющие корейского «экономического чуда» и не только они могут быть полезны при разработке экономической стратегии России.

Быстрое экономическое развитие Южной Кореи началось в 1960-х годах. Пришедший к власти в 1961 г. генерал Пак Чон Хи провозгласил долгосрочное экономическое развитие приоритетом для нового правительства. За основу была взята японская модель развития, названная «developmental state». Чалмерс Джонсон, введший этот термин в употребление в начале 1980-х годов, выделял следующие основные составляющие модели «developmental state»: наличие небольшого, высококвалифицированного и сравнительно недорогого бюрократического аппарата; политическая система, в которой у бюрократов достаточно полномочий, чтобы действовать эффективно и брать инициативу; отлаженный инструментарий рыночного вмешательства государства в экономику; наличие ведущей организации, занимающейся планированием во всех сферах экономики.

Одним из первых действий новой власти в Корее стала реформа бюрократического аппарата. Пак Чон Хи позднее говорил, что человеческий потенциал должен быть движущей силой экономического развития и что его рациональное использование является ключом к развитию и модернизации в отстающих экономиках. В Корее, как в исторически конфуцианской стране, образование высоко ценилось, и государственные чиновники были хорошо образованы. Помимо этого, вскоре после военного переворота правительство начало масштабную кампанию по переподготовке административного персонала, направленную главным образом на то, чтобы обучить чиновников «методам управления, ориентированным на развитие». Также были проведены перестановки в высших эшелонах власти: на местах остались только те чиновники, чья сфера ответственности требовала особых компетенций, остальные были переведены на должности в других отраслях. Эти меры, в совокупности с антикоррупционной

кампанией, в результате которой многие коррумпированные чиновники лишились своих постов, а на их место пришли молодые и образованные сторонники новой власти, позволили в короткие сроки создать достаточно эффективный и компетентный бюрократический аппарат, способный руководить экономическим развитием страны.

Правительство сочло, что для развития экономики продуктивнее будет не наделять уже существующие институты новыми функциями и полномочиями, а создать специальную организацию, которая будет отвечать за всестороннее планирование экономического развития страны. В 1961 году, сразу же после переворота, начал функционировать Совет экономического планирования, ставший верховным плановым органом Республики Корея. О его значимости в глазах власти говорит и тот факт, что его главой был назначен заместитель премьер-министра. В Совет вошли как правительственные чиновники, так и университетские преподаватели, и эксперты в области экономики из частного сектора. Совет экономического планирования обладал обширными полномочиями в сфере экономики, и вплоть до 1980-х годов именно он занимался распределением ресурсов в экономике, вопросами кредитования и поддержки как целых отраслей, так и отдельных предприятий, а также координированием деятельности связанных с экономикой министерств и составлением всех планов экономического развития Республики Корея.

Следует отметить, что планирование в Республике Корея было не директивным, как в Советском Союзе или в Северной Корее, а индикативным: правительство, при помощи Совета экономического планирования, определяло цели, но предоставляло частному сектору, ставшему основной движущей силой развития, определенную свободу в выборе способа достижения этих целей. Однако при этом у правительства оставалось право вмешательства в экономику с целью «стимулирования добровольных действий и инициатив частных предпринимателей»² и направления экономики страны в соответствии с поставленными целями. Это упрощал и политический режим в стране, сложившийся к середине 1960-х годов.

После военного переворота 1961 г. Пак Чон Хи объявил, что «демократия западноевропейского образца» на тот момент была не

применима для Южной Кореи, а система политических и экономических свобод не отвечала политическим и общественным реалиям и экономическим нуждам³. В стране почти на 20 лет был установлен авторитарный президентский режим с фактической несменяемостью власти. В экономическом плане это не только облегчало регулирование экономики, но и обеспечило непрерывность развития: принятая в начале 1960-х годов стратегия смогла быть реализована в соответствии с замыслом и, в отличие от стран с регулярной сменой правящей партии (в том числе и Республики Корея в последующие периоды), без перерывов.

Таким образом, было возможно проведение хорошо спланированной и последовательной долгосрочной экономической политики. Она состояла из пятилетних планов развития (первый из этих планов был начат в 1962 г.), и каждый план не только учитывал экономические реалии и возможности экономики Кореи на тот момент, но также уточнялся и корректировался по мере выполнения в соответствии с изменениями в экономической ситуации в стране, в регионе и в мире. По словам Пола Кузнецца, чтобы его можно было воспринимать серьезно, план экономического развития должен быть не просто списком проектов, и больше, чем только риторикой правительственных экономистов, чье правительство не может или не желает выполнять этот план и которые не обладают достаточной информацией для адекватной оценки экономических реалий. Планирование должно быть картой, на которой задается направление будущего развития страны, и, в отличие от многих других развивающихся стран, в Республике Корея оно отвечало этим критериям⁴. Планы были связаны между собой и подготавливали почву для последующих планов и дальнейшего развития экономики.

С начала 1960-х годов экономическое развитие Южной Кореи, как и ряда других стран Восточной Азии, в частности Японии и Тайваня, было экспортоориентированным. Было сочтено, что именно экспортная ориентация является оптимальной стратегией для Кореи как для страны, бедной природными ресурсами, с узким внутренним рынком, но обладающей значительным человеческим потенциалом, и уже к концу первого пятилетнего плана (1962—1966 гг.) объемы экспорта выросли почти в пять раз⁵ и продолжали расти. Однако

структура экспорта не оставалась неизменной. Если поначалу основу составляла продукция легкой промышленности, то начиная с 1970—1980-х годов приоритетным направлением экономического развития страны объявляется развитие науки и техники, а среди экспортных товаров первые места занимают электроника, продукция машиностроения, химические волокна, а затем, по мере развития, — продукция наукоемких высокотехнологичных отраслей. На сегодняшний день основными статьями южнокорейского экспорта являются полупроводники, суда, автомобили, сенсорные панели и LED-телевизоры и продукты нефтепереработки⁶, а в целом в экономическом развитии страны приоритет отдается креативной экономике и экологичным «зеленым» производствам.

Подводя итог, можно сказать, что в основе «экономического чуда на реке Хан», в относительно короткие сроки превратившего Республику Корея из отсталой аграрной страны в одну из ведущих экономик мира, лежало несколько факторов. Во-первых, это наличие достаточно квалифицированной рабочей силы, и в первую очередь небольшого, низкокзатратного, но эффективного чиновничьего аппарата, мотивированного в продвижении экономического развития. Во-вторых, это государственное агентство планирования, в состав которого, помимо чиновников, входят эксперты из частного сектора, и которое отвечает за составление, корректировку и выполнение планов экономического развития. Кроме того, сами эти планы, соответствующие экономической ситуации и реально выполнимые, но носящие индикативный, а не директивный характер, задают направление и цели развития частному сектору, ставшему движущей силой развития страны. В-третьих, сильный авторитарный режим, способный контролировать экономику и обладающий не только полномочиями, но и методами вмешательства и регуляции экономики, в частности, посредством Совета экономического планирования. В-четвертых, фактическая несменяемость власти на протяжении почти двадцати лет, что позволило проводить долгосрочную, последовательную и непрерывную экономическую политику. Еще одним фактором является то, что, хотя осуществление стратегии экономического развития не прерывалось политическими изменениями и сменой власти, сама стратегия не была статичной. Остава-

ясь экспортоориентированной, она динамично менялась по мере развития, постепенно переходя от заимствования и имитации иностранных технологий к разработке собственных, от легкой промышленности к тяжелой, химической, наукоемким отраслям и современным высокотехнологичным производствам.

Какие же из этих факторов присутствуют в России на данный момент, складываются или могут быть применены для развития и модернизации экономики?

По данным исследований⁷, в России государственные чиновники составляют чуть меньше двух процентов от общей численности рабочей силы, и на 10 тыс. человек приходится 102 чиновника. Этот показатель ниже, чем в некоторых развитых странах, к примеру, в Канаде или Норвегии, и сопоставим с такими странами, как Германия, США и Япония. Однако это еще не свидетельствует об эффективности государственного аппарата. Так, по рейтингу качества государственного управления (WGI)⁸ Россия стабильно занимает позиции во второй половине списка из 215 стран мира, по показателю эффективности управления почти в два раза отставая от Германии, Японии, США и Республики Корея (48 % у России против 95,7 % у Японии, 94 % у Германии, 80 % у современной Южной Кореи). Еще больше разрыв по такому показателю, как контроль коррупции. Здесь Россия, с результатом 19,2 %, больше чем вчетверо проигрывает Германии (93 %), Японии (91 %), США (90 %), и в три с половиной раза — Корею (69,7 %). Это свидетельствует о невысокой отдаче от антикоррупционных мер в России. Бюрократический аппарат не имеет достаточной эффективности для успешного управления экономикой и проведения эффективной экономической политики.

В России нет отдельного агентства планирования, составлением стратегий занимается Министерство экономического развития и созданные в его рамках рабочие группы, состоящие из сотрудников Министерства и привлеченных специалистов. С одной стороны, у экспертов и чиновников есть доступ к актуальной информации по экономическому положению в стране, они могут оценивать ситуацию и принимать оптимальные решения для экономического развития. С другой стороны, составление и контроль осуществления экономической стратегии не является основной или даже приоритетной

задачей для Министерства экономического развития, что сказывается на эффективности. Принятая в 2008 г. концепция долгосрочного развития-2020 потеряла свою актуальность вскоре после принятия, в период кризиса 2008—2009 гг. в результате изменившейся экономической ситуации. Однако вместо внесения корректив в концепцию, от нее было решено отказаться. Ее сменила стратегия-2020, составленная как программа реформ к выборам 2012 г., но и она была выполнена только на треть.

Сейчас в России нет официальной долгосрочной стратегии экономического развития, есть только прогнозы, составляемые Министерством экономического развития. Идет обсуждение разработки стратегии-2030, однако пока ее, как и предыдущие варианты, не предполагается наделять функциями закона⁹, то есть этот документ, если он будет составлен и принят, будет носить не более чем рекомендательный характер. Для эффективного же развития экономики важна не только правильная постановка задачи, но и ее выполнение.

Теоретически, отдельные аспекты политической ситуации, сложившейся в России в последние годы, могли бы способствовать осуществлению долгосрочной стратегии развития. Фактическая несменяемость власти, подобно ситуации в Южной Корее в 1960—1970-х годах, означает, что принятая программа длительного экономического развития могла бы быть осуществлена полностью и без перерывов. Принадлежность президента и парламентского большинства к одной политической партии позволяет принимать возможно непопулярные, но необходимые для модернизации экономики законопроекты. По оценкам Freedom House, сейчас в России установился сильный авторитарный режим¹⁰, схожий с режимом Пак Чон Хи в Корее. Мы не будем здесь рассматривать все аспекты авторитаризма, ограничения демократических свобод, происходящие в стране, и их последствия, однако же, как бы цинично это ни звучало, корейский опыт показывает, что подобный строй можно использовать на благо экономического развития. При нем могут существовать методы государственного контроля частного сектора и вмешательства в экономику, несовместимые с демократическим режимом. Однако в России эти особенности режима не используются для эффективного развития экономики.

Упор делается на крупные государственные компании, в основном в нефтегазовой и энергетической сфере, и хотя экономику России можно считать экспортоориентированной, структура экспорта за последние десять-пятнадцать лет практически не изменилась. Основу его по-прежнему составляет сырье и топливно-энергетические товары (60,7 %) ¹¹, и, несмотря на объявленный курс на импортозамещение, удельный вес этой группы товаров за последний год сократился менее чем на один процент.

В целом же, подводя итог, можно сказать, что в России есть предпосылки для формирования факторов, составивших основу «экономического чуда на реке Хан». Конечно, успешный опыт одной страны не может быть просто перенесен на другую, тем более в случае столь разных стран, как Россия и Республика Корея, однако его возможно адаптировать к экономическим и политическим реалиям. Из экономического развития Республики Корея действительно можно было бы извлечь уроки для модернизации российской экономики, однако для этого требуется сильная политическая воля и стремление к развитию и модернизации экономики, исходящие с самых верхних уровней власти.

Примечания

¹ Путин В.В. О наших экономических задачах // Ведомости. 30.01.2012. № 3029; Белобородова М.А. Опыт инновационного развития экономических систем в развитых странах и его адаптация в России // ВЭПС. 2008. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/opyt-innovatsionnogo-razvitiya-ekonomicheskikh-sistem-v-razvityih-stranah-i-ego-adaptatsiya-v-rossii> (дата обращения: 10.09.2016).

² Park Chung-hee. The Country, the Revolution and I // Seoul: Hollym, 1963: 65.

³ Park Chung-hee. Our Nation's Path: Ideology of Social Reconstruction // Seoul: Hollym, 1962: 198—199.

⁴ Kuznets, Paul W. The Korean Take-off // The Korean Economy: Reflections at the New Millenium. Seoul: Hollym, 2001: 29—57.

⁵ Park Chung-hee. Korea Reborn: A Model for Development // New Jersey: Prentice-Hall Inc., 1979.

⁶ Korea International Trade Association. URL: <http://www.kita.org> (дата обращения: 17.09.2016).

⁷ OECD/Government at a Glance 2015 // Paris: OECD Publishing, 2015; Исследование РБК: сколько в России чиновников и много ли они зарабатывают. РБК. 15.10.2014. URL: <http://www.rbc.ru/economics/15/10/2014/543cfe56cbb20f8c4e0b98f2> (дата обращения: 21.09.2016).

⁸ World Bank Worldwide Governance Indicators. URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/worldwide-governance-indicators> (дата обращения: 21.09.2016).

⁹ Стратегия развития России до 2030 г. станет основной темой форума в Красноярске // Ведомости. 17.02.2016. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/02/17/630108-strategiya-2030-stanet-temoi-foruma-v-krasnoyarske> (дата обращения: 20.09.2016).

¹⁰ Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/country/russia> (дата обращения: 20.09.2016).

¹¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/fttrade/ (дата обращения: 25.09.2016).

*Полхова Екатерина Владимировна,
аспирант Факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного
университета*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЯПОНИИ

Аннотация. После состоявшегося в мае 2016 г. визита премьер-министра С. Абэ торгово-экономические отношения между Россией и Японией стали менять направление развития. В соответствии с новым подходом экономические отношения должны создать необходимую базу для урегулирования проблемы мирного договора и территориального спора. Роль бизнес-сообщества в этом процессе представляется довольно значительной, которая обеспечивается благодаря тому, что они оказывают влияние на формирование институциональной структуры российско-японских отношений. Подобные организации помогают компаниям наладить контакты между собой, а также продвигают их интересы в ходе диалогов на министерском, федеральном и региональном уровнях.

В докладе описаны основные функции, которые выполняют бизнес-организации и применяемые ими механизмы, направленные на изменения существующей структуры институциональных отношений между Россией и Японией.

Ключевые слова: Япония, Россия, экономика, сотрудничество, институты.

В послевоенный период в Японии представители делового мира стали оказывать всё большее влияние на политические процессы, как внутреннего, так и внешнего характера. Эта тенденция усилилась за счёт принятого курса опоры на экономику в качестве основы для укрепления позиций Токио на международной арене. В то же время происходило становление институциональной структуры советско-японских отношений, в большей степени заимствованной Россией в 1990-е гг.

В соответствии со сложившейся традицией для Японии в конструировании партнёрских отношений сегодня по-прежнему велика роль специализированных организаций. Так, за формирование российско-японских деловых контактов отвечают Ниссё (Торгово-промышленная палата), ДЖЕТРО (Организация содействия развитию внешней торговли Японии), РОТОБО (Японская ассоциация по торговле с Россией и новыми независимыми государствами). Главная постоянная структура, на которую приходится основная ответственность за развитие экономических отношений — Японо-российский комитет по экономическому сотрудничеству, заменивший собой Японо-советский комитет по экономическому сотрудничеству. Работа комитета осуществляется при поддержке Кэйданрэн (Федерации бизнес-организаций), представляющей интересы крупных компаний Японии, и Российского союза промышленников и предпринимателей в России. Многие вопросы, возникающие у компаний ведущих бизнес в России, разрешаются именно через диалог Российско-японского и Японо-российского комитетов. Интересы малого и среднего бизнеса, в том числе и в России, представляются Кэйдзай доюкай (Японская ассоциация корпоративных единомышленников).

В Японии, несмотря на то что она является государством, где велика доля малых и средних предприятий, локомотивом внешнеэкономической стратегии в отношении России является именно Кэйданрэн, представляющая интересы крупнейших корпораций. Во многом это объясняется существующей структурой экспорта и импорта, где доминируют товары автомобильной промышленности и нефтегазового сектора. Ведущие позиции с японской стороны в этих сферах занимают представители крупного капитала (например, такие компании как Mitsubishi, Toyota, Tokyo Gas).

Среди основных функций специализированных структур можно выделить создание постоянных площадок для диалога, в том числе с личным участием высших должностных лиц обоих государств, организация бизнес-миссий, поддержание отлаженной работы механизма обратной связи японских компаний с представителями местных и федеральных властей в России. Во-первых, при участии Кэйданрэн и самих комитетов осуществляются взаимные бизнес-миссии. Одной из последних миссий стало посещение 8—10 июня 2016 г. Москвы японской делегацией, возглавляемой Тэруо Асада, председателем Японо-российского комитета по экономическому сотрудничеству¹. Это стало одним из шагов на пути к реализации «восьми пунктов», выдвинутых премьер-министром Синдзо Абэ на неформальной встрече с российским президентом В.В. Путиным 7 мая 2016 г., на основании которых решено налаживать сотрудничество наших стран². К восьми направлениям сотрудничества относятся: 1) увеличение средней продолжительности жизни; 2) создание благоприятной городской среды; 3) наращивание сотрудничества между малыми и средними предприятиями; 4) энергетика; 5) диверсификация промышленности, повышение производительности труда в России; 6) развитие промышленности, создание экспортной базы на Дальнем Востоке; 7) сотрудничество в сфере передовых технологий; 8) гуманитарные обмены.

Фактически именно благодаря институциональной структуре российско-японских отношений стала возможна интенсификация двусторонних деловых контактов, старт которым был дан в сентябре 2016 г. на Восточном экономическом форуме (ВЭФ). Кроме того, поддержание торгово-экономических отношений России с деловыми кругами Японии осуществляется через взаимодействие с различными министерствами и ведомствами, например, Министерством экономического развития, Министерством по развитию Дальнего Востока, Торгово-промышленной палатой. Оно помогает создать дополнительные стимулы к сотрудничеству и добиться правительственных гарантий, которым отводится высокий приоритет японской стороной. В этом контексте знаковым стало назначение в августе 2016 г. (накануне ВЭФ) Сэко Хиросигэ, который также является ми-

нистром экономики, торговли и промышленности, министром по экономическому сотрудничеству с Россией³.

Безусловно, существующие формы взаимодействия Токио и Москвы имеют практическое значение. Особенно важно отметить результаты, достигнутые по итогам ВЭФ 2016 г., в котором принимала участие Кэйданрэн, в том числе через Японо-российский комитет по экономическому сотрудничеству. Председатель Т. Асада в качестве наиболее перспективных выделил проекты в сфере строительства инфраструктуры, нефтехимии, медицины, а также положительно оценил территории опережающего социально-экономического развития⁴. Вслед за форумом с целью закрепления его результатов состоялся визит Министра по развитию Дальнего Востока А. Галушки в Токио в сентябре 2016 г. В рамках этой поездки состоялись встречи с Сэко Хиросигэ, представителями Кэйданрэн, РОТОВО, Японского банка для международного сотрудничества (JBIC)⁵.

ВЭФ стал точкой отсчёта для многих российско-японских проектов, которые получили своё дальнейшее развитие. Из глобальных проектов можно отметить несколько.

В соответствии с заявлением Т. Асада, компания «Magubeni», для которой приоритетным является Дальний Восток, планирует строительство портовой инфраструктуры во Владивостоке, а также зерновых терминалов и наращивание поставки сельскохозяйственной продукции⁶.

Японский банк для международного сотрудничества выделил кредит российскому Сбербанку 4 млрд иен (38,5 млн долл.) на покупку оборудования для порта «Восточный». Также этот банк пообещал выделить порядка 200 млн долл. для проекта «Ямал СПГ», рассматривается и возможность его участия в «Арктик СПГ-2». При этом JBIC отказался от финансирования проектов, из которых вышли западные компании⁷.

Заинтересованность к российскому направлению была проявлена и на уровне малого и среднего бизнеса. Так, японская организация развития внешней торговли (JETRO) в октябре 2016 г. объявила о намерении создать группу экспертов по России, которые будут оказывать поддержку малому и среднему бизнесу, планирующему работу в РФ⁸.

Фактически основная работа по развитию российско-японских отношений производится на уровне деловых кругов Японии, их взаимодействия с министерствами, ведомствами и специализированными комитетами. В условиях санкций подобный диалог стал фундаментом, на основании которого было начато поэтапное восстановление переговорного процесса относительно вопросов о мирном договоре и территориальном вопросе по островам (Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи), прерванного введением санкций в 2014 г. В настоящее время можно увидеть позитивные результаты, как в торгово-экономической, так и в политической сфере. Для Токио они сводятся к расширению рынков сбыта, размещению инвестиций и сотрудничеству в области строительства инфраструктуры, энергетике, по линии малого и среднего бизнеса. К тому же существуют необходимые институты, при помощи которых Япония сможет продвигать эти интересы. В свою очередь российская сторона готова их учитывать, идти навстречу и реализовывать собственные. В данном контексте показателен пример территорий опережающего развития в Сибири и на Дальнем Востоке, где для иностранным инвесторов создаются благоприятные условия для капиталовложений. Свидетельствами фундаментального сдвига японской позиции послужили и некоторые институциональные изменения в виде нового министерского поста и обретения ДЖЕТРО новых функций, которые помогут Токио реализовать свои интересы через знаменитую «экономическую дипломатию» и бизнес-сообщество как её движущую силу.

Таким образом, российско-японские торгово-экономические отношения выстраиваются на нескольких уровнях. Можно выделить межведомственные диалоги, которые помогают сформировать институциональную базу для сотрудничества и улучшить для него условия, а также компании, которые формируют деловые контакты между собой. Два этих измерения помогают объединить специализированные организации, представляющие интересы компаний различного порядка от крупных до малых и средних. Именно благодаря деятельности Кэйданрэн, РОТОБО формируются необходимые площадки, где представители делового мира могут наладить контакты между собой, а также с представителями мира политического, со

специализированными ведомствами. Прослойка таких организаций позволяет не просто артикулировать интересы компаний, которые являются их членами исключительно на уровне бизнес-сообщества, но и повлиять должным образом на изменения институтов, обеспечивающих функционирование российско-японских отношений через взаимодействие с представителями региональных и федеральных властей. Поэтому такие специализированные организации не просто органично вплетены в систему институтов российско-японских отношений, они изменяют её в соответствии с интересами сторон.

Примечания

¹ Хо: Мосукува миссён хакэн. 16.06.2016. URL: http://www.keidanren.or.jp/journal/times/2016/0616_01.html (дата обращения: 01.12.2016).

² Японо-российская встреча на высшем уровне. 07.09.2016. URL: http://www.ru.emb-japan.go.jp/APP/20160511_ABE-PUTIN.pdf (дата обращения: 19.09.2016).

³ Хиросигэ Сэко стал министром по экономическому сотрудничеству с Россией // РИА Новости. 01.09.2016. URL: <https://ria.ru/world/20160901/1475785503.html> (дата обращения: 19.09.2016).

⁴ Тэруо Асада: Япония и РФ находятся на пути стремительного сближения экономических связей. 31.08.2016. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/3579071> (дата обращения: 19.09.2016).

⁵ Галушка проведет встречу с министром экономики Японии // РИА Новости. 06.09.2016. URL: <https://ria.ru/economy/20160906/1476186092.html> (дата обращения: 01.12.2016).

⁶ Галушка А. Дальний Восток заинтересован в инвестициях из Японии // Минвостокразвития. 09.09.2016. URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4632. (дата обращения: 13.11.2016).

⁷ Японский госбанк не будет финансировать проекты в РФ, из которых вышли западные фирмы. 01.11.2016. URL: <http://tass.ru/amp/3749523> (дата обращения: 13.11.2016).

⁸ Японская JETRO создаст группу поддержки компаний, планирующих работу в РФ // ТАСС. 30.10.2016. URL: <http://tass.ru/ekonomika/3745457> (дата обращения: 01.12.2016).

*Файншмидт Роман Иосифович,
ведущий специалист кафедры международной политики
и зарубежного регионоведения РАНХиГС*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И РАСШИРЕНИЯ ЗОНЫ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ ВЬЕТНАМ—ЕАЭС ДО ФОРМАТА АСЕАН—ЕАЭС

Аннотация. В рамках данной статьи проводится анализ развития зоны свободной торговли ЕАЭС—Вьетнам, официально начавшей свою работу с 5 октября 2016 г., в контексте возможности её расширения до модели ЕАЭС—АСЕАН с вовлечением всего региона Юго-Восточной Азии. Это может привести к формированию крупномасштабной межрегиональной ЗСТ, основанной на экономическом взаимодействии двух значимых интеграционных группировок — Евразийского экономического союза и АСЕАН.

Несмотря на привлекательность данного формата сотрудничества для ряда компаний и государственных структур и взаимный интерес каждой из сторон, имеет место ряд проблем, особенно со стороны стран-членов ЕАЭС в связи с их ориентацией на проведение реиндустриализации и укрепление технологической базы экономики, что в особой степени связано с внутриэкономическими планами России.

Ключевые слова: зона свободной торговли, ЕАЭС—Вьетнам, ЕАЭС—АСЕАН, импортзамещение, реиндустриализация, торговый баланс.

Особенностью развития современной мировой экономики является развитие форматов многостороннего взаимодействия. Одним из подобных механизмов является зона свободной торговли, основными целями которой являются увеличение объёмов товарооборота, а также укрепление экономических связей в целом. При этом зоны свободной торговли могут создаваться как между двумя независимыми государствами, так и между большим числом стран, в том числе, посредством региональных интеграционных объединений.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), являющийся крупным интеграционным объединением стран постсоветского пространства, нацелен на развитие взаимодействия с такими международными игроками как, например, Индия, КНР, АСЕАН, МЕРКОСУР и рядом других. 29 мая 2015 г. ЕАЭС заключил Соглашение о создании зоны свободной торговли с Вьетнамом, которое вступило в силу 5 октября 2016 г.

Подобное соглашение может рассматриваться как одно из достижений ЕАЭС на внешнеэкономической арене и может быть выделено в качестве «первого шага» к формированию двухстороннего межинтеграционного проекта зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН, о котором заявил бывший министр экономического развития РФ А.В. Улюкаев¹. Тем не менее, формирование зоны свободной торговли между интеграционными объединениями, двумя группами стран, сопровождается столкновением ряда интересов между государствами и сложностью в координации двух различных торговых и правовых режимов.

Целью данной работы является исследование возможности расширения ЗСТ ЕАЭС—Вьетнам до формата ЕАЭС—АСЕАН с учетом сформированного Экономического сообщества АСЕАН, а также имеющихся проблем.

ЕАЭС и АСЕАН как интеграционные форматы

В Юго-Восточной Азии в 1967 г. была создана региональная интеграционная организация, одной из главных целей которой было сдерживание распространения коммунистических режимов. Други-

ми словами, политическая составляющая превалировала над экономическим взаимодействием. Тем не менее, начиная со второй половины 1970-х гг. разворачиваются программы экономического сотрудничества, например, развитие АСЕАН как зоны преференциальной торговли (ASEAN PTA), а в 1992 г. было официально согласовано создание зоны свободной торговли АСЕАН (AFTA — ASEAN Free Trade Area) к 2010 году для АСЕАН-6 (передовые страны АСЕАН: Малайзия, Филиппины, Индонезия, Сингапур, Таиланд и Бруней) и к 2015 (с возможностью продления по некоторым категориям до 2018) для стран CMLV (АСЕАН-4: Камбоджа, Мьянма, Лаос и Вьетнам — группа стран, присоединившихся к АСЕАН в течение 1990-х гг.)². При этом в 2007 г. было объявлено о формировании в 2015 г. единого Сообщества АСЕАН, одной из основ которого стало Экономическое сообщество АСЕАН, рассматриваемое в качестве формирующегося формата общего рынка для стран Юго-Восточной Азии, находящихся в процессе унификации налоговых, торговых и юридических режимов.

Значимость АСЕАН как единого экономического пространства представлена тем, что вместе все 10 государств образуют рынок в более чем 630 млн человек, располагают совокупным ВВП в 2,57 трлн долл. и 7-процентной долей в мировой торговле³.

В отличие от АСЕАН Евразийский экономический союз был создан сравнительно недавно. 29 мая 2014 г. был подписан договор о создании, а 1 января 2015 г. он вступил в полную силу, включив в себя такие страны как Российская Федерация, Казахстан, Беларусь, Армения и Киргизия. Тем не менее, сама организация базируется на общности исторического прошлого (все страны находились до 1991 г. в составе СССР), а также между этими и некоторыми другими бывшими членами СССР уже был развит ряд таких проектов как Содружество Независимых Государств (СНГ), зона свободной торговли СНГ (с 2012 г.), Евразийское экономическое сообщество (ЕвразЭС), Таможенный союз, Единое экономическое пространство. Последние три из которых могут быть выделены в качестве отдельных этапов интеграционного развития, определивших оформление ЕАЭС как экономического союза пяти постсоветских государств.

Несмотря на молодость ЕАЭС, крупные акторы мировой экономики, например, отмеченные выше Китай, Индия, страны Латинской Америки, включая отдельно блок МЕКРОСУР, продемонстрировали интерес к развитию экономических связей через институты ЕАЭС, что позволяет охватить не только рынок России, но также рынки Средней Азии и Беларуси, которые вместе представляют 179,2 млн человек населения и 2,418 трлн долл. совокупного ВВП⁴. В мае 2015 г. ЕАЭС заключил первый договор о ЗСТ с нерегиональным игроком, а именно, с Вьетнамом. Следует также добавить, что ряд стран, таких как Египет, Иран, Таиланд, уже начали переговоры о создании зоны свободной торговли с ЕАЭС. О своей заинтересованности также заявили Палестина, Пакистан, Индия, Сингапур и Израиль. Особое место занимает Монголия, которая одновременно рассматривает как возможность присоединения к ЕАЭС в качестве члена организации, так и, при невозможности осуществления первого, формирования ЗСТ.

Фактор зоны свободной торговли Вьетнам—ЕАЭС

Как было отмечено выше, 5 октября 2016 г. зона свободной торговли между Вьетнамом и Евразийским Союзом официально начала свою работу. Согласно имеющимся оценкам, она может способствовать наращиванию объёмов двусторонней торговли более чем в 3 раза до 2020 г., до 10 млрд долл.⁵ Так, к октябрю—ноябрю 2016 г. около 59 % товарной номенклатуры перестанет облагаться ввозным тарифом, либо тариф будет значительно снижен. Ещё почти 30 % тарифов будет изменено или ликвидировано после транзитного периода до 2020 или 2025 г. в зависимости от конкретного продукта (к подобным продуктам относятся, например, некоторые разновидности сыров, овощей, рыбы, тканей и одежды, косметика). Тем не менее, около 10 % представленной номенклатуры сохранит существующие ставки таможенных пошлин. Со стороны ЕАЭС, например, кофе, молоко, чай, мясные продукты, ряд безалкогольных напитков, профильные трубы, самолеты попадают под изъятия, в то время как

под изъятия Вьетнама включаются ювелирные изделия, кондитерские продукты, соль, мясо и некоторые другие продукты.

Основой экспорта стран ЕАЭС во Вьетнам являются минеральные продукты, недрагоценные металлы и изделия из них, а также продукция химической промышленности. Вьетнам экспортирует в страны ЕАЭС машины, транспорт, оборудование, а также текстильные материалы, одежду, обувь, головные уборы.

Анализируя динамику и особенности товарооборота между ЕАЭС и Вьетнамом, следует выделить, что для стран ЕАЭС характерно негативное сальдо торгового баланса. Из 2,617 млрд долл. товарооборота за период январь—август 2016 г. на вьетнамский импорт приходится 1,786 млрд долл. (превышение над экспортом из ЕАЭС на 0,955 млрд долл.). Беларусь является единственным исключением с положительным сальдо в 16,9 млрд долл.⁶ При этом, даже несмотря на общий экономический спад рынков Союза (рецессия в России и Казахстане), Вьетнам смог нарастить поставки, прежде всего, в Россию (почти 30 % прироста за январь—август 2016 г. по сравнению с тем же периодом 2015 г.) и в Беларусь (прирост в 18 % за тот же период)⁷.

Кроме того, наибольшее значение для вьетнамского импорта имеют категории, связанные с транспортом и оборудованием (1,066 млрд долл. из 2,617 млрд долл. всего оборота), куда также включаются различные виды электронного оборудования (смартфоны, планшеты, коммуникаторы и т. п.), бытовой техники, компьютерных комплектующих, запчастей для автомобилей⁸. Другими словами, Вьетнам специализируется на поставках более сложных продуктов, которые требуют нескольких стадий производства и сборки, и которые обладают более высокой добавленной стоимостью, в то время как основой экспорта из ЕАЭС являются минеральные ресурсы и металлы, что относится к более низкой ступени производственной цепи, и цена на которые в большей степени определяется мировой конъюнктурой.

При этом зона свободной торговли нацелена, прежде всего, на приумножение объёмов представленной продукции, что может значительно увеличить количество экспортируемых со стороны Вьетнама продуктов электротехники и машиностроения, а также текстиля,

и расширить при этом масштабы поставляемых со стороны ЕАЭС минеральных ресурсов, продукции химической промышленности, добычи и обработки черных и цветных металлов. Однако, учитывая текущую конъюнктуру цен на ресурсы и металлы, а также динамику роста вьетнамского экспорта, можно сделать вывод, что даже при увеличении объемов товарооборота (причём с обеих сторон) торговое сальдо будет расти в пользу Вьетнама, который выходит на рынок с более сложной в производственном плане продукцией.

Россией с 2014 г. взят курс на импортозамещение и последовательную реиндустриализацию, что подразумевает защиту собственного производителя с повышением его конкурентоспособности и последующим выводом на общемировой рынок. А в условиях ЗСТ местная продукция находится в одинаковом положении с зарубежными товарами, так что цена может оказаться решающим фактором выбора потребителя. Другими словами, в рамках импортозамещения нежелательно наличие на местном рынке зарубежных товаров с более низкой ценой, что в контексте экономических отношений Вьетнама и ЕАЭС (особенно России) определяет нежелательность распространения вьетнамской продукции, особенно, в сфере электроники и оборудования с целью защиты и усиления местного производителя.

Таким образом, зона свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом при существующих ценах и общей динамике товарооборота может оказаться в большей степени благоприятной для вьетнамской промышленности, особенно отраслей, связанных с производством электротехники, машин и оборудования, что также может представлять угрозу процессам импортозамещения и реиндустриализации в российской экономике.

Возможность заключения ЗСТ между ЕАЭС и АСЕАН

Выбор Вьетнама в качестве первого партнера по ЗСТ может рассматриваться вполне закономерным, поскольку с Вьетнамом имеются исторически сложившиеся крепкие связи (в особенности с Россией). Кроме того, Вьетнам имеет быстроразвивающийся рынок

и входит в блок АСЕАН, но при этом на него приходится около 1 % всего внешнеторгового оборота, что позволяет оценить риски и возможности при развитии ЗСТ с другими государствами, а также с целыми интеграционными группами. Более того, для защиты производителей ЕАЭС от неожиданных негативных последствий ЗСТ были предусмотрены так называемые триггерные защитные механизмы, которые могут быть использованы для возвращения к предыдущим ставкам таможенных тарифов на конкретные виды продукции. Прежде всего, триггерные механизмы могут быть использованы для наиболее уязвимых категорий текстильной промышленности (например, рубашки, брюки), а также для отдельных позиций по мебели и продуктам (например, рис). Также, подобные механизмы могут быть использованы для предотвращения случаев реэкспорта, поскольку Вьетнам, будучи в едином экономическом пространстве АСЕАН, имеющем ЗСТ с Китаем, Индией, Японией, Республикой Корея, Австралией и Новой Зеландией, может прибегнуть к реэкспорту продукции других стран АСЕАН и его партнёров по ЗСТ (например, Китая или Индии).

Как было отмечено выше, с 2015 г. на территории государств Юго-Восточной Азии сформировано Экономическое сообщество АСЕАН, представляющее собой общий рынок, нацеленный на стандартизацию национальных режимов с целью превращения АСЕАН в унифицированное экономическое пространство с единой производственной базой. В рамках данного проекта предусматривается развитие как первичного и вторичного, так и третичного секторов экономики. Соответственно, при подобном векторе развития может возникнуть необходимость в дополнительных видах и объемах ресурсов, которые также могут быть предложены странами ЕАЭС, что при условии создания ЗСТ ЕАЭС—АСЕАН может облегчить доступ к рынку минеральных ресурсов АСЕАН.

Таким образом, расширение формата ЗСТ до рамок АСЕАН может рассматриваться комплиментарным с позиций выгоды экономического сотрудничества, однако нацеленность России на процесс индустриализации и импортозамещения может не соответствовать интересам потребления региона АСЕАН, так что расширение ЗСТ может, прежде всего, усилить «ресурсный крен» в экспорте

ЕАЭС (особенно России), а также из-за нестабильности цен на ресурсы может способствовать углублению негативного сальдо.

Другими словами, одной из ключевых проблем для России и ЕАЭС в целом остаётся проблема области специализации: будучи крупными мировыми поставщиками практически всего спектра минеральных ресурсов (нефть, газ, железные руды, редкоземельные металлы, золото, серебро, уран и другие радиоактивные металлы), имеет место запрос на возвращение к диверсифицированной модели экономики, а следовательно, ориентация на индустриализацию и поддержку отечественного производителя. Тем не менее, зона свободной торговли может рассматриваться как эффективный способ развития в тот момент, когда специализация в целом определена и нет необходимости в экономической трансформации. Таким образом, самим странам ЕАЭС необходимо более чёткое понимание того, какую область специализации они хотели бы занять, и подробной стратегии достижения своих целей в рамках мировой экономики.

Следует отметить, что в вышеупомянутом заявлении экс-министр экономического развития РФ А.В. Улюкаев подчеркнул, что процесс переговоров о межинтеграционной зоне свободной торговли может занять несколько лет, поскольку затрагиваются интересы большого числа игроков. Кроме того, и страны АСЕАН находятся в стадии формирования Сообщества, и ЕАЭС проходит фазу комплексной унификации и окончательного оформления. Также не исключено присоединение к ЕАЭС новых членов, таких как Таджикистан, Узбекистан и Монголия, что может потребовать пересмотра ряда положений.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что ЗСТ с Вьетнамом может быть выделена в качестве попытки постепенного углубления сотрудничества между двумя крупными интеграционными объединениями, однако, учитывая развитие обеих группировок и незавершенность ряда процессов, включая несоответствие интересов стратегии внутреннего экономического развития ЕАЭС и его внешних возможностей, создание единой ЗСТ может растянуться на неопределённый срок, либо принять ступенчатый характер с постепенным расширением экономического взаимодействия между блоками.

Примечания

¹ Между ЕАЭС и АСЕАН создадут зону свободной торговли (05.08.2016) // МИА «Россия сегодня» (портал «РИА Новости»). URL: <https://ria.ru/economy/20160805/1473659662.html> (дата обращения: 26.10.2016).

² Protocol to Amend the Agreement on the Common Effective Preferential Tariff (CEPT) Scheme for the ASEAN Free Trade Area (AFTA) for the Elimination of Import Duties // Association of South East Asian Nations. URL: [http://www.asean.org/storage/images/2012/Economic/AFTA/Common_Effective_Preferential_Tariff/Protocol%20to%20Amend%20the%20Agreement%20on%20the%20Common%20Effective%20Preferential%20Tariff%20\(CEPT\)%20Scheme%20for%20the%20ASEAN%20Free%20Trade%20Area%20\(AFTA\)%20for%20the%20Elimination%20of%20Import%20Duties.pdf](http://www.asean.org/storage/images/2012/Economic/AFTA/Common_Effective_Preferential_Tariff/Protocol%20to%20Amend%20the%20Agreement%20on%20the%20Common%20Effective%20Preferential%20Tariff%20(CEPT)%20Scheme%20for%20the%20ASEAN%20Free%20Trade%20Area%20(AFTA)%20for%20the%20Elimination%20of%20Import%20Duties.pdf) (дата обращения: 26.10.2016).

³ Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (15.03.2016) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/summit-russia-asean/-/asset_publisher/FX0KRdXqTkSJ/content/id/2141874 (дата обращения: 03.11.2016)

⁴ *Господарик Е.Г., Иршев Б.К., Ковалев М.М.* Место ЕАЭС в глобальной экономике // Банковский вестник. 2015. № 5. С. 3—10.

⁵ Вьетнам ждет роста товарооборота с Россией после создания ЗСТ с ЕАЭС // МИА «Россия сегодня» (портал «РИА Новости»). URL: <https://ria.ru/economy/20160907/1476285384.html> (дата обращения: 04.11.2016).

⁶ Внешняя торговля с третьими странами // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2016/08.aspx (дата обращения: 06.11.2016).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Щенкова Татьяна Александровна,

к.э.н., руководитель направления

Департамента международного сотрудничества En+Group

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. Энергетическая безопасность является одним из ключевых приоритетов для стран Северо-Восточной Азии (СВА). В последние годы страны СВА, к которым относятся Россия, Китай, Япония, Южная Корея, Северная Корея и Монголия, столкнулись с рядом новых глобальных и региональных вызовов политического и экономического характера. Отсутствие коллективных механизмов борьбы с потенциальными энергетическими кризисами в регионе подталкивает страны Северо-Восточной Азии к поиску односторонних механизмов в вопросе обеспечения энергобезопасности.

В данном докладе предпринята попытка провести анализ текущего состояния и необходимых условий для построения региональной системы энергетической безопасности в Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, КНР, РФ, экономика, энергетика, безопасность.

Энергетическая безопасность является одним из ключевых приоритетов для стран Северо-Восточной Азии. За исключением России, все остальные страны региона, в том числе Китай, Япония, Северная и Южная Корея являются нетто-импортерами углеводородов.

С 1990-х годов доля импорта нефти и газа в энергобалансе перечисленных стран продолжает расти. В 2015 г. зависимость трех ключевых стран региона от импортных поставок нефти превысила 60 % и составила 60,8 % в Китае, 99,7 % в Японии, и 97 % в Южной Корее.

При этом основной объем поставок нефти в страны Северо-Восточной Азии приходится на Ближний Восток, в первую очередь, Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ, Иран, Ирак и Катар.

В начале 2010-х годов Китай, Япония и Южная Корея приняли обновленные национальные программы энергетической безопасности, в которых на законодательном уровне закреплены меры по обеспечению энергонезависимости, в числе которых — диверсификация поставок энергоносителей, энергосбережение, развитие ядерных и зеленых технологий, а также международное сотрудничество на региональном и глобальном уровне.

В частности, в опубликованной пресс-канцелярией Госсовета КНР в 2012 г. «Энергетической политике Китая»¹ среди основных приоритетов энергетического развития отмечены энергосбережение, обеспечение энергетической безопасности за счет использования преимуществ собственной ресурсной базы, защиты поставок энергоресурсов, поддержания стратегических запасов и качества системы экстренного реагирования, а также контроля над энергоресурсами за рубежом. Кроме того, к числу первоочередных задач относится диверсификация источников энергии, внедрение технологических инноваций, охрана окружающей среды, углубление рыночных реформ, повышение качества жизни населения и расширение международного сотрудничества.

В распространенном Министерством экономики, торговли и промышленности Японии в июле 2015 г. «Долгосрочном прогнозе энергетического спроса и предложения»² среди первоочередных мер по обеспечению энергетической безопасности отмечены поддержание энергетической самообеспеченности на уровне не ниже 25 %, внедрение энергосберегающих технологий, развитие возобновляемых источников энергии, охрана окружающей среды.

К числу приоритетных задач Республики Корея в сфере энергетики на 2014—2035 гг., получивших отражение во «Втором национальном энергетическом плане» Министерства торговли, про-

мышленности и энергетики³, относятся повышение энергоэффективности, создание распределенной системы генерации, защита окружающей среды. В сфере энергетической безопасности основными целями является обеспечение стабильности поставок энергоресурсов (в частности, создание ресурсной базы за рубежом и доведение внедрения ВИЭ до 11 %, развитие международного сотрудничества), а также защита поставок нефти и газа, диверсификация маршрутов и наращивание стратегических запасов.

Наблюдаемое в последние годы обострение международной политической обстановки, а также продолжающееся замедление темпов роста глобальной экономики привели к возникновению новых вызовов для стран Северо-Восточной Азии в части обеспечения национальной энергетической безопасности.

К числу политических вызовов относятся нестабильность на Ближнем Востоке, рост напряжения в Южно-Китайском море (ЮКМ), обострение ситуации на Корейском полуострове.

В частности, энергетическая проблематика Южно-Китайского моря связана с обеспечением безопасности и контролем над транспортными путями (свыше 80 % поставок нефти в Китай осуществляется через Малаккский пролив), а также доступом к нефтегазовым ресурсам акватории ЮКМ территориями (Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация оценила объем запасов нефти в 125 млн баррелей)⁴.

Среди экономических вызовов, в первую очередь, необходимо отметить замедление темпов экономического роста в Китае, волатильность цен на энергетических рынках, конкуренцию за доступ к ресурсам в связи с превращением стран Юго-Восточной Азии в нетто-импортеров нефти и газа, введение санкций против России.

Отдельного внимания также заслуживают экологические вызовы, которые имеют непосредственное влияние на обеспечение энергетической безопасности в регионе.

Отсутствие коллективных механизмов борьбы с потенциальными энергетическими кризисами на региональном уровне подталкивает страны Северо-Восточной Азии к энергетическому национализму. В частности, достигнутые в рамках многосторонних форматов сотрудничества договоренности (АСЕАН+3, Восточноазиатский

саммит) не носят обязывающий характер, а попытки выработать единый интеграционный механизм в регионе тонут в политических разногласиях между участниками переговоров.

Так, в «Себуанской декларации о Восточноазиатской энергетической безопасности»⁵ отражено намерение сторон изучить потенциальные модели создания стратегических резервов в форме индивидуальных программ и многосторонних форматов на уровне стран и/или регионов на добровольной или коммерческой основе. Данная инициатива перекликается с функционирующей в рамках Международного энергетического агентства программой стратегических резервов, в соответствии с которой каждой стране-члену МЭА рекомендовано иметь запасы нефти, соответствующие не менее чем 90-дневному объему её импорта.

Структура энергетической модели в Северо-Восточной Азии будет оказывать существенное влияние на ценообразование на мировом рынке. В первую очередь это касается Китая, который останется ключевым игроком в регионе, несмотря на замедление темпов экономического роста.

В соответствии с прогнозом BP Energy Outlook, к 2035 г. на Китай будет приходиться 25 % мирового спроса на энергоресурсы (в 2014 г. — 23 %), при этом среди ископаемых источников энергии спрос на нефть по сравнению с 2014 г. вырастет на 63 %, на газ — на 193 %, на уголь — на 5 %⁶.

Страны СВА продолжают использовать традиционные инструменты обеспечения энергетической безопасности, такие как диверсификация поставщиков, развитие возобновляемых источников и повышение энергоэффективности. При этом страны СВА будут все чаще прибегать к госкомпаниям и инструментам энергетической дипломатии для обеспечения доступа к энергетическим активам.

Ключевыми задачами России в развитии энергетического сотрудничества со странами региона являются сохранение контроля над национальной энергетической инфраструктурой с одновременным привлечением инвестиций и технологий из СВА для совместного освоения ресурсной базы Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также укрепление позиций на высококонкурентном рынке СВА.

Решение данных задач потребует от России активизации совместных усилий государства и частного бизнеса. Создание преференциального режима на Дальнем Востоке является первым позитивным шагом, требующим дальнейшей детальной проработки и развития.

Примечания

¹ China Energy Policy-2012. 2012-10-24. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2012/Document/1233788/1233788.htm> (дата обращения: 01.11.2016).

² Long-term energy supply and demand outlook. 2015-06-01. URL: http://www.meti.go.jp/english/press/2015/pdf/0716_01a.pdf (дата обращения: 01.11.2016).

³ South Korea Second energy masterplan. 2014-01-01. URL: www.motie.go.kr (дата обращения: 01.11.2016).

⁴ *Mikkal E. Herberg*. The role of Energy in Disputes over the South China Sea, published by Maritime awareness project. 2016-06-28. URL: <http://maritimeawarenessproject.org/2016/06/28/the-role-of-energy-in-disputes-over-the-south-china-sea/> (дата обращения: 01.11.2016).

⁵ Sebu Declaration on East Asian Energy Security. 2017-01-15. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/eas/energy0701.html> (дата обращения: 01.11.2016).

⁶ BP Global Energy Outlook. China insights. 2016-01-01. URL: <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/energy-outlook-2035/country-and-regional-insights/china-insights.html> (дата обращения: 01.11.2016).

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

Ковлеков Кирилл Иванович,

*магистрант Института зарубежной филологии и регионоведения
Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*

СУБКУЛЬТУРА «ОТАКУ»: ЯПОНСКИЙ ОПЫТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПАНСИИ

Аннотация. Глобализационные процессы, происходящие в мире, тесно переплетены с понятием культурной экспансии. Ассимилятивным тенденциям общество стремится противопоставить шаги в сторону культурной интеграции. Успешный пример осуществления интеграционной культурной политики на практике продемонстрировала Япония. Ответом страны на вызов послевоенного культурного кризиса явилось формирование уникальной субкультуры «отаку», сумевшей синтезировать достижения самобытной национальной культуры с мировыми тенденциями на базе культурной индустрии (анимэ, манга, ранобэ и других).

Японский опыт противостояния культурной экспансии имеет важное практическое значение для развития мировой культуры. Изучение данной темы может углубить знания о влиянии глобализации на культуру, а также помочь выработать способы противодействия «мягкой силе».

Ключевые слова: японская культура, глобализация, «отаку», культурная экспансия, культурная интеграция, «мягкая сила».

В условиях сегодняшнего дня под мировой глобализацией понимается единый процесс всемирной интеграции, обладающий тенденцией к универсализации и усреднению всех явлений общественной жизни. Вследствие этого глобализация способна оказывать заметное влияние на трансформацию и модификацию культурных ценностей и норм поведения людей. В современном мире глобализационные процессы все теснее переплетаются с понятием культурной экспансии. По мнению ряда исследователей¹, «взламывая» культурные системы и проповедуя рост бесконечного потребления, глобализация приводит к потере у людей ориентиров в историческом пространстве, утрате идеалов, смысла бытия и межличностным конфликтам. В этих условиях расшатываются основы национальной самобытности, происходит трансформация сложившейся системы культуры, меняется система ценностей и критериев оценки качества жизни общества.

Ассимилятивным тенденциям общество может противопоставить шаги в сторону культурной интеграции. Массовая культура обладает свойством обезличивать национальную культуру в той же степени, что и способствовать коммуникации между различными социальными группами путем создания вокруг них единого информационно-культурного пространства². Как ни парадоксально, подобное единение открывает возможности для успешного противодействия национальной культуры воздействию извне.

Успешным примером данного феномена является опыт Японии, переживавшей в 50-е гг. XX в. глубокий национальный кризис, вызванный всеобщей «американизацией» общества. В сфере культуры этот процесс выразился в активном заимствовании образцов американской культуры и одновременном забвении национальных традиций. Так, несмотря на появление таких кинематографических шедевров, как фильмы «Семь самураев» и «Расёмон», усилилось засилье новомодных и притягательных для молодёжи западных ценностей и японской поп-культуры.

На фоне общего национального чувства огорчения от поражения в войне в Японии сформировались своеобразные молодёжные субкультуры, которые послужили свидетельством того, что в сознание и в поведение людей постепенно внедрялись ценности массовой

культуры³. Многие явления культурной жизни порой вызывали противоположные оценки и мнения со стороны специалистов и простых людей. Например, кинофильм «Годзилла» (1954 г.), вызвавший бурю отрицательной критики у профессионалов и сформировавший у них мнение о вырождении культуры, вызвал одобрение и большой интерес у обывателей.

Важным явлением в развитии японской культуры послевоенного периода стало появление массовой японской анимации — анимэ, детской мультипликации — «Астро-бой» (1963 г.), «Ведьма Салли» (1966 г.). Одним из основателей анимэ являлся Осаму Тэдзука, признанный художник-мангака, недовольный тем, что японские дети в отсутствие отечественной мультипликации смотрели исключительно американские мультфильмы. С тех пор выросло уже несколько поколений японцев, воспитанных на отечественных мультфильмах.

В 1970-е гг. японская анимация выделилась из общего потока мировой мультипликации, впоследствии выступив образцом не просто массовой, но и национальной японской культуры. Этому способствовала характерная для Японии традиция преобразования заимствованного интеллектуального продукта сквозь призму японского менталитета. Это — своего рода культурная интеграция, проявившаяся, в частности, на этапе зарождения японской письменности, позже — в машиностроении. Примерно таким путем в 1980-е гг. закладывался фундамент постмодернистской субкультуры «отаку», получившей в современном мире широкую популярность в молодёжной среде не только Японии, но и других стран, в том числе России.

Внешними проявлениями субкультуры «отаку» служат анимэ, манга, массовая литература (ранобэ, визуальные романы, веб-романы) и компьютерные игры. Популярность продукции «отаку» основана на потребительском энтузиазме поклонников данной субкультуры, которые активно питают культурную индустрию материальными средствами, кадрами и стабильным спросом.

В итоге, ответом Японии на вызов послевоенного времени явилось формирование уникальной субкультуры «отаку», сумевшей синтезировать достижения самобытной национальной культуры с мировыми тенденциями. Овладев умами молодёжи, субкультура

«отаку» стала не только визитной карточкой Японии, но и признанным лидером культурной индустрии, неотъемлемой частью ее внутренней и внешней политики.

Типичным представителем субкультуры «отаку» является профессиональный потребитель продуктов массовой развлекательной индустрии. Речь при этом идёт не о душевнобольных людях, живущих грёзами, а о молодежи (от 14 до 35 лет), в целом успешной ее части, в большинстве своем материально обеспеченной. Представитель субкультуры «отаку» — экономически активный человек, потребляющий и (или) создающий продукты интеллектуальной собственности в рамках японской массовой культуры. В отличие от представителей других субкультур, в нем практически отсутствует агрессивный элемент. Иными словами, «отаку» — это, в общем-то, «полезные» обществу люди. Одновременно с этим, имеется и обратная сторона культуры «отаку», выразившаяся существованием в современном японском обществе социальной проблемы NEET'ов и хикикомори. NEET (Not in education, employment or training) — это безработный и необразованный тунеядец, хикикомори — асоциальный затворник, который продолжительное время не покидает свое жилище.

Общепризнанным местом рождения и развития субкультуры «отаку» является Акихабара — район Токио, получивший известность в 1950-е гг. как центр продаж электронных высокотехнологичных товаров⁴. С тех пор произошло много изменений в ассортименте и качестве товаров, но субкультура «отаку» прочно закрепилась в сознании людей, в их традициях и привычках. Так, с 2008 г. «косплей» — костюмированное перевоплощение в любимых персонажах из анимэ, манга и игр, стало не просто нормой, но и официальной визитной карточкой Японии. Мировое признание субкультуры «отаку» в 1990—2010-е гг. позволило японскому государству использовать её в качестве инструмента культурно-информационной экспансии, как внешней (в рамках «мягкой силы»), так и внутренней (сохранение культуры)⁵.

Нередко высказывается мнение о том, что японская массовая культура является непосредственным следствием глобализации, в ходе которой были утрачены традиционные и национальные осно-

вы. Согласно таким утверждениям, «американизированная японизация» способствовала тому, что продукты культурной индустрии Страны восходящего солнца утратили связь с исходным материалом — японской культурой, а национальные особенности были «нейтрализованы»⁶.

Но все больше исследователей склоняются сегодня к мнению о том, что данное суждение верно скорее по внешним своим характеристикам, когда отвечает на вопрос с точки зрения прямолинейного «западного» мировоззрения: когда «слова» нет — нет и «дела». Если же обратиться к характерным чертам самой японской культуры, то становится понятным, что внешние признаки не играют ведущей роли в определении национальной принадлежности анимэ, манга и других проявлений «отаку». По мнению Е.М. Моисеевой, модернизация не истребила традиционных архаических элементов японской культуры, и даже самая высокая степень вестернизации не смогла сделать эту культуру западной. Самобытные черты японской культуры в эпоху постмодерна сохранились так же, как и в эпоху модерна. Само «качество» культуры не изменилось. Изменилось «дискурсивное пространство» — и старые элементы получили новое значение⁷.

Проявлением такого утверждения в комиксах-манга выступает характерная для японской поэзии недосказанность, которая кроется в символичности креолизованного текста, где большая часть информации передается намеками, визуально через художественно-стилистические приёмы, раскадровку и монтаж⁸.

Подтверждением этого служат и особенности современной японской литературы. Идеальным для этого примером являются произведения, написанные по литературной формуле «тэнсэй-моногатари» (с яп. «истории о перерождении»). Главный герой этих произведений в самом начале повествования умирает и реинкарнируется в мире магического псевдо-средневековья. Помимо присутствия в повествовании традиционных буддийских мотивов, в данных произведениях прослеживается еще одна интересная тенденция. Она проявляется в том, что почти в каждом таком произведении главный герой после перерождения начинает выстраивать вокруг себя «маленькую Японию», демонстрируя процесс приобретения самоидентичности — в контакте с неизведанным. Подобные романы в современной Япо-

нии стали неотъемлемой составной частью японской мультимедийной культурной индустрии и пользуются определенным успехом среди молодого населения страны⁹.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в целях спасения своего традиционного культурного наследия от деструктивного влияния массовой культуры (американской), японским творческим сообществом был изобретен коммерчески успешный массовый культурный проект. Он проявил себя в виде симбиоза японской культурной креативности с возможностями массовой развлекательной индустрии — «отаку». Финансовую основу развития развлекательной индустрии Японии составил частный капитал нескольких телерадиовещательных корпораций.

Продукция данного симбиоза воспринята сегодня многими странами мира, в том числе Россией. Причем в нашей стране для характеристики людей, попавших под влияние субкультуры «отаку», используется неологизм — «анимешники». Считается, что «анимешники» — это молодые люди, интересующиеся культурой Японии и увлекающиеся анимэ и манга. Например, в Якутии любители японской анимации сплотились вокруг глянцевого журнала «Рэммэй» (2007—2010 гг.) и фестиваля японской культуры «Химавари» (2009—2015 гг.).

Социальное явление «анимешников» постепенно начинает терять свою актуальность. Причиной этого является появление в мировой массовой культуре прослойки «гиков» — тех же самых энтузиастов, что и «отаку», но интересующихся не только продуктами японской культурной индустрии, но и в целом достижениями мировой массовой культуры. Проявлением этого в г. Якутске стало, например, вытеснение фестиваля «Химавари» и замена его в 2014 г. фестивалем мировой массовой культуры — «Гик-фест». Фестиваль с тех пор проводится ежегодно, привлекая с каждым разом всё больше внимания со стороны молодёжи, среди которых «отаку» — только одно из существующих направлений. Эти факты позволяют сделать вывод о том, что в России складывается социальный слой профессиональных потребителей (знатоков, фанатов, поклонников) массовой культуры, которые в будущем могут стать основой для образования нового направления отечественной массовой культуры и культурной индуст-

рии. При этом, однако, следует предусмотреть поправки на возможную их примитивизацию и потерю традиционных духовных ценностей.

В целом, японская культура на протяжении нескольких десятков лет естественным образом продолжает процесс интеграции в мировую массовую культуру. Одним из решающих факторов данного процесса выступало формирование социальной группы «отаку», силами и средствами которой сложилась экономически оправданная культурная индустрия. Традиционные черты японского менталитета и характерные особенности национальной культуры благоприятствовали «перекодировке» хорошо забытого «старого» в адекватное глобализированному «новому». Потеряв первоначальную форму, «старое» все же сумело сохранить свою сущность.

Японский опыт противостояния культурной экспансии имеет важное практическое значение для развития мировой культуры. Не менее ценным является исторический опыт народов, направленный на сохранение своей национальной самобытности. Глубокий анализ и обобщение опыта развития современной культуры может дать возможность выработки определенных критериев оценки развития современного культурного пространства, разработки конкретных концепций и программ в области защиты национальной культуры в условиях усиливающегося глобального давления массовой культуры на современного человека.

Примечания

¹ *Марков А.П.* Конфликт культурно-антропологических матриц России и Запада как источник информационных войн. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 36. С. 13—24; *Храпов С.А.* Аксиодинамика общественного сознания постсоветской России: социокультурный анализ // Философия и культура. 2015. № 5. С. 754; *Копылова С.В.* Глобализация как социокультурный процесс // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2(30). С. 143—148; *Вальцев С.В.* Ценностный переворот в эпоху глобализации // Проблемы современной науки и образования. 2012. № 4(4). С. 77—81.

² *Костина А.В.* Массовая культура как культура диалога // Культурология. 2008. № 2(45). С. 190.

³ *Катасонова Е.Л.* Японцы в реальном и виртуальном мирах: очерки современной японской массовой культуры. М.: Восточная литература, 2012. С. 210—211.

⁴ *Денисова А.И.* Субкультурные районы Токио // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 11 (139). С. 95—96.

⁵ *Катасонова Е.Л.* Япония и соперничество «мягких сил» в Азии // Япония в Азии: параметры сотрудничества. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 278.

⁶ *Мошняга П.А.* Японская культура в глобализирующемся мире // Знание. Понимание. Сила. 2008. № 3. С. 24—29.

⁷ *Моисеева Е.М.* Постмодернистский научный дискурс в Японии // Восток (Oriens). 2012. № 4. С. 48.

⁸ *Петрова С.И., Степанова З.Б.* Японский комикс как тип текста (категория информативности) // Вестник ЯГУ. 2005. Т. 2. № 4. С. 48.

⁹ *Ковлеков К.И.* Типичные образы персонажей тэнсэй-моногатари. // «Азиатско-Тихоокеанский регион: история и современность — X». Сб. статей международной научно-практической конференции (19—21 мая 2016). Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2016. С. 173—175.

Беспрозванная Яна Михайловна,

Аспирант Кубанского государственного университета

ОТРАЖЕНИЕ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГРАВЮРЕ УКИЁ-Э СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются отношения Японии эпохи Токугава (1603—1867 гг.) с Россией в середине XIX в. и их отражение в гравюре на дереве укиё-э. Также в статье рассказывается об изучении русской культуры японцами после «открытия» Японии в 1854 г. посредством жанра укиё-э иокогама-э.

Ключевые слова: русско-японские отношения, эпоха Токугава, иокогама-э, укиё-э.

В течение длительного периода, охватывающего эпоху Токугава (1603—1867 гг.), Япония проводила политику «закрытых дверей», ограничивающую контакты с иностранными государствами. Запрет не касался Китая, Кореи и Голландии, с которыми Япония имела торговые связи. Несмотря на изоляционистскую внешнюю политику, сёгунат Токугава имел контакты и с другими государствами, в частности с Россией. В 1854 г. политика изоляционизма сакоку была отменена в связи с насильственным вмешательством американской эскадры под предводительством commodора Перри. К этому же времени относится появление нового жанра японской ксилографии, гравюры на дереве, или укиё-э. Новый жанр, названный иокогама-э, отражал жизнь иностранных торговых факторий в одноименном порту. Этот жанр пользовался интересом публики, его можно

использовать как источник по изучению российско-японских отношений середины XIX в.

Предпосылкой для начала российско-японских отношений стало освоение Курильских островов. Первая экспедиция японцев из княжества Мацумаэ в район Сахалина и Курильских островов состоялась в 1635 г.¹ В дальнейшем предпринимался еще ряд экспедиций, изучавших северную часть Хоккайдо, Сахалин и Курилы, входивших в так называемые земли Эдзоти. Начало российских исследований этих территорий можно датировать обследованием трех островов из Курильской гряды Козыревского и Анциферова в 1713 г.², хотя первые российские сведения о Японии появились раньше, еще в XVII в. в «Космографии» (1670 г.), а также на географических картах С. Полякова (1673 г.), И. Идеса (1695 г.) и С. Ремезова (1699 г.)³.

В 1778 г. первые русские поселенцы на о. Уруп достигли о. Итурупа, где состоялся контакт между русскими и японцами⁴. Русские попытались установить с японцами торговые отношения, но столкнулись с сопротивлением чиновничества княжества Мацумаэ. В 1785—1787 гг. группа чиновников из Эдо отправилась в экспедицию с целью исследовать Эдзоти⁵. На о. Уруп ими было обнаружено покинутое поселение русских, а на о. Итуруп — трое русских в айномском селении. В дальнейшем количество экспедиций и столкновений двух государств увеличивалось, что послужило обострению конфликта в борьбе за господство над Курильскими островами.

Кроме столкновений в районе Курильских островов российско-японские контакты заключались в том, что некоторые жители Японии попадали в результате кораблекрушений на территорию Российской империи. Так, в 1783 г. японский моряк Дайкокуя Кодаю попал на Алеутские острова и стал одним из первых японцев, побывавших в России⁶. Кодаю, а также его соотечественники Коити и Исокити были возвращены на родину с первой официальной российской экспедицией под руководством Адама Лаксмана 1792—1793 гг.⁷ Со слов Кодаю были записаны «Хокуса Монряку» («Краткие сведения о скитаниях в северных водах»),⁸ содержащие информацию о Российской империи. В дальнейшем случаи пребывания японцев в России с последующим возвращением на родину имели

Рис. 1

место, как и письменные свидетельства участников, но труд Кодаю можно назвать самым значимым.

В 1804 г. Японию посетила российская дипломатическая миссия под руководством Николая Резанова. Хотя сама попытка завязать дипломатические отношения закончилась неудачей, она нашла отражение в японской гравюре того времени. На листе гравюры неизвестного автора «Русские» (рис. 1) изображена группа военных, среди которых вторым справа стоит Николай Резанов, а вторым слева — Иван Крузенштерн. На гравюре написано: «На седьмой день девятого месяца первого года эры Бунка (7 октября 1804 г.)

русский посол впервые посетил Нагасаки. На девятнадцатый день третьего месяца второго года эры Бунка он покинул Японию. Посла зовут Никора-а Ресанотто (Николай Резанов), а капитана корабля — Курусенсутеру (Крузенштерн)». Если сравнивать изображения Резанова и Крузенштерна на этой гравюре с их портретами, созданными в России, то можно заметить, что японский художник попытался передать черты как посла, так и адмирала, но больше всего постарался передать форму носа, в то время как в портретах японцев характерные черты лица, как правило, не подчеркивались. Хотя эта гравюра была создана до появления жанра иокогама-э, в ней уже прослеживаются присущие ему черты, а именно акцентирование внимания на носе портретируемого. Большой нос у изображаемых на листах гравюры иностранцев показывал инаковость, чужеродность этих людей, в отличие от японцев, чьи лица в укиё-э были предельно унифицированы.

После миссии Резанова взаимодействия России и Японии продолжились вплоть до открытия Японии в 1854 г. А в 1855 г. миссия Евфимия Путятина, начавшаяся в 1852 г.⁹, завершилась подписанием российско-японского соглашения, положившего начало дипломатическим отношениям двух стран. В новый для Японии период

«открытых дверей» в популярнейшем виде японского искусства укиё-э, гравюре на дереве, возник жанр, изображавший иностранцев, преимущественно европейцев. Японская гравюра, или укиё-э, была самым популярным видом искусства среди городского сословия эпохи Токугава, своеобразным проводником интересов горожан, зеркалом их повседневной жизни. Неудивительно, что в ней получили свое отражение представления японцев об иностранцах, их обычаях и культуре, что, в свою очередь способствовало европеизации японского общества. Так, в 1855 г. был учрежден Институт европейской науки (Ёгакусё), несколько раз претерпевший переименования. В нем изучались европейские языки, в том числе и русский¹⁰.

Появлению иокогама-э предшествовало создание нового города для иностранцев. В 1858 г. из небольшой рыбацкой деревушки в префектуре Канагава вырос большой город, населенный как японцами, так и представителями так называемых «пяти наций», с которыми Япония вела торговлю, т. е. англичанами, американцами, голландцами, французами и русскими. О том, как выглядел новый порт, можно судить по гравюре авторства Садахидэ «Общий вид недавно открытого порта Иокогама» (рис. 2). Иокогама был разделен

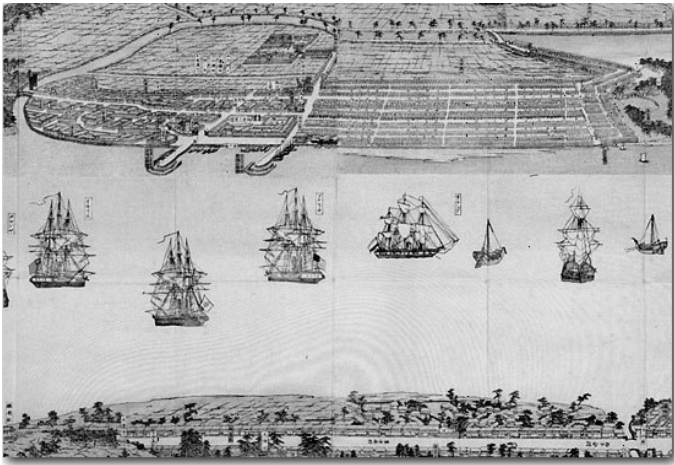

Рис. 2

на район проживания японцев и район для иностранцев. Была построена удобная пристань, а также квартал развлечений, доступный для всех жителей города. Через Иокогаму проходил один из важнейших трактов Японии Токайдо, соединяющий императорскую столицу Киото и резиденцию сёгуна Эдо, что делало город привлекательным для торговли. Не менее привлекателен Иокогама был для художников укиё-э, черпавших вдохновение среди непривычной для них иностранной культуры. В период с 1859 по 1862 г. было издано более 500 листов гравюры, созданных в жанре иокогама-э,¹¹ что указывает на невероятную популярность жанра.

На другой своей гравюре под названием «Изображение недавно открытого порта Иокогама в Канагава» выдающийся мастер иокогама-э Садахидэ изобразил центральную улицу города, на которой происходила бурная торговля. Хотя иностранных резидентов на изображении немного, но в 1860 г., когда была создана эта гравюра, иностранцев в Иокогама было крайне мало. В первый год существования иностранных кварталов в Иокогаме в них насчитывалось не более ста жителей, однако к середине 1861 г. количество иностранных резидентов увеличилось до 250, в к 1866 г. выросло до 400 человек. Среди иностранных жителей больше всего в Иокогама проживало англичан — 80 % от общего числа иностранцев¹².

Часто иностранцев, проживавших в Иокогама, изображали совершающими процессию, повторяющую шествия князей-даймё из своих владений в Эдо, где они должны были находиться согласно системе заложничества санкин-котай. Подобный парад изображен на гравюре Садахидэ «Воскресенье в Иокогама» (рис. 4). Процессия иностранцев, сопровождаемая духовым оркестром, открывается французами, следом за которыми идут русские. В центре композиции находится маленькая девочка в русской части процессии, держащая за руку слугу-китайца. Выходцы из Китая часто служили у иностранцев в Иокогама, выполняя разнообразные поручения. На заднем плане изображена иокогамская гавань с кораблями каждой из представленных на гравюре наций. Изображение моря на заднем плане — еще одна характерная черта жанра, подчеркивающая то, что изображаемые люди прибыли из-за моря.

Рис. 3

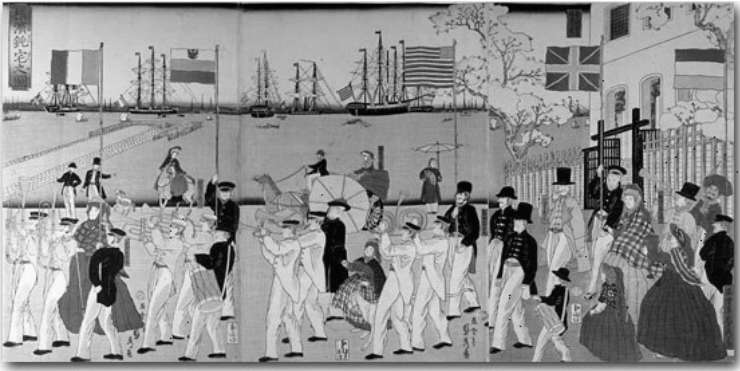

Рис. 4

Рис. 5

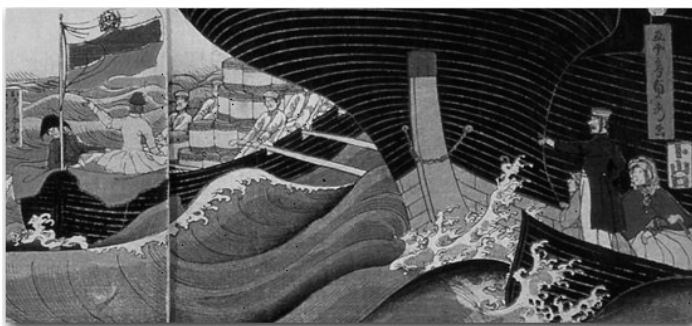

Рис. 6

Интересным свидетельством жизни Иокогама можно считать гравюру Садахидэ «Западные купцы в Иокогама, перевозящие груз» (рис. 5), на которой изображена разгрузка американского и русского кораблей. На детали гравюры (рис. 6) показаны две лодки, отплывающие от русского корабля. В лодке, изображенной справа, среди прочих сидит женщина, вероятно, жена одного из представителей русской фактории. Иностранные районы Иокогама были населены не только одинокими мужчинами, но и семьями с детьми. Очень часто художники иокогама-э изображали семейные пары представителей той или иной национальности, проживающей в Иокогама, реже вместе с родителями изображались дети.

Среди изображений Иокогама и его обитателей присутствуют и портреты. Конечно, это условные изображения представителей различных национальностей, лишенные настоящих портретных качеств. Лица «портретируемых» условны, гораздо больше говорит о них одежда и предметы, которыми их снабжает художник. Иностранцы изображались, как правило, светловолосыми и розовощекими, мужчины часто обладали бородой, что особенно подчеркивало их отличие от японцев. Несмотря на попытку изобразить характерные черты лица, они были скорее шаблонными, чем присущими какой-либо конкретной личности. Художников укиё-э заботили внешние отличия европейцев и американцев от японцев, а не индивидуальные черты изображаемых людей. Подобные портреты суще-

ствовали для того, чтобы познакомить японцев с внешним видом представителей различных национальностей, а, кроме того, были снабжены небольшими словарями того языка, на котором говорили изображенные на портретах иностранцы. Наибольшей информативностью обладали одежда иностранцев, а также различная утварь. Тем не менее, в изображении костюмов художники допускали неточности. Впрочем, точность не была особенно важна — необходимо было утвердить какой-либо стереотип относительно той или иной нации, принятый в японском обществе, дать потребителю укиё-э то, что он хочет видеть, а не изменить его мировоззрение. Так, на гравюре Кунихиса «Русские» из серии «Пять наций» (рис. 7) изображена супружеская пара, закутанная в теплые одежды, что должно было подчеркнуть холодный климат страны, из которой прибыли изображаемые люди. На листе гравюры авторства Ёсимори «Русский на лошади» (рис. 8) изображен, по всей видимости, обер-офицер армейских драгунских полков середины XIX в., но это едва понятно, потому что костюм изображенного человека нарисован с существенными искажениями. Впрочем, для простых японцев, покупавших гравюры иокогама-э, точность не была важна. Порт Иокогама был для них окном в Европу, через которое можно было с любопытством наблюдать, а не изучать.

Иокогама-э был своеобразным проводником европейской культуры для японцев, черпавших информацию о неизвестных доселе

Рис. 7

Рис. 8

культурах, в том числе и русской. Хотя середину XIX в. можно назвать временем расцвета иокогама-э, изображения иностранцев появились раньше открытия Японии, чему служат примером многочисленные портреты Николая Резанова. На волне интереса к иностранцам иокогама-э испытал настоящий бум, столь же сильный, сколь и кратковременный. Но кратковременность существования жанра не умаляет его значения в качестве источника по истории Японии.

Примечания

¹ *Загорский А.* Освоение Хоккайдо: формирование северной границы Японии // *Мировая экономика и международные отношения.* № 8. 1996. С. 30.

² *Попов К.* Япония: очерки развития национальной культуры и географической мысли. М., 1964. С. 152.

³ *Горегляд В.Н.* Россия и Япония. От знакомства к изучению // Г.Д. Иванова. Русские в Японии XIX — начала XX в. Несколько портретов. М., 1993. С. 4.

⁴ *Загорский А.* Указ. соч. С. 31.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ *Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки.* Канкай ибун («Удивительные сведения об окружающих [Землю] морях» / пер., вступ. ст. и коммент. В.Н. Горегляда. СПб., 2009. С. 8.

⁷ *Попов К.* Указ. соч. С. 163.

⁸ *Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки.* Указ. соч. С. 9.

⁹ *Ильшев А.В., Саплин В.И.* Миссия Е.В. Путятина. К 150-летию установления российско-японских отношений // Япония 2004—2005. Ежегодник. М., 2005. С. 239.

¹⁰ *Лещенко Н.Ф.* Голландский след в истории Японии // Япония 1998—1999. Ежегодник. М., 1999. С. 268; *Гришелева Л.Д.* Формирование японской национальной культуры (конец XVI — начало XX в.). М., 1986. С. 145.

¹¹ *Dower J.W.* Yokohama Boomtown. Foreigners in Treaty-Port Japan (1859—1872). URL: <http://ocw.mit.edu> (дата обращения: 15.09.2016).

¹² *Ibid.*

*Ставров Иван Валерьевич,
к.и.н., старший научный сотрудник Отдела китайских исследований
ИИАЭ ДВО РАН*

ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В КИТАЕ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ ЛИ СУЙАНЯ)*

Аннотация. Эволюция представлений народов России и Китая друг о друге имеет длительную историю. На протяжении многих веков в российско-китайских отношениях интерес партнеров то возрастал, то сокращался, что сказывалась и на изменениях образа России в Китае. В последние полтора десятилетия в Китае существенно возрос интерес к изучению образа России. Появились десятки научных статей. В монографии профессора Ли Суйяня обобщаются представления об СССР/ России за весь период существования КНР.

Ключевые слова: Россия, Китай, образ, имидж, Ли Суйян.

Эволюция представлений народов России и Китая друг о друге имеет длительную историю. Ее отправная точка связана с установлением двусторонних межгосударственных контактов. На протяжении многовековой истории российско-китайских отношений интерес то возрастал, то сокращался, что сказывалось и на изменениях образа России в Китае. В последние полтора десятилетия в Китае существенно возрос интерес к изучению представлений и образа России в

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 16-31-01043 «Образы России и Китая в зеркале средств массовой информации».

КНР. Во многом это связано с превращением Китая в страну с одной из самых сильных экономик и реализацией политики «мягкой силы».

До начала XXI в. изучение образа России в Китае не привлекало особого внимания исследователей. Работы по этой теме касались в основном вопросов истории двух стран, отражения России в художественной литературе. Лишь в текущем столетии стали появляться исследования вопросов восприятия китайцами России. В этот период вышли работы акад. С.Л. Тихвинского, в которых приведен обзор некоторых китайских исследований по восприятию нашей страны в КНР¹. Диссертация и ряд статей Н.В. Тен² посвящены представлениям современных китайцев о русском народе и его основных чертах, освещению российской истории в КНР и т. п. Проблемы образа России в КНР коснулась Л.Н. Смирнова в научно-практическом издании «Предложения по улучшению образа России в Китае» (Рабочая тетрадь РСМД № 16/2014. М., 2014). Все перечисленные исследования внесли немалый вклад в выявление особенностей восприятия имиджа РФ в КНР.

В Китае в последние годы появился интерес к изучению образа России. В стране был проведен ряд социологических опросов на тему представлений о России и китайско-российских отношениях в период проведения национальных Годов двух стран (2006—2007). В 2008 г. Сюй Хуа посвятил статью проблемам образа современной России.

В 2013 г. была издана обзорная книга хэйлунцзянского исследователя Ли Суйяня по истории восприятия образа России в КНР³. Это не первая работа ученого по данной тематике, несколько статей даже были опубликованы в России⁴. Однако именно в монографии систематически рассмотрена эволюция представлений и восприятия СССР/России в КНР.

Книга состоит из трех глав и 27 параграфов, которые характеризуют основные этапы развития двусторонних отношений и изменение восприятия СССР/России жителями Поднебесной. Автор выделяет три больших периода в формировании образа нашей страны. Первый период — «медовый месяц» двусторонних отношений. В это время в КНР активно пропагандировался положительный образ

«старшего брата», «главы большой социалистической семьи». Второй период — эпоха конфронтации, который пришелся на 1960—1989 гг. В Китае формировался имидж врага, «советского ревизиониста». С урегулированием отношений в 1989 г. наступает третий период, период более взвешенного отношения к «северному соседу». Именно в это время образ РФ получил иной статус — стратегическое партнера.

По мнению автора, в первые два периода образ СССР был искажён. Например, в главе 1.2 «Формирование образа СССР: как это делалось в Китае» (с. 8—26), Ли Суйань приводит интересные факты о том, как официальная пропаганда запрещала любые отрицательные мнения в отношении Советского Союза. Так, например, в 1950-е годы ученый-биолог Ху Сяньсу и его коллеги усомнились в верности учения Т.Д. Лысенко и были подвергнуты политическому преследованию. Китайские чиновники называли подход Ху Сяньсу «антисоветским» и «антисоциалистическим».

Схожим образом обстоит дело в период конфронтации с СССР. За любой намек на сотрудничество с Союзом можно было получить срок или подвергнуться еще более жесткой каре. Например, за развешивание дацзыбао «На Север» в январе 1968 г. харбинские власти инициировали дело против У Бинюаня и Ван Юнчжэна, которые были расстреляны. Создатели «дела» увидели в листовке намек на СССР и обвинили авторов в «контрреволюционной деятельности»⁵.

Таким образом, изучая работы Ли Суйаня, можно сделать вывод, что как в период «медового месяца», так и в последовавшем позднее «разводе» образ СССР в КНР формировался в значительной мере силами официальной пропаганды. Несмотря на многочисленные обмены между странами в 1950-е годы, китайский обыватель фактически не имел возможности получить независимую информацию о «северном соседе», так как все каналы её передачи контролировались властями.

С восстановлением отношений существенно изменился характер связей между двумя странами, а также отпала их идеологическая составляющая. Правительства России и Китая начали продвигать положительный образ партнера, что выразилось в проведении Годов

Китая и России, и т. п. Помимо официальных рычагов формирования образа, все большую роль стал играть индивидуальный опыт общения. По данным Ли Суйяня, в Китае помимо положительных моментов сформировались и иные представления. В первую очередь, о небезопасности нашей страны⁶. Это мнение сформировалось в 1990-е в связи с развитием китайской торговли в России. Негативные эмоции вызывает также недоверие со стороны россиян и в ряде случаев — властей, распространенность идеи «желтой опасности».

Даже беглый взгляд на работы Ли Суйяня показывает, что современный образ России в Китае стал многомерным и основан на восприятии отдельных элементов опыта сотрудничества с нашей страной. Например, китайцам нравятся русские женщины, российская природа, культура и «цивилизованный народ» (с. 253 и сл.). В 2000-е годы на восприятие образа РФ стал оказывать влияние и имидж президента В.В. Путина, который снискал любовь в бытательской среде⁷.

Резюмируя свое исследование, Ли Суйянь пришел к заключению, что имидж нашей страны в Китае «сложился под воздействием множества факторов», — таких как состояние двусторонних отношений, общественно-политическая ситуация в наших странах, степень информированности граждан и т. п.⁸

Примечания

¹ Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008.

² Тен Н.В. Образ России в современном Китае: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012; Тен Н.В. Образ России в современном Китае (историография, источники, методология) // Восток. 2010. № 5. С. 173—181; Тен Н.В. Россия в современных китайских имагологических исследованиях (1990—2010) // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2012. № 1. С. 69—76.

³ Ли Суйянь. 1949—2009 Чжунгодэ элосы синсян = Образ России в Китае. 1949—2009 гг. Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ, 2013. Ли Суйянь — известный в Китае россияневед. Его работы в основном посвящены истории культурного взаимодействия между народами двух стран, среди них монография: Ли Суйянь. Чжунсу вэньхуа цзялюй ши. 1937—1949 = История китайско-советских культурных обменов. Харбин: Хаэрбинь чубаньшэ, 2003.

⁴ *Ли Суйань*. Образ Путина в глазах китайцев // Ойкумена. 2009. № 3. С. 126—131; *Ли Суйань*. Имидж России в глазах общественности КНР // Ойкумена. 2014. № 1. С. 113—121; *Самойлов Н.А., Ли Суйань*. Образ Советского Союза в китайских учебниках 1950-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2012. № 4. С. 14—22.

⁵ *Ли Суйань*. Имидж России в глазах общественности КНР... С. 118—119.

⁶ *Ли Суйань*. 1949—2009 Чжунгодэ элосы синсян... С. 328. См. также: *Веремейчик А.С.* Вопросы современной китайской миграции в Россию в работах учёных КНР // Ойкумена. 2014. № 1. С. 50—56.

⁷ *Ли Суйань*. Образ Путина в глазах китайцев... Подробнее см.: *Ставров И.В.* Образ президента России В.В. Путина в китайской биографической литературе (на примере книги Чжэн Вэньяна «Путин: он рожден для России») // Дипломатия на Востоке и Западе: взгляд из Сибири: всерос. науч. конф. (Иркутск, 13 мая 2016 г.): материалы. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2016.

⁸ *Ли Суйань*. Имидж России в глазах общественности КНР... С. 114.

*Скосырев Владимир Алексеевич,
магистрант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова*

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГЛАЗАХ КИТАЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБОЗРЕВАТЕЛЕЙ И БЛОГЕРОВ

Аннотация. На современном этапе двусторонних отношений Россия и Китай официально заявляют, что российско-китайские отношения стратегического партнёрства находятся на самом высоком этапе развития за всю историю. Вместе с тем взаимоотношения двух стран не лишены некоторых противоречий. К сожалению, как в России, так и в Китае распространены стереотипные представления о соседней стране. Это видно на примере публикаций китайских блогеров и политических обозревателей, в которых поднимается проблема российско-китайских отношений. В данном докладе представлен анализ ряда статей в китайском-интернет пространстве, посвященных теме российско-китайских отношений.

Ключевые слова: КНР, российско-китайские отношения, интернет, китайские блогеры.

На данном этапе обе стороны официально говорят о том, что российско-китайские отношения стратегического партнёрства находятся на самом высоком этапе развития за всю историю. Однако, как воспринимают российско-китайские отношения обозреватели из КНР, публикации которых выкладываются на интернет-сайтах различного идеологического направления? Все ли они разделяют официальную точку зрения?

Правительственный интернет-сайт «Поиск истины»

На правительственном веб-сайте «Цюши» («Поиск истины»)¹ можно встретить статьи и речи различных китайских государственных деятелей, чиновников и «околовластных интеллектуалов». Взгляд политических обозревателей на данном сайте совпадает с официальными установками китайского МИДа². Здесь можно найти выступления самых высокопоставленных лиц о российско-китайских отношениях. Например, выступления председателя КНР Си Цзиньпина и министра иностранных дел Ван И, интервью китайского посла в России Ли Хуэя и т. д. Российско-китайские отношения характеризуются исключительно с положительной стороны. Критические статьи нам не попадались. Это свидетельствует о хорошем отношении китайских руководителей к России, но мало говорит нам о подходе к российско-китайским связям рядовых политических обозревателей, блогеров и интернет-пользователей.

«Несоюзнические союзнические отношения»: мнения китайских блогеров

Если поискать информацию о российско-китайских отношениях в китайских блогах, то практически сразу становится понятно, что дружба России и Китая далеко не «безоблачна». У китайцев сохраняется память об исторических обидах. В этом плане примечательна статья Юй Даюна «Прошлое и настоящее российско-китайских отношений»³.

По мнению Юй Даюна, сейчас между Россией и Китаем сложились «несоюзнические союзнические отношения». Связано это, с одной стороны, с противостоянием России и Запада в связи с украинскими кризисом и, с другой стороны, с неблагоприятной для Китая политикой «поворота к Азии» США.

Автор обращается к истории российско-китайских отношений. По его мнению, Россия и Китай почти всегда были заклятыми врагами, если не учитывать короткие периоды процветания двусторонних отношений. Главным образом, Юй Даюн негодует по поводу ус-

тановления российско-китайской границы: «Сталин постепенно захватывал и расчленил территорию Китайской республики, его замашки и действия даже превосходили по своему масштабу политику царской России». Как отмечает автор, на современном этапе отношений двух стран территориальные потери Китая были закреплены в соответствующих договорах с Россией, и не представляется возможным вернуть утраченные территории, если только человечество не вступит в еще одну крупномасштабную войну. «Автор не исключает, что день крупномасштабной войны может настать, но, боюсь, что нынешнее поколение людей его не застанет», — с сожалением продолжает Юй Даюн.

Далее китайский блогер рассказывает о том, какие неравноправные договоры были подписаны с Россией. Главным образом, он обращает внимание на договор 1858 г., когда Россия «воспользовалась» внутренними (Тайпинское восстание) и внешними (Вторая Опиумная война) неурядицами Китая.

Заметим, что в 1858 г. практически одновременно было подписано два российско-китайских соглашения: Айгунский договор в мае и Тяньцзиньский договор в июне. Подписанный Н.Н. Муравьевым договор в Айгуни закреплял левобережье р. Амур за Россией. Тяньцзиньский договор, в подписании которого участвовал Е.В. Путятин, давал русским право торговли и приезда в Китай. Но в нем также было записано, что вопрос о границе будет решен после того, как маньчжурские и российские чиновники проведут демаркацию границы. Получилась двойная дипломатия. В 1859 г. китайская сторона признала Тяньцзиньский договор, а Айгунский успех утратил свое значение. Наконец, в ноябре 1860 г. Н.П. Игнатьевым был подписан Пекинский договор. Признавались действительными все статьи Айгунского договора и Тяньцзиньских соглашений. Россия получила правый берег р. Уссури и территории южнее р. Уссури до р. Туманган. Это делало Россию по настоящему Тихоокеанской державой.

В конце своей статьи Юй Даюн задается вопросом — а следует ли сотрудничать со страной, которая нанесла такой ущерб Китаю? Автор заключает, что «Хотя сотрудничество с Россией несет с собой определенные риски, но в целом преимуществ для Китая в нем больше, чем недостатков».

Конечно, не все китайские блогеры и политические обозреватели настроены столь националистически, как Юй Даюн. Встречаются и более умеренные, и пророссийские позиции. К примеру, в статье блогера под именем «xiniqi198259» разбираются причины, по которым некоторые люди вносят раздор в отношения между Россией и Китаем⁴. Автор обращает внимание на то, что в китайском интернет-пространстве появляется все больше антироссийских комментариев. Основные причины он видит в работе людей, которые оставляют угодные США комментарии за деньги, а также в том, что часть интернет-пользователей не испытывают симпатий по отношению к России из-за неправильного толкования происходящих событий.

Судя по всему, чаще всего источником неприязни к нашей стране в Китае становится территориальный вопрос. В статье «В чем же проблемы российско-китайских отношений?»⁵ автор под ничем не примечательным именем «gzhlw» также вспоминает о якобы отнятых Россией китайских территориях. Русские характеризуются следующим образом: «Задиристые, драчливые и обманывающие, они всегда на словах говорят одно, а делают другое и не вызывают доверия у окружающих». Автор статьи считает, что союз с Россией может быть обременительным для Китая, ведь Россия — слабеющая страна. Обосновывается данное утверждение следующим образом: «Если посмотреть на русских красавиц, которые все больше хотят замуж за китайцев, мы сразу понимаем, что сейчас происходит в этой стране». Впрочем, далее автор приводит чуть более обоснованные и далеко не бесспорные аргументы. Китайский блогер обращает внимание на технологическую и военную отсталость России, проблему коррупции, неприязнь по отношению к Китаю значительной части населения России, ряд международных проблем.

Различны комментарии китайских интернет-пользователей. Одни, характеризуя современные российско-китайские отношения, вспоминают слова английского государственного деятеля Генри Джона Темпла Палмерстона: «Нет вечных друзей, есть только постоянные интересы». Другие призывают объединиться с Россией против США: «Американские черти не хотят сближения России и Китая», «Китай не может расходиться с Россией, на данном этапе США являются общей угрозой для России и Китая».

Китайские новые левые за дружбу с Россией

За укрепление российско-китайского союза выступает большинство авторов статей, публикующихся на веб-сайте «Утопия» китайских новых левых⁶. Названия статей, в которых рассматривается тема российско-китайских отношений, на данном сайте говорят сами за себя: «Берегитесь прозападных сил внутри страны, которые разжигают вражду между Россией и Китаем», «Россия и Китай должны встретить общие угрозы совместно», «Тесное сотрудничество Китая и России — гарантия обеспечения международного мира» и т. д.

В качестве примера подхода китайских новых левых к отношениям между двумя странами приведем статью Ван Хайюна «Стратегическая база дальнейшего углубления российско-китайских отношений»⁷.

Важным фактором сближения России и Китая автор считает гегемонизм США и западный менталитет холодной войны, расхождение России и Запада. Китаю также выгодно поддерживать хорошие отношения со своим крупнейшим соседом. Таким образом, Китай может сосредоточиться на морском направлении, с которым связаны главные вызовы и возможности для Китая в XXI в. Кроме того, Китай противостоит политике США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ван Хайюн перечисляет области сотрудничества двух стран и обращает внимание на следующие точки соприкосновения. Во-первых, и Россия, и Китай являются возрождающимися крупными державами, стратегические интересы которых в основном совпадают, и которые стремятся к построению более справедливого международного порядка. Во-вторых, обе страны находятся на стадии перехода от плановой экономики к рыночной. В-третьих, и Россия, и Китай являются незападными державами, и обе страны заинтересованы в сохранении своих национальных особенностей. В-четвертых, Россия и Китай подвергаются давлению со стороны западных стран. В-пятых, будучи постоянными членами Совета Безопасности ООН, Китай и Россия несут бремя ответственности за сохранение мира во всем мире и являются силами, участвующими в установлении многополярного мироустройства. Автор также обращает внимание на

сходства ценностных установок двух народов и схожие позиции по основным международным проблемам, а также отмечает колоссальный экономический потенциал двух стран.

Сближение с США выгоднее, чем сближение с Россией

Встречается в китайском интернет-пространстве и точка зрения о том, что Китаю следует идти на сближение не с Россией, а с США. Например, в статье «Россия и Китай рука об руку развязывают новую холодную войну против США?»⁸, опубликованной на либеральном китайском веб-сайте *Wohup*, утверждается, что после крымского кризиса отношения между Россией и Китаем стали менее «здоровыми», так как Россия пошла на вынужденное сближение со своим восточным соседом. В то же время объем китайско-американской торговли превышает объем российско-китайской торговли в 7 раз, а больше всего инвестиций Китай получает не из России, а из США и стран Запада.

Схожая точка зрения отражена в статье китайского блогера Ван Чуна⁹. Ван Чун отмечает, что сближение с Россией против США может стать самой большой стратегической ошибкой Китая. Автор считает, что Россия и Китай могут извлечь определенную выгоду из двустороннего сотрудничества, но Китай не должен слишком сближаться с Россией. Ван Чун обосновывает свою точку зрения следующим образом.

Во-первых, Россия отняла у Китая больше территорий, чем какая-либо другая страна, а США оказали помощь Китаю во время Второй мировой войны, когда Китай находился на пороге разрушения. После провозглашения КНР Китай стал полностью ориентироваться на Советский Союз и ничего не получил из этого сотрудничества. Кроме того, произошел конфликт на о. Даманский. С началом политики реформ и открытости Китай вошел в западную систему, что привело к бурному экономическому росту. СССР принес Китаю только бедствия и унижения, а США дали Китаю демократию и общечеловеческие ценности.

Во-вторых, Китай выигрывает от сотрудничества с США в области торговли. Экономика стран Запада основана на механизмах

саморегуляции. В России же экономика основана на директивных принципах. Для Китая опасно полагаться на российскую нефть, так как Россия может направить ее в Японию, завысить цену, либо же произвольно прекратить поставки нефти. «Это в характере русских, они подозрительны, переменчивы и упрямы, в них сочетается западное бесстрашие и восточное коварство, они так относятся не только к Китаю, они ко всем так относятся».

В-третьих, американцы традиционно дружелюбно расположены по отношению к Китаю. Так, например, они использовали «боксерскую контрибуцию» для строительства университета Цинхуа. А русские не такие. Они, с одной стороны, завидуют экономическим успехам Китая и, с другой стороны, не скрывают своего презрения по отношению к Китаю.

В-четвёртых, Китай и США, будучи отделенными друг от друга океаном, являются естественными союзниками. США заинтересованы в богатом и стабильном Китае, чего нельзя сказать о России.

Под статьей можно найти комментарии рядовых китайских интернет-пользователей. Одни соглашаются с автором статьи и хвалят его за исчерпывающий анализ. Встретился нам такой комментарий: «Не следует сблизаться с Россией из-за конфликтов с США, потому что Россия опаснее». Кто-то вспомнил установку царства Цин в период Сражающихся царств (V—III вв. до н.э.): «Вступать в союз с отдалёнными странами и нападать на близлежащие». Другие интернет-пользователи критикуют автора статьи и обращают его внимание на геополитическое коварство США.

Заключение

Проведенный в данной статье небольшой анализ взглядов ряда китайских блогеров и политических обозревателей на российско-китайские отношения, безусловно, не дает нам всей полноты картины — выборка слишком мала. Для более точного представления об отношении китайцев к России необходимо проводить крупномасштабные социологические исследования.

В целом же будем надеяться, что публикации материалов националистического характера в китайском интернет-пространстве не

будут сказываться на российско-китайских отношениях негативным образом, а дружественные по отношению к нашей стране китайские блогеры будут способствовать созданию положительного и непредвзятого образа России в Китае.

Примечания

¹ URL: <http://www.qsttheory.cn/>

² Чжунго тун Э дэ гуаньси. 中国同俄罗斯的关系: [Отношения Китая и России]. МИД КНР 07.2016. URL: http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/sbgx_679114 (дата обращения: 04.12.2016).

³ Юй Даюн. Чжунэ гуаньси дэ цянъши цзиньшэн 中俄关系的前世今生: [Прошлое и настоящее российско-китайских отношений]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_5595ae9c0102waxb.html (дата обращения: 04.12.2016).

⁴ Вэйхэ ю жень лицзянь чжунэ гуаньси 为何有人离间中俄关系: [Почему некоторые люди вносят раздор в российско-китайские отношения?]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_516e180c0102x789.html (дата обращения: 04.12.2016).

⁵ Чжунэ гуаньси цюэцин ю насе вэньти нэ? 中俄关系究竟有哪些问题呢?: [В чем же проблемы российско-китайских отношений?]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_5595ae9c0102wau4.html (дата обращения: 25.04.2016).

⁶ URL: www.wywxwk.com

⁷ Ван Хайюн. Цзинь и бу шэньхуа яжунэ гуаньси дэ чжаньлюэ цичу 进一步深化中俄关系的战略基础 [Стратегическая база дальнейшего углубления российско-китайских отношений]. Utopia // URL: <http://www.wywxwk.com/Article/guofang/2015/07/347520.html> (дата обращения: 10.07.2015).

⁸ Юй Дунхуэй. Чжунэ лянъшоу юй Мэйго чжанькай синь лэнчжань? 中俄联手: 与美国展开新冷战? [Россия и Китай рука об руку развязывают новую холодную войну против США?]. URL: <https://www.boxun.com/news/gb/pubvp/2016/08/201608080451.shtml#.WB3wgGqLT3h> (дата обращения: 08.08.2016).

⁹ Чжунго бу нэн хэ Элосы цзоу дэ тай цзин дэ лиу гэ лиу 中国不能和俄罗斯走得: 太近的6个理由 [Шесть причин, по которым Китай не может слишком сближаться с Россией]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_538268a00102whlb.html (дата обращения: 05.09.2016).

*Семёнов Алексей Александрович,
младший научный сотрудник Центра политических исследований
и прогнозов ИДВ РАН*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КНР И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА С НПО

Аннотация. В последние десятилетия в КНР наблюдается стремительное развитие неправительственного сектора. Росту числа НПО в Китае способствовало ослабление государственного контроля над экономикой и обществом после начала экономических реформ в 1978 г. Тем не менее, степень независимости НПО от государства все еще остается низкой.

Законодательная база долгое время оставалась плохо проработанной и разрозненной. Лишь в последние годы власти Китая обратили серьезное внимание на законодательное регулирование деятельности НПО. Автором рассматривается подход китайского правительства к взаимодействию как с китайскими, так и с иностранными НПО.

Ключевые слова: Китай, НПО, гражданское общество, законодательство КНР.

Ослабление государственного контроля над экономикой и обществом после начала экономических реформ в 1978 г. повлекло за собой постепенное делегирование части государственных функций неправительственным акторам.

В экономической сфере это происходит путем создания торговых ассоциаций и торгово-промышленных палат, которые выполня-

ют регулирующую и координационную функции. Те же процессы происходят и в сфере социального развития, что влечет за собой развитие неправительственных организаций (НПО).

Термин НПО был впервые введен в Китае в контексте Четвертой Всемирной конференции по положению женщин, которая проходила под эгидой ООН в Пекине в 1995 г.¹

Сейчас в Китае существует около 500 тыс. официально зарегистрированных НПО и более 1,5 млн незарегистрированных, большая часть которых появилась за последние 20 лет². Таким образом, экономические реформы повлекли за собой бурное развитие неправительственного сектора в Китае.

Прежде чем рассмотреть особенности развития НПО в Китае, необходимо определить понятие НПО и разъяснить, как этот термин используется в КНР.

Определение, широко принятое в западных странах, обозначает следующие общие характеристики НПО:

1. Организационная структура.
2. Независимость: они институционально отделены от государства, то есть не являются частью правительства, и у них в руководстве нет правительственных чиновников.
3. Неучастие в получении прибыли: они не распределяют материальные выгоды между членами организации.
4. Самоуправление: их внутреннее управление является свободным от внешнего контроля.
5. Добровольный характер участия, как в фактической деятельности организации, так и в решении административных вопросов.

Однако ввиду специфических условий развития НПО в КНР для изучения природы этого явления и классификации этих новых НПО не всегда возможно в полной мере использовать западный теоретический подход, например, применять критерии гражданского общества или корпоративизма в традиционном понимании.

Многие китайские НПО имеют довольно тесные связи с правительством или КПК. Это поднимает вопрос о том, следует ли рассматривать эти организации как НПО, так как они не являются полностью независимыми от государства. Поэтому при применении западных концепций НПО к странам с различными экономическими, полити-

ческими и социальными условиями, следует принимать во внимание, что актуальность каждой из пяти обозначенных выше характеристик может варьироваться в зависимости от местных условий³.

Западные концепции НПО дают нам определенные стандарты, по которым можно оценить ситуацию с НПО в Китае. Однако ввиду уникального экономического, социального и политического контекста Китая, китайские НПО имеют свои особые характеристики. Отношения между правительством и НПО здесь гораздо ближе и теснее, чем в западных странах. Это является следствием не только политической и правовой среды, в которой находятся НПО в Китае, но и того, как китайские НПО понимают свою собственную роль. Большинство лидеров китайских НПО не видят в качестве цели своей деятельности защиту интересов общества от действий государства. Скорее, они видят свою миссию в исполнении своей «гражданской ответственности через сотрудничество с правительством»⁴. Несмотря на то, что такой характер взаимоотношений имеет глубокие корни в политической культуре Китая, в данном случае это может быть интерпретировано как стратегия, используемая НПО для того, чтобы осуществлять свою деятельность без серьезного вмешательства со стороны государственных органов.

До 1989 г. ни одно из государственных министерств не занималось регистрацией и регулированием общественных неправительственных организаций. Партийные и государственные органы могли одобрить и взять на себя ответственность по отдельным видам организаций.

В 1989 г. Госсовет КНР обнародовал постановление о регистрации и управлении ассоциациями и поручил Министерству гражданской администрации (МГА) быть единственным органом регистрации общественных объединений.

Все общественные объединения, кроме участвующих в Народном политическом консультативном совете Китая (НПКСК), должны были сначала получить официальное разрешение от административно-надзорного органа, прежде чем они могли на законных основаниях зарегистрироваться в МГА или местном бюро. Таким образом, формировалась так называемая система двойного управления⁵.

В 1998 г. Госсовет официально изменил название «Департамента по общественным организациям» на «Бюро по делам неправительственных организаций», что символизировало официальное признание неправительственного характера гражданских организаций. С тех пор «организации гражданского общества» (миньцзянь цзучжи) — официальное название НПО в Китае⁶.

Законодательная база долгое время оставалась плохо проработанной и разрозненной. Лишь в последние годы власти Китая обратили серьезное внимание на законодательное регулирование как китайских, так и иностранных НПО. Причем подход к деятельности китайских и иностранных НПО различается.

В Китае действуют филиалы большинства международных благотворительных организаций и частных благотворительных фондов. Несмотря на сложные и непрозрачные условия работы, они вносят значительный вклад в его развитие.

Некоторые, такие как World Vision, Misereor, Фонд «Тцу Чи» (или «Цы Цзи», тайваньская буддистская организация) являются в первую очередь религиозными организациями, хотя многие из них, в конечном счете, работают с целью облегчить широкие гуманитарные и социальные проблемы.

Другие, такие как Международный красный крест, Оксфордский комитет помощи голодающим Oxfam, «Врачи без границ» и т. д., созданы для решения гуманитарных кризисов и проблем, возникающих из-за войн, природных и техногенных катастроф.

Быстрая индустриализация и истощение природных ресурсов планеты породили экологические кризисы, с которыми борются организации по защите природы, такие как «Гринпис», Всемирный фонд дикой природы, «Друзья земли» и т. д.

28 апреля 2016 г. на сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) был принят закон «Об управлении деятельностью иностранных неправительственных организаций в пределах территории Китая»⁷.

По заявлениям китайских властей, закон нацелен на регулирование деятельности иностранных НПО, защиту их законных прав и интересов и содействие обменам и сотрудничеству, обеспечивая им правовую основу для деятельности в Китае⁸. Необходимость усиле-

ния контроля над иностранными НПО объяснялась также проблемами национальной безопасности⁹.

Теперь иностранные НПО должны получать разрешение китайских органов власти перед тем, как разворачивать свою деятельность на территории материкового Китая. При этом получать разрешение должны все иностранные НПО, независимо от того, планируют ли они открывать постоянные представительства или работать в Китае лишь временно.

Несмотря на то, что озабоченность вопросами национальной безопасности пронизывает весь текст закона, многие его формулировки достаточно неясны и размыты, из-за чего закон может существенно ограничить пространство для деятельности иностранных НПО в Китае.

Организации, которые не получают официального одобрения, будут вынуждены прекратить свою работу в стране. Для того чтобы остаться, многим НПО, вероятно, придется сократить или ликвидировать социально значимые программы, которые считаются политически чувствительными, — такие как трудовые права работников, дискриминация по национальному признаку и свобода вероисповедания. По некоторым оценкам, новое законодательство затронет, по меньшей мере, 7 000 иностранных НПО¹⁰.

Если говорить о китайских НПО, то, с одной стороны, власти улучшают условия работы для организаций, занимающихся социальными проблемами. Ведется работа по серьезному упрощению процедуры регистрации, которая ранее вызывала затруднения у абсолютного большинства НПО, вследствие чего многие из них оставались незарегистрированными или регистрировались под видом коммерческой организации.

21 августа 2016 г. Госсоветом были изданы новые руководящие принципы «О реформировании системы руководства социальными организациями в целях содействия здоровому и упорядоченному развитию общественных организаций»¹¹. Новые правила серьезно упрощают и стандартизируют процедуру регистрации НПО в Китае.

В рамках новых правил для НПО, желающим зарегистрироваться, больше не потребуется двойной процесс регистрации. Новый процесс регистрации позволит осуществлять прямую регистрацию четырем следующим категориям: промышленным ассоциациям,

благотворительным организациям, организациям, занимающимся общественными услугами, и организациям, занимающимся вопросами развития науки и техники.

Организации, попадающие под критерии этих четырех категорий, будут регистрироваться напрямую МГА КНР без предварительного рассмотрения и утверждения другими регулирующими органами, без госучреждения-поручителя. В настоящее время около 85 % зарегистрированных в Китае НПО подходят под определения обозначенных четырех категорий.

Новые правила могут дать дополнительный импульс развитию и увеличению количества благотворительных организаций и НПО Китая, дав возможность тысячам незарегистрированных в настоящее время китайских общественных организаций войти в систему и начать работать легально на территории страны.

Функционирование общественных организаций представляет существенный компонент политической реформы КНР. Являясь важнейшим элементом социума, неправительственные объединения постепенно обретают новые полномочия и функции, которые выполняются параллельно с деятельностью политических государственных органов и лиц, их представляющих.

Правительство КНР в целом признало НПО как необходимый компонент общества. Если раньше в КНР существовали лишь общественные организации, входящие в НПКСК и напрямую связанные с правительством, то теперь там активно развивается неправительственный сектор, который, хоть и находится под серьезным государственным контролем, стремится к большей независимости от правительства. Правительство, в свою очередь, обратило серьезное внимание на работу с НПО и взаимодействие с ними, формируя и совершенствуя законодательную базу для их работы.

Примечания

¹ *Edele A.* Non-governmental Organizations in China // Centre for Applied Studies in International Negotiations. Geneva, 2005.

² *Hasmath R.* China's NGOs Go Global // The Diplomat, 23.03.2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/03/chinas-ngos-go-global> (дата обращения: 22.11.2016),

³ *Brie M., Pietzcker H.* NGOs in China — Die Entwicklung des Dritten Sektors. // Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung. Berlin, 2004. URL: <http://skylia.wz-berlin.de/pdf/2004/iii04-110.pdf> (дата обращения: 22.11.2016).

⁴ *Ma, Q.* Chinese non-governmental and non-profit organizations since the late 1970s // The Aspen Institute, Washington, DC: 1997.

⁵ *He, J.* Mapping the Chinese NGO Sector. URL: http://www.booksandideas.net/IMG/pdf/20121119_ngo_jianyu.pdf (дата обращения: 22.11.2016).

⁶ Чжунхуа жэньминь гунхэго гоюнь гунбао : [Вестник Государственного совета Китайской Народной Республики]. 1998. № 27. С. 1036—1041.

⁷ Чжунхуа жэньминь гунхэго цзинвай фэй чжэнфу цзучжи цзиннэй ходун гуаньли фа. URL: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=21963&lib=law> (дата обращения: 22.11.2016).

⁸ Цюаньго жэньда чанвэй хуэй баньгон тин 2016 нянь 4 юэ 28 жи синьвэнь фабу хуэй. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/zhibo/zzzb25/node_29882.htm (дата обращения: 22.11.2016).

⁹ China Adopts New Law Regulating Foreign NGOs. CRI, 28.04.2016. URL: <http://english.cri.cn/12394/2016/04/29/2702s925886.htm> (дата обращения: 22.11.2016).

¹⁰ Clampdown in China Restricts 7,000 Foreign Organizations. The New York Times. 28.04.2016. URL: http://www.nytimes.com/2016/04/29/world/asia/china-foreign-ngo-law.html?_r=1 (дата обращения: 22.11.2016).

¹¹ Гуанью гайгэ шэхуэй цзучжи гуаньли чжиду цуцзинь шэхуйэ цзучжи цзянькан йоу сю фачжань ду ицзянь. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2016-08/21/c_1119428034.htm (дата обращения: 22.11.2016).

*Санин Константин Алексеевич,
аспирант ИДВ РАН*

ВЕЛИКИЙ ЧАЙНЫЙ ПУТЬ КАК ЧАСТЬ ИНИЦИАТИВЫ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЁЛКОВОГО ПУТИ»

Аннотация. В связи с формированием и реализацией китайской инициативы «Экономического пояса Шёлкового пути» (ЭПШП) новое значение приобрёл существовавший на протяжении XVIII—XIX веков российско-китайский торговый маршрут, широко известный как Великий чайный путь. В настоящее время историческое наследие Великого чайного пути служит основой для развития трансграничного сотрудничества России, Монголии и Китая, прежде всего в гуманитарной сфере.

В данном докладе предпринята попытка, опираясь на взаимодействие Китая с Россией и Монголией по линии возрождения Великого чайного пути, проанализировать отношение китайского экспертного сообщества, политиков и чиновников к возможности реализации российско-монгольского направления инициативы ЭПШП.

Ключевые слова: Китай, гуманитарное сотрудничество, история, торговля, инфраструктура.

В 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин во время своего визита в Россию обратил внимание на то, что российско-китайские связи и контакты не только насчитывают несколько сот лет, но и в значительной степени отражают характер исторической эпохи. В качестве примера Си Цзиньпин привёл торговый путь, соединявший

цинский Китай с царской Россией, который в российской литературе часто именуется Великим чайным путем. Если в XVIII—XIX вв. одной из важнейших отраслей международной торговли была торговля китайским чаем, то в наше время, отметил глава КНР, Россию и Китай связывают нитки газо- и нефтепроводов, которые являются характерной особенностью нынешней эпохи и задают направление экономическому сотрудничеству в регионе¹.

Затем, в течение 2013—2014 гг. выдвинутая Председателем КНР идея о возрождении и развитии в современных условиях существовавших ранее и носящих традиционный характер (с точки зрения китайской стороны) связей между Китаем и сопредельными государствами вылилась в инициативу «Экономического пояса Шёлкового пути», которая была впервые озвучена Си Цзиньпином в конце 2013 г. в Астане.

Инициатива «Экономического пояса Шёлкового пути» помимо строительства инфраструктурных коридоров и развития торгово-экономических контактов также подразумевает развитие гуманитарных и культурных связей между Китаем и сопредельными странами. Предполагается, что ЭПШП будет состоять из нескольких маршрутов, один из которых проходит через северо-восточный Китай и Монголию и заходит на территорию России в Восточно-Сибирском регионе.

В июле 2015 г. «на полях» саммитов БРИКС и ШОС в Уфе состоялась встреча руководителей России, Монголии и Китая, на которой было принято решение создания экономического коридора Россия — Монголия — Китай, призванного объединить российский проект модернизации Транссибирской железнодорожной магистрали, монгольский проект «Степной путь» и китайскую инициативу ЭПШП. Намерение трех стран создать совместный экономический коридор было также подтверждено на высочайшем уровне на саммите ШОС в июне 2016 г. в Ташкенте. Таким образом, в 2015 г. было положено начало реализации инициативы китайского руководства о создании современной модели взаимодействия Китая с Россией и Монголией, в качестве идеологического обоснования для которого Председатель КНР ещё в 2013 г. приводил пример торгового пути, соединявшего страны в XVIII—XIX вв.

Торговый маршрут, преимущественно известный в России как «Великий чайный путь», в Китае и Монголии также известен как «Степной путь». Маршрут, формировавшийся со времен правления династии Юань, проходил через степи северного Китая и Монголии и приобрел особое значение в XVIII—XIX вв.

После открытия морского пути из Европы в Восточную Азию и угасания традиционного Шёлкового пути, проходившего через Западный край Китая и Центральную Азию, степной путь через Монголию в Кяхту (и далее) стал важнейшим континентальным маршрутом, по которому осуществлялись торговые и культурные контакты между цинским Китаем и не только Российской империей, но и Европой вообще. Российско-китайские торговые отношения регулировались в тот период Кяхтинским договором от 1727 г.

Как отмечают китайские авторы, в отличие от древнего Шёлкового пути, Великий чайный путь был не только каналом обмена товарами, но и каналом передачи современных технологий, что способствовало экономическому развитию Китая². По условиям Пекинского договора 1861 г. город Ханькоу стал центром континентальной торговли в Китае. 95 % китайского экспорта приходилось на чай, при этом в Китай из России импортировались машины и промышленное оборудование российского и европейского происхождения. Начиная с 1905 г. в связи с открытием восточной части Транссибирской железной дороги степной маршрут через Монголию, также как и город Ханькоу, стремительно утрачивали свое положение в сухопутной торговле между Китаем и Россией. Великий чайный путь на долгое время стал лишь предметом исторических исследований.

В последние несколько лет в связи с формированием и реализацией предложенной китайским руководством инициативы ЭПШП концепция Степного пути вновь приобретает четкие очертания. Китайская научная общественность и органы местного управления на северо-востоке Китая и в центральной части страны предпринимают активные действия по изучению истории Великого чайного пути и созданию на его основе торгово-экономического и культурно-исторического коридора, который бы соединил северо-восточный Китай, Монголию и российское Забайкалье.

В связи с тем, что «Великий чайный путь» не имел четко определенных границ, ряд провинций и городов стараются утвердить свою принадлежность к этому историческому маршруту. Часто в китайской прессе и официальных документах Великим чайным путем называют торговый маршрут из Чжанцзякоу в Кяхту (он также проходил через Хух-Хото и Улан-Батор), так как он охватывает приграничные регионы северо-восточного Китая и Восточной Сибири, а также разделяющую их территорию Монголии³. На этом маршруте находятся основные исторические памятники «Великого чайного пути», такие как дороги, пограничные заставы, почтовые станции, гостиницы, склады, чайные дома, музеи, храмы и т. д. По примеру совместной инициативы КНР, Казахстана и Кыргызстана, в результате которой находящиеся на территории трех государств 22 объекта исторического Шёлкового пути были в 2014 г. включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, есть планы подачи совместной российско-монгольско-китайской заявки на признание исторической ценности объектов на маршруте «Великого чайного пути»⁴.

Примечательно, что множество китайских провинций и городов, принимавших в XVIII—XIX вв. участие в чайной торговле с Россией, стремятся присоединиться к реализации инициативы ЭПШП и заявляют о своей принадлежности к историческому «Великому чайному пути». Помимо городов на северо-востоке КНР, к «сообществу Великого чайного пути» себя также относят области провинций Цзянси, Хэнань, Шаньси и город Уишань провинции Фуцзянь. Исторические связи — пусть и косвенные — определенных территорий с древним российско-китайским торговым маршрутом сегодня активно используются руководством ряда китайских городов и провинций для присоединения к общегосударственным и трансграничным проектам по развитию инфраструктуры и культурного сотрудничества.

Учитывая то, что строительство ЭПШП объявлено китайскими властями одним из основных направлений развития страны в будущем, принадлежность к одному из маршрутов ЭПШП может оказаться экономически выгодной. Так, сотрудники факультета экономики Уханьского университета Чжун Сяо и Лю Цзайци считают, что историческая роль Ханькоу как центра торговли с Россией должна

быть использована в современных условиях для подключения провинции Хубэй к создаваемому экономическому коридору Китай — Монголия — Россия. Власти провинции Шаньси обосновывают строительство скоростной железной дороги из Сианя в столицу провинции город Тайюань, а также установление прямого автобусного сообщения между Тайюанем и городом Чжанцзякоу провинции Хэбэй своим географическим положением на северо-западном направлении ЭПШП и необходимостью в связи с этим развития в регионе транспортной инфраструктуры⁵.

Начиная с 2013 г. в различных городах КНР, которые причисляют себя к историческому маршруту, регулярно проходят встречи мэров городов «Великого чайного пути» Китая, России и Монголии. Последний такой саммит прошел в январе 2016 г. в уезде Яньшань провинции Цзянси. До этого подобные мероприятия также проводились в городе Уишань (Фуцзянь) и в Эрэн-Хото во Внутренней Монголии. На втором саммите, проходившем в 2013 г., градоначальники из трех стран приняли совместное заявление о защите культурно-исторических ценностей на маршруте «Великого чайного пути». Следует отметить, что подобные мероприятия пока проходят только в Китае, что свидетельствует о высоком уровне интереса к этой теме в КНР⁶.

В китайских научных публикациях уделяется много внимания культурному и гуманитарному сотрудничеству в рамках реализации инициативы ЭПШП и «Великого чайного пути». В целом, китайские авторы сходятся во мнении, что сотрудничество в гуманитарной сфере не только способствует достижению взаимопонимания и развитию диалога между разными странами, но также является инструментом мягкой силы Китая в регионе и создает идеологическое обоснование для масштабного многостороннего сотрудничества.

Образ «Великого чайного пути» используется руководством Китая для продвижения проекта экономического и инфраструктурного коридора Китай — Монголия — Россия. Анализ того, как китайские дипломаты применяют культурно-исторический образ древнего торгового пути для описания современного сотрудничества трех стран, позволяет определить их видение целей и перспектив реализации инициативы ЭПШП в части, касающейся участия России и Монго-

лии. Предварительный подобный анализ дает основания утверждать, что Китай всерьез настроен на развитие северного направления проекта ЭПШП, но при этом рассматривает его преимущественно в контексте трехстороннего приграничного сотрудничества Китая, Монголии и России и не видит его в качестве основного маршрута между Азией и Европой⁷.

Можно констатировать, что реализация предложенной Си Цзиньпином инициативы воссоздания в современных условиях исторического «Великого чайного пути» является предметом повышенного интереса в Китае. В КНР этой инициативе уделяется больше внимания, чем в Монголии или России, и уже предприняты конкретные шаги по её реализации. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в то время, как развитие торгового и гуманитарного сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии преподносится в китайских источниках как основная часть большого проекта ЭПШП, который в конечном итоге направлен на построение маршрута от Китая до Европы, то в случае с «Великим чайным путем» упор делается именно на сотрудничестве трех стран — Китая, Монголии и России, без продолжения дальше на Запад. Таким образом, современный «Великий чайный путь» рассматривается в Китае преимущественно как ответвление (пусть и очень важное) от основного маршрута ЭПШП.

Примечания

¹ Си Цзиньпин чжуси шоуфан цзинцай юйлу паньдянь : [Список блестящих цитат Председателя Си Цзиньпина, высказанных во время первых визитов]. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2013-03/29/c_124515145.htm (дата обращения: 05.09.2016).

² *Цзян Тайсюй*. Цун сычоу чжи лу дао ваньли чадао : [От Шёлкового пути к Великому чайному пути] // Цзюэцэ юй синьси. 2015. № 11. С. 58—61.

³ Хэбэй Чжанцзякоу дацзао «чжанку дадао» лиши вэньхуа цзинцюй : [В Чжанцзякоу провинции Хэбэй создается парк истории и культуры «пути Чжанцзякоу — Кяхта»]. URL: <http://news.sohu.com/20120626/n346511067.shtml> (дата обращения: 27.10.2016).

⁴ «Сычоу чжи лу: Чанъань — Тяньшань ландао дэ луван» шицзе вэньхуа ичань тэкань. Хуаньсин Сычоу чжи лу цзинсэ цзи-и. Чунвэнь жэньлэй вэньмин цзиньшэн дибяо : [Специальный выпуск журнала мирового культурного наследия «Шёлковый путь: сеть дорог по маршруту Чанъань — Тяньшань». Пробудить память о золотом веке Шёлкового пути. Восстановить духовный ориентир человеческой цивилизации]. URL: <http://www.unesco-hist.org/zh-cn/news/679.html> (дата обращения: 05.09.2016).

⁵ Лю Цзайци. Лунь Ваньли чадао юй «и дай и лу» чжаньлюэ : [Рассуждение о Великом чайном пути и стратегии «Один пояс — один путь»] // Вэньхуа жуань-шили яньцзю. 2016. № 2. С. 23—30.

⁶ Ван Ши-ин. Ваньли чадао юй Нэймэнгу : [Великий чайный путь и Внутренняя Монголия] // Вэньхуа цайхун. 2016. № 6. С. 50—51.

⁷ Ян Юншэн, Ли Юнчун, Лю Вэй. Чжунмэнэ вэньхуа ландао : [Культурный коридор Китай—Монголия—Россия] // Цзинцзи вэньти. 2015. № 4. С. 15—18.

*Садаков Денис Андреевич,
аспирант кафедры всеобщей истории
Вятского государственного университета*

АМЕРИКАНСКОЕ ЛИДЕРСТВО И ПРОЦЕСС РАСКОЛА КОРЕИ (1945—1948 гг.)*

Аннотация. Причиной раскола Кореи послужил сложный комплекс факторов, как международных, так и внутренних. Однако важно подчеркнуть, что именно союзники по антигитлеровской коалиции, определяя облик послевоенного мира в годы Второй мировой войны, взяли на себя ответственность за строительство единого и независимого корейского государства после освобождения территории полуострова от японской армии, а значит вопрос об ответственности за раскол Кореи — это, в первую очередь, вопрос ответственности внешних сил. Обсуждение корейской проблемы на международной арене велось по инициативе и при безоговорочном лидерстве со стороны Соединённых Штатов. Цель доклада — выделить ключевые решения, принятые США на пути к расколу Кореи, выявить цели, которые планировалось ими достичь, а также проанализировать последствия реализации данных инициатив, что по-

---

* Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.

зволит оценить эффективность американского лидерства в процессе корейского урегулирования.

Ключевые слова: США, СССР, внешняя политика, ООН, советско-американские отношения, раскол Кореи, послевоенное устройство.

Причиной раскола Кореи послужил сложный комплекс факторов, как международных, так и внутренних. Однако, важно подчеркнуть, что именно союзники по антигитлеровской коалиции, определяя облик послевоенного мира в годы Второй мировой войны, взяли на себя ответственность за строительство единого и независимого корейского государства после освобождения территории полуострова от японской армии, а значит вопрос об ответственности за раскол Кореи — это в первую очередь вопрос ответственности внешних сил. Поэтому процесс раздела Корейского полуострова целесообразно представить в виде последовательности принятия череды принципиальных решений, каждое из которых могло идти вразрез с прежним курсом или угрожать единству корейского полуострова, тем самым внося свой вклад в дело раскола страны. Анализируя эти решения, необходимо обратить внимания на три главных момента — инициатора их принятия, цели, которые планировалось достичь, а также последствия реализации инициативы.

На 1945 г. общие контуры будущего корейского урегулирования уже были согласованы между ведущими игроками. Обсуждение этой проблемы велось по инициативе и при безоговорочном лидерстве со стороны Соединённых Штатов. В качестве базового сценария послевоенного будущего Кореи была принята предложенная президентом США Ф. Рузвельтом концепция опеки. Суть этой идеи заключалась в создании специального международного органа, который бы взял на себя подготовку находящегося под японским колониальным гнётом корейского народа к независимости. В отличие от многих других вопросов, обсуждение которых велось на международных конференциях периода второй мировой войны, разногласий по проблеме будущего Кореи практически не возникало. Косвенно этому способствовала малозначительность корейского вопроса на фоне европейских проблем, а также малая осведомлённость руководства великих держав о ситуации в этой стране.

Переход от сотрудничества к конкуренции между США и СССР применительно к корейскому вопросу начал происходить после того, как в апреле 1945 г. президентом США стал Г. Трумэн. Лишённый рузвельтовского идеализма и стратегического видения, Трумэн, несмотря на свои антиколониальные воззрения¹, в первую очередь увязывал корейский вопрос с общей стратегией США в войне против Японии². Успешные испытания американской атомной бомбы привели к тому, что Трумэн начал терять интерес к вступлению СССР в войну на Тихом океане³. Одновременно, в Вашингтоне стали крепнуть подозрения по поводу намерений Москвы играть руководящую роль в корейских делах⁴. К началу процесса подготовки к Потсдамской конференции американцы утвердились в желательности организации такого порядка административного управления полуостровом, при котором «Советский Союз обладал бы лишь номинальным голосом»⁵.

Первым конфронтационным актом в советско-американских отношениях по поводу Кореи стало казавшееся поначалу техническим решение о разделении территории полуострова на две оккупационные зоны по 38 параллели. Таковое было принято в ночь с 10 на 11 августа на совместной сессии Координационного Комитета Госдепартамента, армии и флота (U. S. State — War — Navy Coordination Committee — SWNCC) для того, чтобы гарантировать максимально возможное продвижение войск США на север полуострова при том, что РККА появится там раньше американцев⁶.

С. Уэллес в своей работе «Семь решений, сформировавших историю» убеждённо доказывает, что решение о разделе было принято под давлением высокопоставленных офицеров из Пентагона и без консультаций с теми членами администрации, которые имели представление о политических и экономических условиях на полуострове⁷.

Не консультировались американцы ни с корейцами, ни со своими союзниками по антигитлеровской коалиции. Как указывает в своих мемуарах Трумэн, «линия разделения Кореи по 38-ой параллели никогда не была предметом международных дискуссий»⁸. До достижения полной и безоговорочной капитуляции противника власть в зонах ответственности должна была осуществляться военными ад-

министрациями союзников. Поначалу стороны старались избегать шагов, которые могли быть истолкованы как попытки саботировать договорённости военного периода и приступить к созданию в своих оккупационных зонах сепаратных марионеточных правительств.

Важную негативную роль в этой ситуации сыграл стремительный рост взаимного недоверия между недавними союзниками. Информационная закрытость Северной Кореи вкупе с молчанием командования РККА начинали провоцировать американцев на восприятие всерьёз самых разных, в том числе диких и нелепых, известий о происходящем на Севере. Так, «источники США на севере полуострова» докладывали, что советская администрация искусственно формирует политические партии, состоящие из скрытых коммунистов с целью манипуляции составом будущего объединённого корейского правительства; что в новооткрытых коммунистических школах Кореи рассказывают о необходимости уничтожения США⁹, а люди, перешедшие без визы 38-ю параллель, арестовываются по обвинению в шпионаже в пользу американцев¹⁰.

В совокупности с крупными проблемами, которые испытывала американская администрация при наведении порядка на юге, представления американцев о ситуации в Северной Корее побуждали их к размышлениям над достаточно радикальными вариантами выхода из сложившегося положения. В частности, инициатором нового подхода стал помощник министра обороны США Дж. Макклой, который в ноябре 1945 г. предложил предотвратить захват коммунистами власти в Южной Корее путём формирования своего собственного, «разумного и уважаемого» правительства¹¹. Со стороны Госдепартамента идеи Макклоя были развиты политическим советником администрации США в Корее У. Лэнгдоном. Со временем эти усилия и привели к выработке политики, в рамках которой сначала независимо от СССР при американской администрации были созданы корейские совещательные органы, а затем провозглашён сепаратный южнокорейский режим¹². На данном этапе зарождающиеся проблемы в советско-американских отношениях ошутимо осложняли осуществление межзонного взаимодействия, а также укрепляли опасения в недобросовестности партнёра по переговорам. С каждым днём риски фиксирования раскола полуострова росли.

В этих условиях потенциально фатальным оказалось решение великих держав относительно будущего полуострова, принятое на Московском совещании министров иностранных дел 1945 г. Оно предусматривало создание Совместной советско-американской комиссии, которая должна была содействовать формированию Временного корейского демократического правительства, а также разработать меры помощи прогрессу корейского народа. Опека устанавливалась на срок до пяти лет¹³. Так великие державы оказались заложниками предшествующих договорённостей и не сумели выработать принципиально новых подходов, способных гарантировать создание единого и независимого корейского государства.

Между тем, подход Рузвельта, с которым Сталин в своё время согласился в ходе Ялтинской конференции, с самого начала исходил из неверных посылок — в условиях фактического отсутствия в США серьёзной корееведческой школы американским истеблишментом была проигнорирована многовековая история корейской государственности, а сама Корея поставлена в длинный ряд постколониальных стран, никогда не обладавших суверенитетом. Население корейского полуострова виделось неспособным к самостоятельному государственному строительству и не готовым к передаче судьбы Кореи в руки её народа. После публичного обнародования решений Московского совещания по всей Корее прокатилась волна протестов против опеки, однако многие левые партии под давлением СССР вскоре перешли на позиции их поддержки. Всё это внесло значительный вклад в процесс поляризации политического спектра полуострова.

Совместная советско-американская комиссия предсказуемо не смогла распутать весь клубок противоречивых интересов великих держав и местных политических организаций. Стороны не могли прийти к общему решению ни о принципах организации Временного правительства, ни о мерах осуществления опеки над Кореей. Особые разногласия вызвал вопрос о порядке консультаций с корейскими политическими партиями и организациями. Не сработали и альтернативные варианты — Советский Союз не мог согласиться с передачей вопроса на рассмотрение четырёх держав, а Вашингтон не устраивало предложение Москвы об обоюдном выводе войск. При

реализации этих вариантов было возможно сохранить единство страны, но невозможно гарантировать интересы обеих сверхдержав. Последнее заседание Совместной комиссии состоялось 18 октября 1947 г. Обе стороны не замедлили обвинить друг друга в провале её работы.

К тому времени в среде американского истеблишмента, а также среди значительной части корейских правых националистов всё громче начинали звучать голоса в поддержку отказа от достижения договорённостей с СССР и создания сепаратного южнокорейского правительства. Эти призывы удачно вписались в процесс общей смены курса американской внешней политики по отношению к СССР во всех регионах мира, запущенный 12 марта 1947 г. В этот день президент США Трумэн произнёс свою знаменитую речь перед Конгрессом, в которой попросил поддержать усилия греческого правительства в его борьбе против коммунистов¹⁴.

Эта речь стала первым актом политики сдерживания. Американцы ещё не были готовы ни сепаратно признать независимость Южной Кореи, ни разорвать Московские соглашения. Однако, именно в эти дни был начат процесс пересмотра политики США на полуострове в сторону повышения её эффективности¹⁵.

Положение в Корее в рассматриваемый период иллюстрирует цитата политического советника военной администрации США Дж. Джейкобса, который сообщал госсекретарю следующее: «Все группы [корейцев. — Д.С.], кроме левых, хотят американские деньги, помощь, поддержку и вооружённую защиту <...>, но они не хотят, чтобы их контролировали или надзирали за их действиями. Рано или поздно американский народ и конгресс узнают, что кроме левых, не желающих видеть нас в Корее, даже правые делают нашу задачу более трудной — если не невозможной. Придёт время, а ждать, быть может, осталось недолго, когда множество членов конгресса и представителей прессы побывают здесь и начнут сообщать факты — и волей-неволей нам придётся оставить эту страну»¹⁶.

Ситуация мало-помалу приближалась к критической. В Вашингтоне помнили опыт народных восстаний в своей оккупационной зоне и опасались, что радикалы правого или левого толка смогут подогреть настроения местного населения до такой степени, что

продолжение военного присутствия США на полуострове станет невозможным. Беспokoили американцев и вопросы поддержания международного престижа — потеря Кореи нанесла бы по нему тяжёлый удар и стала бы свидетельством американского бессилия в деле защиты других стран от проникновения коммунистического влияния¹⁷.

В этих условиях задача США заключалась в том, чтобы минимизировать своё участие в корейских делах, но сделать это так, чтобы продемонстрировать корейцам и мировому сообществу верность предшествующим соглашениям и идее независимости Кореи, а также избежать вовлечения полуострова в орбиту влияния Советского Союза целиком¹⁸.

Осенью 1947 г. по инициативе американцев корейский вопрос был передан в фактически подконтрольную им ООН. 14 ноября 1947 г., вопреки протестам СССР, была принята резолюция Генеральной Ассамблеи по Корее, предусматривавшая проведение выборов в Национальное собрание по всей территории полуострова до 31 марта 1948 г. Для наблюдения за ними предполагалось создать комиссию ООН из представителей Австралии, Канады, Китая, Сальвадора, Франции, Индии, Филиппин, Сирии и Украинской ССР¹⁹. Это решение окончательно подвело черту под попытками создать единое и независимое корейское государство, как то было предусмотрено всеми советско-американскими договорённостями. Американцы переставали брать во внимание аргументы партнёров по переговорам и переводили вопрос на рельсы собственного, заведомо неприемлемого для СССР, сценария.

Как и рассчитывали в Вашингтоне, сотрудничать с Временной комиссией ООН по Корее Москва отказалась. Решение Советского Союза безоговорочно поддержали политические силы Северной Кореи. Выступили против инициативы американцев и многие партии Юга, лидеры которых высказывали опасения, что её реализация закрепит раскол полуострова. Процесс фиксирования раскола полуострова вышел на финишную прямую. Сначала на Юге, а затем и на севере Кореи были проведены сепаратные выборы. Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика были провозглашены 15 августа и 9 сентября 1948 г. соответственно.

Таким образом, в случае с Кореей американцы не справились с бременем лидерства, которое сами на себя возложили. Ни одно существенное решение по вопросу не было принято Советским Союзом в одностороннем порядке — он выступал лишь ведомым в двустороннем процессе корейского урегулирования. Не следует целиком обелять политику Москвы, совершившей множество спорных действий как в своей оккупационной зоне, так и в деле организации взаимодействия с США²⁰. Однако, действия Москвы в северной оккупационной зоне были лишь фактором, но никак не первопричиной процесса фиксирования раскола корейского полуострова. Не меньшее (если не большее) число ошибок на Юге допустили сами американцы — недаром в 1946 г. по Южной Корее прокатилась волна народных выступлений. Строительство самостоятельного коммунистического режима не являлось исходной целью Москвы, но недавние союзники оказались не в силах выработать взаимоприемлемое решение — и каждый раз инициатива по переходу к сценарию на раскол исходила от американцев, которые пытались защитить своё влияние на полуострове от коммунистической угрозы, не считаясь с территориальной целостностью Кореи. Перенос проблемы на рассмотрение ГА ООН стал попыткой Вашингтона сохранить лицо и с достоинством выйти из сложившегося на юге полуострова критического положения. Результатом этого стало фиксирование раскола полуострова, что не устраивало ни правых, ни левых корейских националистов.

Примечания

¹ *Pifer, T.* «I had always been opposed to colonialism»: President Harry S. Truman and the end of European colonialism» // Electronic Theses and Dissertations. Paper 1139. URL: <http://ir.library.louisville.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2138&context=etd> (дата обращения: 10.12.2016). P. 57.

² *Matray, J.* Civil war of a sort. The International origins of the Korean Conflict // The Korean war in Retrospect: Lessons for the future. Lanham, 1998. P. 151.

³ *Matray, J.* Op. cit. P. 153.

⁴ Foreign Relations of United States (далее — FRUS). 1945. The Conference of Berlin. Vol. I. P. 313.

⁵ Ibid.

⁶ FRUS 1945, Vol. VI. P. 1039; Стоит отметить, что использование 38-ой параллели в качестве разграничительной линии не было изобретением американцев. 9 июня 1896 г. японский посланник А. Ямагата внёс предложение о разделе по ней Кореи в ходе переговоров с министром иностранных дел Российской империи А.Б. Лобановым-Ростовским. На тот момент Россия предпочла сохранить независимость Кореи и отвергла эту идею.

⁷ Welles, S. Seven decisions that shaped History. N.Y. 1950. P. 167.

⁸ Truman, H. Memoirs. vol. 2, Years of Trial and Hope. N.Y., 1955. P. 317.

⁹ FRUS 1946. Vol. VIII. P. 647.

¹⁰ Ibid. P. 641.

¹¹ Cumings, B. The Origins of the Korean war (in 2 vols.). Vol. 1. Liberation and the Emergence of Separate Regimes, 1945—1947. Seoul, 2002. P. 183.

¹² Ibid. P. 186.

¹³ Отношения Советского Союза с Народной Кореей. М., 1981. С. 16—17.

¹⁴ Our Documents — Truman Doctrine (1947). URL: <https://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=true&doc=81> (дата обращения: 10.12.2016).

¹⁵ FRUS 1947. Vol. VI. P. 621.

¹⁶ Ibid. P. 783.

¹⁷ Containment: documents on American policy and Strategy, 1945—1950. N.Y., 1978. P. 78.

¹⁸ FRUS 1947. Vol. VI. P.738—739.

¹⁹ Ibid. P. 857—859; Резолюции 2-й сессии (1947 год) — Генеральная Ассамблея ООН. A/RES/112(II) 14 ноября 1947 года. A/PV.112. Вопрос о независимости Кореи. URL: <http://www.un.org/ru/ga/2/docs/2res.shtml> (дата обращения: 10.12.2016).

²⁰ См. подробнее: Садаков Д.А. Восприятие американцами советской политики в северной части корейского полуострова в 1945—1948 гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 8. С. 58—69.

*Лобов Роман Николаевич,
аспирант Центра корейских исследований ИДВ РАН*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ОТНОШЕНИИ ЯПОНИИ В 1950-Е ГОДЫ

Аннотация. В 1950-е гг. в Республике Корея формируются основные подходы к выработке внешнеполитического курса в отношении Японии. В частности, актуализация проблемы исторического прошлого во взаимоотношениях двух стран, имеющая место на всем протяжении президентского курса президента РК Пак Кын Хе, была характерна именно для японо-южнокорейских отношений в 1950-е гг. Официальная позиция двух стран относительно проблемы Токто также является плодом послевоенного становления внешнеполитических доктрин двух стран.

В данном докладе рассмотрены, с одной стороны, предпосылки, причины и факторы, повлиявшие на развитие двусторонних отношений; роль внутренних и внешних факторов в становлении и развитии переговорного процесса между Республикой Корея и Японией в 1951—1960 гг.

Ключевые слова: РК, Япония, внешняя политика, переговоры между РК и Японией, международные отношения в Восточной Азии.

После провозглашения Республики Корея (РК) в 1948 г. перед новым государством неизбежно возникла задача самоопределения на международной арене, формирования внешнеполитических при-

оритетов. В первое десятилетие, в годы Первой Республики, начинается оформление подходов к выработке внешнеполитического курса в отношении Японии. При этом следует отметить, что формирование внешнеполитического курса РК в отношении Японии в 1948—1960 гг. происходило под влиянием целого ряда как внутренних, так и внешних факторов.

Во-первых, одним из ключевых факторов, непосредственно повлиявших на выработку внешнеполитического курса Сеула в отношении Токио, является роль колониального наследия в общественно-политической жизни послевоенной Кореи. Вопросы, связанные с характером японского колониального правления, конечно, выходят за рамки данного доклада. Это довольно большая и объемная тема, нашедшая свое отражение в целом ряде научных работ, однако в данном случае акцент будет сделан на восприятии японского колониализма в РК времен Первой Республики.

Необходимо отметить, что последнее десятилетие японского колониального правления было наиболее жестким: на смену политике «культурного правления», предполагавшей определенные послабления для корейцев в общественно-политической и культурной сферах, в условиях нового витка японской экспансии в континентальной Азии приходит режим, который в южнокорейской историографии дословно именуется как «период политики уничтожения нации» (кор. минчжок мальссаль тхончхиги)¹.

Кроме того, к 1948 г. в РК приходят к власти представители национально-освободительного, а, в сущности, — антияпонского движения. Многие из них, в том числе — и президент РК Ли Сын Ман, были достаточно искренними и довольно последовательными антагонистами Японии. Но важно и то, что, с другой стороны, в южнокорейском обществе пятидесятых решительно не могла появиться политическая фигура, проводившая куда как более толерантную политику по отношению к бывшей метрополии. И отношение к Японии, либо сдержанно-подозрительное, а чаще всего — достаточно неприязненное, было частью политического консенсуса, сложившегося в 1950-е гг.

Уже в процессе переговоров по нормализации японо-южнокорейских отношений в эти годы разногласия в оценках последствий

колониального правления, а практически вся повестка дня на переговорах, были именно итогом нахождения Кореи под властью Японии, становились причиной для взаимонепонимания, нередко приводившего к прекращению переговорного процесса и даже к кратковременному прекращению торгово-экономических отношений РК и Японии, которые носили, в силу целого ряда запретов довольно ограниченный характер, но, по существу, двусторонняя торговля оставалась единственной сферой, где было возможно систематическое взаимодействие двух стран.

Затем, при разработке внешнеполитической стратегии в отношении Японии, политическое руководство РК не могло игнорировать и роль внешних факторов. Ключевым фактором в данном случае была деятельность американской дипломатии как в Восточной Азии в целом, так и на Корейском полуострове.

С одной стороны, холодная война, будучи глобальным противостоянием двух социально-экономических, военно-политических и идеологических блоков, не обошла стороной и Восточную Азию. С другой, о «блоковой дипломатии» применительно к Восточной Азии можно говорить с большой долей условности.

Дело в том, что формирование военно-политических и экономических блоков в Европе завершается к 1955 г., когда создаются Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) как ответ на «План Маршалла», 1948 г., и Организация Варшавского Договора (ОВД) как ответ на создание НАТО в 1955 г.². При этом, ни одна из восточноазиатских социалистических стран и стран народной демократии в ОВД не входила, а своя военно-политическая организация для Северо-Восточной Азии так и не была создана. Единственным членом СЭВ в Восточной Азии был Вьетнам (КНР и КНДР имели статус наблюдателей). В свою очередь, в противоположном лагере была создана лишь организация СЕАТО (в 1955), в которую из стран региона входили лишь Таиланд и Филиппины, Республика Корея была «партнером по диалогу».

При этом сложности в создании интеграционных объединений в регионе предполагалось обходить с помощью создания многосторонних коалиций. О «стратегическом четырехугольнике» США — Китайская Республика (Тайвань) — Япония — Республика Корея за-

говорили уже в середине 1950-х, однако реальность оказалась сильнее этих, довольно сдержанных, внешнеполитических конструкторов. Подразумевалось, что некокоммунистические страны региона консолидируют свою мощь и потенциал в противостоянии «красной угрозе», однако получилось именно то, что получилось, и, в сущности, даже политический диалог в данном формате сводился к взаимодействию перечисленных стран с США. Не говоря уже о том, чтобы вести какие-либо разговоры о военно-стратегическом взаимодействии Токио и Сеула в условиях, когда всякое заявление высокопоставленного японского дипломата или статья в японском издании относительно корейских дел могли с легкостью уничтожить нарождающийся в муках двусторонний политический диалог, не представлялось возможным.

Американские стратеги не могли не осознавать весь трагизм сложившейся ситуации, и всячески пытались стимулировать диалог между Сеулом и Токио. Именно заслугой американской дипломатии является инициирование японо-южнокорейских переговоров по нормализации двусторонних отношений. Вместе с тем, несмотря на все усилия, которые предпринимались с американской стороны для того, чтобы не просто форсировать диалог, но и довести его до логического конца, вопросы японо-южнокорейского урегулирования оставались долгоиграющей проблемой до начала 1960-х.

Отдельного внимания заслуживает сюжет, связанный с изменением американской стратегии в отношении Японии, поскольку резкая «смена концепции» привела к оформлению целого ряда международных проблем, в частности — территориального спора по поводу острова Токто/Такэсима, создававшего дополнительные осложнения для японо-южнокорейского урегулирования. Дело в том, что в промежуточных версиях Сан-Францисского мирного договора³ и согласно директивам Объединенного командования союзных сил (англ. Supreme Comanders of the Allied Powers), указанные острова передавались Республике Корея. Вместе с тем, переход континентального Китая под власть КПК и, соответственно, потеря Вашингтоном ключевого стратегического союзника в регионе, заставили США существенно пересмотреть планы по полной демилитаризации Японии, включая территориальный вопрос. В результате соответствующей

щих изменений в архитектуре безопасности региона в конце 1940-х годов, центром тяжести, своеобразной опорой американской дипломатии в регионе становятся Япония (со статусом «стратегического союзника номер № 1») и РК.

В Сеуле, по всей видимости, не видели особой необходимости в нормализации двусторонних отношений с Японией — основные силы и средства были направлены на межкорейское противостояние и возможное решение проблемы объединения страны силовым методом, а ключевым внешнеполитическим партнером по диалогу в этот момент являлись США.

Вместе с тем, осознавая необходимость установления и поддержания контактов с Японией, южнокорейские власти уже в 1948 г. пошли на создание «Представительства РК в Японии», которое находилось в Токио. Кроме того, в 1946 г. при поддержке правительства РК в Японии была создана Ассоциация (дословно — «Землячество») корейцев, проживающих в Японии (кор. «Миндан»)⁴.

На этом историческом фоне и происходило развитие двусторонних отношений между РК и Японией в обозначенный период. Строго говоря, о двусторонних отношениях между Сеулом и Токио следует говорить только с 1952 г., когда после ратификации Сан-Францисского мирного договора произошло полное восстановление суверенитета Японии.

Вместе с тем, подготовительная работа по созданию механизма для двусторонних переговоров по нормализации межгосударственных отношений началась практически сразу же после подписания Сан-Францисского договора. Ли Сын Ман считал Корею страной-победительницей над японским милитаризмом и ожидал подписания мирного договора между Кореей и Японией, однако на церемонию подписания мирного договора в Сан-Франциско приглашен не был⁵, и ему было предложено нормализовать отношения между Сеулом и Токио «на общих основаниях» на основе выработки и подписания договора, регулировавшего принципы послевоенного урегулирования и двусторонних отношений.

И такие переговоры состоялись: в октябре 1951 г. стартовал предварительный этап двусторонних переговоров, которые продолжались до конца ноября 1951 г.⁶ Предварительный этап был, по су-

шеству, техническим, и в его рамках, в частности, вырабатывалась повестка дня для обсуждения на переговорах.

В процессе переговоров по нормализации двусторонних отношений можно выделить следующие этапы.

Первый этап (октябрь 1951 — октябрь 1953) включает в себя предварительный раунд, а также первый — третий, состоявшиеся в 1952—1953 гг., причем между первым и вторым этапами был перерыв длиной в год⁷. Все три раунда закончились конфликтами и приостановкой переговоров, причем, если в первом случае из-за серьезных разногласий по поводу японских прав на собственность в Корее следующую конференцию смогли собрать только через год, то после речи посланника Кубота Канитиро, где открытым текстом было заявлено, что колониальный период принес Корее лишь выгоды, переговорный процесс был и вовсе приостановлен на пять лет⁸.

Заметим, что вопросы, которые выносились на обсуждение в рамках двусторонних конференций, главным образом, не были принципиально нерешаемыми. Однако общий настрой, не предполагавший никаких компромиссов, и восприятие переговорного процесса как «игры с нулевой суммой» делали возможными жаркие баталии по любому поводу, как то: вопросам статуса корейских граждан в Японии, собственности, рыболовства, реституции культурных ценностей и т. д.

Корейская сторона могла ставить заведомо неприемлемые условия, в частности, настойчивые требования контрибуции (а не компенсации!) по итогам колониального правления и антияпонской борьбы.

Второй этап (15 апреля 1958 — 19 апреля 1960) включает в себя довольно продолжительный четвертый раунд переговоров, причем и он прерывался три раза, в разное время — из-за споров по вопросам японской собственности в Корее, рыболовства и «линии Ли Сын Мана». Большое внимание уделялось проблемам статуса корейского населения, проживавшего в Японии, из-за начавшегося процесса репатриации в КНДР⁹.

Ни первый, ни второй этапы переговоров, имевшие место в 1950-е, не имели сколь-нибудь значимого результата: и в Сеуле, и в Токио стояли на своем при обсуждении проблем, стоящих на пове-

стке дня; в РК уже на тот момент была довольно серьезная внутренняя оппозиция каким-либо переговорам с Японией, ну и, вдобавок, политическое руководство РК относилось к идее немедленной нормализации отношений достаточно прохладно.

Возобновление переговоров между Сеулом и Токио в конце 1950-х состоялось, в том числе благодаря желанию определенной части японской политической элиты, представителем которой был премьер-министр Киси Нобускэ (1957—1960), навести мосты между двумя странами. Это укладывалось в стратегию по возвращению Японии в Азию и осознание себя именно азиатской страной¹⁰. Кроме того, японские корпорации (а пионером в данном случае стала «Мицуи») были заинтересованы в расширении торгово-экономического сотрудничества с Южной Кореей.

Таким образом, в 1950-е годы, под воздействием ряда как внутренних (роль колониального наследия и его восприятия, антияпонский национализм как одна из основ государственной идеологии в стране), так и внешних (холодная война, переформатирование системы международных отношений в регионе после 1949 г., политика США на Корейском полуострове) факторов начинают формироваться основы внешнеполитического курса РК в отношении Японии. На данном этапе развития двусторонних контактов, речь о полноценных дипломатических отношениях не шла, хотя некоторые шаги к этому все же предпринимались. Определенная нормализация двусторонних отношений произойдет только в 1965 г. благодаря политической воле Пак Чжон Хи и его окружения. Впрочем, ряд параметров, таких как роль исторического фактора, территориальный вопрос, сохраняют свое значение и сегодня, осложняя до определенной степени взаимоотношения между Сеулом и Токио.

Примечания

¹ Хан Ёнгу. История Кореи. Новый взгляд. М., 2010.

² Торкунов А.В., Наринский М.И. История международных отношений. Т. 3. М., 2012.

³ Территориальный вопрос в Афро-Азиатском мире. М., 2013.

⁴ Здесь уместно напомнить, что Ассоциация корейцев Японии, известная также как «Чхонрён» или «Тёсэн сорэн», организованная при поддержке КНДР, будет создана лишь в 1955 г.

⁵ *Chong-Sik Lee*. Japan and Korea: the political dimension. Stanford, 1985.

⁶ 한일회담 관련 공개 문서 全文 다운기. URL: http://www.donga.com/news/d_story/politics/K_J_agreement65/data.html (дата обращения: 9.12.2016).

⁷ *Tae-Ryong Yoon*. Learning to cooperate not to cooperate: bargaining for the 1965 Korea — Japan normalization // *Asian Perspective*. Vol. 32. No. 2 (2008). P. 59—91.

⁸ *Tamaki, T.* Deconstructing Japan's Image of South Korea: Identity in Foreign Policy. Palgrave MacMillan, 2010.

⁹ 한일회담 관련 공개 문서 全文 다운 받기.

¹⁰ Внешняя политика Японии: история и современность. М., 2008.

*Халиков Нияз Фанисович,
магистрант Института международных отношений, истории
и востоковедения Казанского федерального университета*

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ И МИРОТВОРЧЕСКИХ МИССИЯХ ООН

Аннотация. Восточноазиатский регион становится одним из главных центров силы в современном мире. Все большее влияние азиатские страны оказывают в политическом, экономическом, а также в военном и гуманитарном направлениях. Одной из стран рассматриваемого региона, ставшей активной участницей международных операций как военного, так и гуманитарного назначения, стала Республика Корея. Несмотря на то, что страна с конца XX в. заработала себе мировое признание как экономический и технологический гигант, ее история в «амплуа» активного участника перечисленных выше миссий не так распространена и известна. Она, по нашему мнению, нуждается в исследовании и объективной оценке, что мы и попытались сделать в данной работе.

Ключевые слова: Республика Корея, ООН, миротворчество, вооруженные конфликты, гуманитарная помощь, безопасность, стабильность.

Обеспечение безопасности и стабильности в различных регионах мира стало одной из перспективных задач, вставших перед лицом мирового сообщества. Чаще всего она требуется в точках мира, которые принято называть «нестабильными», «конфликтными» ре-

гионами, местами, где государство не в силах самостоятельно решить возникшие задачи, и где необходима помощь извне.

Дебют вооруженных сил Республики Корея в зарубежной военной операции состоялся во Вьетнаме — в одном из крупнейших вооруженных конфликтов XX в., продолжавшегося с 1964 по 1973 г., где войска Южной Кореи были вторыми по численности после США. Тогда это мероприятие, разумеется, носило далеко не миротворческий характер, тем не менее, это был существенный опыт.

По различным данным, за все время участия южнокорейских войск в конфликте, там побывало порядка 300 тыс. солдат, потери же составили от 3 до 5 тыс. человек¹. Не менее интересным остается причина участия ВС Южной Кореи в войне — состояла она не столько в союзническом обязательстве перед Соединенными Штатами и в выражении своего рода «благодарности» за помощь в войне с Северной Кореей, сколько в намерении правительства Пак Чон Хи продолжать получение повышенной военной и финансовой помощи от Америки². Также отправкой своих войск во Вьетнам правительство старалось удержать контингент ВС США в Корее³. В условиях, когда стране было жизненно необходимо совершить экономический рывок, это можно было бы оценить весьма положительно, однако главной расплатой за такой расчет стали жизни солдат.

Результаты участия южнокорейских войск во Вьетнамской войне оцениваются по-разному. С одной стороны, отправив в пекло 300 тыс. своих граждан, правительство республики взамен получило существенную военную и экономическую помощь от своего главного союзника. ВВП страны увеличился в 4 раза именно в период пребывания корейского контингента во Вьетнаме. Ежегодный прирост составил примерно 7—8 %. Кроме того, армия Южной Кореи стала укомплектовываться новейшим американским вооружением. Гражданские отрасли, такие, как промышленность, торговля и грузоперевозки также получили большой толчок к развитию. За восемь лет войны страна смогла «заработать» 5 млрд долл.⁴

С другой стороны, это, конечно же, потери, общее число которых оценивается в 21 тыс. человек (включая погибших и раненых)⁵. Во время участия в войне южнокорейцы также заслужили весьма дурную репутацию жестоких солдат, совершивших ряд массовых

убийств мирного населения. После войны о ветеранах, как и о войне, забыли, так как победу в ней одержали коммунисты Северного Вьетнама, а ее целью войны, как бы это цинично ни звучало, являлось получение финансов для развития страны, и эта цель была достигнута.

С тех пор Республика Корея сосредоточила все усилия только на экономике страны. Вооруженные противостояния, как и прежде, стали традиционно происходить только на рубеже 38 параллели. Возможно, страна могла бы после войны во Вьетнаме участвовать в международных военных операциях, однако в то время Корея не состояла в ООН. А членство в ней дает куда больше возможностей для «маневров» в мире.

К концу XX в. расстановка сил в мире сильно изменилась. В 1991 г. Республика Корея и Корейская Народно-Демократическая Республика стали членами ООН. Южная Корея к этому времени уже перестала быть страной-реципиентом. Как глобальный участник миссии сохранения мира, Корея начала свою деятельность в марте 1993 г., присоединившись к международной операции ООН по обеспечению безопасности оказания гуманитарной помощи в Сомали (UNOSOM II)⁶. Южнокорейское правительство отправило на помощь коалиции 504 человека в составе инженерного батальона, получившего название «Вечнозеленое подразделение» («Evergreen unit»)⁷. Их задача состояла в восстановлении дорог и оказании гуманитарной помощи жителям Сомали.

В дальнейшем работа корейских миротворцев также продолжилась в Африке. С сентября 1994 г. медики Южной Кореи работали в рамках миссии ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (MINURSO). Группа корейских медслужащих оказывала помощь в течение 12 лет⁸.

Упомянувшееся выше «Вечнозеленое» инженерное подразделение в октябре 1995 г. в числе 549 человек приступило к работе в Анголе в рамках третьей контрольной миссии ООН (UNAVEM III). Инженеры провели ряд масштабных работ по восстановлению и строительству инфраструктуры этой страны. В 1999 г. это подразделение было реорганизовано в боевое подразделение из 419 солдат, которое в последующем было переброшено в получивший независи-

мость Восточный Тимор для обеспечения там мира и безопасности. Это подразделение проработало там четыре года до октября 2003 г.⁹

В 2002 г. девять южнокорейских специалистов приняли участие в работе группы военных наблюдателей ООН в Пакистане (UNMOGIP), пятеро — в Грузии (UNOMIG), выполняя задания по контролю режима прекращения огня, патрулированию, инспекции, составлению докладов и примирению сторон¹⁰.

XXI столетие для Южной Кореи выдалось весьма насыщенным. Страна стала чаще отправлять за рубеж, в нестабильные регионы, своих специалистов. Вставшие перед мировым сообществом задачи, такие как международный терроризм, вооруженные конфликты, пиратство, стихийные бедствия, стали требовать совместных усилий многих стран.

Затрагивая тему международного терроризма и безопасности, на наш взгляд, было бы неправильным не упомянуть о военных операциях Республики Корея в составе коалиционных сил не в рамках ООН. Широко известный факт о тесном сотрудничестве Южной Кореи и Соединенных Штатов дал о себе знать и в XXI в. Спустя десятилетия после окончания войны во Вьетнаме, в 2001 г. Южная Корея присоединилась к международным силам содействия безопасности (ISAF) в Афганистане, возглавляемым США. Участие в антитеррористической операции в Афганистане стало самым долгим в истории Кореи — оно продолжалось практически непрерывно с 2001 по 2014 гг. За это время там побывали военные корпуса: «Хэсон» (транспортировка грузов), «Чхонма» (воздушная транспортировка); «Тонный» (924-ый корпус военных медиков); «Дасан» (100-й строительный и инженерно-саперный корпус); «Дайман» (58-я группа воздушной транспортировки); корпус «Ашина» (группа оказания помощи местным властям в восстановлении страны (англ. Provincial Reconstruction Team)¹¹.

Афганистан был не единственным пунктом пребывания южнокорейских войск на так называемом Большом Ближнем Востоке. В 2003 г. Республика Корея приняла участие и в миротворческой операции в Ираке в составе коалиции НАТО, созданной для борьбы с терроризмом. Миссия имела место в 2003—2008 гг. Дивизия миротворцев «Зайтун», 320-й корпус военных медиков «Чэма» и 1100-й

инженерно-саперный корпус «Сохи». Все они принимали активное участие в восстановлении инфраструктуры страны и оказании необходимой медицинской помощи пострадавшим жителям и военнослужащим¹².

В 2009 г. южнокорейские миротворцы вновь вернулись в Сомали, однако на этот раз в дело вступил ВМФ Республики Корея в составе международной коалиции по борьбе с пиратством в Аденском проливе. Группа «Чонджэ», включающая эсминец «Мунму Великий», вертолет и три жестко-корпусные лодки, начав дежурство в водах Сомали 18 марта 2009 г., по сей день продолжает свою миссию¹³.

На этом, однако, миротворческие миссии Южной Кореи не заканчиваются. В 2007 г. власти Республики Корея приняли решение оказать помощь Ливану, где в те годы шла гражданская война. Корпус «Тонмён» был направлен в эту страну и вошел в состав Временных сил ООН в Ливане (UNIFIL). С 2007 г. это подразделение успешно провело 31 тыс. саперных, разведывательных и инспекционных операций¹⁴. А в рамках операции по связям с гражданами Ливана «Волна мира» была оказана медицинская помощь порядка 82 тыс. человек, проведены работы по восстановлению и строительству школ и спорткомплексов. На 2016 г. миротворческий корпус «Тонмён» является подразделением, размещаемым за пределами Республики Корея самое продолжительное время.

Помимо миротворческих операций, Южная Корея была вовлечена и в гуманитарную миссию. В 2010 г. корпус «Танби» был размещен в г. Леоган, Гаити, после произошедшего там землетрясения. Корпус «Танби» оказывал поддержку миссии ООН по стабилизации в Гаити (UNSTAMIN). Южнокорейскими специалистами проведены работы по устранению завалов, ремонту дорог и оказанию медицинской помощи. Операция была завершена в декабре 2012 г.

Корпус миротворцев «Ханбит», седьмой по счету за всю историю миротворческих миссий Кореи, расположен в г. Бор, Южный Судан, с 2013 г. За время пребывания в этой стране он обеспечил ее правительство и жителей новой дорогой и дамбой. В декабре 2012 г., во время обострения конфликта между правительством и повстанцами, увеличилось число беженцев, которые нуждались в защите и помощи. Корпус «Ханбит» взял на себя ответственность по защите бежен-

цев в лагере миссии ООН в Южном Судане. Кроме этого южнокорейцы предоставили беженцам провиант и медикаменты. Главнокомандующий сил ООН в Южном Судане Делали Джонсон Саки назвал операцию подразделения «Ханбит» самой успешной за всю историю миротворческих операций ООН. Миссия южнокорейских миротворцев ООН в Южном Судане все еще продолжается и закончится, скорее всего, только в случае нормализации обстановки в регионе¹⁵.

Несмотря на довольно длинный «послужной список» миротворцев, мы уверены, это еще не последние их выезды за рубеж для оказания помощи там, где она необходима. Еще в 2015 г. президент Пак Кын Хе на саммите лидеров по поддержанию мира, заявила, что Южная Корея намерена увеличивать свой вклад в обеспечение мира и безопасности во всем мире. Касательно мнения самих граждан Южной Кореи также стоит отметить, что по результатам последнего опроса три четверти жителей южной части полуострова поддерживают участие их страны в миссиях ООН¹⁶.

Примечания

¹ *Baek, Glen*. A Perspective on Korea's Participation in the Vietnam War // Issue Brief. The Asian Institute for Policy Studies. No. 53. 2013. P. 1.

² Там же.

³ *Kim, Jinwung*. A History of Korea: From «Land of the Morning Calm» to States in Conflict. Indiana University Press, 2012. P. 446.

⁴ *Baek, Glen*. A Perspective on Korea's Participation in the Vietnam War. P. 4.

⁵ *Kim, Jinwung*. A History of Korea: From «Land of the Morning Calm» to States in Conflict. P. 447.

⁶ Defense White Paper 2014 / Ministry of National Defense, Republic of Korea, Seoul, 2014. P. 143.

⁷ PKO Overview / Republic of Korea Army. URL: <http://www.army.mil.kr/webapp/user/indexSub.do?codyMenuSeq=219382&siteId=english> (дата обращения: 26.10.2016).

⁸ *Song, Hojun*. South Korea's Overseas Peacekeeping Activities — Part I: The History and The Current Status // Korea Economic Institute. URL: <http://blog.keia>.

org/2016/07/south-koreas-overseas-peacekeeping-activities-part-i-the-history-and-current-status/ (дата обращения: 27.01.2016).

⁹ Там же.

¹⁰ PKO Overview // Republic of Korea Army.

¹¹ *Uk Heo, Terence Roehring*. South Korea's Rise: Economic Development, Power and Foreign Relations. Cambridge University Press, 2014. P. 59—61.

¹² 이라크 서희부대, 제마부대, 자이툰부대, 다이만부대 // 파병공감. URL: <http://www.peacekeeping.go.kr/268> (дата обращения: 28.10.2016).

¹³ Defense White Paper 2014. P. 147.

¹⁴ 박성진. 해외 최장파병 레바논 동명부대 «작전지역 테러 의심차량 번호만 100개» // 경향신문. URL: http://news.khan.co.kr/kh_news/khan_art_view.html?artid=201512061349351 (дата обращения: 30.10.2016).

¹⁵ *Song, Hojun*. South Korea's Overseas Peacekeeping Activities — Part I: The History and The Current Status.

¹⁶ 3 out of 4 S. Koreans support overseas military operations // Yonhap News. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2016/07/29/0301000000AEN20160729005500315.html> (дата обращения: 28.10.2016).

Лю Лицю

аспирант Дальневосточного федерального университета

КИТАИСТ А.В. РУДАКОВ (1871—1949): ПО СТРАНИЦАМ АВТОБИОГРАФИИ

Аннотация. Данная статья посвящена китаисту-дальневосточнику А.В. Рудакову, который полвека (1899—1949) проработал в учебных заведениях Владивостока и внес большой вклад в развитие китаеведения, в том числе в преподавание китайского языка. Основной материал послужили документы, извлеченные из региональных и центральных архивов России.

Ключевые слова: китаист А.В. Рудаков, автобиография ученого, история изучения китайского языка, история китаеведения, Восточный институт во Владивостоке.

В 2016 г. исполнилось 145 лет со дня рождения Аполлинария Васильевича Рудакова — известного китаиста-дальневосточника, работавшего в должности профессора китайского языка с 1899 г. во Владивостоке в Восточном институте, а затем на восточном факультете Государственного дальневосточного университета (ГДУ); после закрытия ГДУ в 1939 г. он продолжал преподавать на военном отделении Института Востоковедения, позднее переформированном в курсы военных переводчиков Тихоокеанского флота. В связи с 75-летием профессора А.В. Рудакова газета «Красное знамя» подчеркивала: юбиляр неутомимо отдавал все свои силы делу развития науки; воспитал целую плеяду китаистов, сделавших многое для изучения культуры, быта и языка китайского народа¹.

Публикаций о жизни и деятельности А.В. Рудакова очень немного, но и они носят самый общий характер, упоминают о его командировках в Китай, руководстве Восточным институтом, подчеркивают вклад А.В. Рудакова в изучение китайского языка в России². Важно, что в работах китайских ученых, например Лю Жомэя³, также есть сведения о деятельности А.В. Рудакова. Нами не выявлены публикации, которые опирались бы на автобиографию профессора А.В. Рудакова, «им самим составленную».

Цель данного материала — включить в научный оборот уникальный исторический документ — жизнеописание А.В. Рудакова, написанное в начале 1940-х годов, то есть тогда, когда китаист А.В. Рудаков уже имел солидный стаж преподавательской, научной и организационной деятельности и многое оценивал с учетом опыта прожитых лет. Автобиография имеет значительный объем — 23 страницы машинописного текста. Она находится в фондах Приморского музея во Владивостоке⁴. Вместе с тем нами обнаружены отрывочные, черновые материалы этого документа, сохранившиеся, например, в архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН⁵.

Автобиография начинается словами: «Я, Аполлинарий Васильевич Рудаков, родом из крестьян, родился 22 (9) июня 1871 г. в г. Ленкорани Бакинской губернии. Среднее образование получил в Петербургской 7-й классической гимназии»⁶. Рудаков ни слова не говорит о том, как он учился в гимназии, а учителя этой гимназии отмечали, что поведение Рудакова «вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ добросовестная, прилежание отличное и любознательность одинаковая ко всем предметам»⁷. В целом, гимназист Аполлинарий Рудаков отличался качествами, необходимыми для лингвиста. В среднем учебном заведении он получил хорошую филологическую подготовку; зная русский, изучил греческий, французский, латинский, немецкий языки.

После гимназии, пишет А.В. Рудаков, он «поступил на китайско — монголо — маньчжурское отделение факультета восточных языков тогдашнего Петербургского университета»⁸ и овладевал китайским языком под руководством профессоров В.П. Васильева, Д.А. Пешурова, А.И. Иванова, лектора-туземца Гао Иньци. Он слу-

шал курсы по истории китайской литературы, истории Китая, маньчжурскому языку, истории маньчжурской литературы, монгольскому языку, истории монгольской литературы, калмыцкому наречию, общему курсу истории Востока, истории восточной части Средней Азии и другим предметам. «Испытательная комиссия восточных языков, — читаем в автобиографии А.В. Рудакова, — 17 мая 1896 г. удостоила меня диплома I степени, выданного 2 сентября 1896 г. за № 9196»⁹. Диплом I степени свидетельствовал о высокой оценке успехов А.В. Рудакова.

И в гимназии, и в университете А.В. Рудаков проявил как лингвистические способности, так и исключительное трудолюбие: он овладел десятью языками — не только европейскими, но и китайским, маньчжурским, монгольским.

16 июля 1896 г. молодой выпускник Санкт-Петербургского университета был откомандирован в Китай на три года для специальных занятий китайским языком, а позже выяснились — для преподавательской работы в Восточном институте (г. Владивосток). В автобиографии А.В. Рудаков подчеркивал, что «с открытием Восточного Института, как высшего рассадника современного востоковедения... в области преподавания китайского яз[ыка] приходилось прокладывать совершенно новые пути для его практического изучения, так как до 1899 г. в тогдашней России учебная постановка этого дела исключительно основывалась на китайской классической литературе. Основную задачу вновь назначенного профессора-китаиста (т. е. моею) являлась выработка новых методов преподавания современного живого китайского языка»¹⁰.

Далее А.В. Рудаков отмечал другую задачу: «необходимо было приступить к обработке и изданию новых учебников, за недостатком таковых вообще в русской литературе»¹¹. Кроме того начинающему китаисту приходилось решать третью задачу — вести преподавание «географии стран Дальнего Востока, истории Китая в связи с развитием его культуры, а также и по маньчжуроведению и монголоведению, — за неимением соответствующих преподавателей»¹².

Вместе с тем, как свидетельствует текст автобиографии, интенсивно шла научно-исследовательская работа, позволившая А.В. Рудакову защитить в 1903 г. в Санкт-Петербургском университете

диссертацию на тему «Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции» и получить ученую степень магистра китайской словесности¹³.

Важным направлением профессионального становления А.В. Рудаков считал зарубежные поездки, командировки. В течение 1900—1916 гг. он многократно ездил в разные города страны изучаемого языка. В анализируемом документе находим тому много подтверждений. Отметим лишь некоторые. С 1 мая по 1 сентября 1901 г. он находился в г. Мукдене, руководил экспедицией по изучению мукденской библиотеки. А.В. Рудакову вместе с коллегами П.П. Шмидтом и Н.В. Кюннером, студентом Восточного института К. Дмитриевым удалось установить отсутствие в этой библиотеке древних книг на европейских языках и опровергнуть мнение английского сиолога Паркера по этому вопросу. Библиотека имела собрание коллекций китайской литературы, юридических законов, известных под наименованием «Сы-ку-цюань-шу» в сотнях тысяч тетрадей и родословные записи членов царствовавшей в то время цинской династии на маньчжурском языке. Причем выяснилось, что данные записи относятся к тому периоду маньчжурской письменности, когда писали еще без диактрических знаков.

Весной и летом 1907 г. в Шанхае А.В. Рудаков знакомился с изменениями в китайском языке и с новой китайской литературой под руководством выдающегося ученого Лай Юйсюня, автора известного пособия литературного стиля «Ханьвэньдянь». Лай Юйсюнь обладал богатейшей эрудицией в области китайской письменности.

В 1910 г. А.В. Рудаков еще раз побывал в Шанхае, затем в Нанкине. По его оценке, эта поездка дала возможность ближе узнать торговый быт Китая и его промышленную деятельность и собрать обильный материал по этим темам. Кроме того, в поле зрения профессора-китаиста было изучение реформы в Китае и новых образований в китайском языке.

В автобиографии содержится общая оценка научных командировок в Китай. А.В. Рудаков пишет: они «дали мне возможность получить всестороннюю подготовку по китайскому разговорному языку и китайской и иностранной литературе предмета. И, в свою очередь, литература и пребывание в стране изучаемого языка послужили

основами для работ по следующим главным направлениям: собственно — язык и литература, а затем — общественные, политические и экономические отношения в стране»¹⁴.

Основная работа А.В. Рудакова, по его мнению, делилась на следующие категории: во-первых, фонетика языка, как современных китайских наречий, так и в ее историческом развитии, изучаемая на основе китайских, европейских и советских научных исследований; во-вторых, грамматика языка и, в-третьих, современное северное наречие или разговорный язык северного Китая¹⁵.

Постепенное накопление научного и учебно-педагогического опыта китаиста А.В. Рудакова сопровождалось научными статьями, монографиями, учебниками, учебными пособиями. По нашим подсчетам, выполненным с использованием приложений к автобиографии, «Библиографии Китая» П.Е. Скачкова¹⁶, архивных документов, за время трудовой деятельности А.В. Рудаков подготовил 26 работ, подавляющая часть которых была опубликована, другая часть готовилась к опубликованию. Не все удавалось сделать. Так, в письме китаисту В.М. Алексею (19 февраля 1928 г.) А.В. Рудаков пишет: «Издание моего труда по грамматике обще китайского литературного языка несколько замедлилось. Со второй половины сентября [1927 г.] я заболел и по требованию врачей принужден был пребывать в постели — дома и в больнице до середины февраля [1928 г.]. Теперь начинаю поправляться и опять принимаюсь за свою обычную работу. В настоящее время я имею возможность выслать Вам пока I выпуск. Всю первую и вторую части надеюсь закончить к концу 1928 года. Весьма признателен, что Вы с интересом отнеслись к моей работе... С получением I выпуска не откажите черкнуть несколько слов о моей работе. Замечания Ваши, как выдающегося специалиста, для меня будут особенно ценны. С почтением и преданностью, Ваш А.В. Рудаков»¹⁷.

Значительное место в автобиографии А.В. Рудакова занимает вопрос его руководства Восточным институтом. Приказом от 28 октября 1906 г. А.В. Рудаков был назначен директором вуза и проработал в этой должности свыше десяти лет — до 26 апреля 1917 г.¹⁸ Профессор китаист отмечал: «...мною в первую очередь было поставлено на прочных началах практическое изучение языков Д[альнего] В[ос-

тока], географии, истории культуры и быта Китая, Японии, Монголии, Тибета и Кореи. Во время 1907—1916 гг. привлечены новые преподавательские силы, оставлено при институте несколько молодых людей для приготовления к учебной деятельности, из которых некоторые впоследствии состояли профессорами и преподавателями В[осточного] И[нститута], усилено число лекторов восточных языков и в больших размерах предпринято издание учебных пособий. Было поставлено на широких началах дело командировок студентов в страны Д[альнего] В[остока]¹⁹. Далее А.В. Рудаков подчеркивал: «...в сфере создания специальных учреждений В[осточного] И[нститута]... пришлось положить немало труда при весьма неблагоприятных обстоятельствах. В частности, мною было обращено внимание на расширение библиотеки, устройство типографии и издание «Известий Восточного института». Помимо этого, было построено здание для студенческого общежития, оборудовано общежитие и открыта столовая»²⁰. За простым перечислением решенных задач кроется многотрудная ежедневная работа лично директора вуза и руководимых им коллективов—профессорско-преподавательского и студенческого.

Таким образом, страницы автобиографии А.В. Рудакова раскрывают важные аспекты профессионального становления китаиста, его талант и безграничную работоспособность, страстное, заинтересованное отношение к делу. А.В. Рудаков заложил практические основы преподавания китайского языка на Дальнем Востоке России, способствовал развитию коммуникаций между Россией и Китаем, становлению востоковедческого вуза на Дальнем Востоке.

Примечания

¹ Красное знамя. 1946. 28 июня.

² *Вяткин Р.В.* Аполлинарий Васильевич Рудаков (к 100-летия со дня рождения) // Народы Азии и Африки 1971. № 4. С. 216—218; *Врадий С.Ю.* Профессор китаеведения А.В. Рудаков // Известия Восточного института 1999. № 5. С. 68—74; *Еланцева О.П., Трубич О.А., Лю Лицю.* «Научить слушателей говорить, читать и писать по-китайски»: записки профессоров китайской словесности Восточного

института А.В. Рудакова и П.П. Шмидта (1915 г.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4 (34). С. 34—40; *Хисамутдинов А.А.* Аполлинарий Васильевич Рудаков, его труды и книжное дело в Восточном институте // Власть книги. 2006. № 6. С. 68—74 и др.

³ 柳若梅. 沟通中俄文化的桥梁 — 俄罗斯汉学史上的汉学家. 北京: 外语教学与研究出版社, 2010年. 358页.
Лю Жомэй. Китайско-российская культурная коммуникация: академические китаеведы в истории российского китаеведения. Пекин: Издательство изучения и преподавания языков, 2010.

⁴ Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева (далее ПГОМ). Владивосток. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5.

⁵ Архив востоковедов Института восточных рукописей (далее АВ ИВР РАН). Санкт-Петербург. Ф. 96. Оп. 1. Д. 82.

⁶ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁷ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 28171. Л. 2.

⁸ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹⁴ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 16.

¹⁵ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 16—17.

¹⁶ *Скачков П.Е.* Библиография Китая. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.

¹⁷ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее ПФА РАН). Санкт-Петербург. Ф. 820. Оп. 3. Д. 692. Л. 1—2.

¹⁸ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

¹⁹ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

²⁰ ПГОМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

*Яковкин Евгений Васильевич,
преподаватель ГБПОУ «Колледж олимпийского резерва Пермского края»*

РОССИЙСКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ПОЛИЦЕЙСКИХ СТРУКТУРАХ МАНЬЧЖУ-ДИ-ГО: 1932—1945 гг.

Аннотация. С образованием Маньчжоу-Го в 1932 г. власти нового государства стали привлекать на службу в полицейские структуры российских эмигрантов. На службу в полицию шли по разным причинам, но основных две — идеологическая и экономическая. Российские эмигранты служили в горнолесной, железнодорожной полиции, а так же в структурах государственной безопасности Маньчжу-Ди-Го.

В данной статье рассмотрены основные направления обучения, подготовки и деятельности российских эмигрантов в полиции Маньчжу-Ди-Го.

Ключевые слова: Маньчжоу-Го, российская эмиграция, Китай, Маньчжурия.

В 1932 г. в оккупированной японскими войсками Маньчжурии было создано «марионеточное» государство Маньчжоу-Го¹ во главе с правителем Пу И. В 1934 г. был опубликован «Закон об организации государства». В нем устанавливались основные органы управления государством². Среди органов управления государства был Административный отдел Маньчжу-Ди-Го, куда входило Управление полиции. В полицейские структуры молодого государства стали привлекать местное население, в том числе и русских эмигрантов. В то время в Маньчжурии проживало более 60 тыс. русских эмигрантов. Из

них 33 646 человек имели паспорта Маньчжу-Ди-Го. С 1935 г. стали формироваться русские полицейские формирования горнолесной полиции Маньчжу-Ди-Го. Эти полицейские отряды должны были бороться с хунхузами. Кроме того, русские служили в Управлении полиции Маньчжу-Ди-Го, а также в Управлении государственной безопасности Маньчжу-Ди-Го.

Полицейские отряды были размещены в уездах Хайлюнь, Учан, Мулинь, Теле и Ниньянь, а особые отряды лесной полиции — в уездах Вэйхэ и Наньянь. Для подготовки чинов русской полиции в 1938 г. была создана специальная полицейская школа. За один год она выпускала порядка 129 человек. Постепенно численность юнкеров полицейской школы увеличивалась, так как властям Маньчжу-Ди-Го требовалось гораздо больше подготовленных полицейских³. Подготовка сводилась к следующему: 1) воспитанию (моральная подготовка); 2) изучению специальных дисциплин; 3) прохождению строя (физическая подготовка) и прохождению военно-полевых занятий (общая подготовка). Также были установлены «Основные правила полицейских чинов Маньчжу-Ди-Го»:

1. Полицейский чин должен быть проводником принципов «Ван-Дао».

2. Полицейский чин должен быть оплотом содружества народностей.

3. Полицейский чин должен быть преданным государству и защищать правду.

4. Полицейский чин должен строго соблюдать дисциплину и стремиться к взаимному содружеству.

5. Полицейский чин должен быть правдолюбивым и честно выполнять свой долг.

6. Полицейский чин должен быть честным, справедливым и беспристрастным.

7. Полицейский чин должен стремиться к самовоспитанию и самосовершенствованию⁴.

Русские полицейские отряды к 1938 г. задержали более 3 тыс. хунхузов. Боролись они и против китайских и корейских партизан, участвуя в антипартизанских операциях совместно с войсковыми частями Маньчжу-Ди-Го. Были как победы, так и поражения. Так в

1937 г. в бою с корейским партизанским отрядом численностью в 80 человек погибли чины русской горнолесной полиции С. Истомирин, С. Филев и И. Заруцкий⁵. Для борьбы с хунхузами и партизанами создавались экспедиционные отряды. В начале января 1937 г. такой отряд под командованием С.К. Аладына разгромил хунхузов вблизи железнодорожной станции Яблоня⁶. Несомненно, успешная деятельность русских полицейских Маньчжу-Ди-Го повлияла на планы создания в начале 1938 г. такого войскового соединения из русских эмигрантов как отряд «Асано», который также впоследствии пополнялся бывшими чинами полиции. Так, в горнолесной полиции служил А.Н. Гукаев — один из видных офицеров отряда «Асано»⁷, кроме того в полиции служил самый известный боец отряда «Асано», погибший в 1939 г. в боях против советских войск у Номон-Хана — М.А. Натаров⁸.

Отметим еще одну из сторон службы русских полицейских — это служба в политической полиции Маньчжу-Ди-Го, которая тесно сотрудничала с Японской военной миссией в Харбине и Кемпэтай — военной полицией японской армии. Это касается политической полиции Маньчжу-Ди-Го. Всего же в Маньчжурии насчитывалось 18 000 сотрудников Кемпэтай, из них 400 секретных агентов. Руководил ими полковник Танака. С русскими агентами и сотрудниками работал Константин Накамура, сотрудник этой организации, принявший православие⁹.

1 июля 1937 г. было создано Министерство общественной безопасности, в ведение которого перешло Управление полиции численностью 69 тыс. чел. (на конец 1936 г.)¹⁰. При министерстве общественной безопасности было создано Управление государственной безопасности Маньчжу-Ди-Го. Это управление в тесном сотрудничестве с японскими военными стало своего рода секретной политической полицией Маньчжурского государства, можно даже прямо сказать — спецслужбой. Активно на службу в эти органы были привлечены русские эмигранты. Среди русских сотрудников политического сыска выделялись такие лица как Иван Степанов, Б.Н. Шепунов, Воронин, Серебров, Шаныгин, Смоляр и другие. Особенно среди них выделялся своей работой Б.Н. Шепунов, который начинал свою службу в Пограничном полицейском участке¹¹. При их

участии проводилась проверка служащих КВЖД. Заподозренных лиц немедленно арестовывали. Под подозрением были все, кто имел советские паспорта. Также аресту подвергались и сотрудники БРЭ-Ма. Арестованных, как правило, допрашивали с пристрастием. Поиск агентов ГПУ-НКВД ни на минуту не прекращался. Под маховик антикоммунистической борьбы в 1935—1937 гг. попадали и невинные люди, как например старший агент харбинской железнодорожной полиции Д.И. Шевченко. После двух месяцев ареста он был выпущен. Кроме него в тюрьмы попадали и десятки простых рабочих и служащих. Один из них, О. Лешко, бежал в Шанхай, где выпустил разоблачительную книгу о русских сотрудниках полиции — Шепунове, Мустафине, Рычкове и других¹². Но были и реальные успехи в борьбе с советскими агентами. Были разоблачены и схвачены такие советские агенты как бывший полковник В.С. Семенов и бывший генерал Г.И. Клерже. Последний сотрудничал с советской разведкой еще с 1920-х гг.¹³ Его также подозревали в сотрудничестве с разведкой армии Чан Кайши¹⁴. Оба они были расстреляны. В прояпонских русских эмигрантских газетах и журналах писалось «о блестящей работе политического сыска японской жандармерии и разоблачении советских агентов». Аресты и гибель невинных вызывали оторопь среди русских эмигрантов, что вело к негативному отношению к русским сотрудникам политической полиции Маньчжу-Ди-Го¹⁵.

В апреле 1943 г. в ходе реформы государственного аппарата Маньчжу-Ди-Го Министерство общественной безопасности упразднили, а на его основе было создано Главное полицейское управление Маньчжу-Ди-Го во главе с Сюнскэ Ямада. Русские полицейские продолжали нести свою службу. Велась борьба с партизанами, работали русские полицейские и в уголовном сыске, продолжали привлекать полицейских и к контрразведке, и даже к пропаганде¹⁶. По некоторым сведениям, русские чины полиции привлекались к работе с советскими перебежчиками в специальном лагере «Хогаин» в 60 км от Харбина. Из-за неудачного хода военных действий в годы войны для Японии изменялась и функция русских полицейских. Их все чаще стали использовать в военных операциях. Усиливалось сопротивление китайских и корейских партизан. Непокойно было и на советско-маньчжурской границе. Все чины горнолесной полиции

должны были участвовать также в диверсионной и разведывательной работе. Всего с начала создания русских полицейских отрядов и до 1944 г. русскими полицейскими было изъято у населения Маньчжу-Ди-Го 2 млн стволов и 5,5 млн патронов. Успехов в этом могло быть больше, но из-за недобросовестной работы их коллег-китайцев не всегда удавалось выполнить все задачи¹⁷. Юн Чжан в своей книге писала: «Полиция Маньчжоу-го представляла меньшую угрозу, чем обычные граждане. На самом деле среди полицейских многие не любили японцев. К их основным обязанностям относилась проверка прописки, и они часто обходили дома. Однако они всегда предупреждали о своем появлении громкими криками: «Проверка прописки! Проверка прописки!», так что все желающие могли вовремя спрятаться. Заслышав эти крики, бабушка прятала Ханьчэня в куче сушеного гаоляна, приготовленного в дальней комнате для топки. Полицейские неторопливо заходили в дом, садились, выпивали чашку чая и говорили бабушке извиняющимся тоном: «Понимаете, это просто формальность...»¹⁸.

1 июля 1944 г. отряды горнолесной полиции Маньчжу-Ди-Го были реорганизованы в полицейские участки. Официально это объяснялось тем, что в Маньчжурской империи было установлено полное спокойствие. Теперь полицейские должны были выполнять функции административной полиции¹⁹. С конца 1944 г. началось дезертирство из русских полицейских отрядов. Тем не менее, они просуществовали вплоть до августа 1945 г., когда из-за развала всей инфраструктуры общественного порядка в Маньчжу-Ди-Го в ходе скоротечной советско-японской войны, разбежались.

Примечания

¹ С 1934 г. Маньчжу-Ди-Го. Правильно именно такое написание, поэтому мы его будем в дальнейшем применять. — *Прим. автора.*

² Кейдун И.Б., Елисеева Я.А. Общая характеристика системы высших органов Маньчжоу-Го//Вестник Амурского государственного университета. 2010. Вып. 2010. Вып. 48. С. 32.

³ Пути Русских чинов полиции // Друг полиции. 1939. № 9. С. 16—17.

⁴ Подготовка полицейских кадров // Друг полиции. 1944. № 12. С. 20.

⁵ Русские защитники империи — бельмо в красном глазу // Наш путь. 1937. № 57.

⁶ Лихое дело русских охранников. Разгром шайки хунхузов терроризировавших Яблоню // Наш путь. 1937. № 8. С. 5.

⁷ ГАХК. Ф. Р. 830. Оп. 3. Д. 11945. Л. 1.

⁸ Памяти М. Натарова // Голос эмигрантов. 1942. № 30 (216). С. 15.

⁹ Raymond Lamont-Brown Kempetai. Japan's Dreaded Police. Gloucester, 1998. P. 63—66.

¹⁰ *Полутов А.В.* Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го (1937—1945 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С. 171.

¹¹ ГАХК. Ф. Р. 830. Оп. 3. Д. 53735. Л. 1,1 об., Л. 2.

¹² *Лешко О.* Русские в Маньчжугу. Шанхай, 1937.

¹³ Из воспоминаний Э.Б. Найдиса о контактах представителей советской разведки с атаманом Г.М. Семеновым. Архив СВР России. Д. 27733. Л. 61—74 // Русская военная эмиграция 20—40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 7. Восточная ветвь. 1920—1928 гг. М., 2015. С. 846—847. Что интересно, историк А.Л. Посадков пытается «обелить» Клерже в своем очерке (см.: *Посадков А.Л.* Либеральный полковник из Осведверха: лабиринты судьбы Г.И. Клерже — офицера, журналиста и мемуариста // Клерже Г.И. Революция и гражданская война. Новосибирск, 2012) заявляя о том, что он не был советским агентом. Хотя есть документы из архива службы внешней разведки России, которые говорят об обратном — см., например: *Рапорт Г.Г.* Ягоды Сталину о санкции на компрометацию атамана Г.М. Семенова сотрудничать с НКВД. Архив СВР России. Д. 16545. Т. 8. Л. 96—97 // Русская военная эмиграция 20—40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 8. Противостояние. 1927—1941. М., 2016. М. 711—712.

¹⁴ ГАХК. Ф. Р. 830. Оп. 3. Д. 20551. Л. 32.

¹⁵ *Балакишин П.* Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. Т. 1. М., 2013. С. 272—283.

¹⁶ Военные реформы правительственных органов Маньчжу-Ди-Го // Друг полиции. 1943. № 5. С. 19—21.

¹⁷ *Балмасов С.С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 428—435.

¹⁸ Юн Чжан Дикие лебеди: Три дочери Китая. СПб., 2008. С. 89.

¹⁹ Лесные полицейские отряды реорганизованы в полицейские участки // Друг полиции. 1944. № 8. С. 4—5.

*Харитоновна Анна Михайловна,
аспирант Восточного факультета
Санкт-Петербургского государственного университета*

ПОЛИТИКА КНР ПО ОТНОШЕНИЮ К СТРАНАМ ИНДОКИТАЯ В 1950-е — 1960-е ГОДЫ

Аннотация. После образования КНР перед ее руководителями встала задача по возвращению традиционного доминирования Китая в Индокитае и Юго-Восточной Азии в целом, утраченного в XIX в. с приходом европейцев в регион. В свою очередь, страны Индокитая стали активно пытаться проводить самостоятельную политику, выстраивая новую систему отношений с «северным соседом». Посредством установления дипломатических отношений с КНР страны Индокитая пытались регламентировать действия КНР и оградить себя от вмешательства Пекина во внутренние дела. С другой стороны, восстановлению традиционного влияния мешали такие новые игроки в регионе, как США и СССР. Данный доклад посвящен основным направлениям китайской политики в рассматриваемом регионе в указанный период.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Индокитай, внешняя политика КНР, СССР, США.

Когда в 1949 г. было объявлено об образовании Китайской Народной Республики, перед ее руководителями встала непростая задача по возвращению традиционного доминирования Китая в Индокитае и Юго-Восточной Азии в целом, утраченного в XIX в. с приходом европейцев в регион.

Одним из первых средств достижения поставленных целей была «картографическая агрессия». Суть этой акции заключалась в том, что Китай печатал географические карты, на которых многие страны Юго-Восточной Азии были включены в его состав. Эти действия на тот момент имели только демонстративный характер, поскольку реальной силой для подобной экспансии Китай еще не обладал. На протесты стран Юго-Восточной Азии китайское правительство не реагировало. Напротив, был написан ряд книг «об утраченных территориях» в колониальный период, которые должны были быть возвращены обратно в состав Китая. Такие акции не возымели должного эффекта, они скорее разожгли антикитайские настроения и боязнь Китая в политических элитах стран ЮВА на многие годы вперед. Из-за карт с обозначением «утраченных территорий» у КНР ухудшились отношения с Индией, поскольку на этих картах южные границы Китая доходили до реки Брахмапутры в штате Ассам. Также Китай на картах включал в состав КНР северную часть Бирмы и присалуинский район. Существовали и другие рычаги давления Китая на соседние государства: «ставка на приход к власти и победу коммунистических партий»¹, с которыми китайские коммунисты были тесно связаны.

В свою очередь, страны Индокитая стали активно пытаться проводить самостоятельную политику, выстраивая новую систему отношений с «северным соседом». Посредством установления дипломатических отношений с КНР страны Индокитая пытались регламентировать действия Китая и оградить себя от его вмешательства во внутренние дела.

После провозглашения Китайской Народной Республики правительство при помощи мощной финансовой и технической поддержки СССР начало восстанавливать разрушенную промышленность, сельское хозяйство и инфраструктуру. Вместе с этим КНР стала активно развивать торговое сотрудничество с другими странами народной демократии. В том числе с Демократической Республикой Вьетнам, с которой 7 апреля 1952 г. были утверждены условия товарообмена. 25 августа 1953 г. был подписан протокол о пограничной торговле. «В 1952 г. Китай поставил Вьетнаму товаров на 1,9 млн руб. и на 9,7 млн руб. в 1953 г., закупив у него на 1,4 млн руб.

в 1952 г. и на 2,7 млн руб. в 1953 г.»². В основном, Китай экспортировал во Вьетнам ткани, машины, обувь и лекарства, импортировал оттуда свинец, олово, лаки, скот и чай.

Вьетнам называется китайскими исследователями одним из двух государств (второй страной была КНДР), получавших максимальную помощь КНР³.

Отсчет истории оказания государственной поддержки Северному Вьетнаму идет с 18 января 1950 г., когда Китай первым среди стран мира признал Вьетнамскую Демократическую Республику и установил с ней дипломатические отношения. В конце того же месяца Хо Ши Мин прибыл в Пекин и попросил о помощи⁴.

Бывший посол Вьетнама Хоанг Ван Хоан (Hoàng Văn Hoan) (1910—1991) писал в воспоминаниях, что в 1950—1954 гг. в годы вьетнамско-французской войны КНР была единственной страной, оказавшей военную помощь Вьетнаму⁵. Тогда Вьетнам получил от Китая безвозмездную помощь на сумму 160 млн юаней в виде денег и товаров, в том числе таких дефицитных, как вермишель, изюм, вино, китайские лекарства, сигареты и др.⁶

Однако, несмотря на активное торговое сотрудничество, в вопросах объединения Вьетнама позиция КНР была иной. На Женевской конференции, по мнению многих иностранных наблюдателей, Пекин не хотел видеть Вьетнам единым государством. Так, после подписания Женевских соглашений премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай предложил представителю сайгонского правительства открыть свою миссию в Пекине⁷.

Можно увидеть двойную игру, которая велась КНР по отношению даже к Демократической Республике Вьетнам. С одной стороны, КНР не хотела, чтобы Вьетнам был объединен, и пыталась установить рабочие отношения с Южным Вьетнамом, с другой стороны, в июне-июле 1955 г. велись переговоры между двумя странами об установлении отношений на основе пяти принципов мирного сосуществования. Также КНР и ДРВ выступили против нарушений Женевских соглашений⁸.

Согласно китайским статистическим данным, в разные периоды КНР предоставляла Вьетнаму следующие объемы военной помощи:

1956—1961 гг. — 270 000 ед. легкого огнестрельного оружия, 10 000 пушек, 200 млн патронов, 2 020 000 артиллерийских снарядов, 15 000 проводных телефонных аппаратов, 5000 раций, 1000 легковых автомобилей, 15 самолетов, 28 кораблей, 1 180 000 комплектов военной одежды⁹.

В 1962-1964 гг. — свыше 90 000 ед. легкого огнестрельного оружия, 466 пушек, 21 млн патронов, 76 400 артиллерийских снарядов¹⁰.

В августе 1956 г. Китай посетил премьер-министр Лаоса Суванна Фума. В совместном заявлении стороны отметили, что договорились развивать экономические и культурные связи на основе пяти принципов мирного сосуществования. Лаос обещал проводить политику нейтралитета и не участвовать в военных союзах, а также не размещать на собственной территории иностранных военных баз¹¹.

Активность КНР в Лаосе обуславливалась соображениями национальной безопасности. Главным образом, Пекин в этой стране преследовал цель не допустить там роста влияния других крупных держав — таких как США и СССР — чтобы избежать появления иностранных воинских контингентов у своих границ. Руководство КНР активно поддерживало лаосские революционные силы и оказывало им всяческую поддержку из Южного Китая, позиционируя себя спонсором и защитником освободительного движения в Индокитае. Среди лаосских коммунистов не было ярко выраженных прокитайских сил — там более сильным было влияние Вьетнама. Поэтому Пекин преследовал цель создать потенциал своего влияния — этим потенциалом были военное присутствие Китая в Лаосе и строительство им там сети дорог. Хотя оказывалась и другая помощь. Еще в 1952—1954 гг., во время войны против Франции, Китай направлял в Лаос военных и технических специалистов, политработников, а также деньги и снаряжение. Например, основная масса стрелкового оружия, состоявшего на вооружении Народно-освободительной армии Лаоса, была китайского производства¹².

Вьетнамский капитан Май Дай Хап (Mai Dai Hap), в 1964—1966 гг. состоявший при одном из батальонов Патет Лао, сообщает, что в те годы по территории южной части Китая проходили безопасные маршруты, связывавшие север Вьетнама и Лаоса¹³. Из китай-

ской провинции Юньнань в лаосскую провинцию Намтха шли грузы военной, продовольственной и другой китайской помощи, включавшей мясо, молоко, рыбу и рыбный соус, сигареты, мыло, зубную пасту, обувь, одежду и т. д.¹⁴

Программа помощи коммунистам Лаоса могла успешно выполняться благодаря быстрому строительству китайцами дорог, которые прокладывались начиная с 1962 г. На рубеже 1962—1963 гг. китайцы построили дорогу длиной 80 км, связавшей китайскую провинцию Юньнань с лаосским административным центром Пхонгсали¹⁵. Впоследствии дорожная сеть развивалась, и к началу 1970-х гг. дороги были доведены до Дьен Бьен Фу, соединив Юг Китая, Север Лаоса и Север Вьетнама. Отдельная дорожная ветка была отведена к пункту Пак Бенг на реке Меконг близ тех районов Таиланда, где шло повстанческое движение против тайского правительства¹⁶. Одновременно с этим строились дороги, ведущие в труднодоступные районы Лаоса, где базировались поддерживаемые китайцами антиправительственные силы.

Относительно причин, побуждавших Китай строить в Лаосе дороги, высказывались различные предположения. Главные причины, скорее всего, сводились к следующим. Дорожная сеть могла позволить китайским военным быстро перебрасывать силы на опасные участки в Лаосе. Дороги облегчали и ускоряли процесс оказания помощи Вьетнаму, лаосским и даже тайским повстанцам, находившимся всего в 30 км от Пак Бенга. Подконтрольные Китаю дороги служили также рычагом давления на Северный Вьетнам, стремившийся вмешаться в коммунистическое движение в Лаосе.

В строительстве дорог участвовали специальные инженерные части, насчитывавшие от 3 до 10 тыс. строителей, защищенных китайскими солдатами с суши и воздуха¹⁷.

Имеются сведения, что большие группы лаосцев проходили военное, техническое и политическое обучение в КНР. Количество этих людей определить трудно, но счет идет явно на тысячи¹⁸.

Координация помощи Лаосу, вероятно, осуществлялась через Китайскую экономическую и культурную миссию, находившуюся в провинции Сиенгхуанг, и Генеральное консульство Китая в Пхонгсали. Точные объемы помощи в цифрах пока автору установить не

удалось, поскольку, судя по всему, они еще не обнародовались китайской и лаосской сторонами.

Относительно помощи Камбодже имеются такие данные. С 1957 г. по 1969 г. КНР оказал Камбодже военную помощь на сумму 36 млн юаней, экономическую помощь на сумму свыше 200 млн юаней¹⁹. В эти годы в Камбодже в длительных командировках побывало 1153 технических специалиста²⁰. На учебу в Китае приняли 205 кхмерских стажеров. На территории Камбоджи китайцами было обучено свыше 3000 кхмерских специалистов²¹.

С началом «культурной революции» курс внешней политики был резко радикализован. Велись переговоры с Хо Ши Мином с целью организации культурной революции во Вьетнаме, однако Хо Ши Мин этой инициативы не поддержал. Во второй половине 1960-х китайская пропаганда широко использовала свое влияние на китайское население в странах ЮВА. В результате такая политика Китая способствовала на рубеже 1967—1968 гг. резкой активизации партизанских выступлений в Бирме, Таиланде, Камбодже и прочих странах ЮВА и АТР. Все это происходило при непосредственной материальной, финансовой и военной помощи со стороны КНР²².

Здесь необходимо сказать о политике СССР по отношению к странам Индокитая в 1950—1960-е гг. В первую очередь, таких интенсивных отношений, как у КНР, не было. Так, например, утверждение о непосредственном участии СССР в Августовской революции, по мнению ученых И.А. Коноровой и И.В. Коровяковского, не обосновано²³. К тому же впоследствии интересы СССР во Вьетнаме были доверены посольству КНР как союзнику СССР в Азии²⁴. Однако, несмотря на географическую отдаленность Индокитая и отсутствие первостепенности в направлении внешней политики, СССР оказывал опосредованное влияние на регион. Это, в первую очередь, выражалось в экономическом сотрудничестве. Первой страной, с которой стало налаживаться сотрудничество, была Демократическая Республика Вьетнам. Не менее важным аспектом была военная помощь вьетнамским коммунистам; через территорию Китая переправляли оружие, снаряжение для бойцов народной армии и прочее. Длительное время осуществлялась политика на развитие экономического и научно-технического сотрудничества. СССР пре-

доставлял безвозмездно Северному Вьетнаму помощь в размере 400 млн руб., и кредит — 160 млн руб. Кроме того, во Вьетнам были отправлены советские специалисты для проведения геологоразведочных работ, а также для восстановления и строительства различных предприятий.

После Женевской конференции Индокитай приобрел геополитическое значение для СССР. Находясь в открытой конфронтации с США, СССР, так же как КНР, стремился (в том числе и за счет стран Индокитая) увеличить количество стран «социалистической системы».

Таким образом, можно проследить основные тенденции в политике КНР по отношению к странам Индокитая в указанный период. В первую очередь, для Китая Индокитай был традиционной сферой влияния, в то время как Советский Союз не был связан многовековой историей взаимоотношений со странами региона. КНР оказывал мощную экономическую и военную поддержку странам Индокитая. Для сравнения, СССР в силу отсутствия первостепенных внешнеполитических целей в регионе оказывал военную и экономическую помощь в ограниченном объеме. Однако, по мере разворачивания конфликта при участии США в Индокитае помощь Советского Союза была значительно увеличена.

Примечания

¹ *Мосяков Д.В.* Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М., 2012. С. 25.

² *Каница М.С.* КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979. С. 37.

³ 钱亚平 60年来中国的对外援助: 最多时占国家财政支出7% 《瞭望东方周刊》.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ *Глазунов Е.П.* В дни войны и мира (из записных книжек). М., 2010. С. 335.

⁸ После совещаний в Женеве США включили Южный Вьетнам, Камбоджу и Лаос в зону «обороны» по Манильскому договору, усилили вооружение и обучение южновьетнамских войск.

⁹ 寇溪慈, 中国历时最长、投入最大的对外援助: 漫漫援越抗美路 《文史参考》2010年第17期

¹⁰ Ibid.

¹¹ *Kanuца М.С.* КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979. С. 131.

¹² *Paul F. Langer.* The Soviet Union, China and the Pathet Lao: Analysis and Chronology. California: Rand Corporation, 1972. P. 19.

¹³ Об этом сообщается в 8 главе книги: *Paul F. Langer, Josef J. Zasloff.* North Vietnam and the Pathet Lao. Harvard, 1970.

¹⁴ *Paul F. Langer.* The Soviet Union, China and the Pathet Lao: Analysis and Chronology. California: Rand Corporation, 1972. P. 19.

¹⁵ Ibid. P. 21.

¹⁶ Ibid. P. 21.

¹⁷ Ibid. P. 24.

¹⁸ Ibid. P. 24.

¹⁹ 王泰平主编:《中华人民共和国外交史(1957~1969)》第2卷, 世界知识出版社1998年版, 第53页.

²⁰ Сведения приводятся по: 中国对柬埔寨经济技术援助的历史探析 (1956—1970). 中国浦东干部学院学报. 2014. № 01.

²¹ Подробнее см.: *Харитонова А.М.* Внешняя политика КНР в отношении Королевства Камбоджа в 1950—1960-х гг. // Китай и соседи. Сборник материалов 1-й научной конференции молодых петербургских востоковедов. СПб.: изд-во ЛЕМА, 2016. С. 112—116.

²² *Мосяков Д.В.* Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему. М., 2012. С. 3 四库全书

²³ *Конорева И.А., Коровяковский И.В.* Советский Союз и международные локальные конфликты в Индокитае: середина 40-х — начало 70-х гг. XX в. // Ученые записки. 2010. № 3. С. 84.

²⁴ Там же. С. 84.

СПИСОК АВТОРОВ

Безпрозванная Яна Михайловна, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета.

E-mail: byanam@rambler.ru

Волошина Анна Валерьевна, младший научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: anna-voloshina1136a@yandex.ru

Волощак Валентин Игоревич, магистрант направления подготовки «Зарубежное регионоведение» Дальневосточного федерального университета.

E-mail: vvoloshchak@gmail.com

Глотова Мария Павловна, младший научный сотрудник сектора инновационной политики ИМЭМО РАН.

E-mail: mariaglotovaql@yandex.ru

Грузинов Иван Ильич, аспирант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: gruvan@yandex.ru

Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД России, научный сотрудник ИВ РАН.

E-mail: doa_78@mail.ru

Дьячков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД России.

E-mail: dyachkov@naver.com

Заклязьминская Екатерина Олеговна, аспирант ЦСЭИК ИДВ РАН.

E-mail: Ekaterina.zakl@gmail.com

Захарова Людмила Владимировна, старший научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН.

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Игнатов Александр Александрович, магистрант НИУ ВШЭ.

E-mail: aaignatov@hse.edu.ru

Киреева Анна Андреевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения, заместитель декана Факультета политологии МГИМО МИД России.

E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Ковлеков Кирилл Иванович, магистрант Института зарубежной филологии и регионоведения ФГАОУ ВО Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

E-mail: aevin.laelist@gmail.com

Кулинцев Юрий Викторович, аспирант Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС.

E-mail: yurysun@yandex.ru

Лешакова Наталья Павловна, аспирант кафедры экономики и экономической географии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: Shiningn@yandex.ru

Лобов Роман Николаевич, аспирант Центра корейских исследований ИДВ РАН; преподаватель Института практического востоковедения Московской международной академии.

E-mail: romanlob@hotmail.com

Лю Лицю, аспирант департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: jjayouliqiu2012@163.com

Малашевская Мария Николаевна, преподаватель, ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: malashevskaya@gmail.com, m.malashhevskaya@spbu.ru

Матвеева Наталья Игоревна, Российский государственный социальный университет.

E-mail: natalia.matveyeva@yandex.ru

Милеев Дмитрий Александрович, научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока ИВ РАН.

E-mail: dim.mil@mail.ru

Мокрецкий Александр Чеславович, научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: 88am@mail.ru

Нежданов Владимир Львович, магистрант по специальности «Мировая политика», Тюменский государственный университет.

E-mail: vn1993@yandex.ru

Нелидов Владимир Владимирович, преподаватель кафедры востоковедения МГИМО (у) МИД РФ, аспирант МГИМО (у) МИД РФ.

E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Платонова Варвара Дмитриевна, аспирант Центра корейских исследований ИДВ РАН.

E-mail: varvaraplatonova@yahoo.com

Полхова Екатерина Владимировна, аспирант кафедры теории и истории международных отношений Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: Polkhovez08@yandex.ru

Садаков Денис Андреевич, аспирант кафедры всеобщей истории и политических наук Вятского государственного университета.

E-mail: rstk2005@gmail.com

Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН.

E-mail: vikipak@yandex.ru

Санин Константин Алексеевич, магистр по специальности «Зарубежное регионоведение», аспирант Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

E-mail: sanin.k.a@my.mgimo.ru.

Семенов Алексей Александрович, младший научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: alexeisemenoff@mail.ru

Симонова Анастасия Игоревна, магистрант кафедры сравнительной политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: stasya_simona@mail.ru

Синякова Анна Филимоновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского, монгольского языков МГИМО (у) МИД России.

E-mail: annasinyakova@yandex.ru

Скосырев Владимир Алексеевич, магистрант ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: SkosyrevVladimir@gmail.com

Ставров Иван Валерьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела китайских исследований ИИАЭ ДВО РАН.

E-mail: stavivan@yandex.ru

Файншмидт Роман Иосифович, магистрант программы «Социально-экономическое и политическое развитие современной Азии», НИУ ВШЭ.

E-mail: fbromau@gmail.com

Халиков Нияз Фанисович, магистрант кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Niyazjordan39@gmail.com

Харитоновна Анна Михайловна, аспирант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: an.m.kharitonova@gmail.com

Харитоновна Дарья Викторовна, аспирант Московского государственного областного университета, научный сотрудник Отдела евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ.

E-mail: dariahar09@gmail.com

Цвык Анатолий Владимирович, преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН.

E-mail: a.tsvyk91@mail.ru

Чубаров Илья Георгиевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

E-mail: ilya.chubarov@gmail.com

Чэнь Сяо, аспирант ЦСЭИК ИДВ РАН.

E-mail: xiaoxiao2016@yandex.ru

Щенкова Татьяна Александровна, кандидат экономических наук, руководитель направления Департамента международного сотрудничества En+ Group.

E-mail: tatiana.shchenkova@enplus.ru, tshenkova@yandex.ru

Эм Павел Павлович, кандидат географических наук, научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географии РАН.

E-mail: paveldreamer@gmail.com

Яковкин Евгений Васильевич, магистр истории, преподаватель общественных дисциплин в Колледже олимпийского резерва Пермского края.

E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru

ABSTRACTS

The proceedings of the IV International Scientific Conference of Young Orientalists, which was held at the Institute of Far Eastern Studies in November 2016, include papers on different aspects of interaction and cooperation among East Asian countries within the modern security structure. Part of the presentations cover current issues of political and economic development of Russia, China, Japan, South and North Korea. Some issues of historical, cultural and social heritage of Russia's Far Eastern neighbors are also explored.

Keywords: East Asia, Russia, China, Korea, Japan, security, cooperation.

Politics

Kireeva Anna (MGIMO University)

Russia's Asian Pivot: Trends and Challenges

The article analyses key dimensions, trends and challenges of Russia's East Asian policy. Russia's Asian Pivot, which dates back to the 2000s, gained momentum in 2014 due to the Ukrainian crisis and confrontation with the West. Retaining balance in Russia's Asian Pivot between China on one hand and other Asian states on the other remains one of the major goals of Russia's policy in East Asia. Notwithstanding a general negative trend of trade turnover and investment decline, some positive changes are also to be counted on. New economic projects involving China, Japan, South Korea and ASEAN states have the potential to become the foundation of qualitatively different relations in the future.

Keywords: Russia, East Asia, China, Japan, South Korea, North Korea, ASEAN.

Mokretskiy Alexander (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

About China's Great Power Diplomacy with Chinese Characteristics

Diplomacy is an important tool for a comprehensive policy and strategy of any state in the world. Chinese diplomacy is no exception. Over sixty-seven years of

state existence China's diplomacy has followed its specific way, creatively using well-tested methods of foreign countries, its own ideas and cultural traditions.

Keywords: China, great power diplomacy with Chinese characteristics, new political and economic international order.

Gruzinov Ivan (Institute of Asian and African Studies, Moscow State University)

Foreign Policy Aspects of the “Chinese Dream” Concept

The “Chinese dream” concept is not only a slogan, but also a new political and social program of China. However nobody still knows what this dream of rejuvenation actually means. Now the fifth generation of Chinese leaders uses both the soft power and the hard power in the Chinese foreign policy. And it is possible the “Chinese dream” will return China to the position of regional dominating power. This report represents an attempt to analyze the key aspects of modern Chinese foreign policy.

Keywords: CPR, the “Chinese dream” conception, foreign policy, soft power, hard power, One Belt and One Road.

Voloshina Anna (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

The Taiwan Issue in the Modern Sino-American Relations

The change in the balance of power between China and the U.S. after 2008, the proclamation and implementation of the U.S. “pivot to Asia” strategy, and China's announcement of the aim to build a “new type of great power relations” with the United States set the task of considering the role which the Taiwan issue plays in the modern Sino-American relations.

It is sure to list some changes: the significant ease of cross-strait tensions during the administration of Ma Ying-jeou and diminished prospects for turning the Taiwan issue into a point of conflict in the China-U.S. relations.

Though, the author argues, the disagreement on Taiwan issue, that has been existing between Beijing and Washington for a long time, has not been resolved. The victory of the DPP candidate Tsai Ing-wen in the Taiwan's presidential elections can present a new challenge to China and the U.S.

Keywords: China, U.S. policy, “pivot to Asia”, Taiwan issue, North-East Asia, core interests, arms sales, new administration.

Tsvyk Anatoly (Peoples' Friendship University of Russia)

The Evolution of the Strategic Partnership between China and Germany

The article highlights the evolution of Sino-German strategic partnership. In the author's point of view, the decision to upgrade China-Germany relationship

from the one of “partnership in global responsibility” to the one of “comprehensive strategic relationship” includes not only economic, but also strategic and political partnership. The author concludes that the very term of the “comprehensive strategic partnership” between China and Germany is meant to reflect the “special” nature of the relationship between the two countries.

Keywords: PRC, Germany, foreign policy of China, strategic partnership.

Nezhdanov Vladimir (Tyumen State University)

Arctic Cooperation Between Russia and China: Contemporary Work and Prospects

Today the Arctic region became a promising place not only for domestic development of the eight Arctic states, but also for international cooperation. For Russia, the point of special interest among all non-Arctic countries was China. China claims itself to be a “near-Arctic” nation and defines the Arctic region as the international heritage object. It is important to mention that the Russian part of the Arctic region is the most developed part. As a result Russia has extra possibilities in the Arctic to attract investments and to foster international cooperation development. At the same time the Russian Arctic can take a big part in Russian “Pivot to the East” policy. However the main challenge for cooperation between Russia and China in the Arctic are well developed governmental contacts, but under-developed cooperation between small and middle entrepreneurship of both states or the absence of such cooperation.

Keywords: PRC, Russia, Arctic, Arctic Council, investments, Pivot to the East, Northern studies.

Mileev Dmitry (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

Japan's Role in Building Security Architecture in East Asia.

The collapse of the bipolar system caused significant transformations in world's political and strategic balance of powers. It had particularly big impact on the Asia-Pacific nations. Japan tries to play a more vigorous political and security role in East Asia more and more often, neighboring countries show a range of reactions. Japan increases its military spending and willingness to take a more assertive role in the matters of international security in East Asia. Several East Asian nations now seem to view Japan as an important strategic counterweight to China. Japan's modern security policy rests on three pillars: strengthening the comprehensive alliance with the United States; building up its own defense capabilities; developing military and political ties with potential partners to “contain” China.

This report represents an attempt to analyze the future role of Japan in East Asia, and the prospects for managing security in the region.

Keywords: Japan, modern security policy, the Japan-U.S. Alliance, China, F-35.

Nelidov Vladimir (MGIMO University)

The Chinese Factor as a Driving Force of Japan's Military Policy at the Beginning of the 21st Century

The transformation of Japan's military policy at the beginning of the 21st century is, to a large degree, caused by the necessity to counter new threats the country is facing in the modern world. The analysis of the program documents of Japan's military policy demonstrates that among these threats, according to the opinion of the authors of Japan's national security policy, the Chinese issue takes a significant place. This problem is manifested both in the presence of territorial claims the PRC is making against Japan and other neighboring nations and in the growth of the PLA's military might. It is the "containment of China" and strengthening the defense of Japan's southwestern frontiers, vulnerable in the case of a potential conflict with the PRC, that many of the steps Tokyo is taking in the field of military policy are aimed at. While these steps have a reactive and defensive nature, they can indirectly affect the security of the Asia-Pacific region in general as well as that of the Russian Federation in particular.

Keywords: Japan, military policy, national security, Japan Self-Defense Forces, PRC.

Dobrinskaya Olga (Diplomatic Academy, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

Rapprochement between Japan and NATO: Implications for East Asia

Closer relations between Japan and NATO are the result of the expanding sphere of interests of the Alliance as well as a more active global diplomacy and defense policy conducted by Shinzo Abe. Mutual contacts, which started in the 1990s, are gradually entering the stage of a more systemized interaction which combines both political and practical cooperation. The rapprochement between Japan and NATO focuses on global cooperation while their regional cooperation is limited. The involvement of the Alliance in Asian affairs may exacerbate tensions in the region but at the same time it has the potential to become give momentum to building trust in East Asia.

Keywords: NATO, Shinzo Abe, Afghanistan, US-Japan alliance, East Asia.

Malashevskaya Maria (Saint-Petersburg State University)

Border Conflicts Research in the Big Eurasia on the Pages of "Eurasia Border Review"

Paper concerns researches of border conflicts and models of cross border cooperation among Eurasian nations, which appears on the pages of "Eurasia Border Review", published by Hokkaido University Slavic-Eurasian Centre since 2010. It focuses on the most important topics in the publications: South Asia border con-

flicts; border tensions around Russia from Northern Europe to East Asia; border tensions around China.

Keywords: Big Eurasia, border studies, Japan and PRC, Japanese-Russian relations.

Kharitonova Daria (Institute of Commonwealth of Independent States)

Strengthening of the Russian-Japanese Relations as the Main Vector of Russia's Far Eastern Policy

Last year the Russian-Japanese political and economic cooperation showed its development, even in the preservation of the financial and economic sanctions against Russia, and the unsolved problem of the so-called “northern territories”. For Moscow, the priority vector of bilateral relations is the involvement of Tokyo in the development of the Russian Far East. In particular, it is desirable not only to stop the population outflow from the region, but also to make this region economically prosperous based on the territories of advanced development and the free port of Vladivostok. Japan — if involved into this processes — will contribute to the balance between political forces. First of all, it is essential to implement the eight main guidelines of thirty projects, agreed between the leaders of our countries, first in Sochi, and then at the second Eastern Economic Forum in Vladivostok.

Keywords: Japan, Russia, “northern territory”, Far East, TAD, economy project.

Voloshchak Valentin (Far Eastern Federal University)

The Reinterpretation of Article 9 of the Japanese Constitution: the Representation in Republic of Korea's Media

In the beginning of the XXI century Japanese government faced a necessity of new interpretation of pacifist Constitution. After the Liberal Democratic Party of Japan came to power in 2012, the Shinzo Abe administration started to take steps to promote the constitutional reform. Such a fundamental initiative couldn't have helped causing a reaction of world's society and raising a discussion in the media of Republic of Korea, one of the strongest military powers in East Asia. The reaction of South Korean public, being an important indicator of bilateral relations, needs careful examination.

This report is a review of how South Korean media represent Japanese constitutional revision. The analysis articles in both English and Korean languages of major Korean newspapers Joongang Ilbo, Chosun Ilbo, Dong-A Ilbo, Hankook Ilbo, Kyunghyang Shinmun, Hankyoreh, Kukmin Ilbo, The Korea Times is conducted in order to identify the keynotes of Korean public attitude to modern Japanese military policy.

Keywords: Republic of Korea, Japan, mass media, constitutional reform, Self-Defense Forces.

Ilya Dyachkov (MGIMO University)

Foreign Policy of the DPRK: Distinctive Features

Despite all the domestic and foreign challenges Pyongyang faces, the DPRK manages not only to survive, but also to influence international agenda in North East Asia to a considerable degree. A major factor is North Korea's foreign strategy and skill it demonstrates in balancing between major powers and exploiting pressing international issues.

This report examines the difficulties a researcher of North Korean policies faces, the role of the nuclear issue in Pyongyang's diplomacy in recent decades and in the future, and relations between the DPRK and its major partners and opponents abroad.

Keywords: North Korea, DPRK, North East Asia, foreign policy decision-making, foreign policy, Korean Peninsula nuclear problem.

Economics

Simonova Anastasiia (Moscow State University)

Chinese Experience in Family Planning Policy: Results and Implications

The question of fertility is one of the most acute in China. In view of the demographic boom that shook China in the 1960–1970s, the PRC Government has developed and brought into life the policy of birth control, known as “One family, one child”. Under current conditions, this demographic policy has ceased to meet demands of the Chinese society, which has led to its gradual weakening. In October 2015, Beijing hosted the 5th Plenary Session of the CPC Central Committee of the 18th convocation. According to the decision of the plenum, it was permitted to have two children in China. This policy in due course will still be subject to change, as Chinese government is still working on the creation of an effective fertility policy for China which can prevent the overpopulation of China and will smooth the present gender imbalance, as well as increase the share of the working age population in China.

This report attempts to conduct a situation analysis related to fertility in China and make a prediction about its future.

Keywords: China, fertility, family, children, population policy.

Zakliazminskaja Ekaterina, Chen Xiao (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science)

Tourism Industry in China

Tourism in China has started to grow since the country initiated implementation of its open-door policy in 1978 and in just 38 years it has achieved impressive

goals. In the development of domestic, inbound and outbound markets China occupies the top places in the world. China even has a potential to become one of the world's great tourism economies.

This report attempts to provide a comprehensive analysis of tourism industry in the PRC, make conclusions about the significance of tourism sector in the development of China's national economy, and discuss future development of the industry.

Keywords: China tourism industry, inbound tourism, outbound tourism, domestic tourism, the 13th Five-Year Plan.

Glotova Maria (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO))

Eco-city Development as a Part of China's Innovation Policy

The environmental situation in China forces the PRC government to take steps aimed at reducing country's negative impact on the environment. Since it is obvious that existing methods are not efficient to resolve the problem, the emphasis was put on innovations, which has been regarded as the key driver of China's socio-economic development since March 2016. The PRC leadership implements measures promoting development of eco-cities, but the focus is still on individual projects and their technological component, not on the integrated adoption of innovation in the urban environment, which is seen as the most demanded.

This report represents the analysis of Chinese government current policies in the sphere of ecological innovations, identifying its specific characteristics and key challenges.

Keywords: China, economy, ecology, innovation, sustainable development.

Chubarov Ilya (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

Hukou Reform as Part of "New Urbanization Strategy" of China

One of the key components of the "new urbanization" course started in China in 2014 is the reform of residence registration system. Along with other measures, it aims to facilitate relocation of peasants to the cities, increasing the number and quality of urban population. The main goal is to stimulate domestic demand, to create modern social structure and to eliminate imbalances between the level of development of cities with different sizes and in different parts of the country. "New urbanization" actually abolished differences between rural and urban residence which existed since the mid-1950s. With the introduction of "residence permit" (ju zhu zheng) in 2016 permanently residing migrants can gain access to basic social security and public services. However, the course to facilitate rural workers moving to cities does not include major overcrowded metropolitan areas. In

Beijing, the government has developed an experimental point system assessing potential candidates for registration based on their work experience, level of education, age and other factors. These temporary rules will operate in 2017—2019 and, depending on the results shown, they could be extended on a permanent basis. By doing this the government prevents further growth of the largest cities and encourages the development of small and medium towns.

Keywords: China, registration, reform, hukou, urbanization, Beijing.

Kulintsev Yury (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

The International Aspects of “One Belt, One Road” Initiative's Implementation in Shaanxi Province

The article covers some aspects of political, economic, cultural and humanitarian characteristics of “One Belt, One Road” initiative's implementation in Chinese Shaanxi province. The author reveals main directions and shows new opportunities for telecommunication, animation, exhibition and logistic sectors of regional economy which might be expanded and implemented within the framework of international cooperation.

Keywords: “One Belt, One Road”, international cooperation, China, Shaanxi, Silk Road Economic Belt.

Em Pavel (Institute of Geography, Russian Academy of Sciences)

Urbanization in DPRK: an Attempt of Critical Analysis

Urbanization is a naturally determined process of urban development, accompanied by a growing role of cities in a society. As an integral feature of industrialization, urbanization can be an indicator able to assess the level of a country's economic development.

Six out of ten people in the DPRK reside in urban area in accordance with the official statistical data. The author has realized the necessity of critical analysis of urbanization during his trip to the country because the North Koreans urban lifestyle is different from many other countries. This paper represents an attempt to highlight the features of the process under study as well as an effort to assess the real DPRK urban population rate.

Keywords: DPRK, urbanization, city, urban lifestyle.

Zakharova Liudmila (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

Tourism Development in the DPRK: Current Situation and Prospects

Although in the world media North Korea often appears as a closed backward country, the number of tourists visiting the DPRK continues to grow, as well as the

number of attractions designed to attract holidaymakers. Under Kim Jong Un international tourism has become one of the ways to ensure the inflow of foreign currency and to attract foreign investors. The country is turning more open to foreign tourists due to the policy of the current leadership. One can see the results in the field of geographical openness, institutional reforms and improvements in infrastructure.

At the same time, the majority of foreign tourists still come to the DPRK from the north-eastern provinces of China, especially from Jilin. In the situation of tightening international pressure and tense military and political situation on the Korean peninsula it will be very difficult for North Korea to attract big foreign investments and to achieve a substantial increase in the number of foreign tourists. In this regard, an alternative direction for the development of the tourism sector in the DPRK may be further expansion of domestic tourism.

Keywords: DPRK, economy, tourism, Kumgangsán, special economic zones.

Sinyakova Anna (MGIMO University)

South Korea: when “Ecology” Means “Economy”

50 years of intensive industrial development of “brown” economy in the Republic of Korea resulted in a vast fossil fuels consumption. In the 1990s South Korea did not support Kyoto protocol though later it was signed and ratified. In 2008 the Program of low-carbon economic growth was announced, and in 2015 ROK voluntary launched national Korea Emission Trading Scheme in order to reduce greenhouse gas emission. National Basic Energy Plan 2008—2030 faced a range of both predictable and unexpected difficulties that led to revision of the stated figures, and the Second National Energy Plan was announced in 2014.

The article is focused on the mechanisms and the reasons of political decision-making for environmental economic growth and the results achieved by South Korea.

Keywords: economic growth, sustainable development, energy, the Republic of Korea.

Leshakova Natalia (Institute of Asian and African Studies, Moscow State University)

“Creative Economy” as a New Source of Economic Growth for South Korea

On the threshold of the 4th industrial revolution more and more attention is paid to the “economy of knowledge” and “creative economy”. The Republic of Korea is one of the few countries which has adopted and implemented “creative economy” concept at the state level. For the first 3 years of the implementation the Republic of Korea showed rather controversial economic results. However the

main economic indicators show positive development and promising prospects for the future.

The report gives basic definitions and characteristics of the “creative economy”, and describes which fields it can be referred to. The author describes main prerequisites for “creative economy” implementation in the country and main goals and objectives of the government. The report gives basic financial, infrastructure and legislation tools of the program realization. Special attention is given to the role of the domestic TNC in the “creative economy” development. Analysis of the main economic indicators of the Republic of Korea for the last 3 years is provided.

Keywords: innovative economic policy, techno polis and innovation center, innovation technologies, large domestic conglomerates (TNC).

Ignatov Alexander (Higher School of Economics)

Russia-South Korea Cooperation in the Energy Sphere under Economic Sanctions

In the article the author touches upon the issue of Russia-South Korea relations in the sphere of energy under economic sanctions imposed on the sensitive sectors of Russia's economy. The author analyzes the current condition of Russia-South Korea energy cooperation, its strategic basis, and the arising formats of cooperation in energy. The main conclusion is that due to incompatibility of the existing long-term obstacles and short-run benefits, Russia-South Korea energy cooperation will face a negative trend.

Keywords: South Korea, Russia, energy, forecast.

Samsonova Viktoria (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science).

Russia-ROK Economic Cooperation: Prospects and Challenges

The year of 2016 was marked by a number of significant events which emphasize South Korean companies' interest to the investment projects on the territory of Russia. In particular, it is confirmed by the participation of President Park Geun-hye in the East Economic Forum in September 2016 and holding of the 15th meeting of Joint commission on economic, scientific and technical cooperation between Russian and South Korea in August 2016. However, the actual situation in bilateral economic cooperation is not good enough. There are uncertainties with the realization of some announced joint projects, problems with bilateral trade, and lack of interest from South Korean business to participate in priority development areas which are actively promoted by the Russian government.

Keywords: ROK, investment cooperation, priority development area, sanctions, trade turnover.

Platonova Varvara (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

Strategies of South Korean Companies for Entering Russian Market

Starting from the 1990s, South Korea is intensively opening its MNSs' branches all over the world, exporting not only mass market goods, but the culture. Campaigns for entering the market and their essence highly depend on the market needs and its demands.

Branded South Korean goods, known world-wide, create a kind of complementary situation for other products from South Korea. On one hand, it opens unexpected opportunities for South Korean businesses. On the other hand, it limits the business as South Korean companies need to prove the set level of the goods' quality with other exported products and services. The existing total orientation on export makes South Korean business a hostage of its own success that sometimes is not justified.

Keywords: South Korea, strategy, export, Russia, trade.

Matveeva Natalia (Russian State Social University)

The Strategy of Economic Development and Modernization of the Republic of Korea: an Example for Russia?

The questions concerning the development and modernization of the economy are nowadays among the most frequently discussed topics of Russia's domestic politics. In these discussions several countries are usually named whose successful strategies could serve as examples for Russia. Among these the Republic of Korea is one of the most frequently mentioned.

This paper looks at the main features characterizing the South Korean model of economic development and modernization and highlights those of them that, according to the author, are present in the modern Russia or could be created and utilized in order to assist the development of the Russian economy.

Keywords: Russia, Republic of Korea, economic development, modernization, strategy.

Polkhova Ekaterina (Saint-Petersburg State University)

The Institutional Peculiarities of Russia—Japan Trade and Economic Cooperation

Since Prime Minister Abe visited Sochi in May 2016 economic relations between Russia and Japan have changed their trajectory. According to the new approach trade and economic relations are expected to become a strong base for the resolving of the peaceful treaty problem and territorial dispute. The role of business community in this process is significant. The main reason for it is the contribution of special business organizations forming institutes promoting bilateral

cooperation between the two nations. Such organizations help different companies to develop their networks at the level of companies and to promote their interests to ministries, federal and local government.

The report renders the key functions of business organizations and mechanisms they use to change the existing institutes between Russia and Japan.

Keywords: Japan, Russia, economy, cooperation, institutes.

Fainshmidt Roman (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Transformation Prospects of EAEU—Vietnam Free Trade Area into EAEU—ASEAN FTA

In the framework of the given article here is conducted an analysis of EAEU-Vietnam free trade area development (officially launched on October 5, 2016) in the context of its possible expansion up to the model EAEU-ASEAN involving the whole region of South East Asia what finally can lead to the creation of large-scale interregional FTA based on economic interaction between two significant integrational groups such as the Eurasian Economic Union (EAEU) and ASEAN.

Nevertheless, although this format of collaboration is seen to be attractive for a number of companies and state institutions as well as mutual interest of each party takes place, here is a group of issues, especially related to the EAEU member states due to their intentions on carrying out reindustrialization and reinforcement of economies' technological base that is specifically connected to Russian internal economic plans.

Keywords: free trade area, EAEU—Vietnam, EAEU—ASEAN, reindustrialization, import substitution, trade balance.

Shchenkova Tatiana (En+ Group)

Energy Security in Northeast Asia

Energy security has become one of the key priorities for Northeast Asian countries (NEA). In recent years, NEA countries, namely Russia, China, Japan, South Korea, North Korea and Mongolia, have faced a number of political and economic challenges both on the global and regional levels. Lack of collective mechanisms to deal with potential energy crises in the region pushes the countries of Northeast Asia to seek unilateral mechanisms in ensuring energy security.

This report represents an attempt to analyze the current status and conditions necessary for the construction of regional energy security system in Northeast Asia.

Keywords: Northeast Asia, China, Russia, economy, energy, security.

Culture and society

Kovlekov Kirill (Institute of Modern Languages and International Studies n.a. M. K. Ammosov, North-Eastern Federal University)

“Otaku” Subculture: Japanese Experience of Opposing Cultural Expansion

Globalization process shares an interdependent association with an idea of cultural expansion. One of the ways to oppose assimilation is to achieve cultural integration. One of the successful examples is an example of Japanese culture. It managed to overcome the challenge of post-war crisis by the generation of “otaku” subculture. “Otaku” caused the synthesis of national culture with global tendencies on the platform of cultural industry (anime, manga, ranobe etc).

Therefore, Japanese experience of opposing cultural expansion, i.e. assimilation, is essential to the development of world culture. Further research may prove useful to the cause of deep understanding how globalization affects culture, and by what means it is possible to deal with foreign “soft power”.

Keywords: Japanese culture, globalization, otaku, cultural expansion, cultural integration, soft power.

Bezprozvannaya Yana (Kuban State University)

Reflection of Russian-Japanese Relations in the Ukiyo-e

The article deals with the Tokugawa era Japan relations with Russia in the middle of the 19th century and its reflection in woodblock printing ukiyo-e. Also, the article provides an analysis of how Russian culture was depicted in one of ukiyo-e genres, yokohama-e, by Japanese people after the opening of Japan in 1854.

Keywords: Russian-Japanese Relations, Tokugawa era, yokohama-e, ukiyo-e.

Stavrov Ivan (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far Eastern Branch of RAS)

The Study of Russia's image in China: on the Example of Lee Suian's Works

The evolution of representations of Russian and Chinese people has a long history. Throughout the long history of Russian-Chinese relations the interest of both partners has been increasing. This process affects and changes the image of Russia in China. In the last fifteen years China showed a significantly increasing interest in the study of the image of Russia. There were dozens of scientific articles on this issue. The book by Professor Lee Suian outlined the representation of the USSR / Russia for the whole period of the PRC.

Keywords: Russia, China, image, Lee Suian.

Skosyrev Vladimir (Institute of Asian and African Studies, Moscow State University)

Chinese Political Observers and Blogging Community on Sino-Russian Relations

Today both Russian and Chinese officials say that the two countries have their ties on the highest level in history. However, there are some contradictions in Sino-Russian relations. Unfortunately, stereotypes about Sino-Russian relations are widespread both among Russian and Chinese citizens. This fact becomes clear if one takes a look at the publications of Chinese blogging community in which the issue of Sino-Russian relations is frequently raised. In this article we analyze a series of publications in Chinese internet, which focuses on the problems of Sino-Russian relations.

Keywords: China, Sino-Russian relations, Internet, Chinese blogging community.

Semenov Alexey (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science)

Political Transformations of China and the State-NGO Interaction

During recent decades, non-governmental sector in China has grown considerably. The weakening of state control over the economy and society after the start of economic reforms in 1978 contributed to the rapid increase in the number of NGOs in the PRC. However, the degree of NGO's independence from the Chinese government remains quite low.

The legislative base remained poorly developed and fragmented for a long time. Only in recent years Chinese authorities have paid close attention to the legislative regulation of NGOs' activities. The author examines the approach of the Chinese government to cooperate with both Chinese and foreign NGOs.

Keywords: China, NGO, civil society, legislation of China.

Sanin Konstantin (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

The Great Tea Road as a Part of “Silk Road Economic Belt” Initiative

Due to formation and implementation of Chinese “Silk Road Economic Belt” initiative, the ancient Russian — Chinese trade route, which flourished during 18th — 19th centuries and is commonly known as the Great Tea Road, acquires new significance. Today, the historical legacy of the Great Tea Road serves as an important basis for the development of trans-border cooperation between Russia, Mongolia and China.

This report represents an attempt to examine the cooperation between Russia, Mongolia and China, which is focused on the rejuvenation of the historic trade

route, and on the analysis of the attitude of Chinese experts, politicians and civil servicemen to the possible implementation of the “Silk Road Economic Belt” initiative concerning the collaboration with Russia and Mongolia.

Keywords: China, humanitarian cooperation, history, trade, infrastructure.

History

Sadakov Denis (Vyatka State University)

US Leadership and Division of Korea (1945—1948)

Korea was divided because of a complex set of factors, both external and internal. However, it is important to emphasize that the Allies, shaping the postwar world during the Second World War, took responsibility for the construction of a unified and independent Korean state after the liberation of the peninsula from the Japanese army. Therefore the responsibility for the division of Korea is in the first place the responsibility of external forces.

Korean problem was discussed between Allied powers on the United States initiative and under the United States leadership. The purpose of the report is to highlight the key decisions taken by the US on the way to the division of Korea, to identify Washington's objectives and to analyze the consequences of the implementation of US initiatives, which will allow to evaluate the effectiveness of American leadership in the Korean settlement.

Keywords: United States, Soviet Union, foreign policy, the United Nations, Soviet-American relations, division of Korea, WWII postwar settlement.

Roman Lobov (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

The Republic of Korea's Policy towards Japan in the 1950s

During the 1950s the Republic of Korea was forming new approaches to the understanding of foreign policy towards Japan. In particular, the actualization of the historical heritage issue in bilateral relations, that was a main part of the President Park Geun-hye's Japanese policy, was typical of the Japan-Korea relations in the 1950s. The forming of foreign policy doctrines in Tokyo and Seoul after the World War II resulted in the official statements of both countries on the Dokdo issue.

In this paper, on one hand, we consider the conditions, issues and factors, that had an impact on the development of bilateral relations, and, on the other hand, role of inner and internal factors in negotiation process between the Republic of Korea and Japan in the 1951—1960s.

Keywords: Republic of Korea, Japan, foreign policy, negotiations, talks between the RoK and Japan, international relations in the East Asia.

Khalikov Niaz (Kazan Federal University)

Republic of Korea Armed Forces in Foreign Armed Conflicts and UN Peacemaking Missions

Today the region of East Asia is becoming one of the main world's centers of attraction. Redivision of the world is happening now, and Asian countries stop playing the role of a "supporting actor". They have an increasing influence on political, economical, as well as on military and humanitarian areas.

One of the region's countries, which has become an active participant of international operations of both military and humanitarian nature, is the Republic of Korea. In spite of global recognition, that the country gained at the end of 20th century as an economical and technological giant, its history as an active participant of missions mentioned above is not so well-known. In our opinion, it needs to be researched and given an impartial assessment, which we tried to provide in this paper.

Keywords: Republic of Korea, UN, peacemaking, armed conflicts, humanitarian assistance, security, stability.

Liu Liqiu (Far Eastern Federal University)

Sinologist A. Rudakov (1871—1949): through the Pages of his Autobiography

This article is dedicated to a far-eastern sinologist A.V.Rudakov, who worked for a half century (1899—1949 ys.) at the high schools of Vladivostok and contributed to the development of Sinology, including teaching of the Chinese language. The documents extracted from regional and central archives of Russia were the basis of this paper.

Keywords: sinologist A. Rudakov, the autobiography of the scientist, the history of the study of the Chinese language, the history of Chinese Studies, Oriental Institute in Vladivostok.

Yakovkin Evgeniy (College of Olympic Reserve of Perm region)

Russian Emigrants in the Police Structures of the Manchu-Di-Go: 1932—1945

With the formation of Manchukuo in 1932, the new state government began to recruit Russian emigrants to serve in the police. The main two reasons for them to accept this offer, among many others, were ideological and economic issues. Russian emigrants were employed in the mountain forest, Railway Police, as well as in the state security structures of Manchukuo.

This article focuses on training, schooling and activities of Russian emigrants in the police of Manchukuo.

Keywords: Manchukuo, Russian emigration, China, Manchuria.

Kharitonova Anna (Saint-Petersburg State University)

China's Foreign Policy in Relation to the Indochina during the 1950s and 1960s

After the proclamation of the PRC its leaders faced the challenge for the return of the traditional Chinese domination in Indochina and South Eastern Asia as a whole, lost in the XIX century with the arrival of Europeans in the region. On the other hand, the countries of Indochina have been actively trying to set independent policy by building a new system of relations with the “northern neighbor.” By means of establishing diplomatic relations with China, Indochina countries have tried to regulate the activities of Beijing and to protect themselves from Chinese interference in their internal affairs.

However the USSR and the U.S. interfered in the restoration of traditional Chinese influence. This report will focus on the main topics of Chinese politics in this region during this period.

Keywords: People's Republic of China, Indochina, China's foreign policy, USSR, USA.

Научное издание

Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии

**Доклады, представленные
на IV международной конференции молодых востоковедов
в Институте Дальнего Востока РАН
(Москва, 17—18 ноября 2016 года)**

Редактор *М.А. Кириченко*
Корректор *М.А. Кириченко*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 16.09.2017.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 22,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 13

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.